РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Бажан М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Бэкман В. Э.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Гафуров Б. Г.
Грабарь-Пассек М. Е.
Грибанов Б. Т.
Егоров А. Г.
Ибрагимов М.
Иванько С. С.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Рензов Б. Г.
Сомов В. С.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федоренко Н. Т.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Чарноуцан И. С.
Чхиквишвили И. И.
Шамота Н. З.

ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО

ПЕСНЬ О ГАЙАВАТЕ

●

УОЛТ УИТМЕН

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

●

ЭМИЛИ ДИКИНСОН

СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1976

Вступительная статья
Е. Осеневой

И(Амер)
Л 76

© Издательство «Художественная литература», 1976 г.

Л $\frac{70404\text{-}029}{028\,(01)\text{-}76}$ подписное

ТРИ КЛАССИКА АМЕРИКАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Судьба их сложилась по-разному.

Генри Уодсуорт Лонгфелло (1807—1882) сполна насладился славой, какая нечасто достается поэту при жизни. Он завоевал ее едва ли не первыми своими поэтическими выступлениями, сумел удержать на долгие годы и упрочить.

Первое издание уитменовских «Листьев травы» в 1855 году современники встретили неодобрительно, трудности сопутствовали и каждому прижизненному переизданию сборника. И все же, хотя Уолту Уитмену (1819—1892) приходилось терпеть и материальные невзгоды и недоброжелательство критиков, имя его пользовалось известностью, а значение в американской литературе было понято довольно быстро если и не на родине поэта, то в Англии, во всяком случае.

Но вот уж амхерстские обыватели, провожавшие в 1886 году в последний путь свою странную соседку, никак не могли предположить, что всего через четыре года появление ее стихов в печати вызовет сенсацию, что и городок-то их войдет в историю как родина Эмили Дикинсон (1830—1886), место, где прошла ее жизнь.

Время прокорректировало оценки современников: оно уравновесило прижизненную славу Лонгфелло изрядной порцией отрицательных критических отзывов и охлаждением к нему читателей; оно подтвердило место Уитмена в американской поэзии как великого ее реформатора, взрастив его последователей и в США, и в других странах; оно с лихвой вознаградило Дикинсон за жизнь, прожитую в безвестности, назвав ее крупнейшим поэтом Америки; оно поставило этих трех поэтов в один ряд — классиков американской литературы.

Творчество каждого из них, будучи вехой в развитии американской поэзии XIX века, той или иной стороной соприкоснулось с американским романтизмом, по-своему откликнулось на него.

Лонгфелло стоит у его истоков, в его стихах отразились особенности и противоречия этого течения.

Уитмен выступил в эпоху, когда романтизм изживал себя частью в бесплодных подражаниях эпигонов, частью в претензиях на философичность у бостонских поэтов. В стране зрела гражданская война, но проблемы, составлявшие содержание общественной жизни, не находили себе доступа в поэзию. И Уитмен ринулся в бой с обветшалой эстетикой романтизма. Он полемизировал с романтизмом и стихами, и в газетных выступлениях. Эта полемика, несомненно, обновила американскую поэзию, научила ее новым способам выражения, однако во взгляде своем на американскую действительность, на перспективы развития американского общества Уитмен во многом оставался романтиком, и следы романтизма явственны в его творчестве, несмотря на все его грозные инвективы против романтического в поэзии.

Эмили Дикинсон ни борцом, ни революционером в поэзии себя не считала, однако стихи ее совершенно новы по мироощущению и полнее, чем уитменовские, порывают с романтической традицией.

Пафос творчества трех поэтов, их отношение к окружающему, к своей стране и ее проблемам можно уподобить трем возрастам человеческим. Лонгфелло и Уитмен — это, соответственно, ясное, полное надежд детство и мужественная зрелость американской поэзии. Дикинсон же — это мудрая старость, когда на смену вдохновенному энтузиазму приходят печальная прозорливость и горький скепсис.

В том, как каждый из них вступил в поэзию и прозвучал в ней, есть нечто чудесное. Чудесно рожденье большого поэта в маленьком журналисте, «разнорабочем литературы» Уитмене. Чудесен контраст тихой и замкнутой «праведной» жизни старой девы из Амхерста и ее бунтарских стихов. Чудесен отклик, который возымели стихи Лонгфелло в стране, еще незадолго перед тем по-пуритански чуравшейся искусства, в особенности искусства, созданного не рассудком, но чувством.

Годы юности Лонгфелло — 20—30-е годы XIX века, время больших перемен в духовной жизни США. Успехи промышленной революции, развитие буржуазных отношений разрушали пуританские догматы и их влияние на умы, в страну проникали идеи немецкой идеалистической философии и утопического социализма, образовывались и росли различные религиозные секты и среди них — важнейшая по значению — секта унитарианцев, заменившая убеждение в греховности человеческой природы гуманистическим понятием о человеке как о «любимом детище господа, сотворенном по его образу и подобию», а потому преисполненном совершенства и благости. Унитарианцы проповедовали равенство людей, веротерпимость, уважение к человеческим правам. На основе их учения возникло специфически американское преломление европейского идеализма — трансцендентализм, провозглашавший божественность человека, божественность интуитивного разума, повинуясь которому человек может приблизиться к идеалу, усовершенствовать себя и окружающий мир.

Сбросивших оковы пуританизма молодых американцев неодолимо повлекло за собой искусство. Усваивались уроки европейского романтизма —

мадам де Сталь, «Озерная школа», Вальтер Скотт, Гете. Крепли голоса и собственно американских писателей и поэтов — Вашингтона Ирвинга, Купера, Брайанта, По. Развивался американский романтизм. Можно ли называть его подражательным? Несомненно, на него повлиял опыт европейских писателей-романтиков. Но, как писал глава движения унитарианцев Уильям Эллери Чаннинг, «для того чтобы воспринимать великие уроки, надо и самому обладать великой душой». «Великой душой» американской литературы начала XIX века был процесс преобразования страны.

Территориальный рост США, поток иммигрантов со всех концов света, экономические успехи — все внушало оптимистическую уверенность в великом предназначении Америки, в ее неограниченных возможностях. И хотя растущий меркантилизм американского общества, экспансионистская политика правительства, обостряющиеся классовые противоречия внушали известную тревогу наиболее дальновидным мыслителям, все же вдаль манил громадный, еще не заселенный материк и казалось, что нет таких трудностей, которые не смогла бы преодолеть молодая американская демократия.

Американское искусство, учась у европейского, в то же время отстаивает свою самобытность.

Двадцатые — тридцатые годы для США — время роста национального самосознания. Бурно развивается американская историческая наука, публикуются материалы из истории американской Войны за независимость, готовится двадцатипятитомник биографий знаменитых американцев. В 1834 году начинается выпуск в свет «Истории США» Банкрофта, монументальнейшего исторического труда тех лет. В 1828 году Ной Вебстер издает свой «Американский словарь», впервые зафиксировавший отличия американского варианта английского языка. В 1832 году с идеей защиты самобытной национальной литературы выступает Эмерсон в своей статье «Американский ученый». Американская литература, усваивая наследие европейской, ищет свой путь.

На волне этого «гуманитарного взрыва» возникает фигура Лонгфелло, человека, соединявшего в себе поэтический талант и эрудицию филолога, знатока европейских языков и литератур. Не это ли сочетание черт, столь остро необходимое моменту, позволило ему двинуть вперед американский романтизм и стать одним из его выдающихся поэтов?

Лонгфелло прожил тихую жизнь. Даже трагические события, несомненно, горестные для него,— смерть первой жены, гибель второй,— не нарушают благостности и покоя, которыми дышит жизнь Лонгфелло — профессора иностранных языков и литератур вначале Боудойнского колледжа, а затем Гарвардского университета, кабинетного ученого, жизнь, чей мерный ход разнообразился лишь путешествиями в Европу. Впечатления Лонгфелло, приобретенные им за время этих путешествий, оказались весьма обширны. Он глубоко постигает культуру европейских стран, их прошлое, их литературу. Знания Лонгфелло-филолога были весьма основательны. Он

переводит испанского поэта XV века Хорхе Манрике и шведского поэта XIX века Тегнера, Гейне и Лопе де Вега, Уланда и Малерба, пишет статьи о французской, итальянской, испанской поэзии, составляет учебники французской и итальянской грамматики, увлекается Гете и немецкой поэзией. В 1845 году он издает антологию «Поэты и поэзия Европы», включающую более четырехсот переводов со многих языков; часть этих переводов была выполнена самим Лонгфелло. В том же 1845 году он редактирует антологию стихов английских поэтов и пишет к ней вступительную статью. В 1870 году вышел его перевод «Божественной Комедии» Данте. Свидетельства незаурядной филологической образованности Лонгфелло в его поэтическом творчестве поистине бессчетны.

Но вряд ли можно назвать кого-либо в европейской поэзии, чьим учеником и последователем был Лонгфелло. Он обогатил свою поэзию и тем самым поэзию американскую опытом европейской культуры в целом. Эта культура плотью и кровью впитывалась им, ее мотивы и элементы становились не просто деталями, сообщавшими дополнительные краски его собственным стихам: он поглощал их, делал «своими»— настолько же, насколько был для него «своим» его непосредственный жизненный опыт. И потому, например, облик старых городов (сборник «Башня в Брюгге и другие стихотворения») он рисует не только живописными средствами, то есть обращаясь к впечатлениям чисто зрительным, но и воскрешая в памяти страницы старых книг, старинные полотна, страницы истории. Прошлое и настоящее сливаются у него воедино, создавая особый мир — мир поэзии Лонгфелло, романтика, «сдружившего явь с мечтой», как сказал он о себе в последнем своем стихотворении. Впрочем, в «особости» романтизма Лонгфелло немало сугубо американского: это типично американский вариант романтизма — устремленный в будущее, оптимистический, чей конфликт с действительностью — конфликт весьма условный и весьма похожий на дань литературной моде. Конечно, как уже было сказано, в основе «ссоры» американского романтизма с действительностью лежали вполне конкретные жизненные противоречия. Но столь же конкретны были и причины относительно неглубокого характера этой «ссоры»; заключались они в особенностях развития американского капитализма, и впрямь дававшего тогда пищу для иллюзорной веры в «великую американскую демократию», способную якобы преодолеть все «временные трудности» на пути к «лучшему будущему», к процветанию Америки. Эта вера примиряла с действительностью Вашингтона Ирвинга и Джеймса Рассела Лоуэлла, сообщала оттенок либеральной ограниченности учению Эмерсона.

Этими же особенностями современного ему американского сознания отмечено и творчество Лонгфелло. Показательно уже первое из напечатанных им стихотворений. Называлось оно «Битва у Ловелз-Понд» и было посвящено историческому событию — происшедшей в начале XVIII века битве белых и индейцев. Здесь нет изображения самой битвы, уловлен лишь отзвук ее, когда утихли «и крики солдат, и клич краснокожих» и тишина спу-

стилась над полем сражения. Вслушиваясь в тишину, поэт равно славит храбрецов-воинов обеих сторон. Конфликт, таким образом, сглаживается, снимается. И в этом весь Лонгфелло — острые драматические ситуации, душевные бури, кипение страстей — все признаки романтизма европейского чужды ему. Недаром поэту не давалась драматическая форма. Ну, а меланхолия, тоска по безвозвратно ушедшим и безвозвратно утерянному, элегическая грусть, подымающаяся в сердце от созерцания вечного круговорота жизни? Такая, не менее типичная, ипостась романтизма ближе темпераменту Лонгфелло. Но и эти чувства в его стихах лишены напряженности. Грусть, часто разлитая в них, тиха и как бы даже приятна.

Лонгфелло был человек тихий и скромный, он страдал от шума, яркого света, многолюдья, не любил чрезмерностей, в пристрастии к которым упрекал даже Шекспира. В романтизме, по его признанию, его настораживала склонность к вычурности, темнота выражения. Его собственные стихи просты, любимый жанр его — баллада, то есть жанр демократический, популярный. И именно в этом жанре его ожидали поэтические удачи. Резкая светотень, противопоставление белого и черного, света и мрака, добра и зла — прием, обычный в поэтике романтизма, почти не используется Лонгфелло, его стихия — мягкие сумеречные полутона.

Корень элегической мягкости произведений Лонгфелло не только в особенностях его темперамента, но и в том, что он, как и большинство современных ему американских поэтов-романтиков, в общем, не видит оснований говорить «нет» окружающей действительности. Сердцевина романтизма — неприятие жизни как она есть — в стихах Лонгфелло выхолощена. То, что составляет смысл и суть романтизма, для Лонгфелло лишь прием, лишь «тема», и потому он порой балансирует на грани банального.

Так по-лонгфелловски приглушен романтический пафос борьбы с несправедливостью в его известных «Песнях о рабстве» (1842). Мелодия, которая прозвучала бы бурей у Байрона, здесь исчерпывает себя в сентиментальных штампах и даже нотах явно фальшивых. Отметим, однако, что для современников Лонгфелло фальшивые ноты фальшью не звучали, а сентиментальность его не казалась сентиментальной, ибо сглаженность конфликта — не «недостаток» поэзии Лонгфелло, а особенность американского романтизма вообще, ярко у Лонгфелло проявившаяся.

И так же характерна для американского романтизма склонность Лонгфелло морализировать, прямо декларировать идею произведения, не довольствуясь образным раскрытием ее.

Выдвигая, в противовес культу «разума», культ «интуиции» и культ «чувства», американский романтизм все же с разумом полностью не порывает, ибо действительность не дает романтикам повода целиком разочаровываться в возможностях ее разумного усовершенствования. Отсюда морализаторство, рационалистичность, неприемлемая для романтизма европейского и вполне согласовывавшаяся с культом чувства, «интуиции», в произведениях Эмерсона или Лонгфелло.

Даже образ у Лонгфелло строится рационалистически: не буйство метафор, лишь «подталкивающих» к отгадке значения, лежащего за пределами сказанного, ожидает читателя в его стихах, но рационалистическая выверенность сравнения.

Черты, являвшиеся порождением времени, не могли охладить энтузиазма, с которым творчество Лонгфелло воспринималось читателями, и, может быть, они как раз и способствовали его необычайной популярности. Когда в 1882 году Лонгфелло умер, не только в Америке, но и в Англии был объявлен траур. Теперь же нам многое в его творчестве кажется устаревшим — и его сглаженно-сентиментальная трактовка романтических «конфликтных ситуаций», и даже те ставшие при его жизни хрестоматийными произведения, где он воспел двигавшую миллионами «американскую мечту», стойкость, с которой его соотечественники, веровавшие в великое будущее Америки, встречали все невзгоды и преодолевали все препятствия.

Жизнь великих призывает
Нас к великому идти,
Чтоб в песках времен остался
След и нашего пути.

Менее других устарели те стихи Лонгфелло, в которых он был наиболее верен себе и особенностям своего элегического темперамента, в которых он, принимавший ход жизни, считавший его в конечном счете справедливым и оправдывавший его, все же грустит о невозможном и невозвратном. Среди этих гармонических, истинно «лонгфелловских» произведений наиболее гармоническое — поэма, пережившая автора, пережившая его славу,— «Песнь о Гайавате».

В «Песни о Гайавате» слились воедино Лонгфелло— выученик европейского романтизма и Лонгфелло — борец за национальную американскую литературу. В полном согласии с принципами романтизма, романтизма европейского, характеризующегося, в частности, пристальным вниманием к национальному прошлому, Лонгфелло воскрешает в своей поэме прошлое Америки. Он обращается к индейскому эпосу, индейским преданиям, черпая при этом и из сокровищницы европейской культуры. Так, для поэмы он выбрал стих финского эпоса «Калевалы» — белый четырехстопный хорей с женскими окончаниями. Знание индейского быта и его реалий, индейских обычаев и устного творчества, полученное Лонгфелло из трудов ученых, он подчиняет творческой задаче, для решения которой иной раз может пренебречь исторической точностью. И так ли важно, что поэт соединил воедино доподлинного исторического деятеля XVI века, основателя лиги ирокезских племен Гайавату, и индейское божество Таронхайавагона, если в память поколений врезались строки:

Если спросите, откуда
Эти сказки и легенды...

Пафос поэмы Лонгфелло — романтическая тоска о жизни первобытно-гармонической и ясной, столь же ясной, как ясны были письмена, которым обучил свой народ Гайавата:

Для земли нарисовал он
Краской линию прямую,
Для небес — дугу над нею,
Для восхода — точку слева,
Для заката — точку справа...—

тоска о жизни, безвозвратно прошедшей. В поэме нет риторики, натянутости, морализирования, обычного для Лонгфелло, потому что здесь ему не надо упрямо бороться с реальностью, возглашая гармонию там, где ее нет. Здесь романтизм Лонгфелло воскрешает гармонию былого; свободно и естественно преображаясь в эпос, он эпосом не становится, ибо все время сохраняется дистанция между «было» и «есть», сохраняется и мастерски передается читателю авторское отношение к прошлому как к прошлому и к гармонии этого прошлого как к гармонии недостижимой. Настроение меланхолии, светлой печали одушевляет «Песнь о Гайавате», придает единство и особую тонкую поэтичность картинам природы, переложениям народных легенд, сообщает поэме неувядаемую прелесть.

Уже во вступлении к «Песни о Гайавате» возникает тема смерти, тема утраты. Индейские слова, индейские названия, столь многочисленные в поэме, тоже рождают у читателя щемящее грустное чувство: Лонгфелло как бы восстанавливает их, как восстанавливают надписи на стершихся могильных плитах. Поэт-романтик Лонгфелло грустит о гармонии мира и рассказывает нам сказку о «золотом веке» — времени, когда «еще для смертных // Небеса и сами боги // Были ближе и доступней».

Мир «Гайаваты» отнюдь не «бесконфликтен» — он полон кровавых поединков и битв, в нем есть место невзгодам и даже невосполнимым утратам. Но и трагические события не нарушают цельности, конечной гармонии этого мира. Так, поединок не на жизнь, а на смерть между Гайаватой и отцом его, «владыкой ветров» Мэджекивисом, оказывается лишь «испытанием на мужество», измышленным для Гайаваты Мэджекивисом. Печальные исходы многих ссор и столкновений «Гайаваты» не вносят диссонанса в этот мир гармонии, ибо в соответствии с незыблемой моралью сказки утверждают добро, карая зло. (Так погибают злые чудовища Мише-Моква и Мише-Нама; превращаются в птиц, а затем в пигмеев злые люди, смеявшиеся над немощью Оссэо; умирает жестоко обидевший Гайавату По-Пок-Кивис). Гармония не нарушается, и даже смерть, оставляя в природе созидательный след, обнаруживает себя как некая грань бытия.

Все доброе и прекрасное также в конечном счете смертно, но по законам сказки, добрых ожидает за гробом вечное блаженство, и знание это, затверженное с детства, с первых уроков матери Нокомис, умеряет скорбь Гайаваты по другу его Чайбайабосу и по прекрасной Миннегаге.

«Песнь о Гайавате» воплощает романтический идеал — мечту о гармонии, о снятии всех противоречий, и первый же эпизод поэмы, когда собравшиеся «пред лицо Владыки жизни» послы всех народов по его велению зарывают в землю палицы и закуривают Трубку Мира, задает тон дальнейшему повествованию, являясь ключевым в смысловом отношении.

Точно так же воплощает романтический идеал главный герой поэмы Гайавата. Согласно пантеистическим воззрениям романтиков, в частности, Эмерсона, природа и человек тождественны и едины; велик тот, кто наиболее полно слит с природой, чей интуитивный разум способен воспринимать, постигать и интерпретировать ее. И подлинно велик Гайавата, с детства научившийся понимать природу, свободно общаться со всем живым и неживым в природе, знать ее язык. Знание это не раз выручает Гайавату, помогает ему в его подвигах и в его великих мирных деяниях.

Гайавата создан как идеально-романтический герой, объединяющий в себе черты поэта и воина, человека действия: он призван освободить мир от чудовищ, и вместе с тем он понимает «голоса природы», первый лук ему смастерил «рассказчик сказок Ягу», ближайшие друзья его — силач Квазинд и великий певец Чайбайабос; сам он велик не только в сражениях, но и когда находит проникновенные слова, плача об умершем друге и о навеки ушедшей жене. А кто, как не поэт, по воззрениям романтиков, может стать учителем человечества?

Таким учителем и явился Гайавата, проповедовавший мир между племенами, научивший людей земледелию, давший им в руки вместо меча другое, мирное, оружие — письменность. Поэма проповедует и воспевает добрые, возвышенные чувства, и сам Гайавата — пример доброты и благородства.

Но Гайавате, герою сказочно-гармонического века, не нашлось бы места в реальной Америке XIX века, и поэт, который в силу утопичности своих воззрений на ход исторического процесса пытался в финале поэмы провести идею преемственности между гармоническим миром Гайаваты и миром современного белого американца, повинуясь художественному инстинкту, в следующем же эпизоде как бы снимает фальшь эпизода «След Белого» и рисует печальное отплытие Гайаваты на Запад. Гайавата выполнил свою миссию. Белая Америка его не увидит.

И с ним уходила эпоха романтизма в американской поэзии. Внешне это выглядело иначе. Внешне романтизм процветал: почетом был окружен Эмерсон, восторженно встречались новые стихи Лонгфелло, кумирами Бостона и Кембриджа оставались поэты-романтики — остроумец Холмс и «бывший аболиционист» Лоуэлл. Но время грозное и яркое, время, когда в стране подготавливались события гражданской войны, нуждалось в иной поэзии, поэзии действительности.

В 50-е годы Штаты сотрясались спорами северян с южанами, выступлениями аболиционистов. Борьба народа за землю, против рабовладения увенчалась некоторыми практическими результатами — в том числе отменой

рабства на территории вновь образованного штата Канзас. Идеал свободы и демократии — отвлеченный идеал передовой романтической философии, казалось, был близок к воплощению. Романтическая же поэзия приобретала все более книжный, условно-традиционный, консервативный характер. Позднего Лонгфелло, Лоуэлла, Холмса недаром прозвали «браминами». Пренебрежение «злобой дня» — вопросами социально-политическими, элитарность — вот что было свойственно бостонской «браминской» культуре, в которую в середине XIX века выродился американский романтизм.

И вот явился Уитмен. Как мог литератор, до тридцати шести лет не создавший ничего значительного, по видимости рядовой журналист и автор вполне традиционных стихов, испытать поэтический взлет, выразившийся в книге, ошеломляюще непохожей на все, что было написано до него? Этой «загадке Уитмена» находят разные, порою даже мистические объяснения. Однако едва ли тут есть почва для мистических гипотез. «Листья травы» — эту великую книгу — вызвал к жизни великий демократический подъем 50-х годов. К тому же «загадка» «Листьев травы» становится не столь загадочной, если знать подготовительную работу Уитмена — записную книжку конца 40-х годов, где можно различить наброски «Листьев травы», полные антирабовладельческого революционного пафоса стихи 50-го года, переходные от его ранней традиционно-романтической манеры к стилю подлинно уитменовскому.

В чем особенности этого нового стиля, что принес с собой Уитмен в поэзию?

У него есть строки:

> Первый встречный, если ты, проходя, захочешь заговорить
> Со мною, почему бы тебе не заговорить со мною,
> Почему бы и мне не начать разговора с тобой?

Уитмен непосредствен, он восстал против условностей романтической поэтики, воспев красоту простого жизненного факта, как раз и бывшего для него идеалом красоты.

Лонгфелло написал много поэтических книг, Уитмен — всего одну. Но он пополнял ее все новыми и новыми произведениями, в которых, в отличие от Лонгфелло, не оставался неизменным, а развивался, эволюционировал. Однако некоторые — определяющие — принципы своей эстетики Уитмен пропагандировал и отстаивал всю жизнь. Всю жизнь он боролся с романтизмом в поэзии. И дело тут не только в его личных эстетических симпатиях. Питающее романтическую эстетику противоречие идеала и действительности для Уитмена снято. Идеал — это и есть сама действительность, такая, какой она предстает человеку, поэту. Ее он и стремится выразить. Все остальное — для него лишь «орнаменты», условности, которым не должно быть места в поэзии. Великая вера в американскую демократию, переживавшую в 50-е годы период подъема, диктовала Уитмену строки его предисловия к первому изданию «Листьев травы»: «Из всех наций, когда-либо

существовавших на Земле, американская нация наиболее поэтична. Сами Штаты — величайшая поэма... Наконец-то в деяниях человека мы видим нечто, равное по своему величию природе. Американцы — это не просто нация, это нация наций. Это свободное, ничем не стесненное широкое движение масс». А потому — «Ты хочешь, чтобы твое произведение было прекрасно? Прежде всего не заботься об этом. Люби солнце, землю и людей, презирай богатство, возненавидь тиранов, проверь все, чему тебя учили в школе или церкви, и не только твое произведение — ты сам станешь прекраснейшей в мире поэмой». Девизом Уитмена-поэта становится категорическое: «Ничего во имя красоты!» Не традиционно-поэтические темы, а простой, казавшийся романтикам слишком грубым жизненный факт, деталь действительности. Не условно-поэтическая метрика, а ритм живой речи оратора или ритм моря[1]. Наконец, в противовес словоупотреблению поэтов-романтиков, не субъективная эмоция, подчиняющая себе значение слова и лишь отраженно в слове уловленная, а просто слово, обладающее, по мнению Уитмена, ни с чем не сравнимой музыкальностью и красотой.

Идеалом, источником и мерилом прекрасного провозглашена действительность, реальный мир, и он распахивается в строках Уитмена, потрясая нас своей широтой.

Уитмен поистине универсален. Он воспевает движение светил и каждый атом, каждую крохотную частицу мироздания. Эта особенность поэтического видения Уитмена отразилась и в названии его книги: мы видим траву, но кто из нас склонялся над травинкой — «листочком травы»? Лишь поэт, до неистовства влюбленный в жизнь, опьяненный ею и каждым ее ростком.

Бесчисленны зарисовки быта современной Америки в стихах Уитмена. Эти зарисовки, эти «моментальные снимки с натуры» полемичны: до Уитмена поэзия не признавала за подобным материалом эстетической ценности.

Плотник строгает доску, рубанок у него каждый раз
шепелявит с возрастающим пронзительным свистом...
...Фермер выходит пройтись в воскресенье, и останавливается
у плетня, и глядит на ячмень и овес.
Чахлый наборщик с седой головою наклонился над кассой,
Во рту он ворочает табачную жвачку, подслеповато мигая
над рукописью...

Встречи с людьми (Уитмен обладал даром легко сходиться с людьми, привлекать их и, в свою очередь, увлекаться ими), прогулки по Бруклину и Лонг-Айленду, помощь отцу в плотницком деле, работа журналиста, а в

[1] В старости, в разговорах с другом своим Траубелом, Уитмен так характеризовал ритм свободного стиха, которым написаны «Листья травы»: «Этот стих, как морские волны: они то накатываются, то отступают — лучистые и тихие в ясный день, грозные в бурю; они такие похожие, и все же не найдешь и двух совершенно одинаковых по величине и силе».

Гражданскую войну — брата милосердия в пью-йоркских госпиталях,— все это обогатило Уитмена неисчерпаемым запасом впечатлений, которые стали материалом его стихов.

В противовес романтизму, улавливающему в красоте мира лишь отраженный свет «высшей гармонии», Уитмен видит высшую духовность в самой материальности мира и слагает гимны, для романтиков немыслимые,— гимны человеческому естеству или проклинаемой романтиками современной индустрии.

Уитмен — поэт равенства, ибо все стороны жизни для него равно прекрасны, все ее проявления для него важны и полны духовного значения:

Ничтожное для меня так же велико, как и все остальное.
Что может быть меньше и что может быть больше, чем
простое прикосновение руки?
Я говорю, что все это поэмы и части не только тела, но и души,
О, все это — сама душа!

И так же полна значения жизнь каждого человека, самого обыкновенного, «массовидного».

Уитменовская любовь к народу — к народам! — не поза, ибо вырастает из любви к каждому отдельному человеку. Он преклоняется перед совершенством человеческой природы, и несоответствие между красотой и величием Человека — венца мироздания — и жалкой, а подчас и позорной участью его заставляет поэта глубоко страдать. Напомним ставшие знаменитыми строки «Песни о себе»:

Загнанный раб, весь в поту, изнемогший от бега,
пал на плетень отдышаться,
Я — этот загнанный раб, это я от собак отбиваюсь ногами.
Вся преисподняя — следом за мною, щелкают,
щелкают выстрелы...

Талант сострадания в высшей степени свойствен Уитмену, и в высшей степени развито у него умение выразить это чувство, поэтически претворить его. Потому его стихи вовсе не бесстрастное приятие всего сущего — в них слышатся и гневные ноты: это гнев против виновников человеческих страданий («Отвечайте мне! Отвечайте! // Каждого к ответу! Кто спит — разбудите! Чтобы никто не посмел увильнуть»), и солидарность с бунтарями, и прямой призыв к борьбе за свободу («Мой призыв есть призыв к боям, я готовлю мятеж»).

Но основной тон его поэзии — восхищение миром. Не всем писателям — современникам Уитмена американская действительность представлялась столь лучезарной. В те же годы, когда опьяненный мечтой Уитмен воспевал Америку, Мелвилл сказал о ней немало горьких слов в «Моби Дике» (1851) и «Израиле Поттере» (1855). Что ж, энтузиаст Уитмен не был особенно проницателен... «Положительная программа», система его взглядов, расплывчата и двойственна, как расплывчато и двойственно само понятие «американской

демократии», вера в которую питала его мировоззрение. Уитмен велик, когда говорит от имени народа, окрыленного мечтой о справедливости и лучшем будущем. Уитмен близорук, когда путает мечту и ее реальное воплощение — американскую современность. И как результат — напыщенная кичливость некоторых частей «Песни о выставке» (1871) или туманная риторика «Пути в Индию» (1868).

На склоне лет Уитмен стал зорче вглядываться в американскую действительность и испытывал порой скепсис и разочарование (книга «Демократические дали», 1871), и все же никогда его не покидала вера в то, что американская демократия жизнеспособна и жизнедеятельна и что, преодолев все трудности, она вскоре явится основой нового, справедливого общества. Эта неистребимая вера была в конечном счете романтически-иллюзорна, и, быть может, потому, несмотря на глубокий конфликт Уитмена с романтической поэтикой, в творчестве его немало рудиментов романтического. Романтические черты явственны в главном герое «Листьев травы» — лирическом «я» поэта: универсальностью, гиперболичностью своею он сродни героям Байрона, Шелли. Подобно им, он объемлет собою вселенную.

Приподнято-декламационный, подчас аффектированный, стиль книги — также черта, сближающая ее с произведениями романтической литературы. Не чужда романтической окраски и лексика Уитмена, когда он прибегает к условному «арго» интернациональных слов, используя их в качестве слов-символов, несущих идею интернационального братства народов. Охотно и опять же совсем по романтическим канонам прибегает Уитмен к «магии» индейских и местных американских названий (вспомним, что этим же приемом широко пользовался Лонгфелло в «Гайавате»).

Само сочетание лирического и эпического начал в поэзии Уитмена зачастую является сочетанием романтически-условным: «я» поэта и объективный мир не сливаются в гармоническое единство — объективный мир выступает нерасчлененной, поэтически не преображенной глыбой колоссальных «инвентариев», а «я» поэта в таких случаях становится пустой абстракцией, условно-поэтическим приемом, одним из тех приемов, которые Уитмен яростно отвергал. Невыразительность такого механического соединения демонстрирует поэма «Salut au Monde!» (1856). Пространные «инвентарии» этой поэмы служат лишь иллюстрацией идеи, высказанной в первых же ее строках, и потому они монотонны, а сама поэма — абстрактна и риторична.

Подобная иллюстративность возводилась Уитменом в творческий принцип. Отвергая поэтические красоты, он — в особенности поначалу, в годы создания первых поэм книги — отвергает и поэтические «фигуры», построенные на ассоциации, подтексте. В предисловии к «Листьям травы» 1855 года он писал: «Я не потерплю никаких ширм, даже самых живописных. Все, что я хочу сказать, я говорю прямо». К счастью, могучий талант и творческая интуиция Уитмена восставали против крайностей его же собственной доктрины. Подобно тому как отсутствие традиционного «метра» в свободном стихе Уитмена не привело к хаосу неритмичности, так и пристрастие к про-

стоте перечислений не лишило его поэзию образности, а лучшие его произведения — композиционной целостности и художественной завершенности.

Такой завершенности он достигает в «Песне о себе» (1855) — центральной поэме «Листьев травы», которая строится на параллельном развитии двух образов: травы, символизирующей единство многозначности, связь всего сущего с лирическим героем поэмы, вначале выступающим просто как личность, и личность одинокая, лишь созерцающая мир, но стремящаяся с ним слиться, достигнуть универсальности, а следовательно, и величия травы, а затем постепенно эту универсальность и это величие обретающая.

В отличие от «Salut au Monde!», в этой поэме связь лирической и эпической стихий — «я» поэта, его духовной внутренней сущности и объективной реальности «вещного мира» — связь не внешняя, не механическая. Поэма строится как постепенное соединение этих двух стихий. Каждое перечисление здесь подчинено композиционной задаче, в нем можно различить внутреннюю связь. В финале поэмы образ «травы» и «я» поэта — уже нерасторжимы:

> Я завещаю себя грязной земле, пусть я вырасту моей
> любимой травой,
> Если снова захочешь увидеть меня, ищи меня у себя
> под подошвами.

Шедевром гармонической завершенности является поэма Уитмена «Когда во дворе перед домом цвела этой весною сирень» (1865). Содержание поэмы — это не только скорбь по безвременно и трагически погибшему президенту Линкольну, чьим идеям Уитмен был предан всей душой и которого он горячо любил и высоко чтил, но и описание трудного пути человека к постижению и приятию смерти как предшественницы жизни, как начала ее, путь от мрака к свету, от безысходности и трагизма погребального песнопения к патетическому гимну во славу жизни.

Могучий, светлый оптимизм характерен для Уитмена — ничто не способно было поколебать этот оптимизм: ни пороки общественной жизни послевоенной Америки, которые поэт достаточно четко различал, ни личные невзгоды (нападки критиков, тяжелая болезнь, терзавшая его почти двадцать последних лет). И хоть основа его жизнелюбия — вера в американскую демократию — была вскоре прогрессивными американскими поэтами утеряна, влияние Уитмена на американскую и мировую поэзию трудно переоценить. В американской поэзии творчество Уитмена — это мост, соединяющий классический ее период и современность, XIX и XX века. Под влиянием Уитмена росли и развивались такие известные американские поэты нашего столетия, как Сэндберг и Маклиш. Черты уитменовского стиля ясно различимы в творчестве многих поэтов, выдвинувшихся в США в 50—60-е годы. О признательности Уитмену писал и Пабло Неруда, и Хосе Марти. Один из проницательнейших исследователей творчества Уитмена, А. В. Луначарский выявил общность его художнических принципов с принципами

Верхарна. Изобретенная Уитменом техника письма — его свободный стих — в XX веке становится популярнейшей поэтической формой. Стихи Уитмена, традиция Уитмена живы, пока жива убежденность поэтов в высоком предназначении своего искусства — служить людям,— пока жив гуманизм в поэзии.

Но зычный голос Уитмена не заглушил, не мог заглушить другого, тихого, голоса — голоса его современницы Эмили Дикинсон. Этим тихим голосом, традиционным размером пуританских религиозных гимнов вещались истины, удивительно нетрадиционные. Им говорила поэзия, не менее новаторская по отношению к господствовавшей тогда в американском стихотворстве романтической традиции, чем поэзия Уитмена.

Внешне Эмили Дикинсон не противопоставляла себя этой традиции и, в отличие от Уитмена, никак не декларировала своего новаторства. Она вообще не очень-то умела теоретизировать: суждения ее о поэзии можно посчитать наивными («Если появляется чувство, будто с головы у меня сдирают кожу, я знаю — это поэзия»,— писала она своему другу). Она благоговела перед Эмерсоном. Лаконизм, эпиграмматическая краткость его стихов, по утверждению исследователей, повлияли на стиль Дикинсон. Она почитала Лонгфелло и других романтиков. Сама биография Эмили Дикинсон явилась как бы воплощением романтических доктрин, утверждавших необходимость самовоспитания и приоритет духовного над физическим. Ее жизнь — по преимуществу жизнь «внутренняя», жизнь духа. Еще в молодости она замкнулась в стенах отцовского дома (отец ее был видным человеком в городе, одним из столпов местного пуританства), ограничив общение с людьми кругом своих домашних и перепиской; позднее она перестала покидать свою комнату, посещавшие дом люди лишь изредка и случайно могли заметить женскую фигуру в белом,— она одевалась всегда в белое,— мелькнувшую у двери.

Что явилось причиной добровольного затворничества Эмили Дикинсон? Не раз биографы чертили привычную схему: несчастная любовь, роман с женатым человеком или смерть возлюбленного и как результат — уход от мира, принятый на всю жизнь обет. Кто же он, возлюбленный Эмили Дикинсон? Назывались разные лица и среди них Бенджамин Ньютон, клерк, служивший в конце 40-х годов в конторе отца Эмили; Генри Воген Эммонс, студент колледжа, с которым она была знакома в начале 50-х годов, священник Чарльз Уодсуорт, ее многолетний друг, частый адресат ее писем. Однако нет оснований считать кого-либо из них виновником ее «ухода от мира». Быть может, в этих схемах перепутаны причина и следствие? Не вернее ли предположить, что избравшая «жизнь духа» и не нуждалась во взаимности, в каком бы то ни было внешнем выражении чувства помимо строк своих стихов и потому могла питать свою поэзию и выдуманной (или полувыдуманной) любовью?

В стихотворениях Дикинсон (особенно ранних) можно обнаружить и романтические штампы, и следы романтического мироощущения, родствен-

ного философии трансценденталпзма. Но только лишь следы... В главнейшем она противостоит своим предшественникам — американским поэтам-романтикам. Если им человек и природа представлялись слитыми воедино в гармоническом созвучии, то у Дикинсон гармония раскалывается в диссонансе, как зеркало, раскалывающееся на тысячи кусочков.

Стиль Эмерсона современники признавали причудливым, хаотичным. Считалось, что мысль его скачет. «В чем связь частей вашей книги?» — спросили его однажды. «В боге»,— ответил Эмерсон. Бог Эмили Дикинсон не круглит ее вселенную. И потому стиль ее поэзии — это как бы потерявший скрепляющую его ось стиль Эмерсона; строку рвут на части тире — излюбленный знак Эмили Дикинсон, рифмы неточны, порой заменяются ассонансами, стих дышит неровно. Поэтическая форма Дикинсон, как и Уитмена, предвосхитила XX век. Но дисгармоничность ее стиха — отражение дисгармонии мира, явленной глазам Дикинсон. И то, что она увидела мир именно таким, отличает ее от современников, в том числе от Уитмена, и приближает к нашему времени, как бы переносит в Америку XX века.

Вселенная Дикинсон ощетинилась углами противоречий, трагических контрастов. Любовь, мгновение счастья — лишь пролог к разочарованию или утрате. Пьянящая надеждами весна — предвещает горечь осеннего увядания. За жизнью — следует смерть. О смерти Дикинсон пишет много. Она вглядывается в лица умирающих, воображает себя мертвой, вновь и вновь пытается разрешить непостижимую тайну смерти. Уитмена смерть не страшит — он провидит в ней продолжение и начало новой жизни, естественное звено в великой гармонии бытия. Для Эмили Дикинсон смерть разрушает эту гармонию; непонятность ее привносит в мир хаос, обесценивает, лишает смысла жизнь:

Провал и все же круговая цепь —
Семя — Лето — Склеп.
Рок — сужденный кому?
Почему?

Разгадать смерть — значит разгадать загадку жизни. Каждый поэт, стремившийся в стихах своих «дойти до самой сути», неизбежно касался этой темы. Таким поэтом была и Эмили Дикинсон, и потому прав критик Конрад Эйкен, утверждавший, что Дикинсон «умирала в каждом своем стихотворении».

Для Дикинсон смерть пугающе реальна. Смерть преследует поэта и все же ускользает от него. И так же ускользает от него цель бытия. Природа у Эмили Дикинсон предстает непостижимой, чуждой человеку:

Но кто — по правде говоря —
С ней коротко знаком?
Ведь мы тем дальше от нее —
Чем ближе подойдем.

Знание человеческое — ограниченно. Свершение не приносит радости, ибо оно мелко, радует лишь мечта:

Радость радужней всего
Сквозь кристалл муки.
Прекрасно то — что никогда
Не дастся в руки...

Удел человека — одиночество. Оно огромно и беспредельно, им полнятся все стихи Дикинсон, как полнится поэзия Уитмена ощущением братства людей, связанности всех со всеми. И беспредельно страдание человеческое. Мир вопиет от боли. Кого винить в этом? И Дикинсон, дочь правоверней шего пуританина и сама человек глубоко религиозный, обращает к богу слова, дотоле неслыханные по дерзости:

Я все потеряла дважды.
С землей — короткий расчет.
Дважды я подаянья просила
У Господних ворот.

Дважды ангелы с неба
Возместили потерю мою.
Взломщик! Банкир! Отец мой!
Снова я нищей стою.

Тихая старая дева из Амхерста, этой цитадели пуританства, обладала темпераментом и смелостью богоборца и скептицизмом, который был в США совсем не в духе времени.

Аксиом для Дикинсон не существует. Печатью скептицизма отмечены все области ее воззрений — и взгляд на возможность человеческого общения, возможность выразить себя так, чтобы быть понятой, и на способность разума познавать мир, и отношение к славе и извечному стремлению бороться со злом и несправедливостью.

Дикинсон оттачивает свой стиль в приеме, до нее американской поэзией не использованном,— в романтической иронии. Любую из святынь американской романтической философии — и Священное писание, и веру в райское блаженство, и самого бога, она может сделать мишенью своей иронии. В стилевом отношении прием романтической иронии выражается у Дикинсон как бы в смещении планов — отвлеченные понятия, предметы «плана высокого», она трактует намеренно сниженно, а бытовые предметы и понятия повседневного круга «завышает» лексикой подчеркнуто отвлеченной, абстрактной, иногда научной. Столкновение стилевых пластов высекает искру иронию.

Ирония Дикинсон — подлинно романтическая ирония, и потому она всеобъемлюща, она охватывает собой и разрушает все стереотипы, привычные представления и связи вещей. Логический выход из такого умонастроения — либо самоубийственный нигилизм (и к нему подчас бывала близка

Дикинсон), либо намеренный возврат от абстракций к незыблемости простых вещей, ограничение себя областью конкретного. Второй путь для Дикинсон более характерен. Если могучий земной реализм Уитмена, его влюбленность в конкретное — вещь, факт — питались его энтузиастическим мировоззрением, то Дикинсон толкает к реализму неверие. Простая красота мира — ее прибежище от разъедающего душу нигилизма.

Не раз и не два доказала Дикинсон свою любовь к красоте ординарного:

Если неба не сыщем внизу —
Вверху его не найдем.
Ангел на каждой улице
Арендует соседний дом.

Скромность она противопоставила пышности, безвестность — славе. Отношение ее к собственному творчеству не противоречит высказанному в стихах. Ее стихи при жизни не увидели света. Лишь несколько стихотворений нашли себе дорогу в печать. Они появились в периодических изданиях без ведома поэтессы.

День! Здравствуй — День очередной!
Означь свой малый срок.
Случайный выстрел иногда —
К виктории пролог!..

Но «виктория» венчает «случайный выстрел», когда он меток. Стихи Дикинсон не были бы великой поэзией, если б она лишь рифмовала самоочевидное. О своем даре — увидеть необычное в обычном — хорошо сказала сама Дикинсон:

Он был Поэт —
Гигантский смысл
Умел он отжимать
Из будничных понятий —
Редчайший аромат

Из самых ординарных трав,
Замусоривших двор,—
Но до чего же слепы
Мы были до сих пор!

Отвергнув общепринятое — старые каноны, стереотипы мышления, она устанавливает свои связи между вещами, сближает несовместимое, сопоставляет несопоставимое. Так рождаются знаменитые парадоксы Эмили Дикинсон.

Так рождаются ее метафоры, ошеломляющие своей новизной и своей правдивостью. В отличие от многих романтиков, в частности Эдгара По, Дикинсон всегда стремилась к правде, которая, по ее понятиям, нерасторжима с красотой, и потому эстетика ее тяготеет к реализму.

Трудно приводить примеры метафор Дикинсон, ибо стихи ее — тугие узлы метафор: они сцеплены между собой, одна ведет за собой другую — и

так движется поэтическая мысль. Метафоры для Дикинсон — не украшение стиха, но его суть, суть мышления поэтессы, а строй ее мышления так же современен, так же предвещает век XX в поэзии, как и содержание мысли. В отличие от Лонгфелло, в отличие от Уитмена, она не обольщалась иллюзиями. Она радовалась красоте мира, мужественно встречала горести и беды жизни, проницательно судила о них. Она не нашла от них лекарства, как не находят его и многие современные поэты, но нашла им выражение. А разве выразить боль не значит наполовину освободиться от этой боли? Освободиться самому и тем самым облегчить боль страждущим, показать им путь исцеления.

Если сердцу — хоть одному —
Не позволю разбиться —
Я не напрасно жила!
Если ношу на плечи приму —
Чтоб кто-то мог распрямиться —
Боль — хоть одну — уйму —
Одной обмирающей птице
Верну частицу тепла —
Я не напрасно жила!

В совершенстве выражения универсальных человеческих чувств — гуманистический смысл поэзии Эмили Дикинсон.

Генри Лонгфелло, Уолт Уитмен, Эмили Дикинсон, каждый по-своему, воплотили в поэтическом творчестве грани сознания своего современника — американца XIX века. Наследие каждого из них, став вехой на путях развития американской культуры, а тем самым и культуры мировой, и в наши дни продолжает оставаться живой поэзией.

Е. ОСЕНЕВА

ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО
ПЕСНЬ О ГАЙАВАТЕ

ПЕРЕВОД И. БУНИНА

ВСТУПЛЕНИЕ

Если спросите — откуда
Эти сказки и легенды
С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью долины,
Голубым дымком вигвамов,
Шумом рек и водопадов,
Шумом, диким и стозвучным,
Как в горах раскаты грома? —
Я скажу вам, я отвечу:

«От лесов, равнин пустынных,
От озер Страны Полночной,
Из страны Оджибуэев,
Из страны Дакотов диких,
С гор и тундр, с болотных топей,
Где среди осоки бродит
Цапля сизая, Шух-шух-га.
Повторяю эти сказки,
Эти старые преданья
По напевам сладкозвучным
Музыканта Навадаги».

Если спросите, где слышал,
Где нашел их Навадага,—
Я скажу вам, я отвечу:
«В гнездах певчих птиц, по рощам,
На прудах, в норах бобровых,
На лугах, в следах бизонов,
На скалах, в орлиных гнездах.

Эти песни раздавались
На болотах и на топях,
В тундрах севера печальных:
Читовэйк, зуек, там пел их,
Мапг, нырок, гусь дикий, Вава,
Цапля сизая, Шух-шух-га,
И глухарка, Мушкодаза».

Если б дальше вы спросили:
«Кто же этот Навадага?
Расскажи про Навадагу»,—
Я тотчас бы вам ответил
На вопрос такою речью:

«Средь долины Тавазэнта,
В тишине лугов зеленых,
У излучистых потоков,
Жил когда-то Навадага.
Вкруг индейского селенья
Расстилались нивы, долы,
А вдали стояли сосны,
Бор стоял, зеленый — летом,
Белый — в зимние морозы,
Полный вздохов, полный песен.

Те веселые потоки
Были видны на долине
По разливам их — весною,
По ольхам сребристым — летом,
По туману — в день осенний,
По руслу — зимой холодной.
Возле них жил Навадага
Средь долины Тавазэнта,
В тишине лугов зеленых.

Там он пел о Гайавате,
Пел мне Песнь о Гайавате,—
О его рожденье дивном
О его великой жизни:
Как постился и молился,
Как трудился Гайавата,
Чтоб народ его был счастлив,
Чтоб он шел к добру и правде».

Вы, кто любите природу —
Сумрак леса, шепот листьев,
В блеске солнечном долины,
Бурный ливень и метели,
И стремительные реки
В неприступных дебрях бора,
И в горах раскаты грома,
Что как хлопанье орлиных
Тяжких крыльев раздаются,—
Вам принес я эти саги,
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, кто любите легенды
И народные баллады,
Этот голос дней минувших,
Голос прошлого, манящий
К молчаливому раздумью,
Говорящий так по-детски,
Что едва уловит ухо,
Песня это или сказка,—
Вам из диких стран принес я
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, в чьем юном, чистом сердце
Сохранилась вера в бога,
В искру божью в человеке;
Вы, кто помните, что вечно
Человеческое сердце
Знало горести, сомненья
И порывы к светлой правде,
Что в глубоком мраке жизни
Нас ведет и укрепляет
Провиденье незримо,—
Вам бесхитростно пою я
Эту Песнь о Гайавате!

Вы, которые, блуждая
По околицам зеленым,
Где, склонившись на ограду,
Поседевшую от моха,
Барбарис висит, краснея,
Забываетесь порою
На запущенном погосте
И читаете в раздумье

На могильном камне надпись,
Неумелую, простую,
Но исполненную скорби,
И любви, и чистой веры,—
Прочитайте эти руны,
Эту Песнь о Гайавате!

ТРУБКА МИРА

На горах Большой Равнины,
На вершине Красных Камней,
Там стоял Владыка Жизни,
Гитчи Манито могучий,
И с вершины Красных Камней
Созывал к себе народы,
Созывал людей отвсюду.

От следов его струилась,
Трепетала в блеске утра
Речка, в пропасти срываясь,
Пшкудой, огнем, сверкая.
И перстом Владыка Жизни
Начертал ей по долине
Путь излучистый, сказавши:
«Вот твой путь отныне будет!»

От утеса взявши камень,
Он слепил из камня трубку
И на ней фигуры сделал.
Над рекою, у прибрежья,
На чубук тростинку вырвал,
Всю в зеленых, длинных листьях;
Трубку он набил корою,
Красной ивовой корою,
И дохнул на лес соседний,

От дыханья ветви шумно
Закачались и, столкнувшись,
Ярким пламенем зажглися;
И, на горных высях стоя,
Закурил Владыка Жизни
Трубку Мира, созывая
Все народы к совещанью.

Дым струился тихо, тихо
В блеске солнечного утра:
Прежде — темною полоской,
После — гуще, синим паром,
Забелел в лугах клубами,
Как зимой вершины леса,
Плыл все выше, выше, выше,—
Наконец коснулся неба
И волнами в сводах неба
Раскатился над землею.

Из долины Тавазэнта,
Из долины Вайоминга,
Из лесистой Тоскалузы,
От Скалистых Гор далеких,
От озер Страны Полночной
Все народы увидали
Отдаленный дым Покваны,
Дым призывный Трубки Мира.

И пророки всех народов
Говорили: «То Поквана!
Этим дымом отдаленным,
Что сгибается, как ива,
Как рука, кивает, манит,
Гитчи Манито могучий
Племена людей сзывает,
На совет зовет народы».

Вдоль потоков, по равнинам,
Шли вожди от всех народов,
Шли Чоктосы и Команчи,
Шли Шошоны и Омоги,
Шли Гуроны и Мэндэны,
Делавэры и Могоки,
Чероногие и Поны,
Оджибвеи и Дакоты —
Шли к горам Большой Равнины,
Пред лицо Владыки Жизни.

И в доспехах, в ярких красках,-
Словно осенью деревья,
Словно небо на рассвете,—
Собрались они в долине,

Дико глядя друг на друга.
В их очах — смертельный вызов,
В их сердцах — вражда глухая,
Вековая жажда мщенья —
Роковой завет от предков.

Гитчи Манито всесильный,
Сотворивший все народы,
Поглядел на них с участьем,
С отчей жалостью, с любовью,—
Поглядел на гнев их лютый,
Как на злобу малолетних,
Как на ссору в детских играх.

Он простер к ним сень десницы,
Чтоб смягчить их нрав упорный,
Чтоб смирить их пыл безумный
Мановением десницы.
И величественный голос,
Голос, шуму вод подобный,
Шуму дальних водопадов,
Прозвучал ко всем народам,
Говоря: «О дети, дети!
Слову мудрости внемлите,
Слову кроткого совета
От того, кто всех вас создал!

Дал я земли для охоты,
Дал для рыбной ловли воды,
Дал медведя и бизона,
Дал оленя и косулю,
Дал бобра вам и казарку;
Я наполнил реки рыбой,
А болота — дикой птицей:
Что ж ходить вас заставляет
На охоту друг за другом?

Я устал от ваших распрей,
Я устал от ваших споров,
От борьбы кровопролитной,
От молитв о кровной мести.
Ваша сила — лишь в согласье,
А бессилие — в разладе.

Примиритеся, о дети!
Будьте братьями друг другу!

И придет Пророк на землю
И укажет путь к спасенью;
Он наставником вам будет,
Будет жить, трудиться с вами.
Всем его советам мудрым
Вы должны внимать покорно —
И умножатся все роды,
И настанут годы счастья.
Если ж будете вы глухи,—
Вы погибнете в раздорах!

Погрузитесь в эту реку,
Смойте краски боевые,
Смойте с пальцев пятна крови;
Закопайте в землю луки,
Трубки сделайте из камня,
Тростников для них нарвите,
Ярко перьями украсьте,
Закурите Трубку Мира
И живите впредь как братья!»

Так сказал Владыка Жизни.
И все воины на землю
Тотчас кинули доспехи,
Сняли все свои одежды,
Смело бросились в реку,
Смыли краски боевые.
Светлой, чистою волною
Выше их вода лилася —
От следов Владыки Жизни.
Мутной, красною волною
Ниже их вода лилася,
Словно смешанная с кровью.

Смывши краски боевые,
Вышли воины на берег,
В землю палицы зарыли,
Погребли в земле доспехи.
Гитчи Манито могучий,
Дух Великий и Создатель,
Встретил воинов улыбкой.

И в молчанье все народы
Трубки сделали из камня,
Тростников для них нарвали,
Чубуки убрали в перья
И пустились в путь обратный —
В ту минуту, как завеса
Облаков заколебалась
И в дверях отверстых неба
Гитчи Манито сокрылся,
Окружен клубами дыма
От Покваны, Трубки Мира.

ЧЕТЫРЕ ВЕТРА

«Слава, слава, Мэджекивис!» —
Старцы, воины кричали
В день, когда он возвратился
И принес Священный Вампум
Из далеких стран Вабассо —
Царства кролика седого,
Царства Северного Ветра.

У Великого Медведя
Он украл Священный Вампум,
С толстой шеи Мише-Моквы,
Пред которым трепетали
Все народы, снял он Вампум
В час, когда на горных высях
Спал медведь, тяжелый, грузный,
Как утес, обросший мохом,
Серым мохом в бурых пятнах.

Тихо он к нему подкрался,
Так подкрался осторожно,
Что его почти касались
Когти красные медведя,
А горячее дыханье
Обдавало жаром руки.
Осторожно снял он Вампум
По ушам, по длинной морде
Исполина Мише-Моквы;
Ничего не услыхали
Уши круглые медведя,

Ничего не разглядели
Глазки сонные — и только
Из ноздрей его дыханье
Обдавало жаром руки.

Кончив, палицей взмахнул он,
Крикнул громко и протяжно
И ударил Мише-Мокву
В середину лба с размаху,
Между глаз ударил прямо!

Словно громом оглушенный,
Приподнялся Мише-Моква,
Но едва вперед подался,
Затряслись его колени,
И со стоном, как старуха,
Сел на землю Мише-Моква.
А могучий Мэджекивис
Перед ним стоял без страха,
Над врагом смеялся громко,
Говорил с пренебреженьем:

«О медведь! Ты — Шогодайя!
Всюду хвастался ты силой,
А как баба, как старуха,
Застонал, завыл от боли.
Трус! Давно уже друг с другом
Племена враждуют наши,
Но теперь ты убедился,
Кто бесстрашней и сильнее.
Уходите прочь с дороги,
Прячьтесь в горы, в лес скрывайтесь!
Если б ты меня осилил,
Я б не крикнул, умирая,
Ты же хнычешь предо мною
И свое позоришь племя,
Как трусливая старуха,
Как презренный Шогодайя».

Кончив, палицей взмахнул он,
Вновь ударил Мише-Мокву
В середину лба с размаху,
И, как лед под рыболовом,
Треснул череп под ударом.

Так убит был Мише-Моква,
Так погиб Медведь Великий,
Страх и ужас всех народов.

«Слава, слава, Мэджекивис! —
Восклицал народ в восторге.—
Слава, слава, Мэджекивис!
Пусть отныне и вовеки
Ветром Запада он будет,
Властелином над ветрами!»
И могучий Мэджекивис
Стал владыкой над ветрами.
Ветер Западный оставил
Он себе, другпе отдал
Детям: Вебону — Восточный,
Шавондази — теплый Южный,
А Полночный Ветер дикий
Злому дал Кабибонокке.

Молод и прекрасен Вебон!
Это он приносит утро
И серебряные стрелы
Сыплет, сумрак прогоняя,
По холмам и по долинам;
Это Вебона ланиты
На заре горят багрянцем,
А призывный голос будит
И охотника и зверя.

Одинок на небе Вебон!
Для него все птицы пели,
Для него цветы в долинах
Разливали сладкий запах,
Для него шумели реки,
Рощи темные вздыхали,
Но всегда был грустен Вебон:
Одинок он был на небе.

Утром раз, на землю глядя,
В час, когда спала деревня
И туман, как привиденье,
Над рекой блуждал, белея,
Он увидел, что в долине

Ходит дева — собирает
Камыши и длинный шпажник
Над рекою по долине.

С той поры, на землю глядя,
Только очи голубые
Видел Вебон на рассвете:
Как два озера лазурных,
На него они смотрели,
И задумчивую деву,
Что к нему стремилась сердцем,
Полюбил прекрасный Вебон:
Оба были одиноки,
На земле — она, он — в небе.

Он возлюбленную нежил
И ласкал улыбкой солнца,
Нежил вкрадчивою речью,
Тихим вздохом, тихой песней,
Тихим шепотом деревьев,
Ароматом белых лилий.
К сердцу милую привлек он,
Ярким пурпуром окутал —
И она затрепетала
На груди его звездою.
Так доныне неразлучно
В небесах они проходят:
Вебон, рядом Вебон-Аиноиг —
Вебон и Звезда Рассвета.

В ледяных горах, в пустыне,
В царстве кролика, Вабассо,
В царстве вечной снежной вьюги,
Обитал Кабибонокка.
Это он осенней ночью
Разрисовывает листья
Краской желтой и багряной,
Это он приносит вьюги,
По лесам шипит и свищет,
Покрывает льдом озера,
Гонит чаек острокрылых,
Гонит цаплю и баклана
В камыши, в морские бухты,
В гнезда их на теплом юге.

Вышел раз Кабибонокка
Из своих чертогов снежных
Меж горами ледяными,
Устремился с воем к югу
По замерзшим, белым тундрам.
И, осыпанные снегом,
Волоса его — рекою,
Черной, зимнею рекою
По земле за ним струились.

В тростниках, среди осоки,
На замерзших, белых тундрах
Жил там Шингебис, морянка.
Одиноко в белых тундрах
Проводил он зиму эту:
Братья Шингебиса были
В теплых странах Шавондази.

И вскричал Кабибонокка
В лютом гневе: «Кто дерзает
Презирать Кабибонокку?
Кто осмелился остаться
В царстве Северного Ветра,
Если Вава и Шух-шух-га,
Если дикий гусь и цапля
Уж давно на юг умчались?
Я пойду к его вигваму,
Я очаг его разрушу!»

И пришел во мраке ночи
Ко врагу Кабибонокка.
Он намел сугробы снега,
Завывал в трубе вигвама,
Потрясал его свирепо,
Рвал дверные занавески.
Шингебис не испугался,
Шингебис его не слушал!
В очаге его играло
Пламя яркое, и рыбу
Ел он с песнями и смехом.

Ворвался тогда в жилище
Дикий, злой Кабибонокка;
Шингебис от стужи вздрогнул

В ледяном его дыханье,
Но по-прежнему смеялся,
Но по-прежнему пел громко;
Он костер поправил только,
Чтоб костер горел светлее,
Чтоб кидало пламя искры.

И с чела Кабибонокки,
С кос его в снегу холодном
Стали падать капли пота,
Как весною каплет с крыши
Иль с ветвей болиголова.
Побежденный этим жаром,
Раздраженный этим пеньем,
Он вскочил и из вигвама
В поле бросился, шагая
По рекам и по озерам:
На борьбу над белой тундрой
Вызывал врага коварно.

Но без страха, без боязни
Вышел Шингебис на битву;
До рассвета он боролся
С Ветром Северным над тундрой,
До утра когтями бился
Шингебис с Кабибонокой.
И без сил Кабибонокка
Отступил в свои владенья,
Со стыдом бежал по тундрам
В царство кролика, Вабассо,
А за ним всё раздавались
Хохот, песни и насмешки.

Шавондази, тучный, сонный,
Обитал на дальнем юге,
Где в дремотном блеске солнца
Круглый год царило лето.
Это он шлет птиц весною,
Шлет к нам ласточку, шлет Шошо,
Шлет Овейсу, трясогузку,
Опечи шлет, реполова,
Гуся, Ваву, шлет на север,
Шлет табак душистый, дыни,
Виноград в багряных гроздьях.

Дым из трубки Шавондази
Небеса туманит паром,
Наполняет негой воздух.
Тусклый блеск дает озерам,
Очертанья гор смягчает,
Веет нежной лаской лета
В теплый Месяц Светлой Ночи,
В Месяц Лыж зимой холодной.

Беззаботный Шавондази!
Лишь одно узнал он горе,
Лишь одну печаль изведал.
Раз, смотря на север с юга,
Далеко в степных равнинах
Он увидел утром деву,
Деву с гибким, стройным станом,
Одинокую в равнинах.
Был на ней наряд зеленый,
И как солнце были косы.

День за днем потом смотрел он,
День за днем вздыхал он страстно,
День за днем все больше сердце
Разгоралось в нем любовью
К деве нежной, златокудрой.
Но ленив и неподвижен
Был беспечный Шавондази,
Да, ленив и слишком тучен:
К милой он пойти все медлил,
Он сидел, вздыхая страстно,
И все только любовался
Златокудрой девой прерий.

Наконец однажды утром
Увидал он, что поблекли
Кудри русые у милой,—
Словно первый снег, белеют.
«О мой брат из Стран Полночных,
Из далеких стран Вабассо,
Царства Северного Ветра!
Ты украл мою невесту,
Завладел моею милой,
Обольстил ее своею
Сказкой Северного Ветра!»

Так несчастный Шавондази
Изливал свои страданья,
И бродил в равнинах знойный
Южный Ветер, полный вздохов,
Страстных вздохов Шавондази.
И наполнился весь воздух,
Словно снегом, белым пухом:
Погубили вздохи ветра
Деву с русыми кудрями,
И от взоров Шавондази
Навсегда сокрылась дева.

О мечтатель Шавондази!
Не по девушке вздыхал ты,
Не на женщину смотрел ты,—
На цветок, на одуванчик;
О цветке вздыхал ты страстно,
На цветок глядел все лето
День за днем с любовью томной
И сгубил его навеки,
В поле вздохами развеял.
Бедный, бедный Шавондази!

ДЕТСТВО ГАЙАВАТЫ

В летний вечер, в полполунье,
В незапамятное время,
В незапамятные годы,
Прямо с месяца упала
К нам прекрасная Нокомис,
Дочь почных светил, Нокомис.

Как дитя, она играла,
На ветвях на виноградных
Меж подруг своих качалась,
И одна из них, сгорая
Злобой ревности и мести,
Эти ветви подрубила,
И на Мускодэ упала,
На цветущую долину,
Замирая от испуга,
Летним вечером Нокомис.

«Вон звезда упала с неба!» —
Говорил народ в селеньях.

Там, на мягких мхах и травах,
Там, среди стыдливых лилий,
В тихой Мускодэ, в долине,
В звездном блеске, в лунном свете,
Стала матерью Нокомис,
Назвала дочь первородной —
Назвала ее Веноной.
И, как лилия в долине,
Расцвела ее Венона:
Стала гибкой, стала стройной,
Точно лунный свет, прекрасной,
Точно звездный отблеск, нежной.

И Нокомис часто стала
Говорить, твердить Веноне:
«О, страшись, остерегайся
Мэджекивиса, Венона!
Никогда его не слушай,
Не гуляй одна в долине,
Не ложись в траве меж лилий!»

Но не слушалась Венона,
Не внимала мудрой речи,
И пришел к ней Мэджекивис,
Темным вечером подкрался,
С тихим шепотом склоняя
На лугу цветы и травы.
Там прекрасная Венона
Меж цветов одна лежала,
Там нашел ее коварный
Ветер Западный — и начал
Очаровывать Венону
Сладкой речью, нежной лаской —
И родился сын печали,
Нежной страсти и печали,
Дивной тайны — Гайавата.

Так родился Гайавата;
А коварный Мэджекивис,
Бессердечный Мэджекивис
Уж покинул дочь Нокомис,

И недолго после билось
Сердце нежное Вепоны:
Умерла она в печали.

Долго с криками рыдала,
Долго плакала Нокомис:
«О, зачем жестокий Погок
Не меня унес с собою?
Лучше б мне лежать в могиле!
Вагономин, вагономин!»

На прибрежье Гитчи-Гюми,
Светлых вод Большого Моря,
С юных дней жила Нокомис,
Дочь ночных светил, Нокомис.
Позади ее вигвама
Темный лес стоял стеною —
Чащи темных, мрачных сосен,
Чащи елей в красных шишках,
А пред ним прозрачной влагой
На песок плескались волны,
Блеском солнца зыбь сверкала
Светлых вод Большого Моря.

Там, в тиши лесов и моря,
Внука нянчила Нокомис,
В люльке липовой качала,
Устланной кугой и мохом,
Крепко связанной ремнями,
И, качая, говорила:
«Спи! А то отдам медведю!»
Там, баюкая, певала:
«Эва-ия, мой совенок!
Что там светится в вигваме?
Чьи глаза блестят в вигваме?
Эва-ия, мой совенок!»

Много-много рассказала
О звездах ему Нокомис;
Показала хвост кометы —
Ишкуду в огнистых косах,
Показала Танец Духов,
Их блистающие рати
В небесах Страны Полночной,

В Месяц Лыж морозной ночью;
Показала серебристый
Путь всех призраков и духов —
Белый путь на темном небе,
Полном призраков и духов.

Вечерами, теплым летом,
У дверей сидел малютка,
Слушал тихий ропот сосен,
Слушал тихий плеск прибоя,
Звуки дивных слов и песен:
«Минни-вава!» — пели сосны,
«Мэдвэй-ошка!» — пели волны.

Видел мушку, Ва-ва-тэйзи,
Что, сверкая белой искрой,
Светит в сумраке вечернем
Над травою и кустами,
И тихонько пел ей песню,
Что Нокомис научила:
«Ва-ва-тэйзи, Ва-ва-тэйзи!
Крошка, огненная мушка,
Крошка, белый огонечек!
Потанцуй еще немножко,
Посвети мне, попрыгунья,
Белой искоркой своею:
Скоро я в постельку лягу,
Скоро я закрою глазки!»

Видел, как над Гитчи-Гюми,
Отражаясь в Гитчи-Гюми,
Подымался полный месяц,
Видел тень на нем и пятна
И шептал: «Что там, Нокомис?»
А Нокомис отвечала:
«Раз один сердитый воин
Подхватил старуху-бабку
И швырнул ее на небо,
Зашвырнул на месяц прямо.
Так она там и осталась».

Видел радугу на небе,
На востоке, и тихонько

Говорил: «Что там, Нокомис?»
А Нокомис отвечала:
«Это Мускодэ на небе;
Все цветы лесов зеленых,
Все болотные кувшинки,
На земле когда увянут,
Расцветают снова в небе».

Если сов он слышал в полночь —
Вой и хохот в чаще леса,—
Он, дрожа, кричал: «Кто это?»
Он шептал: «Что там, Нокомис?»
А Нокомис отвечала:
«Это совы собрались
И по-своему болтают,
Это ссорятся совята!»

Так малютка, внук Нокомис,
Изучил весь птичий говор,
Имена их, все их тайны:
Как они вьют гнезда летом,
Где живут они зимою;
Часто с ними вел беседы,
Звал их всех: «мои цыплята».

Всех зверей язык узнал он,
Имена их, все их тайны:
Как бобер жилище строит,
Где орехи белка прячет,
Отчего резва косуля,
Отчего труслив Вабассо;
Часто с ними вел беседы,
Звал их: «братья Гайаваты».

И рассказчик сказок Ягу,
Говорун, хваступ великий,
Много по свету бродивший,
Верный друг Нокомис старой,
Сделал лук для Гайаваты:
Лук из ясеня он сделал.
Стрелы сделал он из дуба,
Наконечники — из яшмы,
Тетиву — из кожи лани.

И сказал он Гайавате:
«Ну, мой сын, иди скорее
В лес, где держатся олени.
Застрели-ка там косулю
С разветвленными рогами».

Гордо взял свой лук и стрелы
Гайавата и отважно
В лес пустился; птицы звонко
Пели, по лесу порхая.
«Не стреляй в нас, Гайавата!» —
Опечи пел красногрудый;
«Не стреляй в нас, Гайавата!» —
Пел Овейса сипеперый.

На дубу над Гайаватой
Вниз и вверх скакала белка,
Меж зеленых листьев дуба
С кашлем прыгала, смеялась
И, смеясь, пробормотала:
«Пощади, о Гайавата!»

И вприпрыжку белый кролик
Робко бросился с тропинки,
Стал вдали на задних лапках
И охотнику промолвил
Хоть и в шутку, но трусливо:
«Пощади, о Гайавата!»

Но не слушал Гайавата,—
Точно сонный, брел он лесом,
Думал только об олене,
След его искал глазами,
След, что вел к речному броду,
По тропе к речному броду.

За ольховыми кустами
Сел и выждал он оленя,
Увидал два глаза в чаще,
Увидал над ней два рога,
Ноздри, поднятые к ветру,
Увидал и морду зверя
Под листвою, в пятнах света,
И, как легкий лист березы,

Сердце в нем затрепетало,
Как ольха, весь задрожал он,
Увидав над бродом зверя.

На одно колено ставши,
Он прицелился в оленя.
Только ветка шевельнулась,
Только листик закачался,
Но олень уж встрепенулся,
Отшатнувшись, топнул в землю,
Чутко встал, подняв копыто,
Прыгнул, точно ждал удара.

Ах, он шел навстречу смерти!
Как оса, стрела запела,
Как оса, в него впилася!

Мертвый, он лежал у брода,
Меж деревьев, над рекою;
Сердце в нем уже не билось,
Но зато у Гайаваты
Сердце так и трепетало,
Как домой он нес оленя
И ему рукоплескали
Старый Ягу и Нокомис.

Из оленьей пестрой шкуры
Внуку плащ Нокомис сшила,
Созвала соседей в гости,
Пир дала в честь Гайаваты.
Вся деревня собралася,
Все соседи называли
Гайавату храбрым, сильным —
Сон-джи-тэгэ, Ман-го-тэйзи!

ГАЙАВАТА И МЭДЖЕКИВИС

Миновали годы детства,
Возмужал мой Гайавата;
Игры юности беспечной,
Стариков житейский опыт,
Труд, охотничьи соревки —
Все постиг он, все изведал.

Резвы ноги Гайаваты!
Запустив стрелу из лука,
Он бежал за ней так быстро,
Что стрелу опережал он.
Мощны руки Гайаваты!
Десять раз, не отдыхая,
Мог согнуть он лук упругий
Так легко, что догоняли
На лету друг друга стрелы.

Рукавицы Гайаваты,
Рукавицы, Миндж̀икэвон,
Из оленьей мягкой шкуры
Обладали дивной силой:
Сокрушать он мог в них скалы,
Раздроблять в песчинки камни.
Мокасины Гайаваты
Из оленьей мягкой шкуры
Волшебство в себе таили:
Привязавши их к лодыжкам,
Прикрепив к ногам ремнями,
С каждым шагом Гайавата
Мог по целой миле делать.

Об отце своем нередко
Он расспрашивал Нокомис,
И поведала Нокомис
Внуку тайну роковую:
Рассказала, как прекрасна,
Как нежна была Вионна,
Как сгубил ее изменой
Вероломный Мэджекивис,
И, как уголь, разгорелось
Гневом сердце Гайаваты.

Он сказал Нокомис старой:
«Я иду к отцу, Нокомис,
Я хочу его проведать
В царстве Западного Ветра,
У преддверия Заката».

Из вигвама выходил он,
Снарядившись в путь далекий,
В рукавицах, Миндж̀икэвон,

И волшебных мокасинах.
Весь наряд его богатый
Из оленьей мягкой шкуры
Зернью вампума украшен
И щетиной дикобраза.
Голова его — в орлиных
Развевающихся перьях,
За плечом его, в колчане,—
Из дубовых веток стрелы,
Оперенные искусно
И оправленные в яшму,
А в руках его — упругий
Лук из ясеня, согнутый
Тетивой из жил оленя.

Осторожная Покомис
Говорила Гайавате:
«Не ходи, о Гайавата,
В царство Западного Ветра:
Он убьет тебя коварством,
Волшебством своим погубит».

Но отважный Гайавата
Не внимал ее советам,
Уходил он от вигвама,
С каждым шагом делал милю.
Мрачным лес ему казался,
Мрачным — свод небес над лесом,
Воздух — душным и горячим,
Полным дыма, полным гари,
Как в пожар лесов и прерий:
Словно уголь, разгоралось
Гневом сердце Гайаваты.

Так держал он путь далекий
Все на запад и на запад
Легче быстрого оленя,
Легче лани и бизона.
Переплыл он Эсконабо,
Переплыл он Миссисипи,
Миновал Степные Горы,
Миновал степные страны
И Лисиц и Черноногих
И пришел к Горам Скалистым,

В царство Западного Ветра,
В царство бурь, где на вершинах
Восседал Владыка Ветров,
Престарелый Мэджекивис.

С тайным страхом Гайавата
Пред отцом остановился:
Дико в воздухе клубились,
Облаками развевались
Волоса его седые,
Словно снег, они блестели,
Словно пламенные косы
Ишкуды, они сверкали.

С тайной радостью увидел
Мэджекивис Гайавату:
Это молодости годы
Перед ним воскресли к жизни,
Это встала из могилы
Красота Венопы нежной.

«Будь здоров, о Гайавата! —
Так промолвил Мэджекивис.—
Долго ждал тебя я в гости
В царство Западного Ветра!
Годы старости — печальны,
Годы юности — отрадны.
Ты напомнил мне былое,
Юность пылкую напомнил
И прекрасную Венопу!»

Много дней прошло в беседе,
Долго мощный Мэджекивис
Похвалялся Гайавате
Прежней доблестью своею,
Приключеньями былыми,
Непреклонною отвагой;
Говорил, что дивной силой
Он от смерти заколдован.

Молча слушал Гайавата,
Как хвалился Мэджекивис,
Терпеливо и с улыбкой
Он сидел и молча слушал.

Ни угрозой, ни укором,
Ни одним суровым взглядом
Он не выказал досады,
Но, как уголь, разгоралось
Гневом сердце Гайаваты.

И сказал он: «Мэджекивис!
Неужель ничто на свете
Погубить тебя не может?»
И могучий Мэджекивис
Величаво, благосклонно
Отвечал: «Ничто на свете,
Кроме вон того утеса,
Кроме Вавбика, утеса!»
И, взглянув на Гайавату
Взором мудрости спокойной,
По-отечески любуясь
Красотой его и мощью,
Он сказал: «О Гайавата!
Неужель ничто на свете
Погубить тебя не может?»

Помолчал одну минуту
Осторожный Гайавата,
Помолчал, как бы в сомненье,
Помолчал, как бы в раздумье,
И сказал: «Ничто на свете.
Лишь один тростник, Эпоква,
Лишь вон тот камыш высокий!»
И как только Мэджекивис,
Встав, простер к Эпокве руку,
Гайавата в страхе крикнул,
В лицемерном страхе крикнул:
«Каго, каго! Не касайся!»
«Полно! — молвил Мэджекивис.—
Успокойся,— я не трону».

И опять они беседу
Продолжали; говорили
И о Вебоне прекрасном,
И о тучном Шавондази,
И о злом Кабибонокке;
Говорили о Вепоне,
О ее рожденье дивном,

О ее кончине грустной —
Обо всем, что рассказала
Внуку старая Нокомис.

И воскликнул Гайавата:
«О коварный Мэджекивис!
Это ты убил Венону,
Ты сорвал цветок весенний,
Растоптал его ногами!
Признавайся! Признавайся!»
И могучий Мэджекивис
Тихо голову седую
Опустил в тоске глубокой,
В знак безмолвного согласья.

Быстро встал тогда, сверкая
Грозным взором, Гайавата,
На утес занес он руку
В рукавице, Мипджикэвон,
Разломил его вершину,
Раздробил его в осколки,
Стал в отца швырять свирепо:
Словно уголь, разгорелось
Гневом сердце Гайаваты.

Но могучий Мэджекивис
Камни гнал назад дыханьем,
Бурей гневного дыханья
Гнал назад, на Гайавату.
Он схватил рукой Эпокву,
Вырвал с мочками, с корнями,—
Над рекой из вязкой тины
Вырвал бешено Эпокву
Он под хохот Гайаваты.

И начался бой смертельный
Меж Скалистыми Горами!
Сам Орел Войны могучий
На гнезде поднялся с криком,
С резким криком сел на скалы,
Хлопал крыльями над ними.
Словно дерево под бурей,
Рассекал Эпоква воздух,
Словно град, летели камни

С треском с Вавбика, утеса,
И земля окрест дрожала,
И на тяжкий грохот боя
По горам гремело эхо,
Отзывалося: «Бэм-Вава!»

Отступать стал Мэджекивис,
Устремился он на запад,
По горам на дальний запад
Отступал три дня, сражаясь,
Убегал, гонимый сыном,
До преддверия Заката,
До границ своих владений,
До конца земли, где солнце
В красном блеске утопает,
На ночлег в воздушной бездне
Опускаясь, как фламинго
Опускается зарею
На печальное болото.

«Удержись, о Гайавата! —
Наконец вскричал он громко.—
Ты убить меня не в силах,
Для бессмертного нет смерти.
Испытать тебя хотел я,
Испытать твою отвагу,
И награду заслужил ты!

Возвратись в родную землю,
К своему вернись народу,
С ним живи и с ним работай.
Ты расчистить должен реки,
Сделать землю плодоносной,
Умертвить чудовищ злобных,
Змей, Кипэбик, и гигантов,
Как убил я Мише-Мокву,
Исполина Мише-Мокву.

А когда твой час настанет
И заблещут над тобою
Очи Погока из мрака,—
Разделю с тобой я царство,
И владыкою ты будешь
Над Кивайдином вовеки!»

Вот какая разыгралась
Битва в грозные дни Ша-ша,
В дни далекого былого,
В царстве Западного Ветра.
Но следы той славной битвы
И теперь охотник видит
По холмам и по долинам:
Видит шпажник исполинский
На прудах и вдоль потоков,
Видит Вавбика осколки
По холмам и по долинам.

На восток, в родную землю,
Гайавата путь направил.
Позабыл он горечь гнева,
Позабыл о мщенье думы,
И вокруг него отрадой
И весельем все дышало.

Только раз он путь замедлил,
Только раз остановился,
Чтоб купить в стране Дакотов
Накопечников на стрелы.
Там, в долине, где смеялись,
Где блистали, низвергаясь
Меж зелеными дубами,
Водопады Миннегаги,
Жил старик, дакот суровый.
Делал он головки к стрелам,
Острия из халцедона,
Из кремня и крепкой яшмы,
Отшлифованные гладко,
Заостренные, как иглы.

Там жила с ним дочь-невеста,
Быстроногая, как речка,
Своенравная, как брызги
Водопадов Миннегаги.
В блеске черных глаз играли
У нее и свет и тени —
Свет улыбки, тени гнева;
Смех ее звучал как песня,
Как поток струились косы,
И Смеющейся Водою

В честь реки ее назвал он,
В честь веселых водопадов
Дал ей имя — Миннегага.

Так ужели Гайавата
Заходил в страну Дакотов,
Чтоб купить головок к стрелам,
Наконечников из яшмы,
Из кремня и халцедона?
Не затем ли, чтоб украдкой
Посмотреть на Миннегагу,
Встретить взор ее пугливый,
Услыхать одежды шорох
За дверною занавеской,
Как глядят на Миннегагу,
Что горит сквозь ветви леса,
Как внимают водопаду
За зеленой чащей леса?

Кто расскажет, что таится
В молодом и пылком сердце?
Как узнать, о чем в дороге
Сладко грезил Гайавата?
Все Нокомис рассказал он,
Возвратясь домой под вечер:
О борьбе и о беседе
С Мэджекивисом могучим,
Но о девушке, о стрелах
Не обмолвился ни словом!

ПОСТ ГАЙАВАТЫ

Вы услышите сказанье,
Как в лесной глуши постился
И молился Гайавата:
Не о ловкости в охоте,
Не о славе и победах,
Но о счастии, о благе
Всех племен и всех народов.

Пред постом он приготовил
Для себя в лесу жилище,—
Над блестящим Гитчи-Гюми,

В дни весеннего расцвета,
В светлый, теплый Месяц Листьев
Он вигвам себе построил
И, в виденьях, в дивных грезах,
Семь почей и дней постился.

В первый день поста бродил он
По зеленым тихим рощам;
Видел кролика он в норке,
В чаще выпугнул оленя,
Слышал, как фазан кудахтал,
Как в дупле возилась белка,
Видел, как под тенью сосен
Вьет гнездо Омими, голубь,
Как стада гусей летели
С заунывным криком, с шумом
К диким северным болотам.
«Гитчи Манито! — вскричал он,
Полный скорби безнадежной,—
Неужели наше счастье,
Наша жизнь от них зависит?»

На другой день над рекою,
Вдоль по Мускодэ бродил он,
Видел там он Маномони
И Минагу, голубику,
И Одамин, землянику,
Куст крыжовника, Шабомин,
И Бимагут, виноградник,
Что зеленою гирляндой,
Разливая сладкий запах,
По ольховым сучьям вьется.
«Гитчи Манито! — вскричал он,
Полный скорби безнадежной,—
Неужели наше счастье,
Наша жизнь от них зависит?»

В третий день сидел он долго,
Погруженный в размышленья,
Возле озера, над тихой,
Над прозрачною водою.
Видел он, как прыгал Нама,
Сыпля брызги, словно жемчуг;
Как резвился окунь, Сава,

Словно солнца луч сияя,
Видел щуку, Маскенозу,
Сельдь речную, Окагавис,
Шогаши, морского рака.
«Гитчи Манито! — вскричал он,
Полный скорби безнадежной.—
Неужели наше счастье,
Наша жизнь от них зависит?»

На четвертый день до почи
Он лежал в изнеможенье
На листве в своем вигваме.
В полусне над ним роились
Грезы, смутные виденья;
Вдалеке вода сверкала
Зыбким золотом, и плавно
Все кружилось и горело
В пышном зареве заката.

И увидел он: подходит
В полусумраке пурпурном,
В пышном зареве заката,
Стройный юноша к вигваму.
Голова его — в блестящих,
Развевающихся перьях,
Кудри — мягки, золотисты,
А наряд — зелено-желтый.

У дверей остановившись,
Долго с жалостью, с участьем
Он смотрел на Гайавату,
На лицо его худое,
И, как вздохи Шавондази
В чаще леса,— прозвучала
Речь его: «О Гайавата!
Голос твой услышан в небе,
Потому что ты молился
Не о ловкости в охоте,
Не о славе и победах,
Но о счастии, о благе
Всех племен и всех народов.

Для тебя Владыкой Жизни
Послан друг людей — Мондамин;

Послан он тебе поведать,
Что в борьбе, в труде, в терпенье
Ты получишь все, что просишь.
Встань с ветвей, с зеленых листьев,
Встань с Мондамином бороться!»

Изнурен был Гайавата,
Слаб от голода, но быстро
Встал с ветвей, с зеленых листьев.
Из стемневшего вигвама
Вышел он на свет заката,
Вышел с юношей бороться,—
И едва его коснулся,
Вновь почувствовал отвагу,
Ощутил в груди усталой
Бодрость, силу и надежду.

На лугу они кружились
В пышном зареве заката,
И все крепче, все сильнее
Гайавата становился.
Но спустились тени ночи,
И Шух-шух-га на болоте
Издала свой крик тоскливый,
Вопль и голода и скорби.

«Кончим! — вымолвил Мондамин,
Улыбаясь Гайавате,—
Завтра снова приготовься
На закате к испытанью».
И, сказав, исчез Мондамин.
Опустился ли он тучкой
Иль поднялся, как туманы,—
Гайавата не заметил;
Видел только, что исчез он,
Истомив его борьбою,
Что внизу, в ночном тумане,
Смутно озеро белеет,
А вверху мерцают звезды.

Так два вечера,— лишь только
Опускалось тихо солнце
С неба в западные воды,
Погружалось в них, краснея,

Словно уголь, раскаленный
В очаге Владыки Жизни,—
Приходил к нему Мондамин.
Молчаливо появлялся,
Как роса на землю сходит,
Принимающая форму
Лишь тогда, когда коспется
До травы или деревьев,
Но невидимая смертным
В час прихода и ухода.

На лугу они кружились
В пышном зареве заката;
Но спустились тени ночи,
Прокричала на болоте
Громко, жалобно Шух-шух-га,
И задумался Мондамин;
Стройным станом и прекрасный,
Он стоял в своем наряде;
В головном его уборе
Перья веяли, качались,
На челе его сверкали
Капли пота, как росинки.

И вскричал он: «Гайавата!
Храбро ты со мной боролся,
Трижды стойко ты боролся,
И пошлет Владыка Жизни
Надо мной тебе победу!»

А потом сказал с улыбкой:
«Завтра кончится твой искус —
И борьба и пост тяжелый;
Завтра ты меня поборешь;
Приготовь тогда мне ложе
Так, чтоб мог весенний дождик
Освежать меня, а солнце —
Согревать до самой ночи.
Мой наряд зелено-желтый,
Головной убор из перьев
Оборви с меня ты смело,
Схорони меня и землю
Разровняй и сделай мягкой.

Стереги мой сон глубокий,
Чтоб никто меня не трогал,
Чтобы плевелы и травы
Надо мной не зарастали,
Чтобы Кагаги, Царь-Ворон,
Не летал к моей могиле.
Стереги мой сон глубокий
До поры, когда проснусь я,
К солнцу светлому воспряну!»
И, сказав, исчез Мондамин.

Мирным сном спал Гайавата;
Слышал он, как пел упыло
Полуночник, Вавонэйса,
Над вигвамом одиноким;
Слышал он, как, убегая,
Сибовиша говорливый
Вел беседы с темным лесом;
Слышал шорох — вздохи веток,
Что склонялись, подымались,
С ветерком почным качаясь.
Слышал все, но все сливалось
В дальний ропот, сонный шепот:
Мирным сном спал Гайавата.

На заре пришла Нокомис,
На седьмое утро пищи
Принесла для Гайаваты.
Со слезами говорила,
Что его погубит голод,
Если пищи он не примет.

Ничего он не отведал,
Ни к чему не прикоснулся,
Лишь промолвил ей: «Нокомис!
Подожди со мной заката,
Подожди, пока стемнеет
И Шух-шух-га громким криком
Возвестит, что день окончен!»

Плача, шла домой Нокомис,
Все тоскуя, опасаясь,
Что его погубит голод.
Он же стал, томясь тоскою,

Ждать Мондамина. И тени
Потянулись от заката
По лесам и по долинам;
Опустилось тихо солнце
С неба в Западные Воды,
Как спускается зарею
В воду красный лист осенний
И в воде, краснея, тонет.

Глядь — уж тут Мондамин юный,
У дверей стоит с приветом!
Голова его — в блестящих,
Развевающихся перьях,
Кудри — мягки, золотисты,
А наряд — зелено-желтый.

Как во сне, к нему навстречу
Встал, измученный и бледный,
Гайавата, но бесстрашно
Вышел — и бороться начал.

И слились земля и небо,
Замелькали пред глазами!
Как осетр в сетях трепещет,
Бьется бешено, чтоб сети
Разорвать и прыгнуть в воду,
Так в груди у Гайаваты
Сердце сильное стучало;
Словно огненные кольца,
Горизонт сверкал кровавый
И кружился с Гайаватой;
Сотни солнцев, разгораясь,
На борьбу его глядели.
Вдруг один среди поляны
Очутился Гайавата.

Он стоял, ошеломленный
Этой дикою борьбою,
И дрожал от напряженья;
А пред ним, в измятых перьях
И в изорванных одеждах,
Бездыханный, неподвижный,
На траве лежал Мондамин,
Мертвый, в зареве заката.

Победитель Гайавата
Сделал так, как приказал он:
Снял с Мондамина одежды,
Снял изломанные перья,
Схоронил его и землю
Разровнял и сделал мягкой.
И среди болот печальных
Цапля сизая, Шух-шух-га,
Издала свой крик тоскливый,
Вопль и жалобы и скорби.

В отчий дом, в вигвам Нокомис
Возвратился Гайавата,
И семь суток испытанья
В этот вечер завершились.
Но запомнил Гайавата
Те места, где он боролся,
Не покинул без призора
Ту могилу, где Мондамин
Почивал, в земле зарытый,
Под дождем и ярким солнцем.

День за днем над той могилой
Сторожил мой Гайавата,
Чтобы холм ее был мягким,
Не зарос травою сорной,
Прогоняя свистом, криком
Кагаги с его народом.

Наконец зеленый стебель
Показался над могилой,
А за ним — другой и третий,
И не кончилося лето,
Как в своем уборе пышном,
В золотистых, мягких косах,
Встал высокий, стройный маис.
И воскликнул Гайавата
В восхищении: «Мондамин!
Это друг людей, Мондамин!»

Тотчас кликнул он Нокомис,
Кликнул Ягу, рассказал им
О своем виденье дивном,
О своей борьбе, победе,

Показал зеленый маис —
Дар небесный всем народам,
Что для них быть должен пищей.

А поздней, когда, под осень,
Пожелтел созревший маис,
Пожелтели, стали тверды
Зерна маиса, как жемчуг,
Он собрал его початки,
Сняв с него листву сухую,
Как с Мондамина когда-то
Снял одежды,— и впервые
«Пир Мондамина» устроил,
Показал всему народу
Новый дар Владыки Жизни.

ДРУЗЬЯ ГАЙАВАТЫ

Было два у Гайаваты
Неизменных, верных друга.
Сердце, душу Гайаваты
Знали в радостях и в горе
Только двое: Чайбайабос,
Музыкант, и мощный Квазинд.

Меж вигвамов их тропинка
Не могла в траве заглохнуть;
Сплетни, лживые наветы
Не могли посеять злобы
И раздора между ними:
Обо всем они держали
Лишь втроем совет согласный,
Обо всем с открытым сердцем
Говорили меж собою
И стремились только к благу
Всех племен и всех народов.

Лучшим другом Гайаваты
Был прекрасный Чайбайабос,
Музыкант, певец великий,
Несравненный, небывалый.
Был, как воин, он отважен,
Но, как девушка, был нежен,

Словно ветка ивы, гибок,
Как олень рогатый, статен.

Если пел он, вся деревня
Собиралась песни слушать,
Жены, воины сходились,
И то нежностью, то страстью
Волновал их Чайбайабос.

Из тростинки сделав флейту,
Он играл так нежно, сладко,
Что в лесу смолкали птицы,
Затихал ручей игривый,
Замолкала Аджидомо,
А Вабассо осторожный
Приседал, смотрел и слушал.

Да! Примолкнул Сибовиша
И сказал: «О Чайбайабос!
Научи мои ты волны
Мелодичным, нежным звукам!»

Да! Завистливо Овэйса
Говорил: «О Чайбайабос!
Научи меня безумным,
Страстным звукам диких песен!»

Да! И Опечи веселый
Говорил: «О Чайбайабос!
Научи меня веселым,
Сладким звукам нежных песен!»

И, рыдая, Вавонэйса
Говорил: «О Чайбайабос!
Научи меня тоскливым,
Скорбным звукам скорбных песен!»

Вся природа сладость звуков
У него перенимала,
Все сердца смягчал и трогал
Страстной песней Чайбайабос,
Ибо пел он о свободе,
Красоте, любви и мире,
Пел о смерти, о загробной
Бесконечной, вечной жизни,

Воспевал Страну Поппма
И Селения Блаженных.

Дорог сердцу Гайаваты
Кроткий, милый Чайбайабос,
Музыкант, певец великий,
Несравненный, небывалый!
Он любил его за нежность
И за чары звучных песен.

Дорог сердцу Гайаваты
Был и Квазинд,— самый мощный
И незлобивый из смертных;
Он любил его за силу,
Доброту и простодушье.

Квазинд в юности ленив был,
Вял, мечтателен, беспечен;
Не играл ни с кем он в детстве,
Не удил в заливе рыбы,
Не охотился за зверем,—
Не похож он был на прочих.
Но постился Квазинд часто,
Своему молился Духу,
Покровителю молился.

«Квазинд,— мать ему сказала,—
Ты ни в чем мне не поможешь!
Лето ты, как сонный, бродишь
Праздно по полям и рощам,
Зиму греешься, согнувшись
Над костром среди вигвама;
В самый лютый зимний холод
Я хожу на ловлю рыбы,—
Ты и тут мне не поможешь!
У дверей висит мой невод,
Он намок и замерзает,—
Встань, возьми его, ленивец,
Выжми, высуши на солнце!»

Неохотно, но спокойно
Квазинд встал с золы остывшей,
Молча вышел из вигвама,
Скинул смерзшиеся сети,

Что висели у порога,
Стиснул их, как пук соломы,
И сломал, как пук соломы!
Он не мог не изломать их:
Вот настолько был он силен!

«Квазинд! — раз отец промолвил,—
Собирайся на охоту.
Лук и стрелы постоянно
Ты ломаешь, как тростинки,
Так хоть будешь мне добычу
Приносить домой из леса».

Вдоль ущелья, по теченью
Ручейка они спустились,
По следам бизонов, лапей,
Отпечатанным на иле,
И наткнулись на преграду:
Повалившиеся сосны
Поперек и вдоль дороги
Весь проход загромождали.

«Мы должны,— промолвил старец,—
Ворочаться: тут не влезешь!
Тут и белка не взберется,
Тут сурок пролезть не сможет».
И сейчас же вынул трубку,
Закурил и сел в раздумье.
Но не выкурил он трубки,
Как уж путь был весь расчищен:
Все деревья Квазинд поднял,
Быстро вправо и налево
Раскидал, как стрелы, сосны,
Разметал, как копья, кедры.

«Квазинд! — юноши сказали,
Забавляясь на долине.—
Что же ты стоишь, глазеешь,
На утес облокотившись?
Выходи, давай бороться,
В цель бросать из пращи камни».

Вялый Квазинд не ответил,
Ничего им не ответил,
Только встал и, повернувшись,

Обхватил утес руками,
Из земли его он вырвал,
Раскачал над головою
И забросил прямо в реку,
Прямо в быструю Повэтин.
Так утес там и остался.

Раз по пенистой пучине,
По стремительной Повэтин,
Плыл с товарищами Квазинд
И вождя бобров, Амика,
Увидал среди потока:
С быстриной бобер боролся,
То всплывая, то ныряя.

Не задумавшись нимало,
Квазинд молча прыгнул в реку,
Скрылся в пенистой пучине,
Стал преследовать Амика
По ее водоворотам
И в воде пробыл так долго,
Что товарищи вскричали:
«Горе нам! Погиб наш Квазинд!
Не вернется больше Квазинд!»
Но торжественно он выплыл:
На плече его блестящем
Вождь бобров висел убитый,
И с него вода струилась.

Таковы у Гайаваты
Были верные два друга.
Долго с ними жил он в мире,
Много вел бесед сердечных,
Много думал дум о благе
Всех племен и всех народов.

ПИРОГА ГАЙАВАТЫ

«Дай коры мне, о Береза!
Желтой дай коры, Береза,
Ты, что выспишься в долине
Стройным станом над потоком!
Я свяжу себе пирогу,

Легкий челн себе построю,
И в воде он будет плавать,
Словно желтый лист осенний,
Словно желтая кувшинка!

Скинь свой белый плащ, Береза!
Скинь свой плащ из белой кожи:
Скоро лето к нам вернется,
Жарко светит солнце в небе,
Белый плащ тебе не нужен!»

Так над быстрой Таквамипо,
В глубине лесов дремучих
Восклицал мой Гайавата
В час, когда все птицы пели,
Воспевали Месяц Листьев,
И, от сна восставши, солнце
Говорило: «Вот я — Гизис,
Я, великий Гизис, солнце!»

До корней затрепетала
Каждым листиком береза,
Говоря с покорным вздохом:
«Скинь мой плащ, о Гайавата!»

И ножом кору березы
Опоясал Гайавата
Ниже веток, выше корня,
Так, что брызнул сок наружу;
По стволу, с вершины к корню,
Он потом кору разрезал,
Деревянным клином поднял,
Осторожно снял с березы.

«Дай, о Кедр, ветвей зеленых,
Дай мне гибких, крепких сучьев,
Помоги пирогу сделать
И надежней и прочнее!»

По вершине кедра шумно
Ропот ужаса пронесся,
Стон и крик сопротивленья;
Но, склоняясь, прошептал он:
«На́, руби, о Гайавата!»

И, срубивши сучья кедра,
Он связал из сучьев раму,
Как два лука, он согнул их,
Как два лука, он связал их.

«Дай корней своих, о Тэмрак,
Дай корней мне волокнистых:
Я свяжу свою пирогу,
Так свяжу ее корнями,
Чтоб вода не проникала,
Не сочилася в пирогу!»

В свежем воздухе до корня
Задрожал, затрясся Тэмрак,
Но, склоняясь к Гайавате,
Он одним печальным вздохом,
Долгим вздохом отозвался:
«Все возьми, о Гайавата!»

Из земли он вырвал корни,
Вырвал, вытянул волокна,
Плотно сшил кору березы,
Плотно к ней приладил раму.

«Дай мне, Ель, смолы тягучей,
Дай смолы своей и соку:
Засмолю я швы в пироге,
Чтоб вода не проникала,
Не сочилася в пирогу!»

Как шуршит песок прибрежный,
Зашуршали ветви ели,
И, в своем уборе черном,
Отвечала ель со стоном,
Отвечала со слезами:
«Собери, о Гайавата!»

И собрал он слезы ели,
Взял смолы ее тягучей,
Засмолил все швы в пироге,
Защитил от волн пирогу.

«Дай мне, Еж, колючих игол,
Все, о Еж, отдай мне иглы:

Я украшу ожерельем,
Уберу двумя звездами
Грудь красавицы пироги!»

Сонно глянул Еж угрюмый
Из дупла на Гайавату,
Словно блещущие стрелы,
Из дупла метнул он иглы,
Бормоча в усы лениво:
«Подбери их, Гайавата!»

По земле собрал он иглы,
Что блестели, точно стрелы;
Соком ягод их окрасил,
Соком желтым, красным, синим,
И пирогу в них оправил,
Сделал ей блестящий пояс,
Ожерелье дорогое,
Грудь убрал двумя звездами.

Так построил он пирогу
Над рекою, средь долины,
В глубине лесов дремучих,
И вся жизнь лесов была в ней,
Все их тайны, все их чары:
Гибкость лиственницы темной,
Крепость мощных сучьев кедра
И березы стройной легкость;
На воде она качалась,
Словно желтый лист осенний,
Словно желтая кувшинка.

Весел не было на лодке,
В веслах он и не нуждался:
Мысль ему веслом служила,
А рулем служила воля;
Обогнать он мог хоть ветер,
Путь держать — куда хотелось.

Кончив труд, он кликнул друга
Кликнул Квазинда на помощь,
Говоря: «Очистим реку
От коряг и желтых мелей!»

Быстро прыгнул в реку Квазинд,
Словно выдра, прыгнул в реку,
Как бобер, нырять в ней начал,
Погружаясь то по пояс,
То до самых мышек в воду.
С криком стал нырять он в воду,
Поднимать со дна коряги,
Вверх кидать песок руками,
А ногами — ил и травы.

И поплыл мой Гайавата
Вниз по быстрой Таквамипо,
По ее водоворотам,
Через омуты и мели,
Вслед за Квазиндом могучим.

Вверх и вниз они проплыли,
Всюду были, где лежали
Корни, мертвые деревья
И пески широких мелей,
И расчистили дорогу,
Путь прямой и безопасный
От истоков меж горами
И до самых вод Повэтин,
До залива Таквамипо.

ГАЙАВАТА И МИШЕ-НАМА

По заливу Гитчи-Гюми,
Светлых вод Большого Моря,
С длинной удочкой из кедра,
Из коры крученой кедра,
На березовой пироге
Плыл отважный Гайавата.

Сквозь слюду прозрачной влаги
Видел он, как ходят рыбы
Глубоко под дном пироги;
Как резвится окунь, Сава,
Словно солнца луч сияя;
Как лежит на дне песчаном
Шогаши, омар ленивый,
Словно дремлющий тарантул.

На корме сел Гайавата
С длинной удочкой из кедра;
Точно веточки цикуты,
Колебал прохладный ветер
Перья в косах Гайаваты.
На носу его пироги
Села белка, Аджидомо;
Точно травку луговую,
Раздувал прохладный ветер
Мех на шубке Аджидомо.

На песчаном дне на белом
Дремлет мощный Мише-Нама,
Царь всех рыб, осетр тяжелый,
Раскрывает жабры тихо,
Тихо водит плавниками
И хвостом песок взметает.
В боевом вооруженье,—
Под щитами костяными
На плечах, на лбу широком,
В боевых нарядных красках —
Голубых, пурпурных, желтых,—
Он лежит на дне песчаном;
И над ним-то Гайавата
Стал в березовой пироге
С длинной удочкой из кедра.

«Встань, возьми мою приманку! —
Крикнул в воду Гайавата.—
Встань со дна, о Мише-Нама,
Подымись к моей пироге,
Выходи на состязанье!»
В глубину прозрачной влаги
Он лесу свою забросил,
Долго ждал ответа Намы,
Тщетно ждал ответа Намы
И кричал ему все громче:
«Встань, царь рыб, возьми приманку!»

Не ответил Мише-Нама.
Важно, медленно махая
Плавниками, он спокойно
Вверх смотрел на Гайавату,
Долго слушал без вниманья

Крик его нетерпеливый,
Наконец сказал Кенозе,
Жадной щуке, Маскенозе:
«Встань, воспользуйся приманкой,
Оборви лесу нахала!»

В сильных пальцах Гайаваты
Сразу удочка согнулась;
Он рванул ее так сильно,
Что пирога дыбом встала,
Поднялася над водою,
Словно белый ствол березы
С резвой белкой на вершине.

Но когда пред Гайаватой
На волнах затрепетала,
Приближаясь, Маскеноза,—
Гневом вспыхнул Гайавата
И воскликнул: «Иза, иза! —
Стыд тебе, о Маскепоза!
Ты лишь щука, ты не Нама,
Не тебе я кинул вызов!»

Со стыдом на дно вернулась,
Опустилась Маскеноза;
А могучий Мише-Нама
Обратился к Угудвошу,
Неуклюжему Самглаву:
«Встань, воспользуйся приманкой,
Оборви лесу нахала!»

Словно белый, полный месяц,
Встал, качаясь и сверкая,
Угудвош, Самглав тяжелый,
И, схватив лесу, так сильно
Закружился вместе с нею,
Что вверху в водовороте
Завертелася пирога,
Волны, с плеском разбегаясь,
По всему пошли заливу,
А с песчаных белых мелей,
С отдаленного прибрежья
Закивали, зашумели
Тростники и длинный шпажник.

Но когда пред Гайаватой
Из воды поднялся белый
И тяжелый круг Самглава,
Громко крикнул Гайавата:
«Иза, иза! — Стыд Самглаву!
Угудвош ты, а не Нама,
Не тебе я кинул вызов!»

Тихо вниз пошел, качаясь
И блестя, как полный месяц,
Угудвош прозрачно-белый,
И опять могучий Нама
Услыхал нетерпеливый,
Дерзкий вызов, прозвучавший
По всему Большому Морю.

Сам тогда он с дна поднялся,
Весь дрожа от дикой злобы,
Боевой блистая краской
И доспехами бряцая,
Быстро прыгнул он к пироге,
Быстро выскочил всем телом
На сверкающую воду
И своей гигантской пастью
Поглотил в одно мгновенье
Гайавату и пирогу.

Как бревно по водопаду,
По широким черным волнам,
Как в глубокую пещеру,
Соскользнула в пасть пирога.
Но, очнувшись в полном мраке,
Безнадежно оглянувшись,
Вдруг наткнулся Гайавата
На большое сердце Намы:
Тяжело оно стучало
И дрожало в этом мраке.

И во гневе мощной длапью
Стиснул сердце Гайавата,
Стиснул так, что Мише-Нама
Всеми фибрами затрясся,
Зашумел водой, забился,

Ослабел, ошеломленный
Нестерпимой болью в сердце.

Поперек тогда поставил
Легкий челн свой Гайавата,
Чтоб из чрева Мише-Намы,
В суматохе и тревоге,
Не упасть и не погибнуть.
Рядом белка, Аджидомо,
Резво прыгала, болтала,
Помогала Гайавате
И трудилась с ним все время.

И сказал ей Гайавата:
«О мой маленький товарищ!
Храбро ты со мной трудилась,
Так прими же, Аджидомо,
Благодарность Гайаваты
И то имя, что сказал я:
Этим именем все дети
Будут звать тебя отныне!»

И опять забился Нама,
Заметался, задыхаясь,
А потом затих — и волны
Понесли его к прибрежью.
И когда под Гайаватой
Зашуршал прибрежный щебень,
Понял он, что Мише-Нама,
Бездыханный, неподвижный,
Принесен волной к прибрежью.

Тут бессвязный крик и вопли
Услыхал он над собою,
Услыхал шум длинных крыльев,
Переполнивший весь воздух,
Увидал полоску света
Меж широких ребер Намы
И Кайошк, крикливых чаек,
Что блестящими глазами
На него смотрели зорко
И друг другу говорили:
«Это брат наш, Гайавата!»

И в восторге Гайавата
Крикнул им, как из пещеры:
«О Кайошк, морские чайки,
Братья, сестры Гайаваты!
Умертвил я Мише-Наму,—
Помогите же мне выйти
Поскорее на свободу,
Рвите клювами, когтями
Бок широкий Мише-Намы,
И отныне и вовеки
Прославлять вас будут люди,
Называть, как я вас пáзвал!»

Дикой, шумной стаей чайки
Припялися за работу,
Быстро щели проклевали
Меж широких ребер Намы,
И от смерти в чреве Намы,
От погибели, от плена,
От могилы под водою
Был избавлен Гайавата.

Возле самого вигвама
Стал на берег Гайавата;
Тотчас крикнул он Нокомис,
Вызвал старую Нокомис
Посмотреть на Мише-Наму:
Мертвый он лежал у моря,
И его клевали чайки.

«Умертвил я Мише-Наму,
Победил его! — сказал он.—
Вон над ним уж вьются чайки.
То друзья мои, Нокомис!
Не гони их прочь, не трогай:
Я от смерти в чреве Намы
Был сейчас избавлен ими.
Пусть они свой пир окончат,
Пусть зобы наполнят пищей;
А когда, с заходом солнца,
Улетят они на гнезда,
Принеси котлы и чаши,
Заготовь к зиме нам жиру».

И Нокомис до заката
Просидела на прибрежье.
Вот и месяц, солнце ночи,
Встал над тихою водою,
Вот и чайки с шумным криком,
Кончив пир свой, поднялися,
Полетели к отдаленным
Островам на Гитчи-Гюми,
И сквозь зарево заката
Долго их мелькали крылья.

Мирным сном спал Гайавата;
А Нокомис терпеливо
Принялася за работу
И трудилась в лунном свете
До зари, пока не стало
Небо красным на востоке.
А когда сменило солнце
Бледный месяц,— с отдаленных
Островов на Гитчи-Гюми
Воротились стаи чаек,
С криком кинулись на пищу.

Трое суток, чередуясь
С престарелою Нокомис,
Чайки жир срывали с Намы.
Наконец меж голых ребер
Волны начали плескаться,
Чайки скрылись, улетели,
И остались на прибрежье
Только кости Мише-Намы.

ГАЙАВАТА И ЖЕМЧУЖНОЕ ПЕРО

На прибрежье Гитчи-Гюми,
Светлых вод Большого Моря,
Вышла старая Нокомис,
Простирая в гневе руку
Над водой к стране заката,
К тучам огненным заката.

В гневе солнце заходило,
Пролагая путь багряный,

Зажигая тучи в небе,
Как вожди сжигают степи,
Отступая пред врагами;
А луна, ночное солнце,
Вдруг восстала из засады
И направилась в погоню
По следам его кровавым,
В ярком зареве пожара.

И Нокомис, простирая
Руку слабую к закату,
Говорила Гайавате:
«Там живет волшебник злобный
Меджисогвон, Дух Богатства,
Тот, кого Пером Жемчужным
Называют все народы;
Там озера смоляные
Разливаются, чернея,
До багряных туч заката;
Там, среди трясины мрачной,
Вьются огненные змеи,
Змеи страшные, Кинэбик!
То хранители и слуги
Меджисогвона-убийцы.

Это им убит коварно
Мой отец, когда на землю
Он с луны за мной спустился
И меня искал повсюду.
Это злобный Меджисогвон
Посылает к нам недуги,
Посылает лихорадки,
Дышит белой мглою с тундры,
Дышит сыростью болотных,
Смертоносных испарений!

Лук возьми свой, Гайавата,
Острых стрел возьми с собою,
Томагаук, Поггэвогон,
Рукавицы, Минджикэвон,
И березовую лодку.
Желтым жиром Мише-Намы
Смажь бока ее, чтоб легче
Было плыть ей по болотам,

И убей ты чародея,
Отомсти врагу Нокомис,
Отомсти врагу народа!»

Быстро в путь вооружился
Благородный Гайавата;
Легкий челн он сдвинул в воду,
Потрепал его рукою,
Говоря: «Вперед, пирога,
Друг мой верный и любимый,
К змеям огненным, Кинэбик,
К смоляным озерам черным!»

Гордо вдаль неслась пирога,
Грозно песню боевую
Пел отважный Гайавата;
А над ним Киню могучий,
Боевой орел могучий,
Вождь пернатых, с диким криком
В небесах кругами плавал.

Скоро он и змей увидел,
Исполинских змей увидел,
Что лежали средь болота,
Ежась, искрясь средь болота,
На пути сплетаясь в кольца,
Подымаясь, наполняя
Воздух огненным дыханьем,
Чтоб никто не мог проникнуть
К Меджисогвону в жилище.

Но бесстрашный Гайавата,
Громко крикнув, так сказал им:
«Прочь с дороги, о Кинэбик!
Прочь с дороги Гайаваты!»
А они, свирепо ежась,
Отвечали Гайавате
Свистом, огненным дыханьем:
«Отступи, о Шогодайя!
Воротись к Нокомис старой!»

И тогда во гневе поднял
Мощный лук свой Гайавата,
Сбросил с плеч колчан — и начал

Поражать их беспощадно:
Каждый звук тугой и крепкой
Тетивы был криком смерти,
Каждый свист стрелы певучей —
Песнью смерти и победы!

Тяжело в воде кровавой
Змеи мертвые качались,
И победно Гайавата
Плыл меж ними, восклицая:
«О, вперед, моя пирога,
К смоляным озерам черным!»

Желтым жиром Мише-Намы
Он бока и нос пироги
Густо смазал, чтобы легче
Было плыть ей по болотам.
И до света одиноко
Плыл он в этом сонном мире,
Плыл в воде, густой и черной,
Вековой корой покрытой
От размытых и гниющих
Камышей и листьев лилий;
И безжизненно и мрачно
Перед ним вода блестела,
Озаренная луною,
Озаренная мерцаньем
Огоньков, что зажигают
Души мертвых на стоянках
В час тоскливой, долгой ночи.

Белым месячным сияньем
Тихий воздух был наполнен;
Тени ночи по болотам
Далеко кругом чернели;
А москиты Гайавате
Пели песню боевую;
Светляки, блестя, кружились,
Чтобы сбить его с дороги,
И в густой воде Дагинда
Тяжело зашевелилась,
Тупо желтыми глазами
Поглядела на пирогу,
Зарыдала — и исчезла;

И мгновенно огласилось
Все кругом стозвучным свистом,
И Шух-шух-га издалека
С камышового прибрежья
Возвестила громким криком
О прибытии героя!

Так держал путь Гайавата,
Так держал он путь на запад,
Плыл всю ночь, пока не скрылся
С неба бледный, полный месяц.
А когда пригрело солнце,
Стало плечи жечь лучами,
Увидал он пред собою
На холме Вигвам Жемчужный —
Меджисогвопа жилище.

Вновь тогда своей пироге
Он сказал: «Вперед!» — и быстро,
Величаво и победно
Пропеслась она средь лилий,
Чрез густой прибрежный шпажник.
И на берег Гайавата
Вышел, ног не замочивши.

Тотчас взял он лук свой верный,
Утвердил в песке, коленом
Надавил посередине
И могучей тетивою
Запустил стрелу-певунью,
Запустил в Вигвам Жемчужный,
Как гонца с своим посланьем,
С гордым вызовом на битву:
«Выходи, о Меджисогвон:
Гайавата ожидает».

Быстро вышел Меджисогвон
Из Жемчужного Вигвама,
Быстро вышел он, могучий,
Рослый и широкоплечий,
Сумрачный и страшный видом,
С головы до ног покрытый
Украшеньями, оружьем,
В алых, синих, желтых красках,

Словно небо на рассвете,
В развевающихся перьях
Из орлиных длинных крыльев.

«А, да это Гайавата! —
Громко крикнул он с насмешкой,
И, как гром, тот крик раздался.—
Отступи, о Шогодайя!
Уходи скорее к бабам,
Уходи к Нокомис старой!
Я убью тебя на месте,
Как ее отца убил я!»

Но без страха, без смущенья
Отвечал мой Гайавата:
«Хвастовством и грубым словом
Не сразишь, как томагавком;
Дело лучше слов бесплодных
И острей насмешек стрелы.
Лучше действовать, чем хвастать!»

И начался бой великий,
Бой, невиданный под солнцем!
От восхода до заката —
Целый летний день он длился,
Ибо стрелы Гайаваты
Бесполезно ударялись
О жемчужную кольчугу.
Бесполезны были даже
Рукавицы, Миндживовон,
И тяжелый томагавк:
Раздроблять он мог утесы,
Но колец не мог разбить он
В заколдованной кольчуге.

Наконец перед закатом,
Весь израненный, усталый,
С расщепленным томагавком,
С рукавицами, в лохмотьях
И с тремя стрелами только,
Гайавата безнадежно
На упругий лук склонился
Под старинною сосною;
Мох с ветвей ее тянулся,

А на пне грибы желтели —
Мертвецов печальных обувь.

Вдруг зеленый дятел, Мэма,
Закричал над Гайаватой:
«Целься в темя, Гайавата,
Прямо в темя чародея,
В корни кос ударь стрелою:
Только там и уязвим он!»

В легких перьях, в халцедоне,
Понеслась стрела-певунья
В тот момент, как Меджисогвон
Поднимал тяжелый камень,
И вонзилась прямо в темя,
В корни длинных кос вонзилась.
И споткнулся, зашатался
Меджисогвон, словно буйвол,
Да, как буйвол, пораженный
На лугу, покрытом снегом.

Вслед за первою стрелою
Полетела и вторая,
Понеслась быстрее первой,
Поразила глубже первой;
И колени чародея,
Как тростник, затрепетали,
Как тростник, под ним согнулись.

А последняя взвилася
Легче всех — и Меджисогвон
Увидал перед собою
Очи огненные смерти,
Услыхал из мрака голос,
Голос Погока призывный.
Без дыхания, без жизни
Пал могучий Меджисогвон
На песок пред Гайаватой.

Благодарный Гайавата
Взял тогда немного крови
И, позвав с сосны печальной
Дятла, выкрасил той кровью
На головке дятла гребень
За его услугу в битве;

И доныпе Мэма носит
Хохолок из красных перьев.

После, в знак своей победы,
В память битвы с чародеем,
Он сорвал с него кольчугу
И оставил без призора
На песке прибрежном тело.
На песке оно лежало,
Погребенное по пояс,
Головой поникнув в воду,
А над ним кружился с криком
Боевой орел могучий,
Плавал медленно кругами,
Тихо, тихо вниз спускаясь.

Из внгвама чародея
Гайавата снес в пирогу
Все сокровища, весь вампум,
Снес меха бобров, бизонов,
Соболей и горностаев,
Нитки жемчуга, колчаны
И серебряные стрелы —
И поплыл домой, ликуя,
С громкой песнею победы.

Там к нему па берег вышли
Престарелая Нокомис,
Чайбайабос, мощный Квазинд;
А народ героя встретил
Пляской, пеньем, восклицая:
«Слава, слава Гайавате!
Побежден им Меджисогвон,
Побежден волшебник злобный!»

Навсегда остался дорог
Гаїавате дятел, Мэма.
В честь его и в память битвы
Он свою украсил трубку
Хохолком из красных перьев,
Гребешком багровым Мэмы,
А богатство чародея
Разделил с своим народом,
Разделил по равной части.

«Муж с женой подобен луку,
Луку с крепкой тетивою;
Хоть она его сгибает,
Но ему сама послушна,
Хоть она его и тянет,
Но сама с ним неразлучна;
Порознь оба бесполезны!»

Так раздумывал нередко
Гайавата и томился
То отчаяньем, то страстью,
То тревожною надеждой,
Предаваясь пылким грезам
О прекрасной Миннегаге
Из страны Дакотов диких.

Осторожная Нокомис
Говорила Гайавате:
«Не женись на чужеземке,
Не ищи жены по свету!
Дочь соседа, хоть простая,—
Что очаг в родном вигваме,
Красота же чужеземки —
Это лунный свет холодный,
Это звездный блеск далекий!»

Так Нокомис говорила.
Но разумно Гайавата
Отвечал ей: «О Нокомис!
Мил очаг в родном вигваме,
Но милей мне звезды в небе,
Ясный месяц мне милее!»

Строго старая Нокомис
Говорила: «Нам не нужно
Праздных рук и ног ленивых;
Приведи жену такую,
Чтоб работала с любовью,
Чтоб проворны были руки,
Ноги двигались охотно!»

Улыбаясь, Гайавата
Молвил: «Я в земле Дакотов

Стрелоделателя знаю;
У него есть дочь-невеста,
Что прекрасней всех прекрасных;
Я введу ее в вигвам твой,
И она тебе в работе
Будет дочерью покорной,
Будет лунным, звездным светом,
Огоньком в твоем вигваме,
Солнцем нашего народа!»

Но опять свое твердила
Осторожная Нокомис:
«Не вводи в мое жилище
Чужеземку, дочь Дакота!
Злобны дикие Дакоты,
Часто мы воюем с ними,
Распри наши не забыты,
Раны наши не закрылись!»

Усмехаясь, Гайавата
И на это ей ответил:
«Потому-то и пойду я
За невестой в край Дакотов,
Для того пойду, Нокомис,
Чтоб окончить наши распри,
Залечить навеки раны!»

И пошел в страну красавиц,
В край Дакотов, Гайавата,
В путь далекий по долинам,
В тишине равнин пустынных,
В тишине лесов дремучих.

С каждым шагом делал милю
Он в волшебных мокасинах;
Но быстрей бежали мысли,
И дорога бесконечной
Показалась Гайавате!
Наконец, в безмолвье леса
Услыхал он гул потоков,
Услыхал призывный грохот
Водопадов Миннегаги.
«О, как весел,— прошептал он,—
Как отраден этот голос,
Призывающий в молчанье!»

Меж деревьев, где играли
Свет и тени, он увидел
Стадо чуткое оленей.
«Не сплошай!» — сказал он луку,
«Будь верней!» — стреле промолвил,
И когда стрела-певупья,
Как оса, впилась в оленя,
Он взвалил его на плечи
И пошел еще быстрее.

У дверей в своем Вигваме,
Вместе с милой Миннегагой,
Стрелоделатель работал.
Он точил на стрелы яшму,
Халцедон точил блестящий,
А она плела в раздумье
Тростниковые циновки;
Все о том, что будет с нею,
Тихо девушка мечтала,
А старик о прошлом думал.

Вспоминал он, как, бывало,
Вот такими же стрелами
Поражал он на долинах
Робких ланей и бизонов,
Поражал в лугах зеленых
На лету гусей крикливых;
Вспоминал и о великих
Боевых отрядах прежних,
Покупавших эти стрелы.
Ах, уж нет теперь подобных
Славных воинов на свете!
Ныне воины что бабы:
Языком болтают только!

Миннегага же в раздумье
Вспоминала, как весною
Приходил к отцу охотник,
Стройный юноша-красавец
Из земли Оджибуэев,
Как сидел он в их вигваме,
А простившись, обернулся,
На нее взглянул украдкой.
Сам отец потом нередко

В нем хвалил и ум и храбрость.
Только будет ли он снова
К водопадам Миннегаги?
И в раздумье Миннегага
Вдаль рассеянно глядела,
Опускала праздно руки.

Вдруг почудился ей шорох,
Чья-то поступь в чаще леса,
Шум ветвей,— и чрез мгновенье,
Разрумяненный ходьбою,
С мертвой ланью за плечами,
Стал пред нею Гайавата.

Строгий взор старик на гостя
Быстро вскинул от работы,
Но, узнавши Гайавату,
Отложил стрелу, поднялся
И просил войти в жилище.
«Будь здоров, о Гайавата!» —
Гайавате он промолвил.

Пред невестой Гайавата
Сбросил с плеч свою добычу,
Положил пред ней оленя;
А она, подняв ресницы,
Отвечала Гайавате
Кроткой лаской и приветом:
«Будь здоров, о Гайавата!»

Из оленьей крепкой кожи
Сделан был вигвам просторный,
Побелен, богато убран
И дакотскими богами
Разрисован и расписан.
Двери были так высоки,
Что, входя, едва нагнулся
Гайавата на пороге,
Чуть коснулся занавесок
Головой в орлиных перьях.

Встала с места Миннегага,
Отложив свою работу,
Принесла к обеду пищи,

За водой к ручью сходила
И стыдливо подавала
С пищей глиняные миски,
А с водой — ковши из липы.
После села, стала слушать
Разговор отца и гостя,
Но сама во всей беседе
Ни словечка не сказала!

Да, как будто сквозь дремоту
Услыхала Миннегага
О Нокомис престарелой,
Воспитавшей Гайавату,
О друзьях его любимых
И о счастье, о довольстве
На земле Оджибуэев,
В тишине долин веселых.

«После многих лет раздора,
Многих лет борьбы кровавой
Мир настал теперь в селеньях
Оджибвэев и Дакотов! —
Так закончил Гайавата,
А потом прибавил тихо: —
Чтобы этот мир упрочить,
Закрепить союз сердечный,
Закрепить навеки дружбу,
Дочь свою отдай мне в жены,
Отпусти в мой край родимый,
Отпусти к нам Миннегагу!»

Призадумался немного
Старец, прежде чем ответить,
Покурил в молчанье трубку,
Посмотрел на гостя гордо,
Посмотрел на дочь с любовью
И ответил очень важно:
«Это воля Миннегаги.
Как решишь ты, Миннегага?»

И смутилась Миннегага
И еще милей и краше
Стала в девичьем смущенье.
Робко рядом с Гайаватой

Опустилась Миннегага
И, краснея, отвечала:
«Я пойду с тобою, муж мой!»

Так решила Миннегага!
Так сосватал Гайавата,
Взял красавицу невесту
Из страны Дакотов диких!

Из вигвама рядом с пею
Он пошел в родную землю.
По лесам и по долинам
Шли они рука с рукою,
Оставляя одиноким
Старика отца в вигваме,
Покидая водопады,
Водопады Миннегаги,
Что взывали издалека:
«Добрый путь, о Миннегага!»

А старик, простившись с ними,
Сел на солнышко к порогу
И, копаясь за работой,
Бормотал: «Вот так-то дочки!
Любишь их, лелеешь, холишь,
А дождешься их опоры,
Глядь — уж юноша приходит,
Чужеземец, что на флейте
Поиграет да побродит
По деревне, выбирая
Покрасивее невесту,—
И простись навеки с дочкой!»

Весел был их путь далекий
По холмам и по долинам,
По горам и по ущельям,
В тишине лесов дремучих!
Быстро время пролетало,
Хоть и тихо Гайавата
Шел теперь — для Миннегаги,
Чтоб она не утомилась.

На руках через стремнины
Нес он девушку с любовью,—

Легким перышком казалась
Эта ноша Гайавате.
В дебрях леса, под ветвями,
Он прокладывал тропинки,
На ночь ей шалаш построил,
Постелил постель из листьев
И развел костер у входа
Из сухих сосновых шишек.

Ветерки, что вечно бродят
По лесам и по долинам,
Путь держали вместе с ними;
Звезды чутко охраняли
Мирный сон их темной ночью;
Белка с дуба зорким взглядом
За влюбленными следила,
А Вабассо, белый кролик,
Убегал от них с тропинки
И, привстав на задних лапках,
Из норы глядел украдкой
С любопытством и со страхом.

Весел был их путь далекий!
Птицы сладко щебетали,
Птицы звонко пели песни
Мирной радости и счастья.
«Ты счастлив, о Гайавата,
С кроткой, любящей женою!» —
Пел Овейса синеперый.
«Ты счастлива, Миннегага,
С благородным, мудрым мужем!» —
Опечи пел красногрудый.

Солнце ласково глядело
Сквозь тенистые деревья,
Говорило им: «О дети!
Злоба — тьма, любовь — свет солнца,
Жизнь играет тьмой и светом,—
Правь любовью, Гайавата!»

Месяц с неба в час полночный
Заглянул в шалаш, наполнил
Мрак таинственным сияньем
И шепнул им: «Дети, дети!

Ночь тиха, а день тревожен;
Жены слабы и покорны,
А мужья властолюбивы,—
Правь терпеньем, Миннегага!»

Так они достигли дома,
Так в вигвам Нокомис старой
Возвратился Гайавата
Из страны Дакотов диких,
Из страны красивых женщин,
С Миннегагою прекрасной.
И была она в вигваме
Огоньком его вечерним,
Светом лунным, светом звездным,
Светлым солнцем для народа.

СВАДЕБНЫЙ ПИР ГАЙАВАТЫ

Стану петь, как По-Пок-Кивис,
Как красавец Йенадиззи
Танцевал под звуки флейты,
Как учтивый Чайбайабос,
Сладкогласный Чайбайабос
Песни пел любви-томленья
И как Ягу, дивный мастер
И рассказывать и хвастать,
Сказки сказывал на свадьбе,
Чтобы пир был веселее,
Чтобы время шло приятней,
Чтоб довольны были гости!

Пышный пир дала Нокомис,
Пышно праздновала свадьбу!
Чаши были все из липы,
Ярко-белые и с глянцем,
Ложки были все из рога,
Ярко-черные и с глянцем.

В знак торжественного пира,
Приглашения на свадьбу,
Всем соседям ветви ивы
В этот день она послала;

И соседи собрались
К пиру в праздничных нарядах,
В дорогих мехах и перьях,
В разноцветных ярких красках,
В пестром вампуме и бусах.

На пиру они сначала
Осетра и щуку ели,
Приготовленных Нокомис;
После — пимикан олений,
Пимикан и мозг бизона,
Горб быка и ляжку лани,
Рис и желтые лепешки
Из толченой кукурузы.

Но радушный Гайавата,
Мишегага и Нокомис
При гостях не сели к пище:
Только потчевали молча,
Только молча им служили.
А когда обед был кончен,
Хлопотливая Нокомис
Из большого меха выдры
Тотчас каменные трубки
Табаком набила южным,
Табаком с травой пахучей
И с корою красной ивы.

После ласково сказала:
«Протанцуй нам, По-Пок-Кивис,
Танец Нищего веселый,
Чтобы пир был веселее,
Чтобы время шло приятней,
Чтоб довольны были гости!»

И красавец По-Пок-Кивис,
Беззаботный Йенадиззи,
Озорник, всегда готовый
Веселиться и буянить,
Тотчас встал среди собранья.
Ловок был он в плясках, в танцах,
В состязаньях и забавах,
Смел и ловок в разных играх,
Даже в самых трудных играх!

На деревне По-Пок-Кивис
Слыл пропащим человеком,
Игроком, лентяем, трусом;
Но насмешки и прозванья
Не смущали Йенадиззи:
Ведь зато он был красавец
И большой любимец женщин!

Он стоял в одежде белой
Из пушистой ланьей шкуры,
Окаймленной горностаем,
Густо вампумом расшитой
И ежовою щетиной;
В головном его уборе
Колыхался пух лебяжий;
На козловых мокасинах
Красовались иглы, бисер
И хвосты лисиц — на пятках,
А в руках держал он трубку
И большое опахало.

Краской желтою и красной,
Краской алою и синей
Все лицо его сияло;
В косы, смазанные маслом,
И с пробором, как у женщин,
Вплетены гирлянды были
Из пахучих трав и листьев.
Вот как убран и наряжен
Встал красавец По-Пок-Кивис,
Встал при звуках флейт и песен,
Голосов и барабанов
И свой дивный танец начал.

Танцевал он прежде важно,
Выступая меж деревьев —
То под тенью, то на солнце —
Мягким шагом, как пантера;
После — все быстрей, быстрее
Закружился, завертелся,
Вкруг вигвама начал прыгать
Через головы сидящих
Так, что ветер, пыль и листья
Понеслись за ним кругами!

А потом вдоль Гитчи-Гюми,
По песчаному прибрежью,
Как безумный, он помчался,
Ударяя с дикой силой
Мокасинами о землю
Так, что ветер стал уж бурей,
Засвистал песок, вздымаясь,
Словно вьюга по пустыне,
И покрылося прибрежье
Все холмами Нэго-Воджу!
Так веселый По-Пок-Кивис
Танец Нищего окончил
И, окончив, возвратился
К месту пира, сел с гостями,
Сел, спокойно улыбаясь
И махая опахалом.

После друга Гайаваты,
Чайбайабоса, просили:
«Спой нам песню, Чайбайабос,
Песню страсти, песню неги,
Чтобы пир был веселее,
Чтобы время шло приятней,
Чтоб довольны были гости!»

И прекрасный Чайбайабос
Спел им нежно, сладкозвучно,
Спел в волнении глубоком
Песню страсти, песню неги;
Все смотря на Гайавату,
Все смотря на Миннегагу,
Тихо пел он эту песню:

«Опэвэ! Проснись, родная!
Ты, лесной цветочек дикий,
Ты, лугов зеленых птичка,
Птичка дикая, певунья!

Взор твой кроткий, взор косули,
Так отраден, так отраден,
Как роса для нежных лилий
В час вечерний на долине!

А твое дыханье сладко,
Как цветов благоуханье,

Как дыханье их зарею
В Месяц Падающих Листьев!

Не стремлюсь ли я всем сердцем
К сердцу милой, к сердцу милой,
Как ростки стремятся к солнцу
В тихий Месяц Светлой Ночи?

Онэвэ! Трепещет сердце
И поет тебе в восторге,
Как поют, вздыхают ветви
В ясный Месяц Земляники!

Загрустишь ли ты, родная,—
И мое темнеет сердце,
Как река, когда над нею
Облака бросают тени!

Улыбнешься ли, родная,—
Сердце вновь дрожит и блещет,
Как под солнцем блещут волны,
Что рябит холодный ветер!

Пусть улыбкою сияют
Небеса, земля и воды,—
Не могу я улыбаться,
Если милой я не вижу!

Я с тобой, с тобой! Взгляни же,
Кровь трепещущего сердца!
О, проснись! Проснись, родная!
Онэвэ! Проснись, родная!»

Так прекрасный Чайбайабос
Песню пел любви-томленья;
И хвастливый, старый Ягу,
Удивительный рассказчик,
Слушал с завистью, как гости
Восторгались сладким пеньем;
Но потом, по их улыбкам,
По глазам и по движеньям
Увидал, что все собранье
С петерпеньем ожидает
И его веселых басен,
Непомерно лживых сказок.

Очень был хвастлив мой Ягу!
В самых дивных приключеньях,
В самых смелых предприятьях —
Всюду был героем Ягу:
Он узнал их не по слухам,
Он воочию их видел!

Если б только Ягу слушать,
Если б только Ягу верить,
То нигде никто из лука
Не стреляет лучше Ягу,
Не убил так много ланей,
Не поймал так много рыбы
Иль речных бобров в капканы.

Кто резвее всех в деревне?
Кто всех дальше может плавать?
Кто ныряет всех смелее?
Кто пространствовал по свету
И диковин насмотрелся?
Уж, конечно, это Ягу,
Удивительный рассказчик.

Имя Ягу стало шуткой
И пословицей в народе;
И когда хвастун-охотник
Чересчур охотой хвастал
Или воин завирался,
Возвратившись с поля битвы,
Все кричали: «Ягу, Ягу!
Новый Ягу появился!»

Это он связал когда-то
Из коры зеленой липы
Люльку жилами оленя
Для малютки Гайаваты.
Это он ему позднее
Показал, как надо делать
Лук из ясеня упругий,
А из сучьев дуба — стрелы.
Вот каков был этот Ягу,
Безобразный, старый Ягу,
Удивительный рассказчик!

И промолвила Нокомис:
«Расскажи нам, добрый Ягу,
Почудесней сказку, басню,
Чтобы пир был веселее,
Чтобы время шло приятней,
Чтоб довольны были гости!»

И ответил Ягу тотчас:
«Вы услышите сегодня
Повесть — дивное сказанье
О волшебнике Оссэо,
Что сошел с Звезды Вечерней!»

СЫН ВЕЧЕРНЕЙ ЗВЕЗДЫ

«То не солнце ли заходит
Над равниной водяною?
Иль то раненый фламинго
Тихо плавает, летает,
Обагряет волны кровью,
Кровью, падающей с перьев,
Наполняет воздух блеском,
Блеском длинных красных перьев?

Да, то солнце утопает,
Погружаясь в Гитчи-Гюми;
Небеса горят багрянцем,
Воды блещут алой краской!
Нет, то плавает фламинго,
В волны красные ныряя;
К небесам простер он крылья
И окрасил волны кровью!

Огонек Звезды Вечерней
Тает, в пурпуре трепещет,
В полумгле висит над морем.
Нет, то вампум серебрится
На груди Владыки Жизни,
То Великий Дух проходит
Над темнеющим закатом!

На закат смотрел с восторгом
Долго, долго старый Ягу;

Вдруг воскликнул: «Посмотрите!
Посмотрите на священный
Огонек Звезды Вечерней!
Вы услышите сказанье
О волшебнике Оссэо,
Что сошел с Звезды Вечерней!

В незапамятные годы,
В дни, когда еще для смертных
Небеса и сами боги
Были ближе и доступней,
Жил на севере охотник
С молодыми дочерями;
Десять было их, красавиц,
Стройных, гибких, словно ива,
Но прекрасней всех меж ними
Овини была, меньшая.

Вышли девушки все замуж,
Все за воинов отважных,
Овини одна не скоро
Жениха себе сыскала.
Своенравна и сурова,
Молчалива и печальна
Овини была — и долго
Женихов, красавцев юных,
Прогоняла прочь с насмешкой,
А потом взяла да вышла
За убогого Оссэо!
Нищий, старый, безобразный,
Вечно кашлял он, как белка.

Ах, но сердце у Оссэо
Было юным и прекрасным!
Он сошел с Звезды Заката,
Он был сын Звезды Вечерней,
Сын Звезды любви и страсти!
И огонь ее, и чары,
И краса, и блеск лучистый —
Все в груди его таилось,
Все в речах его сверкало!

Женихи, любовь которых
Овини отвергла гордо,—

Йенадиззи в ожерельях,
В пышных перьях, ярких красках
Насмехалися над нею;
Но она им так сказала:
«Что за дело мне до ваших
Ожерелий, красок, перьев
И насмешек непристойных!
Я счастлива за Оссэо!»

Раз в ненастный, темный вечер
Шли веселою толпою
На веселый праздник сестры,—
Шли на званый пир с мужьями;
Тихо следовал за ними
С молодой женой Оссэо.
Все шутили и смеялись —
Эти двое шли в молчанье.

На закат смотрел Оссэо,
Взор подняв, как бы с мольбою;
Отставал, смотрел с мольбою
На Звезду любви и страсти,
На трепещущий и нежный
Огонек Звезды Вечерней;
И расслышали все сестры,
Как шептал Оссэо тихо:
«Ах, шовэн нэмэшин, Ноза!—
Сжалься, сжалься, о отец мой!»

«Слышишь? — старшая сказала.—
Он отца о чем-то просит!
Право, жаль, что старикашка
Не споткнется на дороге,
Головы себе не сломит!»
И смеялись сестры злобно
Непристойным, громким смехом.

На пути их, в дебрях леса,
Дуб лежал, погибший в бурю,
Дуб-гигант, покрытый мохом,
Полусгнивший под листвою,
Почерневший и дуплистый.
Увидав его, Оссэо
Испустил вдруг крик тоскливый

И в дупло, как в яму, прыгнул.
Старым, дряхлым, безобразным
Он упал в него, а вышел —
Сильным, стройным и высоким,
Статным юношей, красавцем!

Так вернулася к Оссэо
Красота его и юность;
Но — увы! — за ним мгновенно
Овини преобразилась!
Стала древнею старухой,
Дряхлой, жалкою старухой,
Поплелась с клюкой, согнувшись,
И смеялись все над нею
Непристойным, громким смехом.

Но Оссэо не смеялся,
Овини он не покинул,
Нежно взял ее сухую
Руку — темную, в морщинах,
Как дубовый лист зимою,
Называл своею милой,
Милым другом, Нинимуша,
И пришел с ней к месту пира,
Сел за трапезу в вигваме.
Тот вигвам в лесу построен
В честь святой Звезды Заката.

Очарованный мечтами,
На пиру сидел Оссэо.
Все шутили, веселились,
Но печален был Оссэо!
Не притронулся он к пище,
Не сказал ни с кем ни слова,
Не слыхал речей веселых;
Лишь смотрел с тоской во взоре
То на Овини, то кверху,
На сверкающие звезды.

И пронесся тихий шепот,
Тихий голос, зазвучавший
Из воздушного пространства,
От далеких звезд небесных.
Мелодично, смутно, нежно

Говорил он: «О Оссэо!
О возлюбленный, о сын мой!
Тяготели над тобою
Чары злобы, темной силы,
Но разрушены те чары;
Встань, приди ко мне, Оссэо!

Яств отведай этих дивных,
Яств вкуси благословенных,
Что стоят перед тобою;
В них волшебная есть сила:
Их вкусив, ты станешь духом;
Все твои котлы и блюда
Не простой посудой будут:
Серебром котлы заблещут,
Блюда — в вампум превратятся.
Будут все огнем светиться,
Блеском раковин пурпурных.

И спадет проклятье с женщин,
Иго тягостной работы:
В птиц они все превратятся,
Засияют звездным светом,
Ярким отблеском заката
На вечерних нежных тучках».

Так сказал небесный голос;
Но слова его понятны
Были только для Оссэо,
Остальным же он казался
Грустным пеньем Вавонэйсы,
Пеньем птиц во мраке леса,
В отдаленных чащах леса.

Вдруг жилище задрожало,
Зашаталось, задрожало,
И почувствовали гости,
Что возносятся на воздух!
В небеса, к далеким звездам,
В темноте ветвистых сосен,
Плыл вигвам, минуя ветви,
Миновал — и вот все блюда
Засияли алой краской,
Все котлы из сизой глины —

Вмиг серебряными стали,
Все шесты вигвама ярко
Засверкали в звездном свете,
Как серебряные прутья,
А его простая кровля —
Как жуков блестящих крылья.

Поглядел кругом Оссэо
И увидел, что и сестры
И мужья сестер-красавиц
В разных птиц все превратились:
Были тут скворцы с дроздами,
Были сойки и сороки,
И все прыгали, порхали,
Охорашивались, пели,
Щеголяли блеском перьев,
Распускали хвост, как веер.

Только Овини осталась
Дряхлой, жалкою старухой
И в тоске сидела молча.
Но, взглянувши вверх, Оссэо
Испустил вдруг крик тоскливый,
Вопль отчаянья, как прежде,
Над дуплистым старым дубом,
И мгновенно к ней вернулась
Красота ее и юность;
Все ее лохмотья стали
Белым мехом горностая,
А клюка — пером блестящим,
Да, серебряным, блестящим!

И опять вигвам поднялся,
В облаках поплыл прозрачных,
По воздушному теченью,
И пристал к Звезде Вечерней,—
На звезду спустился тихо,
Как снежинка на снежинку,
Как листок на волны речки,
Как пушок репейный в воду.

Там с приветливой улыбкой
Вышел к ним отец Оссэо,
Старец с кротким, ясным взором,

С серебристыми кудрями,
И сказал: «Повесь, Оссэо,
Клетку с птицами своими,
Клетку с пестрой птичьей стаей,
У дверей в моем вигваме!»

У дверей повесив клетку,
Он вошел в вигвам с женою,
И тогда отец Оссэо,
Властелин Звезды Вечерней,
Им сказал: «О мой Оссэо!
Я мольбы твои услышал,
Возвратил тебе, Оссэо,
Красоту твою и юность,
Превратил сестер с мужьями
В разноперых птиц за шутки,
За насмешки над тобою.
Не сумел никто меж ними
Оценить в убогом старце,
В жалком образе калеки
Сердца пылкого Оссэо,
Сердца вечно молодого.
Только Овини сумела
Оценить тебя, Оссэо!

Там, на звездочке, что светит
От Звезды Вечерней влево,
Чародей живет, Вэбино,
Дух и зависти и злобы;
Превратил тебя он в старца.
Берегись лучей Вэбино:
В них волшебная есть сила —
Это стрелы чародея!»

Долго, в мире и согласье,
На Звезде Вечерней мирной
Жил с отцом своим Оссэо;
Долго в клетке над вигвамом
Птицы пели и порхали
На серебряных шесточках,
И супруга молодая
Родила Оссэо сына:
В мать он вышел красотою,
А в отца — дородным видом.

Мальчик рос, мужал с летами,
И отец, ему в утеху,
Сделал лук и стрел наделал,
Отворил большую клетку
И пустил всех птиц на волю,
Чтоб, стреляя в теток, в дядей,
Позабавился малютка.

Там и сям они кружились,
Наполняя воздух звонким
Пеньем счастья и свободы,
Блеском перьев разноцветных;
Но напряг свой лук упругий,
Запустил стрелу из лука
Мальчик, маленький охотник,—
И упала с ветки птичка,
В ярких перышках, на землю,
Насмерть раненная в сердце.

Но — о, чудо! — уж не птицу
Видит он перед собою,
А красавицу младую
С роковой стрелою в сердце!

Кровь ее едва упала
На священную планету,
Как разрушилися чары,
И стрелок отважный, юный
Вдруг почувствовал, что кто-то
По воздушному пространству
В облаках его спускает
На зеленый, злачный остров
Посреди Большого Моря.

Вслед за ним блестящей стаей
Птицы падали, летали,
Как осеннею порою
Листья падают, пестрея,
А за птицами спустился
И вигвам с блестящей кровлей,
На серебряных стропилах,
И принес с собой Оссэо,
Овинни принес с собою.

Вновь тут птицы превратились,
Получили образ смертных,
Образ смертных, но не рост их:
Все Пигмеями остались,
Да, Пигмеями — Пок-Вэджис,
И на острове скалистом,
На его прибрежных мелях
И доныне хороводы
Водят летними ночами
Под Вечернею Звездою.

Это их чертог блестящий
Виден в тихий летний вечер;
Рыбаки с прибрежья часто
Слышат их веселый говор,
Видят танцы в звездном свете».

Кончив свой рассказ чудесный,
Кончив сказку, старый Ягу
Всех гостей обвел глазами
И торжественно промолвил:
«Есть возвышенные души,
Есть непонятые люди!
Я знавал таких немало.
Зубоскалы их нередко
Даже на смех подымают,
Но насмешники должны бы
Чаще думать об Оссэо!»

Очарованные гости
Повесть слушали с восторгом
И рассказчика хвалили,
Но шептались друг с другом:
«Неужель Оссэо — Ягу,
Мы же — тетушки и дяди?»

После снова Чайбайабос
Пел им песнь любви-томленья,
Пел им нежно, сладкозвучно
И с задумчивой печалью
Песню девушки, скорбящей
Об Алгонкине, о милом.

«Горе мне, когда о милом,
Ах, о милом я мечтаю,

Все о нем томлюсь-тоскую,
Об Алгонкине, о милом!

Ах, когда мы расставались,
Он на память дал мне вампум,
Белоснежный дал мне вампум,
Мой возлюбленный, Алгонкин!

«Я пойду с тобой,— шептал он,—
Ах, в твою страну родную;
О, позволь мне»,— прошептал он,
Мой возлюбленный, Алгонкин!

«Далеко,— я отвечала,—
Далеко,— я прошептала,—
Ах, страна моя родная,
Мой возлюбленный, Алгонкин!»

Обернувшись, я глядела,
На него с тоской глядела,
И в мои глядел он очи,
Мой возлюбленный, Алгонкин!

Он один стоял под ивой,
Под густой плакучей ивой,
Что роняла слезы в воду,
Мой возлюбленный, Алгонкин!

Горе мне, когда о милом,
Ах, о милом я мечтаю,
Все о нем томлюсь-тоскую,
Об Алгонкине, о милом!»

Вот как праздновали свадьбу!
Вот как пир увеселяли:
По-Пок-Кивис — бурной пляской,
Ягу — сказкою волшебной,
Чайбайабос — нежной песней.
С песней кончился и праздник,
Разошлись со свадьбы гости
И оставили счастливых
Гайавату с Миннегагой
Под покровом темной ночи.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ПОЛЕЙ

Пой, о песнь о Гайавате,
Пой дни радости и счастья,
Безмятежные дни мира
На земле Оджибуэев!
Пой таинственный Мондамин,
Пой полей благословенье!

Погребен топор кровавый,
Погребен навеки в землю
Тяжкий, грозный томагаук;
Позабыты клики битвы,—
Мир настал среди народов.
Мирно мог теперь охотник
Строить белую пирогу,
На бобров капканы ставить
И ловить сетями рыбу;
Мирно женщины трудились:
Гнали сладкий сок из клепа,
Дикий рис в лугах сбирали
И выделывали кожи.

Вкруг счастливого селенья
Зеленели пышно нивы,—
Вырастал Мондамин стройный
В глянцевитых длинных перьях,
В золотистых мягких косах.
Это женщины весною
Обрабатывали нивы,—
Хоронили в землю маис
На равнинах плодородных;
Это женщины под осень
Желтый плащ с него срывали,
Обрывали косы, перья,
Как учил их Гайавата.

Раз, когда посев был кончен,
Рассудительный и мудрый
Гайавата обратился
К Миннегаге и сказал ей:
«Ты должна сегодня ночью
Дать полям благословенье;
Ты должна волшебным кругом

Обвести свои посевы,
Чтоб ничто им не вредило,
Чтоб никто их не коснулся!

В час ночной, когда все тихо,
В час, когда все тьмой покрыто,
В час, когда Дух Сна, Нэпавин,
Затворяет все вигвамы,
И ничье не слышит ухо,
И ничье не видит око,—
С ложа встань ты осторожно,
Все сними с себя одежды,
Обойди свои посевы,
Обойди кругом все нивы,
Только косами прикрыта,
Только тьмой ночной одета.

И обильней будет жатва;
От следов твоих на ниве
Круг останется волшебный,
И тогда ни ржа, ни черви,
Ни стрекозы, Куо-ни-ши,
Ни тарантул, Соббикаши,
Ни кузнечик, Па-пок-кина,
Ни могучий Вэ-мок-квана,
Царь всех гусениц мохнатых,
Никогда не переступят
Круг священный и волшебный!»

Так промолвил Гайавата;
А ворóн голодных стая,
Жадный Кáгаги, Царь-Ворон,
С шайкой черных мародеров
Отдыхали в ближней роще
И смеялись так, что сосны
Содрогалися от смеха,
От зловещего их смеха
Над словами Гайаваты.
«Ах, мудрец, ах, заговорщик!» —
Говорили птицы громко.

Вот простерлась ночь немая
Над полями и лесами;
Вот и скорбный Вавонэйса

В темноте запел тоскливо,
Притворил Дух Сна, Нэпавин,
Двери каждого вигвама,
И во мраке Миннегага
Поднялась безмолвно с ложа;
Все сняла она одежды
И, окутанная тьмою,
Без смущенья и без страха
Обошла свои посевы,
Начертала по равнине
Круг волшебный и священный.

Только Полночь созерцала
Красоту ее во мраке;
Только смолкший Вавонэйса
Слышал тихое дыханье,
Трепет сердца Миннегаги;
Плотно мантией священной
Ночи мрак ее окутал,
Чтоб никто не мог хвастливо
Говорить: «Ее я видел!»

На заре, лишь день забрезжил,
Кагаги, Царь-Ворон, скликал
Шайку черных мародеров —
Всех дроздов, ворон и соек,
Что шумели на деревьях,
И бесстрашно устремился
На посевы Гайаваты,
На зеленую могилу,
Где покоился Мондамин.

«Мы Мондамина подымем
Из его могилы тесной! —
Говорили мародеры.—
Нам не страшен след священный,
Нам не страшен круг волшебный,
Обведенный Миннегагой!»

Но разумный Гайавата
Все предвидел, все обдумал:
Слышал он, как издевались
Над его словами птицы.
«Ко, друзья мои,— сказал он,—

Ко, мой Кагаги, Царь-Ворон!
Ты с своею шайкой долго
Будешь помнить Гайавату!»

Он проснулся до рассвета,
Он для черных мародеров
Весь посев покрыл сетями,
Сам же лег в сосновой роще,
Стал в засаде терпеливо
Поджидать ворон и соек,
Поджидать дроздов и галок.

Вскоре птицами все поле
Запестрело и покрылось;
Дикой, шумною ватагой,
С криком, карканьем нестройным,
Принялись они за дело;
Но, при всем своем лукавстве,
Осторожности и знанье
Разных хитростей военных,
Не заметили, что скрыта
Недалеко их погибель,
И нежданно очутились
Все в тенетах Гайаваты.

Грозно встал тогда он с места,
Грозно вышел из засады,—
И объял великий ужас
Даже самых храбрых пленных!
Без пощады истреблял он
Их направо и налево,
И десятками их трупы
На шестах высоких вешал
Вкруг посевов освященных
В знак своей кровавой мести!

Только Кагаги, Царь-Ворон,
Предводитель мародеров,
Пощажен был Гайаватой
И заложником оставлен.
Он понес его к вигваму
И веревкою из вяза,
Боевой веревкой пленных,
Привязал его на кровле.

«Кагаги, тебя,— сказал он,—
Как зачинщика разбоя,
Предводителя злодеев,
Оскорбивших Гайавату,
Я заложником оставлю:
Ты порукою мне будешь,
Что враги мои смирились!»

И остался черный пленник
Над вигвамом Гайаваты;
Злобно хмурился он, сидя
В блеске утреннего солнца,
Дико каркал он с досады,
Хлопал крыльями большими,—
Тщетно рвался на свободу,
Тщетно звал друзей на помощь.

Лето шло, и Шавондази
Посылал, вздыхая страстно,
Из полдневных стран на север
Негу пламенных лобзаний.
Рос и зрел на солнце маис
И во всем великолепье,
Наконец, предстал на нивах:
Нарядился в кисти, в перья,
В разноцветные одежды;
А блестящие початки
Налились сладким соком,
Засверкали из подсохших,
Разорвавшихся покровов.

И сказала Миннегаге
Престарелая Нокомис:
«Вот и Месяц Листопада!
Дикий рис в лугах уж собран,
И готов к уборке маис;
Время нам идти на нивы
И с Мондамином бороться —
Снять с него все перья, кисти,
Снять наряд зелено-желтый!»

И сейчас же Миннегага
Вышла весело из дома
С престарелою Нокомис,

И они созвали женщин,
Молодежь к себе созвали,
Чтоб сбирать созревший маис,
Чтоб лущить его початки.

Под душистой тенью сосен,
На траве лесной опушки
Старцы, воины сидели
И, покуривая трубки,
Важно, молча любовались
На веселую работу
Молодых людей и женщин,
Важно слушали в молчанье
Шумный говор, смех и пенье:
Словно Опечи на кровле,
Пели девушки на ниве,
Как сороки, стрекотали
И смеялись, точно сойки.

Если девушке счастливой
Попадался очень спелый,
Весь пурпуровый початок,
«Нэшка! — все кругом кричали.—
Ты счастливица — ты скоро
За красавца замуж выйдешь!»
«Уг!» — согласно отзывались
Из-под темных сосен старцы.

Если ж кто-нибудь на ниве
Находил кривой початок,
Вялый, ржавчиной покрытый,
Все смеялись, пели хором,
Шли, хромая и согнувшись,
Точно дряхлый старикашка,
Шли и громко пели хором:
«Вагэмин, степной воришка,
Пэмосэд, ночной грабитель!»

И звенело поле смехом;
А на кровле Гайаваты
Каркал Кагаги, Царь-Ворон,
Бился в ярости бессильной.
И на всех соседних елях
Раздавались, не смолкая,

Крики черных мародеров.
«Уг!» — с улыбкой отзывались
Из-под темных сосен старцы.

ПИСЬМЕНА

«Посмотри, как быстро в жизни
Все забвенье поглощает!
Блекнут славные преданья,
Блекнут подвиги героев;
Гибнут знанья и искусство
Мудрых Мидов и Вэбинов,
Гибнут дивные виденья,
Грезы вещих Джосакидов!

Память о великих людях
Умирает вместе с ними;
Мудрость наших дней исчезнет,
Не достигнет до потомства,
К поколеньям, что сокрыты
В тьме таинственной, великой
Дней безгласных, дней грядущих.

На гробницах наших предков
Нет ни знаков, ни рисунков.
Кто в могилах,— мы не знаем,
Знаем только — наши предки;
Но какой их род иль племя,
Но какой их древний тотем —
Бобр, Орел, Медведь,— не знаем;
Знаем только: «это предки».

При свиданье — с глазу на глаз
Мы ведем свои беседы;
Но, расставшись, мы вверяем
Наши тайны тем, которых
Посылаем мы друг к другу;
А посланники нередко
Искажают наши вести
Иль другим их открывают».

Так сказал себе однажды
Гайавата, размышляя

О родном своем народе
И бродя в лесу пустынном.

Из мешка он вынул краски,
Всех цветов он вынул краски
И на гладкой на бересте
Много сделал тайных знаков,
Дивных и фигур и знаков;
Все они изображали
Наши мысли, наши речи.

Гитчи Манито могучий
Как яйцо был нарисован;
Выдающиеся точки
На яйце обозначали
Все четыре ветра неба.
«Вездесущ Владыка Жизни» —
Вот что значил этот символ.

Гитчи Манито могучий,
Властелин всех Духов Злобы,
Был представлен на рисунке,
Как великий змей, Кинэбик.
«Пресмыкается Дух Злобы,
Но лукав и изворотлив» —
Вот что значит этот символ.

Белый круг был знаком жизни,
Черный круг был знаком смерти;
Дальше шли изображенья
Неба, звезд, луны и солнца,
Вод, лесов, и горных высей,
И всего, что населяет
Землю вместе с человеком.

Для земли нарисовал он
Краской линию прямую,
Для небес — дугу над нею,
Для восхода — точку слева,
Для заката — точку справа,
А для полдня — на вершине.
Все пространство под дугою
Белый день обозначало,

Звезды в центре — время ночи,
А волнистые полоски —
Тучи, дождь и непогоду.

След, направленный к вигваму,
Был эмблемой приглашенья,
Знаком дружеского пира;
Окровавленные руки,
Грозно поднятые кверху,—
Знаком гнева и угрозы.

Кончив труд свой, Гайавата
Показал его народу,
Разъяснил его значенье
И промолвил: «Посмотрите!
На могилах ваших предков
Нет ни символов, ни знаков.
Так пойдите, нарисуйте
Каждый — свой домашний символ,
Древний прадедовский тотем,
Чтоб грядущим поколеньям
Можно было различать их».

И на столбиках могильных
Все тогда нарисовали
Каждый — свой фамильный тотем,
Каждый — свой домашний символ:
Журавля, Бобра, Медведя,
Черепаху иль Оленя.
Это было указаньем,
Что под столбиком могильным
Погребен начальник рода.

А пророки, Джосакиды,
Заклинатели, Вэбины,
И врачи недугов, Миды,
Начертали на бересте
И на коже много страшных,
Много ярких, разноцветных
И таинственных рисунков
Для своих волшебных гимнов:
Каждый был с глубоким смыслом,
Каждый символом был песни.

Вот Великий Дух, Создатель,
Озаряет светом небо;
Вот Великий Змей, Кинэбик,
Приподняв кровавый гребень,
Извиваясь, смотрит в небо;
Вот журавль, орел и филин
Рядом с вещим пеликаном;
Вот идущие по небу
Обезглавленные люди
И пронзенные стрелами
Трупы воинов могучих;
Вот поднявшиеся грозно
Руки смерти в пятнах крови,
И могилы, и герои,
Захватившие в объятья
Небеса и землю разом!

Таковы рисунки были
На коре и ланьей коже;
Песни битвы и охоты,
Песни Мидов и Вэбинов —
Все имело свой рисунок!
Каждый был с глубоким смыслом,
Каждый символом был песни.

Песнь любви, которой чары
Всех врачебных средств сильнее,
И сильнее заклинаний,
И опасней всякой битвы,
Не была забыта тоже.
Вот как в символах и знаках
Песнь любви изображалась:

Нарисован очень ярко
Человек багряной краской —
Музыкант, любовник пылкий.
Смысл таков: «Я обладаю
Дивной властью надо всеми!»

Дальше — он поет, играя
На волшебном барабане,
Что должно сказать: «Внемли мне!
Это мой ты слышишь голос!»

Дальше — эта же фигура,
Но под кровлею вигвама.
Смысл таков: «Я буду с милой.
Нет преград для пылкой страсти!»

Дальше — женщина с мужчиной,
Стоя рядом, крепко сжали
Руки с нежностью друг другу.
«Все твое я вижу сердце
И румянец твой стыдливый!» —
Вот что значил символ этот.

Дальше — девушка средь моря,
На клочке земли, средь моря;
Песня этого рисунка
Такова: «Пусть ты далеко!
Пусть нас море разделяет!
Но любви моей и страсти
Над тобой всесильны чары!»

Дальше — юноша влюбленный
К спящей девушке склонился
И, склонившись, тихо шепчет,
Говорит: «Хоть ты далеко,
В царстве Сна, в стране Молчанья,
Но любви ты слышишь голос!»

А последняя фигура —
Сердце в самой середине
Заколдованного круга.
«Вся душа твоя и сердце
Предо мной теперь открыты!» —
Вот что значил символ этот.

Так, в своих заботах мудрых
О народе, Гайавата
Научил его искусству
И письма и рисованья
На бересте глянцевитой,
На оленьей белой коже
И на столбиках могильных.

ПЛАЧ ГАЙАВАТЫ

Видя мудрость Гайаваты,
Видя, как он неизменно
С Чайбайабосом был дружен,
Злые духи устрашились
Их стремлений благородных
И, собравшись, заключили
Против них союз коварный.

Осторожный Гайавата
Говорил нередко другу:
«Брат мой, будь всегда со мною!
Духов Злых остерегайся!»
Но беспечный Чайбайабос
Только встряхивал кудрями,
Только нежно улыбался.
«О, не бойся, брат мой милый:
Надо мной бессильны Духи!» —
Отвечал он Гайавате.

Раз, когда зима покрыла
Синим льдом Большое Море
И метель, кружась, шипела
В почерневших листьях дуба,
Осыпала снегом ели,
И в снегу они стояли,
Точно белые вигвамы,—
Взявши лук, надевши лыжи,
Не внимая просьбам брата,
Не страшась коварных Духов,
Смело вышел Чайбайабос
На охоту за оленем.

Как стрела, олень рогатый
По Большому Морю мчался;
С ветром, снегом, словно буря,
Он преследовал оленя,
Позабыв в пылу охоты
Все советы Гайаваты.

А в воде сидели Духи,
Стерегли его в засаде,
Подломили лед коварный,

Увлекли певца в пучину,
Погребли в песках подводных.
Энктаги, владыка моря,
Вероломный бог Дакотов,
Утопил его в студеной,
Зыбкой бездне Гитчи-Гюми.

И с прибрежья Гайавата
Испустил такой ужасный
Крик отчаянья, что волки
На лугах завыли в страхе,
Встрепенулися бизоны,
А в горах раскаты грома
Эхом грянули: «Бэм-Вава!»

Черной краской лоб покрыл он,
Плащ на голову накинул
И в вигваме, полный скорби,
Семь недель сидел и плакал,
Однозвучно повторяя:

«Он погиб, он умер, нежный,
Сладкогласный Чайбайабос!
Он покинул нас навеки,
Он ушел в страну, где льются
Неземные песнопенья!
О мой брат! О Чайбайабос!»

И задумчивые пихты
Тихо веяли своими
Опахалами из хвои,
Из зеленой, темной хвои,
Над печальным Гайаватой;
И вздыхали и скорбели,
Утешая Гайавату.

И весна пришла, и рощи
Долго-долго поджидали,
Не придет ли Чайбайабос?
И вздыхал тростник в долине,
И вздыхал с ним Сибовиша.

На деревьях пел Овейса,
Пел Овейса синеперый:

«Чайбайабос! Чайбайабос!
Он покинул нас навеки!»

Опечи пел на вигваме,
Опечи пел красногрудый:
«Чайбайабос! Чайбайабос!
Он покинул нас навеки!»

А в лесу, во мраке ночи,
Раздавался заунывный,
Скорбный голос Вавонэйсы:
«Чайбайабос! Чайбайабос!
Он покинул нас навеки,
Сладкогласный Чайбайабос!»

Собрались тогда все Миды,
Джосакиды и Вэбины,
И, построив в чаще леса,
Близ вигвама Гайаваты,
Свой приют — Вигвам Священный,
Важно, медленно и молча
Все пошли за Гайаватой,
Взяв с собой мешки и сумки,—
Кожи выдр, бобров и рысей,
Где хранились корни, травы,
Исцелявшие недуги.

Услыхав их приближенье,
Перестал взывать он к другу,
Перестал стенать и плакать,
Не промолвил им ни слова,
Только плащ с лица откинул,
Смыл с лица печали краску,
Смыл в молчании глубоком
И к Священному Вигваму,
Как во сне, пошел за ними.

Там его поили зельем,
Наколдованным настоем
Из корней и трав целебных:
Нама-Вэск — зеленой мяты
И Вэбино-Вэск — сурепки,
Там пад ним забили в бубны

И запели заклинанья,
Гимн таинственный запели:

«Вот я сам, я сам с тобою,
Я, Седой Орел могучий!
Собирайтесь и внимайте,
Белоперые вороны!
Гулкий гром мне помогает,
Дух незримый помогает,
Слышу всюду их призывы,
Голоса их слышу в небе!
Брат мой! Встань, исполнись силы,
Исцелись, о Гайавата!»

«Ги-о-га!» — весь хор ответил,
«Вэ-га-вэ!» — весь хор волшебный.

«Все друзья мои — все змеи!
Слушай — кожей соколиной
Я тряхну над головою!
Манг, нырок, тебя убью я,
Прострелю стрелою сердце!
Брат мой! Встань, исполнись силы,
Исцелись, о Гайавата!»

«Ги-о-га!» — весь хор ответил,
«Вэ-га-вэ!» — весь хор волшебный.

«Вот я, вот пророк великий!
Говорю — и сею ужас,
Говорю — и весь трепещет
Мой вигвам, Вигвам Священный!
А иду — свод неба гнется,
Содрогаясь подо мною!
Брат мой! Встань, исполнись силы,
Говори, о Гайавата!»

«Ги-о-га!» — весь хор ответил,
«Вэ-га-вэ!» — весь хор волшебный.

И, мешками потрясая,
Танцевали танец Мидов
Вкруг больного Гайаваты,—
И вскочил он, встрепенулся,

Исцелился от недуга,
От безумья лютой скорби!
Как уходит лед весною,
Миновали дни печали,
Как уходят с неба тучи,
Думы черные сокрылись.

После к другу Гайаваты,
К Чайбайабосу взывали,
Чтоб восстал он из могилы,
Из песков Большого Моря,
И настолько властны были
Заклинанья и призывы,
Что услышал Чайбайабос
Их в пучине Гитчи-Гюми,
Из песков он встал, внимая
Звукам бубнов, пенью гимнов,
И пришел к дверям вигвама,
Повинуясь заклинаньям.

Там ему, в дверную щелку,
Дали уголь раскаленный,
Нарекли его владыкой
В царстве духов, в царстве мертвых
И, прощаясь, приказали
Разводить костры для мертвых,
Для печальных их ночлегов
На пути в Страну Понима.

Из родимого селенья,
От родных и близких сердцу,
По зеленым чащам леса,
Как дымок, как тень, безмолвно
Удалился Чайбайабос.
Где касался он деревьев —
Не качалися деревья,
Где ступал — трава не мялась,
Не шумела под ногами.

Так четыре дня и почи
Шел он медленной стопою
По дороге всех усопших;
Земляникою усопших
На пути своем питался,

Переправился на дубе
Чрез печальную их реку,
По Серебряным Озерам
Плыл на Каменной Пироге,
И в Селения Блаженных,
В царство духов, в царство теней,
Принесло его теченье.

На пути он много видел
Бледных духов, нагруженных,
Истомленных тяжкой ношей:
И одеждой, и оружьем,
И горшками с разной пищей,
Что друзья им надавали
На дорогу в край Понима.

Горько жаловались духи:
«Ах, зачем на нас живые
Возлагают бремя это!
Лучше б мы пошли нагими,
Лучше б голод мы терпели,
Чем нести такое бремя! —
Истомил нас путь далекий!»

Гайавата же надолго
Свой родной вигвам оставил,
На Восток пошел, на Запад,
Поучал употребленью
Трав целебных и волшебных.
Так священное искусство
Врачевания недугов
В первый раз познали люди.

ПО-ПОК-КИВИС

Стану петь, как По-Пок-Кивис,
Как красавец Йенадиззи
Взбудоражил всю деревню
Дерзкой удалью своею;
Как, спасаясь только чудом,
Он бежал от Гайаваты
И какой конец печальный
Был чудесным приключеньям.

На прибрежье Гитчи-Гюми,
Светлых вод Большого Моря,
На песчаном Нэго-Воджу
Жил красавец По-Пок-Кивис.
Это он во время свадьбы
Гайаваты с Миннегагой
Так безумно и разгульно
Танцевал под звуки флейты,
Это он в безумном танце
Накидал песок холмами
На прибрежье Гитчи-Гюми.

Заскучавши от безделья,
Вышел раз он из вигвама
И направился поспешно
Прямо к Ягу, где сбиралась
Слушать сказки и преданья
Молодежь со всей деревни.

Старый Ягу в это время
Забавлял гостей рассказом
Об Оджиге, о кунице:
Как она пробила небо,
Как вскарабкалась на небо,
Лето выпустила с неба;
Как сначала подвиг этот
Совершить пыталась выдра,
Как барсук с бобром и рысью
На вершины гор взбирались,
Бились в небо головами,
Бились лапами, но небо
Только трескалось над ними;
Как отважилась на подвиг,
Наконец, и росомаха.

«Подскочила росомаха,—
Говорил гостям рассказчик,—
Подскочила — и над нею
Так и вздулся свод небесный,
Словно лед в реке весною!
Подскочила снова — небо
Гулко треснуло над нею,
Словно льдина в половодье!
Подскочила напоследок —

Небо вдребезги разбила,
Скрылась в небе, а за нею
И Оджиг в одно мгновенье
Очутилася на небе!»

«Слушай! — крикнул По-Пок-Кивис,
Появляясь на пороге.—
Надоели эти сказки!
Надоели хуже мудрых
Поучений Гайаваты!
Мы отыщем для забавы
Кое-что получше сказок».

Тут, торжественно раскрывши
Свой кошель из волчьей кожи,
По-Пок-Кивис вынул чашу
И фигуры Погасэна:
Томагаук, Поггэвогон,
Рыбку маленькую, Киго,
Пару змей и пару пешек,
Три утенка и четыре
Медных диска, Озавабик.
Все фигуры, кроме дисков,
Темных сверху, светлых снизу,
Были сделаны из кости
И покрыты яркой краской,—
Красной сверху, белой снизу.

Положив фигуры в чашу,
Он встряхнул, перемешал их,
Кинул наземь пред собою
И выкрикивал, что вышло:
«Красным кверху пали кости,
А змея, Кинэбик, стала
На блестящем медном диске;
Счетом сто и тридцать восемь!»

И опять смешал фигуры,
Положил опять их в чашу,
Кинул наземь пред собою
И выкрикивал, что вышло:
«Белым кверху пали змеи,
Белым кверху пали пешки,

Красным — прочие фигуры;
Пятьдесят и восемь счетом!»

Так учил их По-Пок-Кивис,
Так, играя для примера,
Он метал и объяснял им
Все приемы Погасэна.
Двадцать глаз за ним следили,
Разгораясь любопытством.

«Много игр,— промолвил Ягу,—
Много игр, опасных, трудных,
В разных странах, в разных землях
На своем веку я видел.
Кто играет с старым Ягу,
Должен быть на редкость ловок!
Не хвалися, По-Пок-Кивис!
Будешь ты сейчас обыгран,
Жестоко наказан мною!»

Началась игра, и дико
Увлеклись игрою гости!
На одежду, на оружье,
До полночи, до рассвета,
Старики и молодые —
Все играли, все метали,
И лукавый По-Пок-Кивис
Обыграл их без пощады!
Взял все лучшие одежды,
Взял оружье боевое,
Пояса и ожерелья,
Перья, трубки и кисеты!
Двадцать глаз пред ним сверкали,
Как глаза волков голодных.

Напоследок он промолвил:
«Я в товарище нуждаюсь:
В путешествиях и дома
Я всегда один, и нужен
Мне помощник, Мэшинова,
Кто б носил за мною трубку.
Весь мой выигрыш богатый —
Все меха и украшенья,
Все оружие и перья —

Все в один я кон поставлю
Вот на этого красавца!»
То был юноша высокий
По шестнадцатому году,
Сирота, племянник Ягу.

Как огонь сверкает в трубке,
Под седой золой краснея,
Засверкали взоры Ягу
Под нависшими бровями.
«Уг!» — ответил он свирепо.
«Уг!» — ответили и гости.

И, костлявыми руками
Стиснув чашу роковую,
Ягу с яростью подбросил
И рассыпал вкруг фигуры.

Красным кверху пали пешки,
Красным кверху пали змеи,
Красным кверху и утята,
Озавабики — все черным,
Белым только рыбка, Киго;
Только пять всего по счету!

Улыбаясь, По-Пок-Кивис
Положил фигуры в чашу,
Ловко вскинул их на воздух
И рассыпал пред собою:
Красной, белой, черной краской
На земле они блестели,
А меж ними встала пешка,
Встал Инайнивэг, подобно
По-Пок-Кивису красавцу,
Говорившему с улыбкой:
«Пять десятков! Всё за мною!»

Двадцать глаз горели злобой,
Как глаза волков голодных,
В тот момент, как По-Пок-Кивис
Встал и вышел из вигвама,
А за ним племянник Ягу,
Стройный юноша высокий,

Уносил оленьи кожи,
Горностаевые шубы,
Пояса и ожерелья,
Перья, трубки и оружье!

«Отнеси мою добычу
В мой вигвам на Нэго-Воджу!» —
Властно молвил По-Пок-Кивис,
Пышным веером играя.

От игры и от куренья
У него горели веки,
И отрадно грудь дышала
Летней утренней прохладой.
В рощах звонко пели птицы,
По лугам ручьи шумели,
А в груди у Йенадиззи
Пело сердце от восторга,
Пело весело, как птица,
Билось гордо, как источник.
Гордо шел он по деревне
В сером сумраке рассвета,
Пышным веером играя,
И прошел по всей деревне
До последнего вигвама,
До жилища Гайаваты.

Тишина была в вигваме.
На порог никто не вышел
К По-Пок-Кивису с приветом;
Только птицы у порога
Пели, прыгали, порхали,
Там и сям сбирая зерна;
Только Кагаги с вигвама
Встретил гостя хриплым криком,
С криком крыльями захлопал,
Взором огненным сверкая.

«Все ушли! Жилище пусто! —
Так промолвил По-Пок-Кивис,
Замышляя злую шутку.—
Нет ни глупой Миннегаги,
Ни хозяина, ни бабки;
Тут теперь что хочешь делай!»

Стиснув ворона за горло,
Он вертел им, как трещоткой,
Как мешком с травой целебной,
Придушил его и бросил,
Чтоб висел он над вигвамом,
На позор его владельцу,
На позор для Гайаваты.

А потом вошел в жилище,
Раскидал кругом порога
Всю хозяйственную утварь,
Раскидал куда попало
Все котлы, горшки и миски,
Мех бобров и горностаев,
Шкуры буйволов и рысей,
На позор Нокомис старой,
На позор для Миннегаги.

Беззаботно напевая
И посвистывая белкам,
Шел он по лесу, а белки
Грызли желуди на ветках,
Шелухой в него кидали;
Беззаботно пел он птицам,
И за темною листвою
Так же весело и звонко
Отвечали пеньем птицы.

Со скалистого прибрежья
Он смотрел на Гитчи-Гюми,
Лег на самом видном месте
И с злорадством дожидался
Возвращенья Гайаваты.

На спине, раскинув руки,
Он дремал в полдневном зное.
Далеко под ним плескались,
Омывали берег волны,
Высоко над ним сияло
Голубою бездной небо,
А кругом носились птицы,
Стаи птиц носились с криком
И почти что задевали
По-Пок-Кивиса крылами.

Он убил их много-много,
Он десятками швырял их
Со скалистого прибрежья
Прямо в волны Гитчи-Гюми.
И Кайошк, морская чайка,
Наконец вскричала громко:
«Это дерзкий По-Пок-Кивис!
Это он нас избивает!
Где же брат наш, Гайавата?
Известите Гайавату!»

ПОГОНЯ ЗА ПО-ПОК-КИВИСОМ

Гневом вспыхнул Гайавата,
Возвратившись на деревню,
Увидав народ в смятенье,
Услыхавши, что наделал
Дерзкий, хитрый По-Пок-Кивис.

Задыхался он от гнева;
Злобно стискивая зубы,
Он шептал врагу проклятья,
Бормотал, гудел, как шершень.
«Я убью его,— сказал он,—
Я убью, найду злодея!
Как бы ни был путь мой долог,
Как бы ни был путь мой труден,
Гнев мой все преодолеет,
Месть моя врага настигнет!»

Тотчас кликнул он соседей
И поспешно устремился
По следам его в погоню,—
По лесам, где проходил он
На прибрежье Гитчи-Гюми;
Но никто врага не встретил:
Отыскали только место
На траве, в кустах черники,
Где лежал он, отдыхая,
И примял цветы и травы.

Вдруг на Мускодэ зеленой,
На долине под горами,

Показался По-Пок-Кивис:
Сделав дерзкий знак рукою,
На бегу он обернулся,
И с горы, ему вдогонку,
Громко крикнул Гайавата:
«Как бы ни был путь мой долог,
Как бы ни был путь мой труден,
Гнев мой все преодолеет,
Месть моя тебя настигнет!»

Через скалы, через реки,
По кустарникам и чащам
Мчался хитрый По-Пок-Кивис,
Прыгал, словно антилопа.
Наконец остановился
Над прудом в лесной долине,
На плотине, возведенной
Осторожными бобрами,
Над разлившимся потоком,
Над затоном полусонным,
Где в воде росли деревья,
Где кувшинчики желтели,
Где камыш шептал, качаясь.

Над затоном По-Пок-Кивис
Стал на гать из пней и сучьев;
Сквозь нее вода сочилась,
А по ней ручьи бежали;
И со дна пруда к плотине
Выплыл бобр и стал большими,
Удивленными глазами
Из воды смотреть на гостя.

Над затоном По-Пок-Кивис
Пред бобром стоял в раздумье,
По ногам его струились
Ручейки сребристой влагой,
И с бобром заговорил он,
Так сказал ему с улыбкой:
«О мой друг Амик! Позволь мне
Отдохнуть в твоем вигваме,
Отдохнуть в воде прохладной,—
Преврати меня в Амика!»

Осторожно бобр ответил,
Помолчал и так ответил:
«Дай я с прочими бобрами
Посоветуюсь сначала».
И, ответив, опустился,
Как тяжелый камень, в воду,
Скрылся в чаще темно-бурых
Тростников и листьев лилий.

Над затоном По-Пок-Кивис
Ждал бобра на зыбкой гати;
Ручейки с невнятным плеском
По ногам его бежали,
Серебристыми струями
С гати падали на камни
И спокойно разливались
Меж камнями по долине;
А кругом листвой зеленой
Лес шумел, качались ветви,
И сквозь ветви свет и тени,
По земле скользя, играли.

Не спеша, поодиночке
Собрались бобры к плотине;
Осторожно показалась
Голова, потом другая,
Наконец весь пруд широкий
Рыльца черные покрыли,
Лоснясь в ярком блеске солнца.

И к бобрам с улыбкой хитрой
Обратился По-Пок-Кивис:
«О друзья мои! Покойно,
Хорошо у вас в вигвамах!
Все вы опытны и мудры,
Все на выдумки искусны,
Превратите же скорее
И меня в бобра, Амика!»

«Хорошо! — Амик ответил,
Царь бобров, Амик, ответил.—
Опускайся с нами в воду,
Опускайся в пруд с бобрами!»

Молча в тихий пруд с бобрами
Опустился По-Пок-Кивис.
Черной, гладкой и блестящей
Стала вся его одежда,
А хвосты лисиц на пятках
В толстый черный хвост слились,
И бобром стал По-Пок-Кивис.

«О друзья мои,— сказал он,—
Я хочу быть выше, больше,
Больше всех бобров на свете».
«Хорошо,— Амик ответил,—
Вот когда придем в жилище,
В наш вигвам на дне потока,
В десять раз ты станешь больше».

Так под темною водою
Шел с бобрами По-Пок-Кивис,
Под водою, где лежали
Ветви, пни и груды корма,
И пришел с бобрами к арке,
Что вела в вигвам обширный.

Там опять он превратился,
В десять раз стал выше, больше,
И бобры ему сказали:
«Будь у нас вождем отныне,
Будь над нами властелином».

Но недолго По-Пок-Кивис
Мог почетом наслаждаться:
Бобр, поставленный на страже
В чаще шпажников и лилий,
Вдруг воскликнул: «Гайавата!
Гайавата на плотине!»

Вслед за этим раздался
На плотине крики, говор,
Треск валежника и топот,
А вода заволновалась,
Стала падать, понижаться,
И бобры поняли в страхе,
Что плотина прорвалася.

С треском рухнула и крыша
Их просторного вигвама;
В щели крыши засверкало
Солнце яркими лучами,
И бобры поспешно скрылись
Под водой, где было глубже;
Но могучий По-Пок-Кивис
Не пролез за ними в двери:
Он от гордости и пищи,
Как пузырь, распух, раздулся.

В щели крыши Гайавата
На него смотрел и громко
Восклицал: «О По-Пок-Кивис!
Тщетны все твои уловки,
Бесполезны превращенья,—
Не спасешься, По-Пок-Кивис!»

Без пощады колотили
По-Пок-Кивиса дубины,
Молотили, словно маис,
На куски разбили череп.
Шесть охотников высоких
Положили на носилки,
Понесли его в деревню;
Но не умер По-Пок-Кивис,
Джиби, дух его, не умер.

Он барахтался, метался,
Изгибаясь и качаясь,
Как дверные занавески
Изгибаются, качаясь,
Если ветер дует в двери,
И опять собрался с силой,
Принял образ человека,
Встал и в бегство устремился
По-Пок-Кивисом лукавым.

Но от взоров Гайаваты
Не успел в лесу он скрыться;
В голубой и мягкий сумрак
Под ветвями дальних сосен,
К светлой просеке за ними
Вихрем мчался По-Пок-Кивис,

Нагибая ветви с шумом,
Но сквозь шум ветвей он слышал,
Что его, как бурный ливень,
Настигает Гайавата.

Задыхаясь, По-Пок-Кивис,
Наконец, остановился
Перед озером широким,
По которому средь лилий,
В тростниках, меж островами,
Тихо плавали казарки,
То скрываясь в тень деревьев,
То сверкая в блеске солнца,
Подымая кверху клювы,
Глубоко ныряя в воду.

«Пишнэкэ! — воскликнул громко
По-Пок-Кивис.— Превратите
Поскорей меня в казарку,
Только в самую большую,—
В десять раз сильней и больше,
Чем другие все казарки!»

Но едва они успели
Превратить его в казарку —
В исполинскую казарку
С круглой лоснящейся грудью,
С парой темных мощных крыльев
И с большим широким клювом,—
Как из леса с громким криком
Стал пред ними Гайавата!

С громким криком поднялися
И казарки над водою,
Поднялися шумной стаей
Из озерных трав и лилий
И сказали: «По-Пок-Кивис!
Будь теперь поосторожней —
Берегись смотреть на землю,
Чтобы не было несчастья,
Чтоб беды не приключилось!»

Смело путь они держали,
Путь на дальний, дикий север,

Пролетали то в тумане,
То в сиянье ярком солнца,
Ночевали и кормились
В камышах болот пустынных
И с зарей пустились дальше.
Плавно мчал их южный ветер,
Дул свежо и сильно в крылья.

Вдруг донесся к ним неясный,
Отдаленный шум и говор,
Донеслись людские речи
Из селенья под ними:
То народ с земли дивился
На невиданные крылья
По-Пок-Кивиса-казарки,—
Эти крылья были шире,
Чем дверные занавески.

По-Пок-Кивис слышал крики,
Слышал голос Гайаваты,
Слышал громкий голос Ягу,
Позабыл совет казарок,
С высоты взглянул на землю —
И в одно мгновенье ветер
Подхватил его, смял крылья
И понес, вертя, на землю.

Тщетно справиться хотел он,
Тщетно думал удержаться!
Вихрем падая на землю,
Он порой то землю видел,
То казарок в синем небе,
Видел, что земля все ближе,
А простор небес — все дальше,
Слышал громкий смех и говор,
Слышал крики все яснее,
Потерял из глаз казарок,
Увидал внизу вигвамы
И с размаху пал на землю,—
С тяжким стуком средь народа
Пала мертвая казарка!

Но его лукавый Джиби,
Дух его, в одно мгновенье

Принял образ человека,
По-Пок-Кивиса красавца,
И опять пустился в бегство,
И опять за ним в погоню
Устремился Гайавата,
Восклицая: «Как бы ни был
Путь мой долог и опасен,
Гнев мой все преодолеет,
Месть моя тебя настигнет!»

В двух шагах был По-Пок-Кивис,
В двух шагах от Гайаваты,
Но мгновенно закружился,
Поднял вихрем пыль и листья
И исчез в дупле дубовом,
Перекинулся змеею,
Проскользнул змеей под корни.

Быстро правою рукою
Искрошил весь дуб на щепки
Гайавата,— по напрасно!
Вновь лукавый По-Пок-Кивис
Принял образ человека
И помчался в бурном вихре
К Живописным Скалам красным,
Что с прибрежья озирают
Всю страну и Гитчи-Гюми.

И Владыка Гор могучий,
Горный Манито могучий
Распахнул пред ним ущелье,
Распахнул широко пропасть,—
Скрыл его от Гайаваты
В мрачном каменном жилище,
Ввел его с радушной лаской
В тьму своих пещер угрюмых.

А снаружи Гайавата,
Пред закрытым входом стоя,
Рукавицей, Минджикэвон,
Пробивал в горе пещеры
И кричал в великом гневе:
«Отопри! Я Гайавата!»
Но Владыка Гор не отпер,

Не ответил Гайавате
Из своих пещер безмолвных,
Из скалистой мрачной бездны.

И простер он руки к небу,
Призывая Эннэмики
И Вэвэссимо на помощь,
И пришли они во мраке,
С ночью, с бурей, с урагапом,
Пронеслись по Гитчи-Гюми
С отдаленных Гор Громовых,
И услышал По-Пок-Кивис
Тяжкий грохот Эннэмики,
Увидал он блеск огнистый
Глаз Вэвэссимо и в страхе
Задрожал и притаился.

Тяжкой палицей своею
Скалы молния разбила
Над преддверием пещеры,
Грянул гром в ее средину,
Говоря: «Где По-Пок-Кивис?» —
И рассыпались утесы,
И среди развалин мертвым
Пал лукавый По-Пок-Кивис,
Пал красавец Йенадиззи.

Благородный Гайавата
Вынул дух его из тела
И сказал: «О По-Пок-Кивис!
Никогда уж ты не примешь
Снова образ человека,
Никогда не будешь больше
Танцевать с беспечным смехом,
Но высоко в синем небе
Будешь ты парить и плавать,
Будешь ты Киню отныне —
Боевым Орлом могучим!»

И живут с тех пор в народе
Песни, сказки и преданья
О красавце Йенадиззи;
И зимой, когда в деревне
Вихри снежные гуляют,

А в трубе вигвама свищет,
Завывает буйный ветер,—
«Это хитрый По-Пок-Кивис
В пляске бешеной несется!» —
Говорят друг другу люди.

СМЕРТЬ КВАЗИНДА

Далеко прошел по свету
Слух о Квазинде могучем:
Он соперников не ведал,
Он себе не ведал равных.
И завистливое племя
Злобных Гномов и Пигмеев,
Злобных духов Пок-Уэджис,
Погубить его решило.

«Если этот дерзкий Квазинд,
Ненавистный всем нам Квазинд,
Поживет еще на свете,
Все губя, уничтожая,
Удивляя все народы
Дивной силою своею,—
Что же будет с Пок-Уэджис? —
Говорили Пок-Уэджис.—
Он растопчет нас, раздавит,
Он подводным злобным духам
Всех нас кинет на съеденье!»

Так, пылая лютой злобой,
Совещались Пок-Уэджис
И убить его решили,
Да, убить его — избавить
Мир от Квазинда навеки!

Сила Квазинда и слабость
Только в темени таилась:
Только в темя можно было
Насмерть Квазинда поранить,
Но и то одним оружьем —
Голубой еловой шишкой.
Роковая тайна эта
Не была известна смертным,

Но коварные Пигмеи,
Пок-Уэджис, знали тайну,
Знали, как врага осилить.

И они набрали шишек,
Голубых еловых шишек
По лесам над Таквамино,
Отнесли их и сложили
На ее высокий берег,
Там, где красные утесы
Нависают над водою.
Сами спрятались и стали
Поджидать врага в засаде.

Было это в полдень летом;
Тих был сонный знойный воздух,
Неподвижно спали тени,
В полусне река струилась;
По реке, блестя на солнце,
Насекомые скользили,
В знойном воздухе далеко
Раздавалось их жужжанье,
Их напевы боевые.

По реке плыл мощный Квазинд,
По теченью плыл лениво,
По дремотной Таквамино
Плыл в березовой пироге,
Истомленный тяжким зноем,
Усыпленный тишиною.

По ветвям, к реке склоненным,
По кудрям берез плакучих,
Осторожно опустился
На него Дух Сна, Нэпавин;
В сонме спутников незримых,
Во главе воздушной рати,
По ветвям сошел Нэпавин,
Бирюзовой Дэш-кво-ни-ши,
Стрекозою, стал он тихо
Над пловцом усталым реять.

Квазинд слышал чей-то шепот,
Смутный, словно вздохи сосен,

Словно дальний ропот моря,
Словно дальний шум прибоя,
И почувствовал удары
Томагауков воздушных,
Поражавших прямо в темя,
Управляемых несметной
Ратью Духов Сна незримых.

И от первого удара
Обняла его дремота,
От второго — он бессильно
Опустил весло в пирогу,
После третьего — окрестность
Перед ним покрылась тьмою:
Крепким сном забылся Квазинд.

Так и плыл он по теченью,—
Как слепой, сидел в пироге,
Сонный плыл по Таквамино,
Под прибрежными лесами,
Мимо трепетных березок,
Мимо вражеской засады,
Мимо лагеря Пигмеев.

Градом сыпалися шишки,
Голубые шишки елей
В темя Квазинда с прибрежья.
«Смерть врагу!» — раздался громкий
Боевой крик Пок-Уэджис.

И упал на борт пироги
И свалился в реку Квазинд,
Головою вниз, как выдра,
В воду сонную свалился,
А пирога, кверху килем,
Поплыла одна, блуждая
По теченью Таквамино.

Так погиб могучий Квазинд.
Но хранилось долго-долго
Имя Квазинда в народе,
И когда в лесах зимою
Бушевали, выли бури,
С треском гнули и ломали

Ветви стонущих деревьев,—
«Квазинд! — люди говорили.—
Это Квазинд собирает
На костер себе валежник!»

ПРИВИДЕНИЯ

Никогда хохлатый коршун
Не спускается в пустыне
Над пораненным бизоном
Без того, чтоб на добычу
И второй не опустился;
За вторым же в синем небе
Тотчас явится и третий,
Так что вскорости от крыльев
Собирающейся стаи
Даже воздух потемнеет.

И беда одна не ходит;
Сторожат друг друга беды;
Чуть одна из них нагрянет,—
Вслед за ней спешат другие
И, как птицы, вьются, вьются
Черной стаей над добычей,
Так что белый свет померкнет
От отчаянья и скорби.

Вот опять на хмурый север
Мощный Пибоан вернулся!
Ледяным своим дыханьем
Превратил он воды в камень
На реках и на озерах,
С кос стряхнул он хлопья снега,
И поля покрылись белой,
Ровной снежной пеленою,
Будто сам Владыка Жизни
Сгладил их рукой своею.

По лесам, под песни вьюги,
Зверолов бродил на лыжах;
В деревнях, в вигвамах теплых,
Мирно женщины трудились,
Молотили кукурузу

И выделывали кожи;
Молодежь же проводила
Время в играх и забавах,
В танцах, в беганье на лыжах.

Темным вечером однажды
Престарелая Нокомис
С Миннегагою сидела
За работою в вигваме,
Чутко слушая в молчанье,
Не идет ли Гайавата,
Запоздавший на охоте.

Свет костра багряной краской
Разрисовывал их лица,
Трепетал в глазах Нокомис
Серебристым лунным блеском,
А в глазах у Миннегаги —
Блеском солнца над водою;
Дым, клубами собираясь,
Уходил в трубу над ними,
По углам вигвама тени
Изгибалися за ними.

И открылась тихо-тихо
Занавеска над порогом;
Ярче пламя запылало,
Дым сильней заволновался —
И две женщины безмолвно,
Без привета и без зова,
Чрез порог переступили,
Проскользнули по вигваму
В самый дальний, темный угол,
Сели там и притаились.

По обличью, по одежде
Это были чужеземки;
Бледны, мрачны были обе,
И с безмолвною тоскою,
Содрогаясь, как от стужи,
Из угла они глядели.

То не ветер ли полночный
Загудел в трубе вигвама?

Не сова ли, Куку-кугу,
Застонала в мрачных соснах?
Голос вдруг изрек в молчанье:
«Это мертвые восстали,
Это души погребенных
К вам пришли из Стран Понима,
Из страны Загробной Жизни!»

Скоро из лесу, с охоты,
Возвратился Гайавата,
Весь осыпан белым снегом
И с оленем за плечами.
Перед милой Миннегагой
Он сложил свою добычу
И теперь еще прекрасней
Показался Миннегаге,
Чем в тот день, когда за нею
Он пришел в страну Дакотов,
Положил пред ней оленя,
В знак своих желаний тайных,
В знак своей любви сердечной.

Положив, он обернулся,
Увидал в углу двух женщин
И сказал себе: «Кто это?
Странны гостьи Миннегаги!»
Но расспрашивать не стал их,
Только с ласковым приветом
Попросил их разделить с ним
Кров его, очаг и пищу.

Гостьи бледные ни слова
Не сказали Гайавате;
Но когда готов был ужин
И олень уже разрезан,
Из угла они вскочили,
Завладели лучшей долей,
Долей милой Миннегаги,
Не спросясь, схватили дерзко
Нежный, белый жир оленя,
Съели с жадностью, как звери,
И опять забились в угол,
В самый дальний, темный угол.

Промолчала Миннегага,
Промолчал и Гайавата,
Промолчала и Нокомис;
Лица их спокойны были.
Только Миннегага тихо
Прошептала с состраданьем,
Говоря: «Их мучит голод;
Пусть берут, что им по вкусу,
Пусть едят,— их мучит голод».

Много зорь зажглось, погасло,
Много дней стряхнули ночи,
Как стряхают хлопья снега
Сосны темные на землю;
День за днем сидели молча
Гостьи бледные в вигваме;
Ночью, даже в непогоду,
В ближний лес они ходили,
Чтоб набрать сосновых шишек,
Чтоб набрать ветвей для топки,
Но едва светало, снова
Появлялися в вигваме.

И всегда, когда с охоты
Возвращался Гайавата,
В час, когда готов был ужин
И олень уже разрезан,
Гостьи бледные бесшумно
Из угла к нему кидались,
Не спросясь, хватали жадно
Нежный, белый жир оленя,—
Долю милой Миннегаги,—
И скрывались в темный угол.

Никогда не упрекнул их
Даже взглядом Гайавата,
Никогда не возмутилась
Престарелая Нокомис,
Никогда не показала
Недовольства Миннегага;
Все они терпели молча,
Чтоб права святые гостя
Не нарушить грубым взглядом,
Не нарушить грубым словом.

В полночь раз, когда печально
Догорал костер, краснея,
И мерцал дрожащим светом
В полусумраке вигвама,
Бодрый, чуткий Гайавата
Вдруг услышал чьи-то вздохи,
Чьи-то горькие рыданья.

С ложа встал он осторожно,
Встал с косматых шкур бизона
И, отдернувши над ложем
Из оленьей кожи полог,
Увидал, что это Тени,
Гостьи бледные, вздыхают,
Плачут в тишине полночной.

И промолвил он: «О гостьи!
Что так мучит ваше сердце?
Что рыдать вас заставляет?
Не Нокомис ли вас, гостьи,
Ненароком оскорбила?
Иль пред вами Миннегага
Позабыла долг хозяйки?»

Тени смолкли, перестали
Горько сетовать и плакать
И сказали тихо-тихо:
«Мы усопших, мертвых души,
Души тех, что жили с вами;
Мы пришли из Стран Понима,
С островов Загробной Жизни,
Испытать вас и наставить.

Вопли скорби достигают
К нам, в Селения Блаженных:
То живые погребенных
Призывают вновь на землю,
Мучат нас бесплодной скорбью;
И вернулись мы на землю,
Но узнали скоро, скоро,
Что везде мы только в тягость,
Что для всех мы стали чужды:
Нет нам места,— нет возврата
Мертвецам из-за могилы!

Помни это, Гайавата,
И скажи всему народу,
Чтоб отныне и вовеки
Вопли их не огорчали
Отошедших в мир Понима,
К нам, в Селения Блаженных.

Не кладите тяжкой ноши
С мертвецами в их могилы —
Ни мехов, ни украшений,
Ни котлов, ни чаш из глины,—
Эта поша мучит духов.
Дайте лишь немного пищи,
Дайте лишь огня в дорогу.

Дух четыре грустных ночи
И четыре дня проводит
На пути в страну Попима;
Потому-то и должны вы
Над могилами усопших
С первой ночи до последней
Жечь костры неугасимо,
Освещать дорогу духам,
Озарять веселым светом
Их печальные ночлеги.

Мы идем, прости навеки,
Благородный Гайавата!
И тебя мы искушали,
И твое терпенье долго
Мы испытывали дерзко,
Но всегда ты оставался
Благородным и великим.
Не слабей же, Гайавата,
Не слабей, не падай духом:
Ждет тебя еще труднее
И борьба и испытанье!»

И внезапно тьма упала
И наполнила жилище,
Гайавата же в молчанье
Услыхал одежды шорох,
Услыхал, что кто-то поднял
Занавеску над порогом,

Увидал на небе звезды
И почувствовал дыханье
Зимней полночи морозной,
Но уже не видел духов,
Теней бледных и печальных
Из далеких Стран Понима,
Из страны Загробной Жизни.

ГОЛОД

О, зима! О, дни жестокой,
Бесконечной зимней стужи!
Лед все толще, толще, толще
Становился на озерах;
Снег все больше, больше, больше
Заносил луга и степи;
Все грозней шумели вьюги
По лесам, вокруг селенья.

Еле-еле из вигвама,
Занесенного снегами,
Мог пробраться в лес охотник;
В рукавицах и на лыжах
Тщетно по лесу бродил он,
Тщетно он искал добычи,—
Не видал ни птиц, ни зверя,
Не видал следов оленя,
Не видал следов Вабассо.
Страшен был, как привиденье,
Лес блестящий и пустынный,
И от голода, от стужи,
Потеряв сознанье, падал,
Погибал в снегах охотник.

О, Всесильный Бюкадэвин!
О, могучий Акозивин!
О, безмолвный, грозный Погок!
О, жестокие мученья,
Плач детей и вопли женщин!

Всю тоскующую землю
Изнурил недуг и голод,
Небеса и самый воздух

Лютым голодом томились,
И горели в небе звезды,
Как глаза волков голодных!

Вновь в вигваме Гайаваты
Поселилися два гостя:
Так же мрачно и безмолвно,
Как и прежние два гостя,
Без привета и без зова
В дом вошли они и сели
Прямо рядом с Миннегагой,
Не сводя с нее свирепых,
Впалых глаз ни на минуту.

И один сказал ей: «Видишь?
Пред тобою — Бюкадэвин».
И другой сказал ей: «Видишь?
Пред тобою — Акозивин!»

И от этих слов и взглядов
Содрогнулось, сжалось страхом
Сердце милой Миннегаги;
Без ответа опустилась,
Скрыв лицо, она на ложе
И томилась, трепетала,
Холодея и сгорая,
От зловещих слов и взглядов.

Как безумный, устремился
В лес на лыжах Гайавата;
Стиснув зубы, затаивши
В сердце боль смертельной скорби,
Мчался он, и капли пота
На челе его смерзались.

В меховых своих одеждах,
В рукавицах, Минджикэвон,
С мощным луком наготове
И с колчаном за плечами,
Он бежал все дальше, дальше
По лесам пустым и мертвым.

«Гитчи Манито! — вскричал он,
Обращая взоры к небу

С беспредельною тоскою.—
Пощади нас, о Всесильный,
Дай нам пищи, иль погибнем!
Пищи дай для Миннегаги —
Умирает Миннегага!»

Гулко в дебрях молчаливых,
В бесконечных дебрях бора,
Прозвучали вопли эти,
Но никто не отозвался,
Кроме отклика лесного,
Повторявшего тоскливо:
«Миннегага! Миннегага!»

До заката одиноко
Он бродил в лесах печальных,
В темных чащах, где когда-то
Шел он с милой Миннегагой,
С молодой женою рядом,
Из далеких стран Дакотов.
Весел был их путь в то время!
Все цветы благоухали,
Все лесные птицы пели,
Все ручьи сверкали солнцем,
И сказала Миннегага
С беззаветною любовью:
«Я пойду с тобою, муж мой!»

А в вигваме, близ Нокомис,
Близ пришельцев молчаливых,
Карауливших добычу,
Уж томилась пред кончиной,
Умирала Миннегага.

«Слышишь? — вдруг она сказала.—
Слышишь шум и гул далекий
Водопадов Миннегаги?
Он зовет меня, Нокомис!»

«Нет, дитя мое,— печально
Отвечала ей Нокомис,—
Это бор гудит от ветра».

«Глянь! — сказала Миннегага.—
Вон — отец мой! Одиноко

Он стоит и мне кивает
Из родимого вигвама!»

«Нет, дитя мое,— печально
Отвечала ей Нокомис,—
Это дым плывет, кивает!»

«Ах! — вскричала Миннегага.—
Это Погока сверкают
Очи грозные из мрака,
Это он мне стиснул руку
Ледяной своей рукою!
Гайавата, Гайавата!»

И несчастный Гайавата
Издалека, издалека,
Из-за гор и дебрей леса,
Услыхал тот крик внезапный,
Скорбный голос Миннегаги,
Призывающий во мраке:
«Гайавата! Гайавата!»
По долинам, по сугробам,
Под ветвями белых сосен,
Нависавшими от снега,
Он бежал с тяжелым сердцем,
И услышал он тоскливый
Плач Нокомис престарелой:
«Вагономин! Вагономин!
Лучше б я сама погибла,
Лучше б мне лежать в могиле!
Вагономин! Вагономин!»

И в вигвам он устремился
И увидел, как Нокомис
С плачем медленно качалась,
Увидал и Миннегагу,
Неподвижную на ложе,
И такой издал ужасный
Крик отчаянья, что звезды
В небесах затрепетали,
А леса с глубоким стоном
Потряслись до основанья.

Осторожно и безмолвно
Сел он к ложу Миннегаги,

Сел к ногам ее холодным,
К тем ногам, что никогда уж
Не пойдут за Гайаватой,
Никогда к нему из дома
Уж не выбегут навстречу.

Он лицо закрыл руками,
Семь ночей и дней у ложа
Просидел в оцепененье,
Без движенья, без сознанья:
День царит иль тьма ночная?

И простились с Миннегагой;
Приготовили могилу
Ей в лесу глухом и темном,
Под печальною цикутой,
Обернули Миннегагу
Белым мехом горностая,
Закидали белым снегом,
Словно мехом горностая,—
И простились с Миннегагой.

А с закатом на могиле
Был зажжен костер из хвои,
Чтоб душе четыре ночи
Освещал он путь далекий,
Путь в Селения Блаженных.
Из вигвама Гайавате
Видно было, как горел он,
Озаряя из-под низу
Ветви черные цикуты.
И не раз в час долгой ночи
Подымался Гайавата
На своем бессонном ложе,
Ложе милой Миннегаги,
И стоял, следил с порога,
Чтобы пламя не погасло,
Дух во мраке не остался.

«О, прости, прости! — сказал он.—
О, прости, моя родная!
Все мое с тобою сердце
Схоронил я, Миннегага,
Вся душа моя стремится

За тобою, Миннегага!
Не ходи, не возвращайся
К нам на труд и на страданья,
В мир, где голод, лихорадка
Мучат душу, мучат тело!
Скоро подвиг свой я кончу,
Скоро буду я с тобою
В царстве светлого Поннма,
Бесконечной, вечной жизни!»

СЛЕД БЕЛОГО

Средь долины, над рекою,
Над замерзшею рекою,
Там сидел в своем вигваме
Одинокий, грустный старец.
Волоса его лежали
На плечах сугробом снега,
Плащ его из белой кожи,
Вобивайон, был в лохмотьях,
А костер среди вигвама
Чуть светился, догорая,
И дрожал от стужи старец,
Ослепленный снежной вьюгой,
Оглушенный свистом бури,
Оглушенный гулом леса.

Угли пеплом уж белели,
Пламя тихо умирало,
Как неслышно появился
Стройный юноша в вигваме.
На щеках его румянец
Разливался алой краской,
Очи кроткие сияли,
Как весенней ночью звезды,
А чело его венчала
Из пахучих трав гирлянда.
Улыбаясь и улыбкой
Все, как солнцем, озаряя,
Он вошел в вигвам с цветами,
И цветы его дышали
Нежным, сладким ароматом.

«О мой сын,— воскликнул старец,—
Как отрадно видеть гостя!
Сядь со мною на циновку,
Сядь сюда, к огню поближе,
Будем вместе ждать рассвета.
Ты свои мне порасскажешь
Приключения и встречи,
Я — свои: свершил я в жизни
Не один великий подвиг!»

Тут он вынул Трубку Мира,
Очень старую, чудную,
С красной каменной головкой,
С чубуком из трости, в перьях,
Наложил ее корою,
Закурил ее от угля,
Подал гостю-чужеземцу
И повел такие речи:

«Сто́ит мне своим дыханьем
Только раз на землю дунуть,
Остановятся все реки,
Вся вода окаменеет!»

Улыбаясь, гость ответил:
«Сто́ит мне своим дыханьем
Только раз на землю дунуть,
Зацветут цветы в долинах,
Запоют, заплещут реки!»

«Стоит мне тряхнуть во гневе
Головой своей седою,—
Молвил старец, мрачно хмурясь,—
Всю страну снега покроют,
Вся листва спадет с деревьев,
Все поблекнет и погибнет,
С рек и с тундр, с болотных топей
Улетят и гусь и цапля
К отдаленным, теплым странам;
И куда бы ни пришел я,
Звери дикие лесные
В норы прячутся, в пещеры,
Как кремень, земля твердеет!»

«Стоит мне тряхнуть кудрями,—
Молвил гость с улыбкой кроткой,—
Благодатный теплый ливень
Оросит поля и долы,
Воскресит цветы и травы;
На озера и болота
Возвратятся гусь и цапля,
С юга ласточка примчится,
Запоют лесные птицы;
И куда бы ни пришел я,
Луг колышется цветами,
Лес звучит веселым пеньем,
От листвы темнеют чащи!»

За беседой ночь минула;
Из далеких стран Востока,
Из серебряных чертогов,
Словно воин в ярких красках,
Солнце вышло и сказало:
«Вот и я! Любуйтесь солнцем,
Гизисом, могучим солнцем!»

Онемел при этом старец.
От земли теплом пахнуло,
Над вигвамом стали сладко
Опечи петь и Овейса,
Зажурчал ручей в долине,
Нежный запах трав весенних
Из долин в вигвам повеял,
И при ярком блеске солнца
Увидал Сэгвон яснее
Старца лик холодный, мертвый:
То был Пибоан могучий.

По щекам его бежали,
Как весенние потоки,
Слезы теплые струями,
Сам же он все уменьшался
В блеске радостного солнца —
Паром таял в блеске солнца,
Влагой всачивался в землю,
И Сэгвон среди вигвама,
Там, где ночью мокрый хворост

В очаге дымился, тлея,
Увидал цветок весенний,
Первоцвет, привет весенний,
Мискодит в зеленых листьях.

Так на север после стужи,
После лютой зимней стужи,
Вновь пришла весна, а с нею
Зацвели цветы и травы,
Возвратились с юга птицы.

С ветром путь держа на север,
В небе стаями летели,
Мчались лебеди, как стрелы,
Как большие стрелы в перьях,
И скликалися, как люди;
Плыли гуси длинной цепью,
Изгибавшейся, подобно
Тетиве из жил оленя,
Разорвавшейся на луке;
В одиночку и попарно,
С быстрым, резким свистом крыльев,
Высоко нырки летели,
Пролетали на болота
Мушкодаза и Шух-шух-га.

В чащах леса и в долинах
Пел Овейса синеперый,
Над вигвамами, на кровлях,
Опечи пел красногрудый,
Под густым наметом сосен
Ворковал Омими, голубь,
И печальный Гайавата,
Онемевший от печали,
Услыхал их зов веселый,
Услыхал — и тихо вышел
Из угрюмого вигвама
Любоваться вешним солнцем,
Красотой земли и неба.

Из далекого похода
В царство яркого рассвета,
В царство Вебона, к Востоку,
Возвратился старый Ягу,

И принес он много-много
Удивительных новинок.

Вся деревня собралася
Слушать, как хвалился Ягу
Приключеньями своими,
Но со смехом говорила:
«Уг! Да это точно — Ягу!
Кто другой так может хвастать!»

Он сказал, что видел море
Больше, чем Большое Море,
Много больше Гитчи-Гюми
И с такой водою горькой,
Что никто не пьет ту воду.
Тут все воины и жены
Друг на друга поглядели,
Улыбнулися друг другу
И шепнули: «Это враки!
Ко! — шепнули,— это враки!»

В нем, сказал он, в этом море,
Плыл огромный чели крылатый,
Шла крылатая пирога,
Больше целой рощи сосен,
Выше самых старых сосен.
Тут все воины и старцы
Поглядели друг на друга,
Засмеялись и сказали:
«Ко, не верится нам что-то!»

Из жерла ее, сказал он,
Вдруг раздался гром, в честь Ягу,
Стрелы молнии сверкнули.
Тут все воины и жены
Без стыда захохотали.
«Ко,— сказали,— вот так сказка!»

В ней, сказал он, плыли люди,
Да, сказал он, в этой лодке
Я сто воинов увидел.
Лица воинов тех были
Белой выкрашены краской,
Подбородки же покрыты

Были густо волосами.
Тут уж все над бедным Ягу
Стали громко издеваться,
Закричали, зашумели,
Словно во́роны на соснах,
Словно серые ворóны.
«Ко! — кричали все со смехом,—
Кто ж тебе поверит, Ягу!»

Гайавата не смеялся,—
Он на́ шутки и насмешки
Строго им в ответ промолвил:
«Ягу правду говорит нам;
Было мне дано виденье,
Видел сам я челн крылатый,
Видел сам я бледнолицых,
Бородатых чужеземцев
Из далеких стран Востока,
Лучезарного рассвета.

Гитчи Манито могучий,
Дух Великий и Создатель,
С ними шлет свои веленья,
Шлет свои нам приказанья.
Где живут они,— там вьются
Амо, делатели меда,
Мухи с жалами роятся.
Где идут они — повсюду
Вырастает вслед за ними
Мискодит, краса природы.

И когда мы их увидим,
Мы должны их, словно братьев,
Встретить с лаской и приветом.
Гитчи Манито могучий
Это мне сказал в виденье.

Он открыл мне в том виденье
И грядущее — все тайны
Дней, от нас еще далеких.
Видел я густые рати
Неизвестных нам народов,
Надвигавшихся на Запад,
Переполнивших все страны.

Разны были их наречья,
Но одно в них билось сердце,
И кипела неустанно
Их веселая работа:
Топоры в лесах звенели,
Города в лугах дымились,
На реках и на озерах
Плыли с молнией и громом
Окрыленные пироги.

А потом уже иное
Предо мной прошло виденье,—
Смутно, словно за туманом:
Видел я, что гибнут наши
Племена в борьбе кровавой,
Восставая друг на друга,
Позабыв мои советы;
Видел с грустью их остатки,
Отступавшие на Запад,
Убегавшие в смятенье,
Как рассеянные тучи,
Как сухие листья в бурю!»

ЭПИЛОГ

На прибрежье Гитчи-Гюми,
Светлых вод Большого Моря,
Тихим, ясным летним утром
Гайавата в ожиданье
У дверей стоял вигвама.

Воздух полон был прохлады,
Вся земля дышала счастьем,
А над нею, в блеске солнца,
На закат, к соседней роще,
Золотистыми роями
Пролетали пчелы, Амо,
Пели в ярком блеске солнца.

Ясно глубь небес сияла,
Тихо было Гитчи-Гюми;
У прибрежья прыгал Нама,
Искрясь в брызгах, в блеске солнца;
На прибрежье лес зеленый

Возвышался над водою,
Созерцал свои вершины,
Отраженные водою.

Светел взор был Гайаваты:
Скорбь с лица его исчезла,
Как туман с восходом солнца,
Как ночная мгла с рассветом;
С торжествующей улыбкой,
Полный радости и счастья,
Словно тот, кто видит в грезах
То, что скоро совершится,
Гайавата в ожиданье
У дверей стоял вигвама.

К солнцу руки протянул он,
Обратил к нему ладони,
И меж пальцев свет и тени
По лицу его играли,
По плечам его открытым;
Так лучи, скользя меж листьев,
Освещают дуб могучий.

По воде, в дали неясной,
Что-то белое летело,
Что-то плыло и мелькало
В легком утреннем тумане,
Опускалось, подымалось,
Подходя все ближе, ближе.

Не летит ли там Шух-шух-га?
Не ныряет ли гагара?
Не плывет ли Птица-баба?
Или это Во-би-вава
Брызги стряхивает с перьев,
С шеи длинной и блестящей?

Нет, не гусь, не цапля это,
Не нырок, не Птица-баба
По воде плывет, мелькает
В легком утреннем тумане:
То березовая лодка,
Опускаясь, подымаясь,
В брызгах искрится на солнце,
И плывут в той лодке люди

Из далеких стран Востока,
Лучезарного рассвета;
То наставник бледнолицых,
Их пророк в одежде черной,
По воде с проводниками
И с друзьями путь свой держит.

И, простерши к небу руки,
В знак сердечного привета,
С торжествующей улыбкой
Ждал их славный Гайавата,
Ждал, пока под их пирогой
Захрустит прибрежный щебень,
Зашуршит песчаный берег
И наставник бледнолицых
На песчаный берег выйдет.

И когда наставник вышел,
Громко, радостно воскликнув,
Так промолвил Гайавата:
«Светел день, о чужеземцы,
День, в который вы пришли к нам!
Все селенье наше ждет вас,
Все вигвамы вам открыты.

Никогда еще так пышно
Не цвела земля цветами,
Никогда на небе солнце
Не сияло так, как ныне,
В день, когда из стран Востока
Вы пришли в селенье наше!
Никогда Большое Море
Не бывало так спокойно,
Так прозрачно и свободно
От подводных скал и мелей:
Там, где шла пирога ваша,
Нет теперь ни скал, ни мелей!

Никогда табак наш не был
Так душист и так приятен,
Никогда не зеленели
Наши нивы так, как ныне,
В день, когда из стран Востока
Вы пришли в селенье наше!»

И наставник бледнолицых,
Их пророк в одежде черной,
Отвечал ему приветом:
«Мир тебе, о Гайавата!
Мир твоей стране родимой,
Мир молитвы, мир прощенья,
Мир Христа и свет Марии!»

И радушный Гайавата
Ввел гостей в свое жилище,
Посадил их там на шкурах
Горностаев и бизонов,
А Нокомис подала им
Пищу в мисках из березы,
Воду в ковшиках из липы
И зажгла им Трубку Мира.

Все пророки, Джосакиды,
Все волшебники, Вэбины,
Все врачи недугов, Миды,
С ними воины и старцы
Собрались пред вигвамом,
Чтоб почтить гостей приветом.
Тесным кругом у порога
На земле они сидели
И курили трубки молча,
А когда к ним из вигвама
Вышли гости, так сказали:
«Всех нас радует, о братья,
Что пришли вы навестить нас
Из далеких стран Востока!»

И наставник бледнолицых
Рассказал тогда народу,
Что пришел он им поведать
О святой Марии-Деве,
О ее предвечном Сыне.
Рассказал, как в дни былые
Он сошел на землю к людям,
Как он жил в посте, в молитве,
Как учил он, как евреи,
Богом про́клятое племя,
На кресте его распяли,

Как восстал он из могилы,
Вновь ходил с учениками
И с земли вознесся в небо.

И народ ему ответил:
«Мы словам твоим внимали,
Мы внимали мудрой речи,
Мы должны о ней подумать.
Всех нас радует, о братья,
Что пришли вы навестить нас
Из далеких стран Востока!»

И, простясь, все удалились,
Разошлись к своим вигвамам,
Рассказали на деревне
Юным воинам и женам,
Что прислал Владыка Жизни
К ним гостей из стран Востока.

От жары, в затишье полдня,
Тяжким воздух становился;
В полусне шептались сосны
Позади вигвамов душных,
В полусне плескались волны
На песчаное прибрежье,
А на нивах, не смолкая,
Пел кузнечик, Па-пок-кина.
Спали гости Гайаваты,
Истомленные жарою,
В душном сумраке вигвама.

Тихо вечер приближался,
Освежая знойный воздух,
И метало солнце стрелы,
Пробивая чащи леса,
В тайники его врываясь,
Все осматривая зорко.
Спали гости Гайаваты
В тихом сумраке вигвама.

С мягких шкур встал Гайавата
И простился он с Нокомис,
Тихим шепотом сказал ей,
Чтоб гостей не потревожить:

«Ухожу я, о Нокомис,
Ухожу я в путь далекий,
Ухожу в страну Заката,
В край Кивайдина родимый.
Но гостей моих, Нокомис,
На тебя я оставляю:
Сохраняй их и заботься,
Чтоб ни страх, ни подозренье,
Ни печаль их не смущали;
Чтоб в вигваме Гайаваты
Им всегда готовы были
И приют, и кров, и пища».

Так сказав ей, он покинул
Отчий дом, пошел в селенье
И простился там с народом,
Говоря такие речи:

«Ухожу я, о народ мой,
Ухожу я в путь далекий:
Много зим и много весен
И придет и вновь исчезнет,
Прежде чем я вас увижу;
Но гостей моих оставил
Я в родном моем вигваме:
Наставленьям их внимайте,
Слову мудрости внимайте,
Ибо их Владыка Жизни
К нам прислал из царства света».

На прибрежье Гайавата
Обернулся на прощанье,
На сверкающие волны
Сдвинул легкую пирогу,
От кремнистого прибрежья
Оттолкнул ее на волны,—
«На закат!» — сказал ей тихо
И пустился в путь далекий.

И закат огнем багряным
Облака зажег, и небо,
Словно прерии, пылало;
Длинным огненным потоком
Отражался в Гитчи-Гюми

Солнца след, и, удаляясь
Все на запад и на запад,
Плыл по нем к заре огнистой,
Плыл в багряные туманы,
Плыл к закату Гайавата.

И народ с прибрежья долго
Провожал его глазами,
Видел, как его пирога
Поднялась высоко к небу
В море солнечного блеска —
И сокрылася в тумане,
Точно бледный полумесяц,
Потонувший тихо-тихо
В полумгле, в дали багряной.

И сказал: «Прости навеки,
Ты прости, о Гайавата!»
И лесов пустынных недра
Содрогнулись — и пронесся
Тяжкий вздох во мраке леса,
Вздох: «Прости, о Гайавата!»
И о берег волны с шумом
Разбивались и рыдали,
И звучал их стон печальный,
Стон: «Прости, о Гайавата!»
И Шух-шух-га на болоте
Испустила крик тоскливый,
Крик: «Прости, о Гайавата!»

Так в пурпурной мгле вечерней,
В славе гаснущего солнца,
Удалился Гайавата
В край Кивайдина родимый.
Отошел в Страну Понима,
К Островам Блаженных,— в царство
Бесконечной, вечной жизни!

УОЛТ УИТМЕН
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

ИЗ ЦИКЛА «ПОСВЯЩЕНИЯ»

ОДНОГО Я ПОЮ

Одного я пою, всякую простую отдельную личность,
И все же Демократическое слово твержу, слово «En Masse».

Физиологию с головы и до́ пят я пою,
Не только лицо человеческое и не только рассудок достойны
Музы, но все Тело еще более достойно ее,
Женское наравне с Мужским я пою.
Жизнь, безмерную в страсти, в биении, в силе,
Радостную, созданную чудесным законом для самых свободных
деяний,
Человека Новых Времен я пою.

КОГДА Я РАЗМЫШЛЯЛ В ТИШИ

Когда я размышлял в тиши,
Обдумывая стихи, возвращаясь к ним снова и снова,
Предо мною вырос Призрак с недоверчивым взглядом,
Ужасающий красотой, долголетьем и мощью,
Дух поэтов древних царств;
Обратив ко мне пламенный взор,
Он указал на многие бессмертные песни
И грозно спросил: *«Что ты воспеваешь,*
Разве ты не ведаешь, что у мировых поэтов есть только одна тема?

И это — тема Войны, военного счастья,
Воспитания настоящих солдат».
«Будь по-твоему,— я ответил,—
Я, надменная Тень, также пою войну, и куда более долгую и великую, чем любая другая,
И я в моей книге связан с изменчивым счастьем, с бегством, наступлением и отступлением, с медлящей и неверной победой
(Которая все же несомненна или почти несомненна), всемирной битвой
За жизнь и смерть, за Тело и за вечную Душу,
Ты слышишь, я тоже пришел, распевая песню битвы,
И я, первым делом, славлю храбрых солдат».

НА КОРАБЛЯХ В ОКЕАНЕ

В океане, на могучих кораблях
(Когда вокруг расстилается безграничная синь,
Ветры свистят и с гармоничным шумом вздымаются волны — огромные, величественные)
Или на одинокой шхуне, легко плывущей в темно-синем просторе,—
Когда, радостная, уверенная, распростерши белые паруса,
Она рассекает эфир в свете искристого, пенистого дня и под бесчисленными звездами ночи,
Моряки, молодые и старые, может быть, прочтут и поймут мои стихи, напоминание о земле,
И полностью сроднятся с ними.

«Вот наши мысли, мысли путников,— пусть скажут они тогда,—
Не только землю, не одну лишь сушу мы ощущаем здесь,—
Здесь небо раскинуло свод; смотри, под ногами колеблется палуба,
Нам слышно постоянное биение бесконечного потока, приливы его и отливы,—
Звуки невидимой тайны, неясные намеки широкого соленого мира, текучие слоги,
Благоухание моря, легкий скрип снастей, меланхоличный ритм,
Безграничный простор, горизонт, далекий и туманный,— все они здесь,
Это — поэма про океан».

И поэтому, моя книга, не робей, выполняй, что тебе
предназначено,—
Ведь ты не только напоминание о земле,
Ты тоже одинокий парусник, рассекающий эфир, бегущий
к неизвестной цели, но всегда уверенный.
Отплывай же и ты вместе с плывущими кораблями!
Отнеси им всем мою любовь (родные моряки, я вкладываю
в каждый лист мою любовь к вам!),
Спеши, спеши, моя книга! Раскрой свои паруса, утлое
суденышко, над величественными волнами,
Плыви все дальше и пой; во все моря, через безграничную синь,
неси мою песню
Морякам и их кораблям.

ИСТОРИКУ

Ты, восхваляющий прошлое,
Ты, изучавший парадную сторону наций, жизнь — такой, какой
она выставляет себя напоказ,
Ты трактовал человека, как порождение политиканов,
группировок, вождей, жрецов.
А я, обитатель Аллеган, трактую его, как он есть,
по естественным законам,
Держу руку на пульсе жизни, ведь она редко выставляет себя
напоказ (у человека большое чувство собственного
достоинства),
Я, певец Личности, намечаю то, что грядет,
Я набрасываю контур истории будущего.

ТЕБЕ, СТАРИННОЕ ДЕЛО БОРЬБЫ ЗА СВОБОДУ

О старинное дело борьбы за свободу!
Не знающее равных, исполненное страсти, доброе дело,
Суровая, беспощадная, нежная идея,
Бессмертная во все века, у всех племен, во всех странах!
После странной, печальной войны, великой войны за тебя
(Да и все войны, во все времена, по-моему, люди вели за тебя —
и всегда за тебя они будут воевать)
Эти песни — в твою честь, в честь вечного твоего движения
вперед.

(Да, эту войну, солдаты, вы вели не только из-за самой войны,
Что-то более важное, гораздо более важное, молчаливо стояло
за ее спиной; и оно выступает теперь, в этой книге.)

Ты, вселенная многих вселенных!
Кипящее начало! Заботливо выращиваемый, невидимый глазу
росток! Центр всего!
Вокруг мысли о тебе вращалась война
С ее гневной, неистовой игрой причин
(И с ее обильными плодами, которые мир узнает через трижды
тысячу лет),
Эти напевы — для тебя... Моя книга и эта война — это одно
и то же,
Я и все мое — мы слиты с ее духом: ведь борьба велась за тебя!
Как вокруг оси вращается колесо — так и эта книга невольно
Вращается вокруг мысли о тебе.

ЧИТАЯ КНИГУ

Читая книгу, биографию прославленную,
И это (говорю я) зовется у автора человеческой жизнью?
Так, когда я умру, кто-нибудь и мою опишет жизнь?
(Будто кто по-настоящему знает что-нибудь о жизни моей.
Нет, зачастую я думаю, я и сам ничего не знаю о своей
подлинной жизни,
Несколько слабых намеков, несколько сбивчивых, разрозненных,
еле заметных штрихов,
Которые я пытаюсь найти для себя самого, чтобы вычертить
здесь.)

ШТАТАМ

Говорю всем Штатам, и каждому из них, и любому городу
в Штатах:
«Побольше противься — подчиняйся поменьше».
Неразборчивое послушание — это полное рабство,
А из полного рабства, нация, штат или город не возвратятся
к свободе.

НЕКОЕЙ ПЕВИЦЕ

Вот возьми этот дар,
Я его сберегал для героя, для оратора, для полководца,
Для того, кто послужит благородному правому делу,
великой идее, всенародному счастью, свободе,
Для бесстрашного обличителя деспотов, для дерзкого бунтаря;
Но я вижу, что мой издавна сберегаемый дар принадлежит
и тебе, как любому из них.

Я НЕ ДОСТУПЕН ТРЕВОГАМ

Я не доступен тревогам, я в Природе невозмутимо спокоен,
Я хозяин всего, я уверен в себе, я среди животных и растений,
Я так же восприимчив, податлив, насыщен, молчалив, как они,
Я понял, что и бедность моя, и мое ремесло, и слава, и поступки
мои, и злодейства не имеют той важности, какую я им
придавал,
Я в тех краях, что тянутся до Мексиканского моря, или
в Маннахатте, или в Теннесси, или далеко на севере
страны,
На реке ли живу я, живу ли в лесу, на ферме ли в каком-нибудь
штате,
Или на морском берегу, или у канадских озер,
Где бы ни шла моя жизнь,— о, быть бы мне всегда в равновесии,
готовым ко всяким случайностям,
Чтобы встретить лицом к лицу ночь, ураганы, голод, насмешки,
удары, несчастья,
Как встречают их деревья и животные.

СЛЫШУ, ПОЕТ АМЕРИКА

Слышу, поет Америка, разные песни я слышу:
Поют рабочие, каждый свою песню, сильную и зазывную.
Плотник — свою, измеряя брус или балку,
Каменщик — свою, готовя утром рабочее место или покидая его
ввечеру,
Лодочник — свою, звучащую с его лодки, матросы свою — с
палубы кораблей,

Сапожник поет, сидя на кожаном табурете, шляпник — стоя перед
шляпной болванкой,
Поет лесоруб, поет пахарь, направляясь чем свет на поля, или
в полдень, или кончив работу,
А чудесная песня матери, или молодой жены, или девушки за
шитьем или стиркой,—
Каждый поет свое, присущее только ему,
Днем — дневные песни звучат, а вечером — голоса молодых,
крепких парней,
Распевающих хором свои звонкие, бодрые песни.

ГДЕ ОСАЖДЕННАЯ КРЕПОСТЬ?

Где осажденная крепость, бессильная отбросить врага?
Вот я посылаю туда командира, он проворен, он смел
и бессмертен,
С ним и пехота, и конница, и обозы орудий.
И артиллеристы беспощаднее всех, что когда-либо палили
из пушек.

ПУСТЬ БЕЗМЯТЕЖЕН ТОТ, КОГО Я ПОЮ

Пусть безмятежен тот, кого я пою
(Тот, рожденный борением противоречий), я посвящаю его
Народу,
Я вселяю в него мятеж (о, тайное пламя и право бунта!
О, неугасимое, животворящее пламя!).

НЕ ЗАКРЫВАЙТЕ ДВЕРЕЙ

Не закрывайте дверей предо мною, падменные библиотеки,
Ведь я приношу вам то, чего никогда не бывало на ваших
тесно уставленных полках, то, что вам нужнее всего,
Ибо и я, и моя книга взросли из войны;
Слова моей книги — ничто, ее стремление — все,
Одинокая книга, с другими не связанная, ее не постигнешь
рассудком,
Но то сокровенное, что не сказано в ней, прорвется на каждой
странице.

ПОЭТАМ, КОТОРЫЕ БУДУТ

Поэты, которые будут! Певцы, музыканты, ораторы!
Не нынешний день оправдает меня и ответит, зачем я,
Нет, люди породы иной — коренной, атлетической, куда
величавее прежних.
Явитесь! Вам надо меня оправдать.

Я сам напишу для будущих дней два-три указующих слова,
Выступлю только на миг, чтоб уйти опять в темноту.

Я — тот, кто, слоняясь в толпе, на ходу вас глазами окинет
и снова лицо отвернет,
Вам предоставив его разгадать и создать отчетливый образ,
Главного жду я от вас.

ТЕБЕ

Первый встречный, если ты, проходя, захочешь заговорить
со мною, почему бы тебе не заговорить со мною?
Почему бы и мне не начать разговора с тобой?

В ТЕБЕ, ЧИТАТЕЛЬ

В тебе, читатель, трепещет жизнь, гордость, любовь —
как и во мне,
Поэтому для тебя эти мои песни.

РОЖДЕННЫЙ НА ПОМАНОКЕ

1

Рожденный на Поманоке, похожем формой на рыбу,
Взлелеянный и взращенный прекрасной матерью,
Неутомимый бродяга, влюбленный в толпы на улицах,
Обитатель города моего Манхаттена, житель южной
саванны,
Солдат на биваке, солдат с ружьем и скаткой за плечами,
рудокоп в Калифорнии,

Дикарь в лесах родной Дакоты, чья пища — мясо и вода
из ручья,
Отшельник в глубоком уединении, предающийся
сладостному раздумью,
Вдали от приливов и отливов городской суеты,
Человек, которому близки щедрость благодатной Миссури
и могущество Ниагары,
Явствен топот буйволов на равнине и поступь
сильногрудого косматого быка перед стадом,
Человек, живущий в благодарном изумлении перед землей,
скалами, звездами, дождем, снегом и подснежниками,
Постигший все трели пересмешника и тайну парения
горного ястреба,
Слыхавший на рассвете несравненного певца дрозда-отшельника
в зелени болотного кедра,
Одинокий, я запеваю на Западе песнь Нового Света.

2

Победа, единение, вера, тождество, время,
Нерушимые договоры, богатства, тайна,
Вечный прогресс, космос и современные открытия.
Вот она, жизнь,
Появившаяся на свет в мучительных родах, в судорогах
и конвульсиях.

Удивительная! И реальная!
Под ногами божественная земля, над головой солнце.

Смотри — вертится земной шар,
Вон там древние континенты прижались друг к другу,
А вот материки нынешние и будущие
и перешеек между Севером и Югом.

Смотри — огромные бездорожные пространства
Меняются как по волшебству, их заполняют
Бесчисленные массы людей,
И вот уже существуют на этих землях выдающиеся люди
искусства и государственные учреждения.
А теперь посмотри сквозь время
На бесчисленных моих читателей.

Твердым и уверенным шагом идут они неустанно,
Вереницы людей, Американос, сотни миллионов,
Вот одно поколение, свершив свой подвиг, уходит,
И другое поколение, свершив свой подвиг, уходит следом,
Лица идущих повернуты ко мне, дабы слышать.
И глаза их смотрят на меня.

3

Американос! победители! марш человечества!
Передовые! марш века! Либертад! массы!
Для вас мои песни.

Песни о прериях,
Песни о Миссисипи, бесконечно плывущей вниз
к Мексиканскому морю,
Песни об Огайо, об Айове, об Индиане, Висконсине,
Иллинойсе и Миннесоте,
Песни, которые разлетаются из Канзаса, из самого центра,
которые слышны всюду,
Песни, которые бьются в огненных пульсах и все оживляют.

4

Возьми мои листья, Америка, унеси их на Юг, унеси их
на Север,
Радуйся им, куда бы они ни прилетели, это отпрыски
твоего древа,
Сбереги мои песни на Востоке и на Западе, и они сберегут
тебя,
И вы, ранее спетые песни, в любви соединитесь с ними, ибо
они стремятся в любви соединиться с вами.

Я постиг старину,
Я учился, сидя у ног великих мастеров,
И если я достоин, пусть великие мастера вернутся и изучают
меня.
Во имя этих Штатов вправе ли я презирать древность?
Штаты — дети древности и тем самым оправдывают ее.

5

Ушедшие поэты, философы, священнослужители,
Великомученики, художники, изобретатели,
давно исчезнувшие правительства,
Создатели языка в неведомых странах,
Народы, некогда могущественные, а ныне вымирающие
и пришедшие в упадок,
Я не вправе продолжать, пока не воздам дань уважения
тому, что вы оставили нам.
Я изучил ваше наследие, оно восхитительно (я даже порою
бродил в мире ушедшем),
И понял — ничто не может быть более великим и
заслуживать большего почитания, нежели оно заслуживает,
Но, тщательно изучив прошлое, я оставил его
И стою там, где я есть,— в моем сегодняшнем дне.

Здесь сходят на берег женщина и мужчина,
Мужская и женская наследственность мира, пламя материи,
Вот она, духовность, всем понятная и открыто признанная,
Вечное стремление, конец зримых форм,
Владычица одаряющая грядет после томительного
ожидания,
Приближается душа.

6

Душа,
Во веки веков, дольше, чем земля останется бурой и твердой,
дольше, чем будут существовать приливы и отливы,
Я буду слагать поэмы о материи, ибо считаю, что эти поэмы
самые духовные,
Я буду слагать поэмы о моем теле и смертности,
Ибо считаю, что только так можно создать стихи о моей
душе и бессмертии.
И для этих штатов сложу я песню о том, что ни один штат
ни при каких обстоятельствах не должен подчинить себе
другой штат.
И еще я сложу песню о том, что все штаты и днем и ночью
должны жить в дружбе, и два соседние штата не должны
враждовать.
А для ушей Президента я сложу песню, в которой будут слышны
угрозы и лязг оружия,

И сквозь частокол оружия будут проглядывать хмурые лица;
И о безликом Страхе, вобравшем в себя черты многих, я
тоже сложу песню,
О клыкастом, ощеренном Страхе, возвышающемся
надо всеми,
О воинственном, грозном Страхе, чья голова в подпебесье
(Как бы ни был высок самый высокий человек, Страх
подчас выше).

Я признáю все современные страны,
Я прослежу географию шара земного и сердечно приветствую
все города, малые и большие.
А людские занятия! Героизм их — на море, героизм их —
на суше, в песнях своих я расскажу об этом,
Все расскажу я о героизме, как понимают его американцы.

Я спою песню товарищества,
Я докажу, что в одном должны объединиться многие,
Я уверен, что многие должны создать идеал мужественной
любви, найдя его во мне,
Потому и позволяю я вырваться наружу пламени, которое
пожирало меня,
Долго тлели угли в костре, я уберу все, что мешало ему
гореть,
Я дам полную волю огню,
Кто, если не я, может постичь любовь с ее радостями и
печалями.
Кто, если не я, может стать поэтом товарищества?

7

Я верю в достоинство человека всех рас и веков,
Народ мой выслал меня вперед,
Моими устами поет безграничная уверенность.

Омнес! Омнес! Пусть некоторые презирают все на свете,
Я сложу песню о зле, и о зле рассказать я должен.
Ведь и во мне уживаются добро и зло, как во всей моей нации,—
и я утверждаю, что зло относительно.
(А если оно существует, то я утверждаю: оно неотъемлемая
часть бытия и вашего, и моего, и страны моей.)

Я, который за многими шел, за которым следуют многие,
провозглашаю свои взгляды и спускаюсь на арену

(Кто знает, может быть, именно мне суждено издать самый
громкий, самый победный клич,
Вылетев из моих уст, может быть, он воспарит над миром).

Ничто не существует ради себя самого,
Я утверждаю, что вся земля и все звезды в небе существуют
ради религии.

Я утверждаю, не бывало еще на земле истинно верующего.
И никто еще не склонил в почитании колен и не вознес молитв
достойных,
И никто еще даже отдаленно не помышлял, сколь прекрасен
он сам и сколь надежно будущее.

Я утверждаю: подлинное и надежное величие этих Штатов —
вот истинная религия,
И нет на земле другого величия подлинного и непреходящего
(Нет ни существа, ни жизни достойной без этой религии.
Нет ни страны, ни мужчины, ни женщины без этой
религии).

8

Что ты делаешь, юноша?
Неужели ты столь серьезен, столь предан литературе,
науке, искусству, любовным утехам?
Ужли так важны для тебя мнимые ценности — политика,
споры,
Твое честолюбие или твой бизнес?
Что ж, я не скажу против ни слова, я сам воспеваю все это,
Но смотри! Быстро они исчезнут, сгорят во имя религии,
Ведь не все вокруг создано, чтобы питать обжигающее
пламя, главный огонь жизни,
И тем более гореть во имя религии.

9

Чего же ты ищешь, такой молчаливый и задумчивый?
Что нужно тебе, камерадо?
Сын дорогой мой, ты думаешь, это любовь?
Послушай, сын дорогой мой, послушай, Америка, дочь моя,
сын мой,

Это так больно — любить женщину или мужчину бездонно,
и все же это великое чувство, оно приносит удовлетворение,
Но есть чувство еще более великое, которое сплотит мир
воедино,
Это чувство величественно, оно превыше всего, руки его
распростерты надо всем и благословляют все.

10

Знайте только, ради того чтобы бросить в землю семена еще
более высокой религии,
Эти песни, каждую в своем роде, я пою.

Мой товарищ!
Для тебя моя песня, чтобы ты мог разделить со мной два
величия, и третье — самое великое и всеобъемлющее,
Величие Любви и Демократии, величие Религии.

Я вместил в себе целый мир, предметы зримые и незримые,
Таинственный океан, в который впадают реки,
Пророческий дух материи, сверкающий вкруг меня,
Живые существа и тождества, о которых мы не ведаем, им
несть числа, они рядом,
Связь с ними я ощущаю ежедневно и ежечасно,
Связь с явлениями существующими и теми, которые должны
появиться, требовательно они ждут от меня чего-то.

Нет, не человек, который в детстве каждодневно целовал меня,
Сплел нить, привязавшую меня к нему более,
Чем к небу и всему духовному миру,
Хотя им обязан я темами моих стихотворений.

О, эти темы-равенства! О, божественное общее!
Поют и дрожат под солнцем ныне, в полдень и на закате,
Мелодии, которые прилетели через века ко мне,
Я добавил к их неумолчным звукам свои аккорды
и с легким сердцем отослал их в будущее.

11

Утром я обычно гулял в Алабаме
И любил наблюдать за самкой пересмешника, она
высиживала птенцов в зарослях шиповника.

И самца пересмешника я наблюдал
И останавливался, бывало, неподалеку, чтобы лучше слышать
его, радостная песнь раздувала птице горло.

И однажды понял я, что песнь его предназначалась не нам,
А тому неуловимому и еле внятному, что было скрытым
еще,
Песнь его была сокровенным посланьем, тайным подарком
тому, кто рождается.

12

Демократия! Я рядом с тобой, и радостная песнь раздувает мое
горло.

Жена моя! Потомству нашему и потомству собратьев наших,
Тому, кто ныне живет, и тому, кто должен прийти,
Я готов вдохновенно петь гимны возвышенные и могучие,
каких еще не слыхивала земля.
Я сложу песнь о страсти и напутствую ее в дорогу,
И ваши песни, изгнанники закона, я возьму с собой наравне
со своими,
Недаром я сердечно и внимательно наблюдал за вами.

Я сложу правдивые стихи о материальных ценностях,
которые необходимы, чтобы тело здравствовало,
а непредвзятый ум работал, не поддаваясь смерти;
Я покажу эгоизм и докажу, что он существует, и я стану
певцом индивидуальности,
Я покажу мужчин и женщин и докажу, что они равно
прекрасны,
О великом акте зачатия я скажу! Слушайте меня, ибо со всей
решимостью и бесстрашием я намерен заявить, что он
великолепен,
И я докажу, что нет несовершенства в настоящем, равно как
не будет его в будущем,
И я докажу, что любая неприятная случайность может
обернуться к лучшему
И что умереть в свой срок тоже прекрасно.
Красной нитью пройдет в моих стихотворениях мысль о том,
что события и время едипы,
И что все предметы в мироздании суть истинные совершенства,
и что каждое из них удивительно.

Я не стану слагать поэм о частях целого,
Но сложу поэмы и песни о целом в его единстве,
И не стану я слагать поэм о едином дне, но обо всех днях,
И не создам я ни одной поэмы и ни одного стихотворения,
в которых не подразумевалась бы душа,
Ибо, окинув взором вселенную, я увидел, что нет в ней
ни предмета целого, ни малой частицы этого предмета,
существующей отдельно, но все связано с душой.

13

Ты, кажется, хотел увидеть душу?
Так посмотри на себя, на выражение лица своего; посмотри
на людей, на предметы, на зверей, на деревья и бегущие
реки, на скалы и побережья.

Все проникнуто радостной духовностью и постепенно излучает
ее.
Может ли тело человеческое умереть и быть похороненным?

И твое тело, и тела всех мужчин и женщин
Мало-помалу ускользнут из рук гробовщиков и перенесутся
в иные сферы,
Унося с собой все, что выпало на их долю с момента рождения
до смертной минуты.

Но не в рабских копиях, отпечатанных жизнью, сущность ее
и основной смысл,
Ведь не одно только естество мужское и жизнь и не одно
только естество женское и жизнь возвращаются
с телом и душой,
Равно до или после смерти.

Помни! Тело заключает в себе сущность и основной смысл,
оно заключает в себе душу;
Кто бы ты ни был, как прекрасно, как удивительно твое тело
и любая часть его!

14

Кто бы ты ни был, к тебе я взываю!

Дочь страны моей, ждала ли ты своего поэта?
Поэта, чьи уста отверзнуты, а перст указует
На мужчин и женщин этих Штатов,
Поэта, чьи возвышенные слова обращены к Демократии.

К земле, крепко спаянной и плодоносной!
К земле угля и железа! К земле золота! К земле хлопка, сахара и риса!
К земле пшеницы и мяса! К земле шерсти и конопли! К земле яблок и винограда!
К земле мирных долин и необозримых пастбищ! К земле бескрайних плоскогорий, на которых так легко дышится!
К земле стад, садов и простых глинобитных хижин!
К земле, над которой дуют северо-западные колумбийские и юго-западные колорадские ветры!
К земле восточного Чесапика! К стране Делавэра!
К земле Онтарио, Эри, Гурона и Мичигана!
К земле первых Тринадцати Штатов! К земле Массачусетса! К земле Вермонта и Коннектикута!
К земле океанских побережий! К земле горных хребтов и вершин!
К земле моряков и матросов! К земле рыбаков!
К земле сроднившихся краев! Нерасторжимых! Страстных!
Вставших плечом к плечу, как старшие и младшие братья!
К земле великих женщин! И женственности! К земле сестер многоопытных и сестер невинных!
К земле большого дыханья, арктических льдов и мексиканских бризов!
К земле Пенсильвании! Виргинии и двух Каролин!
О земля моя, горячо любимая мной! О бесстрашные народности, населяющие тебя! Я люблю вас всех любовью совершенной!
Я не могу быть отторгнут от вас! Ни от одной из вас, вы все важны для меня!
О смерть! Несокрушимая любовь моя, и потому, не замеченный тобой до сих пор,
Брожу я по Новой Англии, открытая душа, путешественник,
Шлепаю босиком по воде в Поманокском прибое,
Пересекаю прерию, снова живу в Чикаго, снова живу, где вздумается.
Вижу, как рождаются люди, развивается техника, возводятся здания, ставятся спектакли,
Слушаю ораторов на собраниях,
Каждая женщина и каждый мужчина в этих Штатах мне сосед навсегда.
Жители Луизианы и Джорджии так же близки мне, как я им,
Жители Миссисипи и Арканзаса со мной, пока я с ними,
Равно на равнинах, что лежат к западу от главной реки и в моей глинобитной хижине,

По пути на восток, в прибрежном штате и в Мэриленде.
И канадца, храбро встречающего зиму, снега и морозы,
сердечно привечу я,
И подлинного сына Мэна, и жителя Гранитного штата, и
штата залива Наррагансетт, и штата Нью-Йорк,
А когда я к другим берегам отправлюсь, дабы освоить их,
я стану приветствовать каждого нового брата,
Так я сплету новые листья со старыми, и с этой минуты ветви
будут едины,
И среди новых братьев я стану ходить как равный, вот почему
сегодня я обращаюсь к вам лично,
Приказываю вам вместе со мной принять участие в общем
действии, сыграть в общем спектакле единую роль.

15

За мной, за мной в тесном строю, но торопитесь, торопитесь.

Все ваши жизни соединены с моей
(Может быть, меня придется упрашивать,
Прежде чем я отдам свою жизнь,— но что из того?
Ведь человеческую Природу надо уговаривать не раз).

Нет, я не изысканный dolce affettuoso,
Бородатый, обожженный солнцем, суровый, с задубелой шеей,
я пришел,
Чтобы бороться за главные призы вселенной,
За них я буду сражаться, кто бы не пытался выиграть их.

16

Но по пути я остановлюсь,
Ради вас! Ради Америки!
И возвещу людям, что настоящее должно быть спокойным,
а будущее радостным и возвышенным,
И о прошлом я скажу то, что сохранил сам воздух нашей страны,
я скажу о краснокожих аборигенах.

Краснокожие аборигены,
Дыханье свое, звуки дождя и ветра, прозвища птиц и лесных
зверей вы оставили нам в названьях:

Окопи, Кууза, Оттава, Миссисипи, Саук, Натчез, Чаттахучи, Каквета, Ориноко,
Уобаш, Майами, Сагино, Чиппева, Ошкош, Уалла-Уалла,
Оставив эти названья, вы ушли, растворив родные слова в воде, перемешав их с почвой.

17

Весь мир стремительно расширяется отныне,
Люди, природа, промышленность — все развивается неистово, быстро, бесстрашно,
Мир первобытен снова, нескончаемая цепь величественных видений удлиняется,
Новое великое человечество превзошло предков, оно участвует в новом состязании,
Новая политика, новая литература и религия, новые изобретения и искусства.
Их возвещает мой голос — я не буду более спать, я встану,
И вы, океаны, которые дремали во мне! О, как я чувствую вашу бездонность, там, в глубине, созревают невиданные доселе волны и штормы.

18

Погляди — пароходы плывут через мои поэмы,
Погляди — иммигранты прибывают и сходят на берег,
Погляди — вон вигвам, вон тропа и охотничья хижина, вон плоскодонка, вон кукурузное поле, вон вырубка, вон простая изгородь и деревушка в глухом лесу,
Погляди — по одну сторону моих поэм Западное побережье, а по другую — Восточное, но, словно на побережьях, в моих поэмах приливает и отливает море,
Погляди — вон в моих поэмах пастбища и лесные чащобы, звери дикие и ручные, а там, дальше, за Ко, стада буйволов щиплют траву на равнинах,
Погляди — вон в моих поэмах большие, прочно построенные города, здания в них из железа и камня, мостовые замощены, а сколько в них экипажей, какая идет торговля!
Погляди — вон многоцилиндровые паровые печатные станки и электрический телеграф, протянувшийся через континент,
Погляди — пульсы Америки через глубины Атлантики стучат в берега Европы, а она возвращает их вспять,

Погляди — мощные и быстрые локомотивы отправляются в путь
и свистят, вздыхая на бегу,
Погляди — вон фермер на ферме, вон шахтер в забое, и несть
числа заводам вокруг,
Погляди — вон механики на своих рабочих местах,
в их руках инструмент — среди них ты увидишь верховных
судей, философов и президентов,
Погляди — а вон это я бреду по Штатам, появляюсь то в поле, то
в лавке, слоняюсь, всеми любимый, в обнимку с ночью
и днем,
Прислушайся к громким отзвукам моих песен и пойми наконец,
о чем они говорят.

19

О камерадо, мой близкий! Наконец-то мы вместе, хотя нас
всего двое,
О слово, которое расчистит бесконечный путь вперед,
О то, что яростно и скрытно! О дикая музыка!
Отныне я триумфатор, и ты вместе со мной;
О рука в руке! О полнокровная радость — о еще один любовник
и покоритель!
За мной, в тесном строю, не торопитесь, торопитесь за мной.

ПЕСНЯ О СЕБЕ

1

Я славлю себя и воспеваю себя,
И что я принимаю, то примете вы,
Ибо каждый атом, принадлежащий мне, принадлежит и вам.

Я, праздный бродяга, зову мою душу,
Я слоняюсь без всякого дела и, лениво нагнувшись, разглядываю
летнюю травинку.

Мой язык, каждый атом моей крови созданы из этой почвы,
из этого воздуха;
Рожденный здесь от родителей, рожденных здесь от родителей,
тоже рожденных здесь,

Я теперь, тридцати семи лет, в полном здоровье, начинаю эту
песню
И надеюсь не кончить до смерти.
Догматы и школы пускай подождут,
Пусть отступят немного назад, они хороши там, где есть, мы
не забудем и их,
Я принимаю природу такою, какова она есть, я позволяю ей
во всякое время, всегда
Говорить невозбранно с первобытною силой.

2

Пахнут духами дома и квартиры, на полках так много духов,
Я и сам дышу их ароматом, я знаю его и люблю,
Этот раствор опьянил бы меня, но я не хочу опьяняться.

Воздух не духи, его не изготовили химики, он без запаха,
Я глотал бы его вечно, я влюблен в него,
Я пойду на лесистый берег, сброшу одежды и стану голым,
Я схожу с ума от желания, чтобы воздух прикасался ко мне.
Пар моего дыхания,
Эхо, всплески, жужжащие шепоты, любовный корень,
шелковинка, стволы-раскоряки, обвитые лозой,
Мои вдохи и выдохи, биение сердца, прохождение крови
и воздуха через мои легкие,
Запах свежей листвы и сухой листвы, запах морского берега
и темных морских утесов, запах сена в амбаре,
Мой голос, извергающий слова, которые я бросаю навстречу
ветрам,
Легкие поцелуи, объятия, касания рук,
Игра света и тени в деревьях, когда колышутся гибкие ветки,
Радость — оттого, что я один, или оттого, что я в уличной
сутолоке, или оттого, что я брожу по холмам и полям,
Ощущение здоровья, трели в полуденный час, та песня, что
поется во мне, когда, встав поутру, я встречаю солнце.

Ты думал, что тысяча акров — это много? Ты думал, что
земля — это много?
Ты так долго учился читать?
Ты с гордостью думал, что тебе удалось добраться до смысла
поэм?

Побудь этот день и эту ночь со мною, и у тебя будет источник всех поэм,
Все блага земли и солнца станут твоими (миллионы солнц в запасе у нас),
Ты уже не будешь брать все явления мира из вторых или третьих рук,
Ты перестанешь смотреть глазами давно умерших или питаться книжными призраками,
И моими глазами ты не станешь смотреть, ты не возьмешь у меня ничего,
Ты выслушаешь и тех и других и профильтруешь все через себя.

3

Я слышал, о чем говорили говоруны, их толки о начале и конце,
Я же не говорю ни о начале, ни о конце.

Никогда еще не было таких зачатий, как теперь,
Ни такой юности, ни такой старости, как теперь,
Никогда не будет таких совершенств, как теперь,
Ни такого рая, ни такого ада, как теперь.

Еще, и еще, и еще,
Это вечное стремление вселенной рождать и рождать,
Вечно плодородное движение мира.
Из мрака выходят двое, они так несхожи, но равны: вечно материя, вечно рост, вечно пол,
Вечно ткань из различий и тождеств, вечно зарождение жизни.

Незачем вдаваться в подробности, и ученые и неучи чувствуют, что все это так.

Прочно, и твердо, и прямо, скованные мощными скрепами,
Крепкие, как кони, пылкие, могучие, гордые,
Тут мы стоим с этой тайной вдвоем.

Благостна и безмятежна моя душа, благостно и безмятежно все, что не моя душа.
У кого нет одного, у того нет другого, невидимое утверждается видимым,
Покуда оно тоже не станет невидимым и не получит утверждения в свой черед.

Гоняясь за лучшим, отделяя лучшее от худшего, век досаждает веку,—
Я же знаю, что все вещи в ладу и согласии.
Покуда люди спорят, я молчу, иду купаться и восхищаться собою.

Да здравствует каждый орган моего тела и каждый орган любого человека, сильного и чистого!
Нет ни одного вершка постыдного, низменного, ни одной доли вершка, ни одна доля вершка да не будет менее мила, чем другая.

Я доволен — я смотрю, пляшу, смеюсь, пою;
Когда любовница ласкает меня, и спит рядом со мною всю ночь, и уходит на рассвете украдкой,
И оставляет мне корзины, покрытые белою тканью, полные до краев,—
Разве я отвергну ее дар, разве я стану укорять мои глаза
За то, что, глянув на дорогу вослед моей милой,
Они сейчас же высчитывают до последнего цента точную цену одного и точную цену двоих?

4

Странники и вопрошатели окружают меня,
Люди, которых встречаю, влияние на меня моей юности, или двора, или города, в котором я живу, или народа,
Новейшие открытия, изобретения, общества, старые и новые писатели,
Мой обед, мое платье, мои близкие, взгляды, комплименты, обязанности,
Подлинное или воображаемое равнодушие ко мне мужчины или женщины, которых люблю,
Болезнь кого-нибудь из близких или моя болезнь, проступки, или потеря денег, или нехватка денег, или уныние, или восторг,
Битвы, ужасы братоубийственной войны, горячка недостоверных известий, спазмы событий —
Все это приходит ко мне днем и ночью, и уходит от меня опять,
Но все это не Я.

Вдали от этой суеты и маеты стоит то, что есть Я,
Стоит, никогда не скучая, благодушное, участливое, праздное, целостное.

Стоит и смотрит вниз, стоит прямо или опирается согнутой
в локте рукой на некую незримую опору,
Смотрит, наклонив голову набок, любопытствуя, что будет
дальше.
Оно и участвует в игре, и не участвует, следит за нею и
удивляется ей.

Я смотрю назад, на мои минувшие дни, когда я пререкался
в тумане с разными лингвистами и спорщиками,
У меня нет ни насмешек, ни доводов, я наблюдаю и жду.

5

Я верю в тебя, моя душа, но другое мое Я не должно перед тобой
унижаться,
И ты не должна унижаться перед ним.

Поваляйся со мной на траве, вынь пробку у себя из горла,
Ни слов, ни музыки, ни песен, ни лекций мне не надо, даже
самых лучших,
Убаюкай меня колыбельной, рокотом твоего многозвучного
голоса.
Я помню, как однажды мы лежали вдвоем в такое прозрачное
летнее утро,
Ты положила голову мне на бедро, и нежно повернулась ко мне,
И распахнула рубаху у меня на груди, и вонзила язык в мое
голое сердце,
И дотянулась до моей бороды, и дотянулась до моих ног.

Тотчас возникли и простерлись вокруг меня покой и мудрость,
которые выше нашего земного рассудка,
И я знаю, что божья рука есть обещание моей,
И я знаю, что божий дух есть брат моего,
И что все мужчины, когда бы они ни родились, тоже мои братья,
и женщины — мои сестры и любовницы,
И что основа всего сущего — любовь,
И что бесчисленные листья — и молодые и старые,
И бурые муравьи в своих маленьких шахтах под ними,
И мшистые лишаи на плетне, и груды камней, и бузина,
и коровяк, и лакоиоска.

6

Ребенок сказал: *«Что такое трава?»* — и принес мне полные горсти травы,
Что мог я ответить ребенку? Я знаю не больше его, что такое трава.

Может быть, это флаг моих чувств, сотканный из зеленой материи — цвета надежды.

Или, может быть, это платочек от бога,
Надушенный, нарочно брошенный нам на память, в подарок,
Где-нибудь в уголке есть и метка, чтобы, увидя, мы могли сказать *чей?*

Или, может быть, трава и сама есть ребенок, взращенный младенец зелени.

А может быть, это иероглиф, вечно один и тот же,
И, может быть, он означает: «Произрастая везде, где придется,
Среди чернокожих и белых людей,
И капука, и токахо, и конгрессмена, и негра я принимаю одинаково, всем им даю одно».

А теперь она кажется мне прекрасными нестриженными волосами могил.

Кудрявые травы, я буду ласково гладить вас,
Может быть, вы растете из груди каких-нибудь юношей,
Может быть, если бы я знал их, я любил бы их,
Может быть, вы растете из старцев или из младенцев, только что оторванных от материнского чрева,
Может быть, вы и есть материнское лоно.

Эта трава так темна, она не могла взрасти из седых материнских голов,
Она темнее, чем бесцветные бороды старцев,
Она темна и не могла возникнуть из бледно-розовых уст.

О, я вдруг увидал: это все языки, и эта трава говорит,
Значит, не зря вырастает она из человеческих уст.

Я хотел бы передать ее невнятную речь об умерших юношах и девушках,

А также о стариках, и старухах, и о младенцах, только что
оторванных от матерей.

Что, по-вашему, сталось со стариками и юношами?
И во что обратились теперь дети и женщины?

Они живы, и им хорошо,
И малейший росток есть свидетельство, что смерти на деле нет,
А если она и была, она вела за собою жизнь, она не подстерегает
жизнь, чтобы ее прекратить.
Она гибнет сама, едва лишь появится жизнь.

Все идет вперед и вперед, ничто не погибает.
Умереть — это вовсе не то, что ты думал, но лучше.

7

Думал ли кто, что родиться на свет — это счастье?
Спешу сообщить ему или ей, что умереть — это такое же счастье,
и я это знаю.

Я умираю вместе с умирающими и рождаюсь вместе
с только что обмытым младенцем, я весь не вмещаюсь
между башмаками и шляпой.
Я гляжу на разные предметы: ни один не похож на другой,
каждый хорош,
Земля хороша, и звезды хороши, и все их спутники хороши.

Я не земля и не спутник земли,
Я товарищ и собрат людей, таких же бессмертных и бездонных,
как я
(Они не знают, как они бессмертны, но я знаю).

Все существует для себя и своих, для меня мое, мужское
и женское,
Для меня те, что были мальчишками, и те, что любят женщин,
Для меня самолюбивый мужчина, который знает, как жалят
обиды,
Для меня невеста и старая дева, для меня матери и матери
матерей,
Для меня губы, которые улыбались, глаза, проливавшие слезы,
Для меня дети и те, что рождают детей.

Скиньте покровы! предо мною вы ни в чем не виновны, для меня
вы не отжившие и не отверженные,
Я вижу сквозь тонкое сукно и сквозь гингэм,
Я возле вас, упорный, жадный, неутомимый, вам от меня
не избавиться.

8

Младенец спит в колыбели,
Я поднимаю кисею, и долго гляжу на него, и тихо-тихо отгоняю
мух.

Юнец и румяная девушка свернули с дороги и взбираются
на покрытую кустарником гору,
Я зорко слежу за ними с вершины.

Самоубийца раскинулся в спальне на окровавленном полу,
Я внимательно рассматриваю труп с обрызганными кровью
волосами и отмечаю, куда упал пистолет.

Грохот мостовой, колеса фургонов, шарканье подметок,
разговоры гуляющих,
Грузный омнибус, кучер, зазывающий к себе седоков, цоканье
копыт по булыжнику.
Сани, бубенчики, громкие шутки, снежки,
Ура любимцам толпы и ярость разгневанной черни,
Шелест занавесок на закрытых носилках — больного несут
в больницу,
Схватка врагов, внезапная ругань, драка, чье-то паденье,
Толпа взбудоражена, полицейский со звездою быстро
протискивается в середину толпы,
Бесстрастные камни, что принимают и отдают такое множество
эхо,
Какие стопы пресыщенных или умирающих с голоду, упавших
от солнечного удара или в припадке,
Какие вопли родильниц, застигнутых схватками, торопящихся
домой, чтобы родить,
Какие слова жили здесь, и были похоронены здесь, и вечно
витают здесь, какие визги, укрощенные приличием,
Аресты преступников, обиды, предложения продажной любви,
принятие их и отказ (презрительным выгибом губ),
Я замечаю все это, отзвуки, отголоски и отсветы этого —
я прихожу и опять ухожу.

9

Настежь распахнуты ворота амбара,
Медленно въезжает фургон, тяжело нагруженный сеном,
Яркий свет попеременно играет на зеленом и буром,
Новые охапки сена наваливают на примятый, осевший стог.

Я там, я помогаю, я приехал, растянувшись на возу,
Я чувствовал легкие толчки, одну ногу я закинул за другую,
Я ухватился за жерди и прыгаю с воза, я хватаю тимофеевку
и клевер,
Я кубарем скатываюсь вниз, и мне в волосы набивается сено.

10

Далеко, в пустыни и горы, я ушел один на охоту,
Брожу, изумленный проворством своим и весельем,
К вечеру выбрал себе безопасное место для сна,
И развожу костер, и жарю свежеубитую дичь,
И засыпаю на ворохе листьев, а рядом со мною мой пес и ружье.

Клиппер несется на раздутых марселях, мечет искры и брызги,
Мой взор не отрывается от берега, я, согнувшись, сижу за рулем
или с палубы лихо кричу.

Лодочники и собиратели моллюсков встали чуть свет
и поджидают меня,
Я заправил штаны в голенища, пошел вместе с ними, и мы
провели время отлично;
Побывали бы вы с нами у котла, где варилась уха.

На дальнем Западе видел я свадьбу зверолова, невеста была
краснокожая,
Ее отец со своими друзьями сидел в стороне, скрестив ноги,
молчаливо куря, и были у них на ногах мокасины,
и плотные широкие одеяла свисали с их плеч.
Зверолов бродил по песчаному берегу, одетый в звериные
шкуры, его шею скрывали кудри и пышная борода, он
за руку держал свою невесту.
У нее ресницы были длинны, голова непокрыта, и прямые
жесткие волосы свисали на ее сладострастное тело
и достигали до пят.

Беглый раб забежал ко мне во двор и остановился у самого дома,
Я услышал, как хворост заскрипел у него под ногами,
В полуоткрытую кухонную дверь я увидел его, обессиленного,
И вышел к нему, он сидел на бревне, я ввел его в дом, и успокоил его,
И принес воды, и наполнил лохань, чтобы он вымыл вспотевшее тело и покрытые ранами ноги,
И дал ему компату рядом с моею, и дал ему грубое чистое платье;
И хорошо помню, как беспокойно водил он глазами и как был смущен,
И помню, как я паклеивал пластыри на исцарапанную шею и щиколотки;
Он жил у меня неделю, отдохнул и ушел на Север,
Я сажал его за стол рядом с собою, а кремпевое ружье мое было в углу.

11

Двадцать восемь молодых мужчин купаются у берега,
Двадцать восемь молодых мужчин, и все они так дружны;
Двадцать восемь лет женской жизни, и все они так одиноки.

Отличный дом у нее на пригорке у самого моря,
Красивая, богато одетая, за ставней окна она прячется.

Кто из молодых мужчин ей по сердцу больше всего?
Ах, и самый нескладный из них кажется ей красавцем!

Куда же, куда вы, милая? ведь я вижу вас,
Вы плещетесь в воде вместе с ними, хоть стоите у окна неподвижно.

И вот она прошла здесь по берегу, двадцать девятая, смеясь и танцуя,
Те не видят ее, но она видит и любит.

Бороды у молодых мужчин блестели от воды, вода стекала с их длинных волос,
Ручейки бежали у них по телам.

И так же бежала у них по телам рука-невидимка
И, дрожа, пробегает все ниже от висков и до ребер.

Молодые мужчины плывут на спине, и их животы обращаются к солнцу, и ни один не спросит, кто так крепко прижимается к нему.
И ни один не знает, кто это, задыхаясь, наклонился над ним
И кого он окатывает брызгами.

12

Подручный мясника снимает одежду, в которой он резал скот, или точит нож о базарную стойку,
Я замедляю шаги, мне по сердцу его бойкий язык, мне нравится, как он пускается в пляс.

Кузнецы с закопченною волосатою грудью встали вокруг наковальни,
У каждого в руках огромный молот, работа в разгаре, жарко пылает огонь.

Я стою на покрытом золою пороге,
Гибкость их станов под стать их могучим рукам,
Вниз опускаются молоты, вниз так медленно, вниз так уверенно,
Они не спешат, каждый бьет, куда надо.

13

Негр крепкой рукою держит вожжи четверки коней, камень, прикрученный цепью, качается у него под повозкой,
Из каменоломни он едет, прямой и высокий, он стоит на повозке, упершись ногой в передок,
Его синяя рубаха открывает широкую шею и грудь, свободно спускаясь на бедра,
У него спокойный, повелительный взгляд, он заламывает шляпу набекрень,
Солнце падает на его усы и курчавые волосы, падает на его лоснящееся, черное, великолепное тело.

Я гляжу на этого картинного гиганта, я влюблен в него и не могу удержаться на месте,
Я бегу с его четверкой наравне.

Во мне ласкатель жизни, бегущей куда бы то ни было, несущейся вперед или назад.

Я заглядываю в каждую нишу и наклоняюсь над мельчайшими тварями, не пропуская ни предметов, ни людей.
Я впитываю все для себя и для этой песни.

Быки, когда вы громыхаете ярмом и цепями или стоите под тенью листвы, что выражается в ваших глазах?
Мне кажется, больше, чем то, что за всю мою жизнь мне довелось прочитать.

Проходя, я спугнул дикую утку и дикого селезня во время моей далекой и долгой прогулки,
Обе птицы взлетают вместе и медленно кружат надо мной.
Я верю в эти крылатые замыслы,
Я признаю красное, желтое, белое, что играет во мне,
По-моему, зеленое и лиловое тоже далеко неспроста, и эта корона из перьев,
Я не зову черепаху негодной за то, что она черепаха,
И сойка в лесах никогда не учила гаммы, все же трели ее звучат для меня хорошо,
И взгляд гнедой кобылы выгоняет из меня всю мою постыдную глупость.

14

Дикий гусь ведет свою стаю сквозь холодную ночь,
«Я — хонк!» — говорит он, и это звучит для меня как призыв,
Пошляку это кажется вздором, но я, слушая чутко,
Понимаю, куда он зовет, там, в этом зимнем небе.

Северный остроконытный олень, кот на пороге, синица, степная собака,
Дети хавроньи, похрюкивающей, когда они тянут сосцы,
Индюшата и мать-индюшка с наполовину раскрытыми крыльями —
В них и во мне один и тот же вечный закон.

Стóит мне прижать ногу к земле, оттуда так и хлынут сотни любовей,
Перед которыми так ничтожно все лучшее, что могу я сказать.

Я влюблен в растущих на вольном ветру;
В людей, что живут среди скота, дышат океаном или лесом,
В судостроителей, в кормчих, в тех, что владеют топорами и молотами и умеют управлять лошадьми,
Я мог бы есть и спать с ними из недели в неделю всю жизнь.

Что заурядпее, дешевле, ближе и доступнее всего — это Я,
Я играю наверняка, я трачу себя для больших барышей,
Я украшаю себя, чтобы подарить себя первому, кто захочет
взять меня,
Я не прошу небеса опуститься, чтобы угодить моей прихоти,
Я щедро раздаю мою любовь.

15

Чисто контральто поет в церковном хоре,
Плотник строгает доску, рубанок у него каждый раз шепелявит
с возрастающим пронзительным свистом,
Холостые, замужние и женатые дети едут к своим старикам
в День Благодарения,
Лоцман играет в кегли и сильной рукой лихо сбивает короля,
Привязанный к мачте матрос стоит в китобойном боте, копье
и гарпун у него наготове,
Охотник крадется за дичью,
Дьяконы стоят пред алтарем, скрестив руки у себя на груди,
их посвящают в сан,
Прядильщица ходит взад и вперед под жужжание большого
колеса,
Фермер выходит пройтись в воскресенье, и останавливается
у плетня, и глядит на ячмень и овес,
Сумасшедшего везут наконец в сумасшедший дом, надежды
на исцеление нет
(Не спать уж ему никогда, как он спал в материнской спальне);
Чахлый наборщик с седой головою наклонился над кассой,
Во рту он ворочает табачную жвачку, подслеповато мигая
над рукописью;
Тело калеки привязано к столу у хирурга,
То, что отрезано, шлепает страшно в ведро;
Девушку-квартеронку продают с молотка, пьяница в баре клюет
носом у печки,
Механик засучил рукава, полисмен обходит участок, привратник
отмечает, кто идет,
Юнец управляет фургоном (я влюблен в него, хоть и не знаю
его).
Метис шнурует свою легкую обувь перед состязанием в беге,
Охота на фазанов на Западе привлекает молодых и старых,
одни оперлись на ружья, другие сидят на бревнах,
Из толпы выходит искусный стрелок, становится на свое место,
прицеливается,

Толпы новоприбывших иммигрантов заполняют верфь или порт,
Курчавые негры машут мотыгами на сахарном поле,
надсмотрщик наблюдает за ними с седла,
Рог трубит, призывает в бальную залу, кавалеры бегут к своим
дамам, танцоры отвешивают друг другу поклоны,
Подросток не спит на чердаке под кедровой крышей и слушает
музыку дождя,
Житель Уврайна ставит западни для зверей у большого ручья,
который помогает Гурону наполниться,
Скво завернулась в материю с желтой обшивкой и предлагает
купить мокасины и сумочки, расшитые бисером,
Знаток изогнулся и полуприщуренным глазом озирает картины
на выставке,
Матросы закрепили пароходик у пристани и бросили на берег
доску, чтобы дать пассажирам сойти,
Младшая сестра держит нитки для старшей, старшая мотает
клубок, из-за узлов у нее всякий раз остановка,
Счастливая жена поправляется, неделю назад родила она
первенца, ровно через год после свадьбы,
Чистоволосая девушка-янки работает у швейной машины или на
заводе, на фабрике,
Мостовщик наклоняется над двурукой трамбовкой, быстрый
карандаш репортера порхает по страницам блокнота,
Маляр пишет буквы на вывеске лазурью и золотом,
Мальчик-бурлак мелким шагом идет бечевой вдоль канала,
бухгалтер сидит за конторкой над цифрами, саножник
натирает дратву воском,
Дирижер отбивает такт в оркестре, все музыканты послушны
ему,
Крестят ребенка, новообращенный впервые исповедует в церкви
свою новую веру,
Яхты заполняют всю бухту, гонки начались (как искрятся
белые паруса!),
Гуртовщик следит, чтоб быки не отбились от стада, и звонким
криком сзывает отбившихся,
Разносчик потеет под тяжестью короба (покупатель торгуется
из-за каждого цента).
Невеста оправляет белое платье, минутная стрелка часов
движется медленно,
Курильщик опия откинул оцепенелую голову и лежит
с отвисающей челюстью,
Проститутка волочит шаль по земле, ее шляпка болтается сзади
на пьяной прыщавой шее,

Толпа смеется над ее похабною бранью, мужчины глумятся, друг другу подмигивая
(Жалкая! Мне не смешна твоя брань, и я не глумлюсь над тобой),
Президент ведет заседание совета, окруженный важными министрами,
По площади, взявшись под руки, величаво шествуют три матроны,
Матросы рыболовного смака складывают в трюмы пласты палтуса один на другой,
Миссуриец пересекает равнины со своим скотом и товаром,
Кондуктор идет по вагону получить с пассажиров плату и дает знать о себе, бренча серебром и медяками,
Плотники настилают полы, кровельщики кроют крышу, каменщики кричат, чтобы им подали известь,
Рабочие проходят гуськом, у каждого на плече по корытцу для извести,
Одно время года идет за другим, и четвертого июля на улицах несметные толпы (какие салюты из пушек и ружей!),
Одно время года идет за другим, пахарь пашет, косит косарь, и озимое сыплется наземь,
На озерах стоят щуколовы и не отрываясь глядят в обледенелую прорубь,
Частые пни обступают прогалину, скваттер рубит топором что есть силы,
Под вечер рыбаки в плоскодонках причаливают к орешнику или к тополю,
Охотники за енотами рыщут в области Красной реки, или Арканзаса, или Теннесси,
Факелы сверкают во мгле, что висит над Чаттахучи или Альтомахо,
Патриархи сидят за столом с сынами, и сынами сынов, и сыновних сынов сынами,
В стенах эдобе и в холщовых палатках отдыхают охотники после охоты,
Город спит, и деревня спит,
Живые спят, сколько надо, и мертвые спят, сколько надо,
Старый муж спит со своею женою, и молодой муж спит со своею женой,
И все они льются в меня, и я вливаюсь в них,
И все они — я,
Из них изо всех и из каждого я тку эту песню о себе.

Я и молодой и старик, я столь же глуп, сколь и мудр,
Нет мне забот о других, я только и забочусь о других,
Я и мать и отец равно, я и мужчина, и малый ребенок,
Я жесткой набивкой набит, я мягкой набит набивкой,
Много народов в Народе моем, величайшие народы и самые малые,
Я и северянин и южанин, я беспечный и радушный садовод, живущий у реки Окони,
Янки-промышленник, я пробиваю себе в жизни дорогу, у меня самые гибкие в мире суставы и самые крепкие в мире суставы,
Я кентуккиец, иду по долине Элкхорна в сапогах из оленьей кожи, я житель Луизианы или Джорджии,
Я лодочник, пробираюсь по озеру, или по заливу, или вдоль морских берегов, я гужер, я бэджер, я бэкай,
Я — дома на канадских лыжах, или в чаще кустарника, или с рыбаками Ньюфаундленда,
Я — дома на ледоходных судах, я мчусь с остальными под парусом.
Я — дома на вермонтских холмах, и в мэнских лесах, и на ранчо Техаса.
Я калифорнийцам товарищ и жителям свободного Северо-Запада, они такие дюжие, рослые, и мне это любо,
Я товарищ плотовщикам и угольщикам, всем, кто пожимает мне руку, кто делит со мною еду и питье,
Я ученик средь невежд, я учитель мудрейших,
Я новичок начинающий, но у меня опыт мириады веков,
Я всех цветов и всех каст, все веры и все ранги — мои,
Я фермер, джентльмен, мастеровой, матрос, механик, квакер,
Я арестант, сутенер, буян, адвокат, священник, врач.

Я готов подавить в себе все, что угодно, только не свою многоликость,
Я вдыхаю в себя воздух, но оставляю его и другим,
Я не чванный, я на своем месте.

(Моль и рыбья икра на своем месте,
Яркие солнца, которые вижу, и темные солнца, которых не вижу,— на своем месте,
Осязаемое на своем месте, и неосязаемое на своем месте.)

17

Это поистине мысли всех людей, во все времена, во всех странах,
    они родились не только во мне,
Если они не твои, а только мои, они ничто или почти ничто,
Если они не загадка и не разгадка загадки, они ничто,
Если они не столь же близки мне, сколь далеки от меня, они
    ничто.
Это трава, что повсюду растет, где есть земля и вода,
Это воздух, для всех одинаковый, омывающий шар земной.

18

С шумной музыкой иду я, с барабанами и трубами,
Не одним лишь победителям я играю мои марши, но и тем, кто
    побежден.
Ты слыхал, что хорошо победить и покорить?
Говорю тебе, что пасть — это так же хорошо;

Я стучу и барабаню, прославляю мертвецов,
О, трубите мои трубы, веселее и звончей.

Слава тем, кто побежден!
Слава тем, у кого боевые суда потонули в морях!
И тем, кто сами потонули в морях!
И всем полководцам, проигравшим сражение, и всем
    побежденным героям,
И несметным безвестным героям, как и прославленным, слава!

19

Это стол, накрытый для всех, это пища для тех, кто
    по-настоящему голоден,
Для злых и для добрых равно, я назначил свидание всем,
Я никого не обижу, никого не оставлю за дверью,
Вор, паразит и содержанка — это и для вас приглашение,
Раб с толстыми губами приглашен, сифилитик приглашен;
Не будет различия меж ними и всеми другими.

Вот — робкое пожатие руки, вот — развевание и запах волос,
Вот — прикосновение моих губ к твоим, вот — страстный,
    призывный шепот.

Вот высоты и бездонные глубины, в них отражено мое лицо,
Я погружаюсь в раздумье и возникаю опять.

По-твоему, я притворщик, и у меня затаенные цели?
Ты прав, они есть у меня, так же как у апрельских дождей
и у слюды на откосе скалы.
Тебе кажется, что я жажду тебя удивить?
Удивляет ли свет дневной? или горихвостка, поющая в лесу
спозаранку?
Разве я больше удивляю, чем они?

В этот час я с тобой говорю по секрету,
Этого я никому не сказал бы, тебе одному говорю.

20

Эй, кто идет? пылкий, бесстыдный, непостижимый, голый,
Как добываю я силу из мяса, которое ем?

Что такое человек? и что я? и что вы?
Все, что я называю моим, вы замените своим,
Иначе незачем вам и слушать меня.

Я не хнычу слюнявым хныком, как хнычут другие,
Будто месяцы пусты, а земля — это грязь и навоз.

Жалобы и рабья покорность — в одной упаковке с аптечным
порошком для больных, условности — для дальней родни,
Я ношу мою шляпу, как вздумаю, и в комнате и на улице.

Отчего бы я стал молиться? и благоговеть, и обрядничать?

Исследовав земные пласты, все до волоска изучив,
посоветовавшись с докторами и сделав самый точный
подсчет,
Я нахожу, что нет мяса милей и дороже, чем у меня на костях.

Во всех людях я вижу себя, ни один из них не больше меня и не
меньше даже на ячменное зерно,
И добрые и злые слова, которые я говорю о себе, я говорю
и о них.

Я знаю, я прочен и крепок,
Все предметы вселенной, сливаясь воедино, стекаются отовсюду ко мне,
Все они — письма ко мне, и я должен проникнуть в их смысл.

Я знаю, что я бессмертен,
Я знаю, моя орбита не может быть измерена циркулем плотника,
Я не исчезну, как исчезает огнистый зигзаг, который горящею палочкой чертят мальчишки в потемках.

Я знаю, что я властелин,
Я не стану беспокоить мою душу, чтобы она за себя заступилась или разъяснила себя,
Я вижу, что законы природы никогда не просят извинений
(В конце концов я веду себя не более запосчиво, чем отвес, по которому я строю мой дом).

Я таков, каков я есть, и не жалуюсь;
Если об этом не знает никто во вселенной, я доволен,
Если знают все до одного, я доволен.

Та вселенная, которая знает об этом, для меня она больше всех, и эта вселенная — Я,
И добьюсь ли я победы сегодня, или через десять тысяч, или через десять миллионов лет,
Я спокойно приму ее сегодня, и так же спокойно я могу подождать.
Мои ноги крепко вделаны в пазы гранита,
Я смеюсь над тем, что зовется у вас распадом,
И я знаю безмерность времен.

21

Я поэт Тела, и я поэт Души,
Радости рая во мне, мучения ада во мне,
Радости я прививаю себе и умножаю в себе, а мучениям я даю новый язык.

Я поэт женщины и мужчины равно,
И я говорю, что быть женщиной — такая же великая участь, как быть мужчиной,
И я говорю, что нет более великого в мире, чем быть матерью мужчин.

Я пою песнь расширения и гордости,
Довольно унизительных попреков,
Величина — это только развитие.

Ты опередил остальных? ты стал президентом?
Ничего, они догонят тебя, все до одного, и перегонят.

Я тот, кто блуждает вдвоем с нежной, растущей ночью,
Я взываю к земле и к морю, наполовину погрузившимся в ночь.
Ближе прижмись ко мне, гологрудая ночь, крепче прижмись
ко мне, магнетическая, сильная ночь, вскорми меня своими
сосцами!
Ночь, у тебя южные ветры, ночь, у тебя редкие и крупные
звезды!
Тихая, дремотная ночь — безумная, голая летняя ночь.

Улыбнись и ты, сладострастная, с холодным дыханьем, земля!
Земля, твои деревья так сонны и влажны!
Земля, твое солнце зашло,— земля, твои горные кручи в тумане!
Земля, ты в синеватых стеклянных струях полнолунья!
Земля, твои тени и блики пестрят бегущую реку!
Земля, твои серые тучи ради меня посветлели!
Ты для меня разметалась, земля,— вся в цвету яблонь, земля!
Улыбнись, потому что идет твой любовник!

Расточающая щедрые ласки, ты отдалась мне со страстью —
и я тебе с такой же страстью,
С такой огненной любовью, перед которой ничтожны слова,—
и я отвечаю любовью!
О, безумной любовью!

22

Море! Я и тебе отдаюсь — вижу, чего ты хочешь,
С берега я разглядел, как манят меня твои призывные пальцы.
Я верю, ты не захочешь отхлынуть, пока не обнимешь меня,
Идем же вдвоем, я разделся, поскорее уведи меня прочь
от земли,
Мягко стели мне постель, укачай меня дремотой своей зыби,
Облей меня любовною влагою, я могу отплатить тебе тем же.

Море, вздуты холмами длинные твои берега,
Море, широко и конвульсивно ты дышишь,
Море, ты жизни соль, но вечно раскрыты могилы твои,

Ты воешь от бешеных штормов, ты вихрями вздымаешь пучину,
капризное, нежное море,
Море, я с тобой заодно, я тоже многоликий и единый.

Во мне и прилив и отлив, я певец примирения и злобы,
Я воспеваю друзей и тех, кто спят друг у друга в объятьях.

Я тот, кто провозглашает любовь.
(Я, составляющий опись вещей, что находятся в доме, могу ли
я не учесть самый дом, вмещающий в себя эти вещи?)

Я не только поэт доброты, я не прочь быть поэтом злобы.

Что это там болтают о распутной и о праведной жизни?
Зло толкает меня вперед, и добро меня толкает вперед, между
ними я стою равнодушный.
Поступь моя не такая, как у того, кто находит изъяны или
отвергает хоть что-нибудь в мире,
Я поливаю корни всего, что взросло.

Или очуметь вы боитесь от этой непрерывной беременности?
Или, по-вашему, плохи законы вселенной и надобно сдать их
в починку?

Я знаю, эта сторона в равновесии, и другая сторона в равновесии,
Сомнение служит мне такой же надежной опорой,
как и непоколебимая вера,
Нынешние наши поступки и мысли — лишь первые шаги бытия.

Эта минута добралась до меня после миллиарда других,
Лучше ее нет ничего.

И это не чудо, что столько прекрасного было и есть среди нас,
Гораздо удивительнее чудо, что могут среди нас появляться
и негодяй и неверный.

23

Бесконечно в веках расцветание слов!
И я говорю новое слово, это слово: «En Masse».

Слово веры, которое никогда не обманет,
Сейчас или позже — все равно для меня, я принимаю Время
абсолютно.

Оно одно без изъяна, в нем завершение всего,
Это дивное, непостижимое чудо, в нем одном завершение всего.

Я принимаю Реальность без всяких оговорок и вопросов,
Материализмом пропитан я весь.

Ура позитивным наукам! Да здравствует точное знание!
Принесите мне очиток и кедр, венчайте их веткой сирени,
Этот — лингвист, тот — химик, тот создал грамматику
египетских древних письмен,
Эти — мореходы, провели свой корабль по неведомым и грозным
морям,
Этот — математик, тот — геолог, тот работает скальпелем.

Джентльмены! вам первый поклон и почет!
Ваши факты полезны, но жилье мое выше и дальше,
Они только ступени к жилью моему, и по ним я пробираюсь
туда.

Меньше напоминают слова мои об атрибутах вещей,
И больше напоминают они о несказанной жизни, о воле,
о свержении рабских оков,
Они знать не хотят бесполых, они презирают кастратов, им
по сердцу полноценные мужчины и женщины,
И бьют они в гонг восстания, они заодно с беглецами,
с заговорщиками, с теми, кто замышляет бунт.

24

Уолт Уитмен, космос, сын Манхаттена,
Буйный, дородный, чувственный, пьющий, едящий, рождающий,
Не слишком чувствителен, не ставлю себя выше других или
в стороне от других,
И бесстыдный и стыдливый равно.

Прочь затворы дверей!
И самые двери долой с косяков!
Кто унижает другого, тот унижает меня,
И все, что сделано, и все, что сказано, под конец возвращается
ко мне,

Сквозь меня вдохновение проходит волнами, волнами, сквозь
меня поток и откровение.

Я говорю мой пароль, я даю знак: демократия,
Клянусь, я не приму ничего, что досталось бы не всякому поровну.

Сквозь меня так много немых голосов,
Голоса несметных поколений рабов и колодников.
Голоса больных, и отчаявшихся, и воров, и карликов,
Голоса циклов подготовки и роста,
И нитей, связующих звезды, и женских чресел, и влаги мужской,
И прав, принадлежащих униженным,
Голоса дураков, калек, бездарных, презренных, пошлых,
Во мне и воздушная мгла, и жучки, катящие навозные шарики.
Сквозь меня голоса запретные,
Голоса половых вожделений и похотей, с них я снимаю покров,
Голоса разврата, очищенные и преображенные мною.

Я не зажимаю себе пальцами рот, с кишками я так же нежен, как с головою и с сердцем,
Совокупление для меня столь же священно, как смерть.

Верую в плоть и ее аппетиты,
Слух, осязание, зрение — вот чудеса, и чудо — каждый крохотный мой волосок.

Я божество и внутри и снаружи, все становится свято, чего ни коснусь и что ни коснется меня,
Запах моих подмышек ароматнее всякой молитвы,
Эта голова превыше всех Библий, церквей и вер.

Если и чтить одно больше другого, так пусть это будет мое тело и любая частица его,
Прозрачная оболочка моя, пусть это будешь ты!
Затененные подпорки и выступы, пусть это будете вы!
Крепкий мужской резак, пусть это будешь ты!
Все, что вспашет и удобрит меня, пусть это будешь ты!
Ты, моя густая кровь! молочные, струистые, бледные волокна моего бытия!
Грудь, которая прижимается к другим грудям, пусть это будешь ты!
Мозг, пусть это будут твои непостижимые извилины!
Корень болотного аира! пугливый кулик! гнездо, где двойные бережно хранимые яйца! пусть это будете вы!

Вихрастое спутанное сено волос, борода, мышцы, пусть это будете вы!
Струистые соки клена, фибры мужской пшеницы, пусть это будете вы!
Солнце, такое щедрое, пусть это будешь ты!
Туманы, то озаряющие мое лицо, то темнящие, пусть это будете вы!
Потные потоки и рóсы, пусть это будете вы!
Ветры, что сладострастно щекочут мое тело, пусть это будете вы!
Мускулистая ширь полей, ветки зеленого дуба, путник, бредущий с любовью по моим извилистым тропинкам, пусть это будете вы!
Руки, что я пожимал, лицо, что я целовал, всякий смертный, кого я только коснулся, пусть это будете вы!

Я стал бредить собою, вокруг так много меня, и все это так упоительно,
Каждая минута, какова бы она ни была, пронизывает меня восторгом и счастьем,
Я не в силах сказать, как сгибаются лодыжки моих ног и в чем причина моего малейшего желания,
В чем причина той дружбы, которую я излучаю, и той, которую получаю взамен.
Я поднимаюсь к себе на крыльцо и останавливаюсь, чтобы подумать, верно ли, что оно существует,
Вьюнок за моим окном больше радует меня, чем метафизика книг.

Увидеть зарю!
Маленький проблеск света заставляет увянуть огромные и прозрачные тени,
Воздух так приятен на вкус.

Полеты нашей неугомонной вселенной, молчаливо и невинно резвящейся, вновь и вновь источающей влагу,
Несущейся вкось и высоко и низко.

Нечто, чего я не вижу, кажет сладострастные свои острия,
Моря́ ослепительно яркого сока разливаются по небу.

Охваченная небом земля смыкается с ним ежедневно,
Сверху с востока я слышу мне брошенный вызов,
Дразнящий меня насмешкой: *по-твоему, ты — властелин?*

25

Огромное, яркое солнце, как быстро ты убило бы меня,
Если бы во мне самом не всходило такое же солнце.

Мы тоже восходим, как солнце, такие же огромные, яркие,
Свое мы находим, о душа, в прохладе и покое рассвета.

Моему голосу доступно и то, куда не досягнуть моим глазам,
Когда я шевелю языком, я обнимаю миры и миллионы миров.

Зрение и речь — близнецы, речь не измеряется речью,
Она всегда глумится надо мной, она говорит, издеваясь:
«Уолт, ты содержишь немало, почему ты не дашь этому выйти наружу?»

Ну, довольно издеваться надо мною, слишком много придаешь ты цены произнесению слов,
Разве ты не знаешь, о речь, как образуются под тобою бутоны?
Как они ждут во мраке, как защищает их стужа?
Земля, расступающаяся перед моими вещими воплями,
Я первопричина всех явлений, все они у меня в равновесии,
Мое знание в моем живом теле, оно в соответствии со смыслом всего естества,
Счастье (пусть всякий, кто слышит меня, сейчас же встанет и пойдет его искать).

Не в тебе мое основное достоинство, я не позволю тебе отнимать у меня подлинную личность мою,
Измеряй миры во вселенной, но не пытайся измерить меня,
Только взглянув на тебя, я вызову в тебе самое лучшее.

Ни писание, ни речь не утверждают меня,
Все, что утверждает меня, выражено у меня на лице,
Даже когда мои губы молчат, они посрамляют неверующих.

26

Теперь я буду слушать, только слушать,
Все, что услышу, вплету в эту песню, пусть она обогащается звуками.

Я слышу бравурные щебеты птиц, шелест растущей пшеницы, болтовню разгоревшихся щепок, на которых я варю себе пищу,

Я слышу свой любимейший звук, звук человеческого голоса,
Я слышу, звуки бегут сообща, все вместе или один за другим,
Звуки города и звуки природы, дневные звуки и звуки ночей,
Многословные разговоры юнцов со своими друзьями, громкий смех рабочих за едой,
Озлобленный бас расторгаемой дружбы, еле слышный шепот больного,
Судью, прижимающего руки к столу, когда его побелевшие губы произносят смертный приговор,
Выкрики грузчиков, разгружающих судно, припев матросов, отдающих якоря,
Колокола, что возвещают пожар, грохот быстро бегущих пожарных машин с бубенцами и цветными огнями,
Свисток паровоза, громыханье подходящего поезда,
Тягучие звуки марша в голове многолюдной колонны, люди шагают попарно
(Они идут воздать почести какому-то трупу, к их флагам привязаны ленты из черного крепа).

Я слышу виолончель (эти скорбные жалобы юного сердца),
Я слышу пронзительные звуки корнета, они торопливо скользят ко мне в уши;
Сладкие-сладкие боли пробегают у меня по животу и по груди.

Я слышу хор, это опера.
Ах, это поистине музыка, которая мне по душе,
Тенор, широкий и свежий, как мир, наполняет меня всего,
Звуки, что льются из его округленного рта, наполняют меня до краев.

Я слышу хорошо обработанный голос сопрано,
Оркестр кружит меня в бешеном вихре, он мчит меня кругами Сатурна,
Он исторгает у меня такие экстазы, каких я и не подозревал в себе прежде,
Он несет меня на всех парусах, я болтаю босыми ногами, их лижут ленивые волны,
Он хлещет меня яростным градом, и я задыхаюсь,
Я захлебнулся медвяным морфием, он схватил меня за горло и душит,
А потом освобождает меня, чтобы я чувствовал загадку загадок,
И это зовется у нас Бытием.

27

Быть, существовать в любом обличье — что это такое?
(Мы вращаемся все время по кругу и вечно приходим назад),
Когда мы в начале пути, недурно побыть и моллюском в крепкой раковине.
Крепкой раковины нет у меня,
Стою ли я или хожу, все мое тело покрыто быстрыми, расторопными щупальцами,
Они схватывают каждый предмет и проводят его сквозь меня, и это не причиняет мне боли.

Я просто ощупываю пальцами, шевелюсь и сжимаю — и счастлив,
Прикоснуться своим телом к другому — такая безмерная радость, какую еле может вместить мое сердце.

28

Прикоснуться, не больше? и вот я уже другой человек,
В мои жилы врываются эфир и огонь,
И то коварное, что таится во мне, перебежчиком спешит им на помощь,
И молния играет в моем теле, испепеляя то, что почти — я сам,
И руки-ноги мои цепенеют от злобных возбудителей похоти,
Они жаждут выжать из меня всю мою кровь, которой сердце мое не хочет отдать,
Они нападают на меня, как распутные твари, и я не в силах противиться им,
Они как будто нарочно отнимают у меня все мое лучшее,
Расстегивают одежду мою, прижимаются к моей голой груди,
Они похищают у меня, распаленного, и тихость лугов, и спокойствие солнца,
И все чувства, которые родственны этим, они бесстыдно гонят от меня,
Они подкупают меня уверениями, будто они будут пастись лишь на окраинах моего существа,
И какое им дело, что я смертельно устал, что я возмущен, разгневан,
Они приводят все прочее стадо, чтоб оно тоже надо мной поглумилось,
А потом сбегаются все на далекой полоске земли терзать меня тоской и унынием.

Часовые, оберегавшие каждую часть моего существа, оставили
меня без охраны,
Они отдали меня, беззащитного, кровавому мародеру,
Они столпились вокруг, чтобы свидетельствовать против меня
и помочь моим лютым врагам.
Я весь оказался во власти предателей,
Я стал говорить как безумный, здравый смысл покинул меня,
оказывается, я-то и есть величайший изменник,
Я первый ушел на эту далекую полоску земли, отнес себя туда
своими руками.

Ты, подлое прикосновение! Что же ты делаешь со мной? Я весь
задыхаюсь.
Открой же скорей свои шлюзы, иначе мне не вынести тебя.

29

Слепое, любовное, победное прикосновенье руки, укутанное
в мягкую ткань, острозубое,
Разве тебе становится больно, когда ты покидаешь меня?

Вслед за расставанием новая встреча, новая уплата и новый заем,
Щедрые ливни и еще щедрее урожаи.

Зелень такая богатая, кипящая жизнью, густо разрослась
у дороги,
И простерлись далеко вокруг могучие, широкие, золотые
пейзажи.

30

Все истины, что таятся в вещах, ждут, когда придет их черед,
Они не спешат на волю, но и не отвергают ее,
Им не нужно акушерских щипцов,
Ничтожное для меня так же велико, как и все остальное.
(Что может быть меньше и что может быть больше, чем простое
прикосновение руки?)

Логика и проповеди никогда не убеждают людей,
Сырость ночная глубже проникает мне в душу.

(Убеждает лишь то, что очевидно для всех,
Чего не отрицает никто.)

Я верю, что из этих комьев земли выйдут и любовники и светила.
И что святая святых есть тело мужское и женское,
Что цвет и вершина всей жизни — то чувство, какое они питают
друг к другу,
Что они должны излить это чувство на всех, покуда оно
не станет всесветным,
Покуда мы все до единого не станем в такой же мере дороги
и милы друг для друга.

31

Я верю, что листик травы не меньше поденщины звезд,
И что не хуже их муравей, и песчинка, и яйцо королька,
И что древесная лягушка — шедевр, выше которого нет,
И что ежевика достойна быть украшением небесных гостиных,
И что малейший сустав моих пальцев посрамляет всякую
машину,
И что корова, понуро жующая жвачку, превосходит любую
статую,
И что мышь — это чудо, которое может одно сразить
секстильоны неверных.

Во мне и гнейс, и уголь, и длинные нити мха, и плоды, и зерна,
и корепья, годные в пищу,
Четвероногими весь я доверху набит, птицами весь я начинен,
И хоть я неспроста отдалился от них,
Но стоит мне захотеть, я могу позвать их обратно.

Пускай они таятся или убегают,
Пускай огнедышащим горы шлют против меня свой старый
огонь,
Пускай мастодонт укрывается под своими истлевшими костями,
Пускай вещи принимают многообразные формы и удаляются
от меня на целые мили,
Пускай океан застывает зыбями и гиганты-чудовища лежат
в глубине,
Пускай птица сарыч гнездится под самым небом,
Пускай лось убегает в отдаленную чащу, пускай змея ускользает
в лианы,
Пускай пингвин с клювом-бритвой уносится к северу
на Лабрадор,—
Я быстро иду по пятам, я взбираюсь на вершину к гнезду
в расселине камня.

Я думаю, я мог бы жить с животными, они так спокойны
и замкнуты в себе,
Я стою и смотрю на них долго-долго.

Они не скорбят, не жалуются на свой злополучный удел,
Они не плачут бессонными ночами о своих грехах,
Они не изводят меня, обсуждая свой долг перед богом,
Разочарованных нет между ними, нет одержимых бессмысленной
страстью к стяжанию,
Никто ни перед кем не преклоняет коленей, не чтит подобных
себе, тех, что жили за тысячу лет;
И нет между ними почтенных, и нет на целой земле горемык.

Этим они указуют, что они мне сродни, и я готов принять их,
Знаменья есть у них, что они — это я.

Хотел бы я знать, откуда у них эти знаменья,
Может быть, я уронил их нечаянно, проходя по той же дороге
в громадной дали времен?
Все время идя вперед, и тогда, и теперь, и вовеки,
Собирая по дороге все больше и больше,
Бесконечный, всех видов и родов, благосклонный не только к тем,
кто получает от меня сувениры,
Выхвачу того, кто полюбится мне, и вот иду с ним, как с братом
родным.

Гигантская красота жеребца, он горяч и отвечает на ласку.
Лоб у него высок, между ушами широко,
Лоснятся его тонкие ноги, хвост пылится у него по земле,
Глаза так и сверкают озорством, уши изящно выточены,
подвижные и гибкие.

Ноздри у него раздуваются, когда мои ноги обнимают его,
Его стройное тело дрожит от счастья, когда мы мчимся кругом
и назад.

Но минута, и я отпускаю тебя, жеребец.
К чему мне твоя быстрая иноходь, ведь я быстрее тебя,
Даже когда я сижу или стою, я обгоняю тебя.

Пространство и Время! Теперь-то я вижу, что я не ошибся,
Когда лениво шагал по траве,
Когда одиноко лежал на кровати,
Когда бродил по прибрежью под бледнеющими звездами утра.

Мои цепи и балласты спадают с меня, локтями я уппраюсь
в морские пучины,
Я обнимаю сиерры, я ладонями покрываю всю сушу,
Я иду, и все, что вижу, со мною.

У городских четырехугольных домов, в бревенчатых срубах,
поселившись в лесу с дровосеками,
Вдоль дорог, изборожденных колеями, у застав, вдоль высохших
рытвин и обмелевших ручьев,
Пропалывая лук на гряде или копая пастернак и морковь,
пересекая саванны, идя по звериным следам,
Выходя на разведку, добывая золотую руду, опоясывая деревья
круговыми надрезами на новом участке земли,
Проваливаясь по щиколотку в горячем песке, таща бечевой мою
лодку вниз по течению обмелевшей реки,
Где пантера снует над головою по сучьям, где охотника бешено
бодает олень,
Где гремучая змея на скале нежит под солнцем свое вялое
длинное тело, где выдра глотает рыбу,
Где аллигатор спит у реки, весь в затверделых прыщах,
Где рыщет черный медведь в поисках корней или меда, где бобр
бьет по болоту веслообразным хвостом,
Над растущим сахаром, над желтыми цветами хлопка,
над рисом в низменных, залитых водою полях,
Над островерхой фермой, над зубчатыми кучами шлака,
над хилою травою в канавах,—
Над западным персимоном, над кукурузой с продолговатыми
листьями, над нежными голубыми цветочками льна,
Над белой и бурой гречихой (там я жужжу, как пчела),
Над темною зеленью ржи, когда от легкого ветра по ней бегут
светлые струйки и тени,
Взбираясь на горные кручи, осторожно подтягиваясь, хватаясь
за низкие, тощие сучья,
Шагая по тропинке, протоптанной в травах и прорубленной
в чаще кустарника,
Где перепелка кричит на опушке у пшеничного поля,
Где в вечер Седьмого месяца носится в воздухе летучая мышь,
где большой золотой жук падает на землю во тьме,

Где из-под старого дерева выбивается ключ и сбегает в долину,
Где быки и коровы стоят и сгоняют мух, без устали подрагивая шкурой,
Где в кухне просушивается ткань для сыров, где тагапы раскорячились на очаге, где паутина свисает гирляндами с балок,
Где звякают тяжелые молоты, где типографская машина вращает цилиндры,
Где человеческое сердце в муках судорог бьется за ребрами,
Где воздушный шар, подобный груше, взлетает вверх (он поднимает меня, я смотрю вниз),
Где шлюпка привязана к судну крепкими морскими узлами, где солнечный зной, как наседка, греет зеленоватые яйца, зарытые в ровный песок.
Где плавает самка кита с детенышем, не отстающим от нее ни на миг,
Где пароход развевает вслед за собой длинное знамя дыма,
Где плавник акулы торчит из воды, словно черная щепка,
Где мечется полуобугленный бриг по незнакомым волнам,
Где ракушки приросли к его тенистой палубе, где в трюме гниют мертвецы;
Где несут во главе полков усеянный звездами флаг,
Приближаясь к Манхаттену по длинному узкому острову,
Под Ниагарой, что, падая, лежит, как вуаль, у меня на лице,
На ступеньке у двери, на крепкой колоде, которая стоит на дворе, чтобы всадник мог сесть на копя,
На скачках, или на веселых пикниках, или отплясывая джигу, или играя в бейсбол,
На холостых попойках с похабными шутками, с крепким словом, со смехом, с матросскими плясками,
У яблочного пресса, пробуя сладкую бурую гущу, потягивая сок через соломинку,
На сборе плодов, где за каждое красное яблоко, которое я нахожу, мне хочется получить поцелуй,
На военных смотрах, на прогулках у самого моря, на дружеских встречах, на уборке маиса, на постройке домов,
Где дрозд-пересмешник разливается сладкими трелями, плачет, визжит и гогочет,
Где стог стоит на гумне, где разостлано сено, где племенная корова ждет под навесом,
Где бык идет совершить свою мужскую работу и жеребец — свою, где за курицей шагает петух,
Где телки пасутся, где гуси хватают короткими хватками пищу,
Где закатные тени тянутся по бескрайней, безлюдной прерии,

Где стада бизонов покрывают собой квадратные мили земли,
Где пташка колибри сверкает, где шея долговечного лебедя
изгибается и извивается,
Где смеющаяся чайка летает у берега и смеется почти
человеческим смехом,
Где ульи выстроились в ряд на бурой скамейке в саду, скрытой
буйной травою,
Где куропатки, с воротниками на шее, уселись в кружок
на земле, головами наружу,
Где погребальные дроги въезжают в сводчатые ворота
кладбища,
Где зимние волки лают среди снежных просторов и обледенелых
деревьев,
Где цапля в желтой короне пробирается почью к каемке болот
и глотает маленьких крабов,
Где всплески пловцов и ныряльщиков охлаждают горячий
полдень,
Где кати-дид играет свою хроматическую гамму над ручьем
на ветвях орешника,
По арбузным грядам, по грядам огурцов с серебряными нитями
листьев,
По солончаку, по апельсинной аллее или под остроконечными
елями,
Через гимнастический зал, через салун с глухо занавешенными
окнами, через контору или через зал для собраний,
Довольный родным и довольный чужим, довольный новым
и старым,
Радуясь встрече с некрасивою женщиною так же, как с красивою
женщиною,
Радуясь, что вот вижу квакершу, как она шляпку сняла и говорит
мелодично,
Довольный пением хора в только что выбеленной церкви,
Довольный вдохновенною речью вспотевшего методистского
пастора, сильно взволнованный общей молитвой на воздухе,
Глядя все утро в витрины Бродвея, носом прижимаясь
к зеркальному стеклу,
А после полудня шатаясь весь день по проселкам или по берегу
моря с закинутой в небо головой,
Обхватив рукою товарища, а другою — другого, а сам посредине,
Возвращаясь домой с молчаливым и смуглым бушбоем
(в сумерках он едет за мной на коне),
Вдали от людских поселений, идя по звериным следам или
по следам мокасинов,
У больничной койки, подавая лихорадящим больным лимонад,

Над покойником, лежащим в гробу, когда все вокруг тихо,
всматриваясь в него со свечой,
Отплывая в каждую гавань за товарами и приключениями,
Торопливо шагая среди шумной толпы, такой же ветреный
и горячий, как все,
Готовый в ярости пырнуть врага ножом,
В полночь, лежа без мыслей в одинокой каморке на заднем
дворе,
Блуждая по старым холмам Иудеи бок о бок с прекрасным
и кротким богом,
Пролетая в мировой пустоте, пролетая в небесах между звезд,
Пролетая среди семи сателлитов, сквозь широкое кольцо
диаметром в восемьдесят тысяч миль,
Пролетая меж хвостатых метеоров и, подобно им, оставляя
за собою вереницу огненных шаров,
Нося с собою месяц-младенца, который во чреве несет свою
полнолунную мать,
Бушуя, любя и радуясь, предостерегая, задумывая, пятясь,
выползая, появляясь и вновь исчезая,
День и ночь я блуждаю такими тропами.

Я посещаю сады планет и смотрю, хороши ли плоды.
Я смотрю на квинтильоны созревших и квинтильоны незрелых.

Я летаю такими полетами текущей и глотающей души,
До той глубины, где проходит мой путь, никакой лот
не достанет.

Я глотаю и дух и материю,
Нет такого сторожа, который мог бы прогнать меня, нет такого
закона, который мог бы препятствовать мне.

Я бросаю якорь с моего корабля лишь на короткое время,
Мои посланные спешат от меня на разведки или возвращаются
ко мне с донесениями.

С острой рогатиной я иду на охоту за тюленем и белым
медведем, прыгая через глубокие трещины, я хватаюсь
за ломкие синие льдины,

Я взбираюсь на переднюю мачту,
Влезаю в бочонок для вахты,
Мы плывем по северному морю, много света кругом,
Воздух прозрачен, я смотрю на изумительную красоту,

Необъятные ледяные громады плывут мимо меня, и я плыву мимо них, все отчетливо видно вокруг,
Вдали беловерхие горы, навстречу им летят мои мечты,
Мы приближаемся к полю сражения, скоро мы вступим в бой,
Мы проходим мимо аванпостов огромного лагеря, мы проходим осторожно и медленно,
Или мы входим в большой и разрушенный город,
Развалины зданий и кварталы домов больше всех живых городов на земле.

Я вольный стрелок, мой бивак у чужих костров.
Я гоню из постели мужа, я сам остаюсь с новобрачной и всю ночь прижимаю ее к своим бедрам и к губам.

Мой голос есть голос жены, ее крик у перил на лестнице,
Труп моего мужа несут ко мне, с него каплет вода, он — утопленник.

Я понимаю широкие сердца героев,
Нынешнюю храбрость и храбрость всех времен,
Вот шкипер увидел разбитое судно, в нем люди, оно без руля,
Смерть в бурю гналась за ним, как охотник,
Шкипер пустился за судном, не отставая от него ни на шаг, днем и ночью верный ему,
И мелом написал на борту: *«Крепитесь, мы вас не покинем»*.
Как он носился за ними, и лавировал вслед за ними, и упорно добивался своего,
Как он спас наконец дрейфовавших людей,
Что за вид был у исхудалых женщин в обвисающих платьях, когда их увозили на шлюпках от разверстых перед ними могил,
Что за вид у молчаливых младенцев со стариковскими лицами, и у спасенных больных, и у небритых мужчин с пересохшими ртами,
Я это глотаю, мне это по вкусу, мне нравится это, я это впитал в себя,
Я сам этот шкипер, я страдал вместе с ними.

Гордое спокойствие мучеников,
Женщина старых времен, уличенная ведьма, горит на сухом костре, а дети ее стоят и глядят на нее,
Загнанный раб, весь в поту, изнемогший от бега, пал на плетень отдышаться,

Судороги колют его ноги и шею иголками, смертоносная дробь
и ружейные пули,
Этот человек — я, и его чувства — мои.

Я — этот загнанный раб, это я от собак отбиваюсь ногами,
Вся преисподняя следом за мною, щелкают, щелкают выстрелы,
Я за плетень ухватился, мои струпья содраны, кровь сочится
и каплет,
Я падаю на камни в бурьян,
Лошади там заупрямились, верховые кричат, понукают их,
Уши мои — как две раны от этого крика,
И вот меня бьют с размаху по голове кнутовищами.

Мученья — это всего лишь одна из моих одежд,
У раненого я не пытаю о ране, я сам становлюсь тогда раненым,
Мои синяки багровеют, пока я стою и смотрю, опираясь
на легкую трость.
Я раздавленный пожарный, у меня сломаны ребра,
Я был погребен под обломками рухнувших стен,
Я дышал огнем и дымом, я слышал, как кричат мои товарищи,
Я слышал, как высоко надо мною стучали их кирки и лопаты,
Они убрали упавшие балки и бережно поднимают меня,

И вот я лежу на свежем воздухе, ночью, в кровавой рубахе,
никто не шумит, чтобы не тревожить меня.
Я не чувствую боли, я изнемог, но счастлив,
Бледные, прекрасные лица окружают меня, медные каски
уже сняты с голов,
Толпа, что стоит на коленях, тускнеет, когда факелы гаснут.

Отошедшие в прошлое и мертвецы воскресают,
Они — мой циферблат, они движутся, как часовые стрелки,
я — часы.

Я — старый артиллерист, я рассказываю о бомбардировке моего
форта,
Я опять там.

Опять барабанный бой,
Опять атака пушек и мортир,
Опять я прислушиваюсь к ответной пальбе.

Я сам в этом деле, я вижу и слышу все:
Вопли, проклятия, рев, крики радости, когда ядро попало в цель,

Проходят медлительные лазаретные фуры, оставляя за собой
красный след,
Саперы смотрят, нет ли каких повреждений, и приводят
в порядок, что можно,
Падение гранаты через расщепленную крышу, веерообразный
взрыв,
Свист летящих в вышину рук, ног, голов, дерева, камня, железа.

Опять мой генерал умирает, опять у него изо рта вырываются
клокочущие хриплые звуки, он яростно машет рукою
И выдыхает запекшимся горлом: *«Думайте не обо мне... но об...
окопах...»*

34

Теперь расскажу, что я мальчиком слышал в Техасе.
(Нет, не о падении Аламо:
Некому рассказать о падении Аламо,
Все были убиты в Аламо,
Все сто пятьдесят человек стали немыми в Аламо.)
Это повесть о хладнокровном убийстве четырехсот двенадцати
молодых людей.
Отступая, они образовали каре, их амуниция служила им
брустверами,
И когда они попали в окружение, они отняли у врага девятьсот
жизней, в девятикратном размере заставили они его
расплатиться вперед, их самих было в девять раз меньше,
Их полковник был ранен, у них не осталось патронов,
Они сдались на почетных условиях, получили бумагу с печатью,
сдали оружье и как военнопленные были отправлены
в тыл.

Это были лучшие из техасских ковбоев,
Первые в стрельбе, в пенье песен, в разгуле, в любовных делах,
Буйные, рослые, щедрые, красивые, гордые, любящие,
Бородатые, обожженные солнцем, в охотницкой привольной
одежде,
И ни одному из них не было за́ тридцать.

На второй день, в воскресенье, их вывели повзводно и стали
убивать одного за другим; стояло красивое весеннее утро,
Работа началась в пять часов и к восьми была кончена.
Им скомандовали: «На колени!» — ни один не подчинился
команде,

Иные безумно и бесцельно рванулись вперед, иные оцепенели и стояли навытяжку,
Иные упали тут же с простреленным виском или сердцем, живые и мертвые в куче,
Недобитые раненые скребли землю ногтями, вновь приводимые смотрели на них,
Полумертвые пытались уползти,
Их прикончили штыком или прикладом.
Подросток, еще не достигший семнадцати, так обхватил одного из убийц, что понадобилось еще двое убийц, чтобы спасти того.
Мальчик изодрал их одежду и облил всех троих своею кровью.

В одиннадцать часов началось сожжение трупов.

Таков рассказ об убийстве четырехсот двенадцати молодых людей.

35

Хочешь послушать, как дрались в старину на морях?
Хочешь узнать, кто выиграл сражение при свете луны и звезд?
Послушай же старинную быль, что рассказывал мне отец моей бабки — моряк.

Враг у нас был не трус, даю тебе честное слово (так говорил он),
Несокрушимой и хмурой английской породы, нет и не было упрямее их, и не будет вовек;
Когда вечер спустился на воду, он подошел к нам вплотную и начал бешено палить вдоль бортов.
Мы сцепились с ним, у нас перепутались реи, дула наших орудий касались орудий врага.
Мой капитан крепко принайтовал нас своими руками.

В подводной части мы получили пробоины восемнадцатифунтовыми ядрами.
На нижнем деке у нас после первого залпа сразу взорвались два орудия большого калибра, убило всех, кто стоял вокруг, и взрывом разнесло все наверху.

Мы дрались на закате, мы дрались в темноте,
Вечер, десять часов, полная луна уж довольно высоко, в наших пробоинах течь все растет, и доносят, что вода поднялась на пять футов,

Комендант выпускает арестованных, посаженных в трюм под кормой, пусть спасаются, если удастся.

Часовые у склада снарядов теперь уже не подпускают никого,
Они видят столько чужих, что не знают, кому доверять.

На нашем фрегате пожар,
Враг спрашивает, сдаемся ли мы,
Спустили ли мы штандарт и кончен ли бой.

Тут я смеюсь, довольный, потому что слышу голос моего капитана.
«Мы не спускали штандарта,— кричит он спокойно,— *мы лишь теперь начинаем сражаться».*

У нас только три неразбитых орудия.
За одним стоит сам капитан и наводит его на грот-мачту врага,
Два другие богаты картечью и порохом, и они приводят к молчанию мушкеты врага и подметают его палубы дочиста.

Этой маленькой батарее вторят одни только марсы, и больше всего грот-марс,
Они геройски держатся до конца всего боя.

Нет ни минуты передышки,
Течь опережает работу насосов, огонь подбирается к пороховому складу.

Один из насосов сбит ядром, и все думают, что мы уже тонем.

Невозмутимый стоит маленький капитан,
Он не суетится, голос его не становится ни громче, ни тише,
Его глаза дают нам больше света, чем фонари у орудий.

К двенадцати часам, при сиянии луны, они сдаются нам.

36

Широко разлеглась молчаливая полночь.
Два огромных корпуса недвижны на груди темноты,
Наше судно, все продырявленное, тихо погружается в воду, мы готовимся перейти на захваченный нами фрегат.

Капитан, стоящий на шканцах, хладнокровно отдает команду,
лицо у него бело, как мел,
А невдалеке труп ребенка, который был прислужником в каюте,
Мертвое лицо старика морехода с длинными седыми волосами
и тщательно завитыми баками,
Пламя, что, наперекор всем усилиям, по-прежнему пылает внизу
и на палубе,
Хриплые голоса двух или трех офицеров, еще способных
сражаться,
Бесформенные груды трупов и отдельные трупы, клочья мяса
на мачтах и реях,
Обрывки такелажа, повисшие снасти, легкое содрогание
от ласки волн,
Черные бесстрастные орудия, там и сям пороховые тюки,
сильный запах,
Редкие крупные звезды вверху, мерцающие молчаливо
и скорбно,
Легкие дуновения бриза, ароматы осоки и прибрежных полей,
поручения, которые дают умирающие тем, кто остаются
в живых,
Свист ножа в руках хирурга, вгрызающегося зубья его пилы,
Хрип и сопение раненых, клекот хлынувшей крови, дикий
короткий визг и длинный, нудный, постепенно смолкающий
стон,—
С этими так, эти безвозвратно погибли.

37

Эй, лодыри, там на часах! за оружие!
Врываются толпою в побежденную дверь! О, я сошел с ума!
Я воплощаю в себе всех страдальцев и всех отверженных,
Я вижу себя в тюрьме в облике другого человека,
Я чувствую тупую, безысходную боль,

Это из-за меня тюремщики вскидывают на плечо карабины
и стоят на часах,
Это меня по утрам выпускают из камеры, а на ночь сажают
за железный засов.
К каждому мятежнику, которого гонят в тюрьму в кандалах,
я прикован рука к руке и шагаю с ним рядом.
(Я самый угрюмый и самый молчаливый из них, у меня пот
на искаженных губах).

И вместе с каждым воришкой, которого хватают за кражу,
хватают и меня, и судят меня вместе с ним, и выносят мне
такой же приговор.

И с каждым холерным больным, который сейчас умрет, я лежу
и умираю заодно,
Лицо мое стало серым, как пепел, жилы мои вздулись узлами,
люди убегают от меня.

Попрошайки в меня воплощаются, я воплощаюсь в них,
Я конфузливо протягиваю шляпу, я сижу и прошу подаяния.

38

Довольно! довольно! довольно!
Что-то ошеломило меня. Погодите немного, постойте!
Словно меня ударили по голове кулаком.
Дайте мне очнуться немного от моего столбняка, от моих снов
и дремотных видений,
Я вижу, что чуть было не сделал обычной ошибки.

Как же мог я забыть про обидчиков и их оскорбления!
Как же мог я забыть про вечно бегущие слезы и тяжкие удары
дубин!
Как же мог я глядеть, словно чужими глазами, как распинают
меня на кресте и венчают кровавым венком!

Теперь я очнулся,
Я заглажу свой промах,
В каждой могиле умножается то, что было вверено ей,
Трупы встают, исцеляются раны, путы спадают с меня.

Я бодрее шагаю вперед вместе с другими простыми людьми,
и нет нашей колонне конца,
В глубь страны мы идем и по взморью, мы переходим границы,
Наша воля скоро станет всесветной,
Цветы, что у нас на шляпе,— порождение тысячелетий.

Приветствую вас, ученики! Теперь вы можете выйти вперед!
Продолжайте записывать то, что я говорю, продолжайте
задавать мне вопросы.

39

Дружелюбный и кроткий дикарь, кто же он?
Ждет ли он цивилизации или уже превзошел ее и теперь
господствует над ней?

Может быть, он с Юго-Запада и взращен под открытым небом?
Или, может быть, он канадец?
Может быть, он с Миссисипи? Из Айовы, Орегона,
Калифорнии?
Или горец? или житель лесов? или прерий? или с моря матрос?

Куда бы он ни пришел, мужчины и женщины принимают его как
желанного гостя,
Всем хочется, чтобы он полюбил их, притронулся к ним,
разговаривал с ними, остался бы с ними жить.

Поступки, беззаконные, как снежные хлопья, и слова, простые,
как трава, непричесанность, смех и наивность,
Медленный шаг, лицо — как у всех, заурядные манеры
и излияния токов,
Они, преобразуясь, исходят с концов его пальцев,
Они идут от него с запахом его тела и дыхания, они истекают
из взора его глаз.

40

Сусальное солнце, проваливай,— не нуждаюсь в твоем
обманчивом блеске,
Ты лишь верхи озаряешь, а я добираюсь до самых глубин.

Земля! ты будто за подачкою смотришь мне в руки,
Скажи, старая карга, что тебе нужно?

Мужчина или женщина, я мог бы сказать вам, как я люблю вас,
но я не умею,
Я мог бы сказать, что во мне и что в вас, но я не умею,
Я мог бы сказать, как томлюсь я от горя и какими пульсами
бьются мои ночи и дни.

Видите, я не читаю вам лекций, я не подаю скудной милостыни:
Когда я даю, я даю себя.

Эй ты, импотент с развинченными коленями,
Открой замотанную тряпками глотку, я вдуну в тебя новую силу,
Шире держи ладони и вздерни клапаны у себя на карманах,
От моих подарков отказаться нельзя, я даю их насильно, у меня большие запасы, с избытком,
И я отдаю все, что имею.

Я не спрашиваю, кто ты, это для меня все равно,
Ведь ты ничто, и у тебя нет ничего, пока ты не станешь тем, что я вложу в тебя.

Меня тянет к рабу на хлопковых полях и к тому, кто чистит отхожие места,
Я целую его, как родного, в правую щеку,
И в сердце своем я клянусь, что никогда не отрину его.

Женщины, пригодные к зачатию, отныне станут рожать от меня более крупных и смышленых детей
(То, что я вливаю в них сегодня, станет самой горделивой республикой).

Если кто умирает, я спешу туда и крепко нажимаю ручку двери,
Отверните одеяло и простыни к ногам,
А врач и священник пусть уходят домой.

Я хватаю умирающего и поднимаю его с несокрушимым упорством,
Ты, отчаявшийся, вот моя шея,
Клянусь, ты останешься жив! всей тяжестью повисни на мне.

Мощным дыханьем я надуваю тебя и заставляю тебя всплыть на поверхность,
Каждую комнату в доме я наполняю войсками,
Теми, кто любит меня, теми, кто побеждает могилы.

Спи,— я и они будем всю ночь на страже,
Ни сомненье, ни хворь пальцем не тронут тебя,
Я обнял тебя, и отныне ты мой,
И, вставши завтра утром, ты увидишь, что все так и есть, как я говорил тебе.

Я тот, кто приносит облегчение больным, когда они, задыхаясь, лежат на спине,
А сильным, твердо стоящим мужчинам я приношу еще более нужную помощь.

Я слышал, что было говорено о вселенной,
Слышал и слышал о множестве тысяч лет.
Это, пожалуй, неплохо,— но разве это все?
Я прихожу, увеличивая и находя соответствия,
Я с самого начала даю бóльшую цену, чем старые сквалыги-торгаши,
Я сам принимаю размеры Иеговы,
Я литографирую Кроноса, его сына Зевса и его внука Геракла,
Я скупаю изображения Озириса, Изиды, Ваала, Брамы и Будды,
В мой портфель я сую Манито, и Аллаха на бумажном листе, и гравюру распятия.
Вместе с Одином, с безобразным Мекситли и с каждым идолом, с каждым фетишем,
Платя за этих богов и пророков столько, сколько они стоят, и ни одного цента больше,
Соглашаясь, что они были живы и сделали то, что надлежало им сделать в свой срок
(Да, они принесли кое-что для неоперенных птенцов, которые должны теперь сами встать, полететь и запеть).
Принимая черновые наброски всевозможных богов, чтобы заполнить их лучше собою,
Щедро раздавая их каждому, и мужчине и женщине,
Открывая столько же или больше божественности в плотнике, который ставит сруб,
Требуя, чтобы перед ним преклонялись больше, чем перед всеми богами, когда он, засучив рукава, орудует молотком и стамеской,
Не споря, что бог посылал откровения, считая, что ничтожный дымок или волос у меня на руке непостижимы, как любое из них,
Пожарные, качающие воду насосом или взбирающиеся по лестнице, приставленной к дому, для меня не менее величавы, чем боги античных сражений,
Я слышу, как звенят их голоса сквозь грохот обвалов,
Их мускулистые ноги несут их в целости над обугленной дранкой, их белые лбы невредимы средь пламени;

Жене машиниста с младенцем у сосков я молюсь о каждом, кто родился на свет,
Рядом свистят три косы на покосе в руках у дородных ангелов со вздутыми на поясницах рубахами;
Клыкастый и рыжий копюх искупил все свои грехи, настоящие и будущие,
Когда распродал все, что имел, и пошел пешком, чтобы заплатить адвокатам, защищающим брата его, и сидел рядом с ним, пока того судили за подлог,
И быку и букашке ещё не молились, как нужно,
Никому и не снилось, как восхитительны грязь и навоз.
Сверхъестественное — не такое уж чудо, я сам жду, чтобы пришло мое время, когда я сделаюсь одним из богов,
Уже близится день для меня, когда я стану творить чудеса не хуже, чем наилучшее из них.
Кляпусь жизнью! Я сделаюсь вскоре творцом всего мира,
Уже и сейчас полагая себя в лопо тепей, которые таятся в засаде.

42

Чей-то призыв из толпы,
Мой собственный голос, звонкий, решительный, зычный.

Придите, мои дети,
Придите, мои мальчики и девочки, мои женщины, мои домочадцы и близкие,
Органист уже разжигает свой пыл, он уже сыграл прелюдию.

Легкие и бойкие аккорды, я чувствую гул ваших взлетов.
Голову мою так и завертело на шее,
Волнами катится музыка, но не из орга́на она,
Люди окружают меня, но они не мои домочадцы.

Вечно твердая, неоседающая почва,
Вечно те, что едят и пьют, вечно солнце то вверх, то вниз, вечно воздух, вечно неустанные приливы-отливы.
Вечно я сам и все прочие люди, непостижимые, порочные, живые,
Вечно старый, непзъяснимый вопрос, вечно этот палец с занозой,
Вечно назойливый гик *«улю-лю!»* — покуда мы не отыщем, где скрылся хитрец, и не вытащим его на расправу,
Вечно любовь, вечно всхлипывающая влага жизни,
Вечно повязка под нижнею челюстью, вечно стол, на котором покойник.

Блуждают то там, то здесь, а глаза прикрыты медяками.
Чтобы голодное брюхо насытить, щедро черпают ложкой мозги,
Покупают билеты на праздник, но на праздник не попадают ни разу,
Большинство пашет, молотит, обливается по́том и мякину получает за труд,
А меньшинство, не трудясь, богатеет и требует пшеницу для себя.

Это — город, и я — гражданин,
Что занимает других, то занимает меня,— политика, войны, рынки, газеты и школы,
Мэр, заседания, банки, тарифы, пароходы, заводы, акции, недвижимости, движимости.

Малютки-человечки во множестве прыгают там и здесь в хвостатых пиджачках, в воротничках,
Кто они, я знаю хорошо (нет, они не черви и не блохи),
Я признаю в них моих двойников, самый пошлый и самый ничтожный так же бессмертен, как я,
То, что я делаю и что говорю, то же самое ждет и их,
Всякая мысль, что бьется во мне, бьется точно так же и в них.

Я слишком много говорю о себе,
Эти мои строки всеядны, но других я не должен писать,
Каждого, кто бы он ни был, я хочу заполнить собой целиком.

Не рутинные фразы — эта песня моя,
Но внезапно задать вопрос, прыгнуть далеко за предел, и все-таки привести еще ближе;
Что эта печатная и переплетенная книга, как не наборщик и типографский мальчишка?
И что эти удачные фотографии, как не ваша жена или друг в ваших объятьях, таких нежных и крепких,
И что этот черный корабль, обитый железом, и его могучие орудия в башнях, как не храбрость капитана и машинистов?
А посуда, и мебель, и угощение в домах — что они, как не хозяин и хозяйка и взгляды их глаз?
И небо там, наверху — оно же и здесь, и над домом соседа, и над домами напротив,
И что такое святые и мудрые, о которых мы читаем в истории, как не ты сам?
И что такое проповеди, богословие, религии, как не бездонный человеческий мозг?
И что есть разум? и что есть любовь? и что есть жизнь?

Я не отвергаю вас, священники всех времен и народов,
Величайшая вера — моя, и самая малая — моя,
Я вмещаю древнюю религию, и новую, и те, что между древней и новой,
Я верю, что я снова приду на землю через пять тысяч лет,
Я ожидаю ответа оракулов, я чту богов, я кланяюсь солнцу,
Я делаю себе фетиша из первого камня или пня, я шаманствую палками в волшебном кругу амулета,
Я помогаю ламе или брамину, когда тот поправляет светильник перед кумиром,
В фаллическом шествии я танцую на улицах, я одержимый гимнософист, суровый, в дебрях лесов,
Я пью из черепа дикий мед, я чту Веды, я держусь Корана,
Я вхожу в теокалли в пятнах крови от ножа и камня, я бью в барабан из змеиной кожи,
Я принимаю Евангелие, принимаю того, кто был распят, я наверное знаю, что он божество,
Я стою всю мессу на коленях, я пуританин, я встаю для молитвы или недвижно сижу на церковной скамье,
С пеной у рта, исступленный, я бьюсь в припадке безумия или сижу мертвецом и жду, чтобы дух мой воспрянул,
Я смотрю вперед на мостовую, на землю или в сторону от мостовой и земли,
Я из тех, что вращают колеса колес.

Один из этой центростремительной и центробежной толпы, я говорю, как говорит человек, оставляющий друзьям поручения, перед тем как отправиться в путь.
Упавшие духом, одинокие и мрачные скептики,
Легкомысленные, унылые, злые безбожники,
Я знаю каждого из вас, я знаю море сомнения, тоски, неверия, отчаяния, муки.

Как плещутся камбалы!
Как они бьются, быстро, как молния, содрогаясь и брызгая кровью!

Будьте спокойны, угрюмцы и окровавленные маловерные камбалы,
Я ваш, я с вами, как и со всеми другими,
У вас, у меня, у всех нас было равное прошлое,
И вас, и меня, и всех ждет равное будущее.

Я не знаю, каково наше будущее,
Но я знаю, что оно в свой черед окажется вполне подходящим и что оно непременно придет.

Оно уготовано всем: и тому, кто проходит мимо, и тому, кто стоит, оно не обойдет никого.

Оно суждено и тому молодому мужчине, который умер и похоронен на кладбище,
И той молодой женщине, которая умерла и погребена рядом с ним,
И тому ребенку, который глянул на миг из-за двери и скрылся за нею навеки,
И тому старику, что прожил без цели и смысла и теперь томится в тоске, которая горче, чем желчь,
И тому несчастному, что лежит в богадельне, изъеденный скверной болезнью от разнузданной жизни и пьянства,
И бесчисленным убитым и погибшим, и диким кобу, именуемым навозом человечества,
И простейшим амебам, которые просто плывут по воде с открытыми ртами, чтобы пища вливалась им в рот,
И всякому предмету на земле или в древнейших могилах земли,
И всему, что в мириадах планет, и мириадам мириад, которые обитают на них,
И настоящему, и самой малой соломинке.

44

Встанем — пора мне открыться!

Все, что изведано, я отвергаю,
Риньтесь, мужчины и женщины, вместе со мною в Неведомое.

Часы отмечают минуты, но где же часы для вечности?

Триллионы весен и зим мы уже давно истощили,
Но в запасе у нас есть еще триллионы и еще и еще триллионы.

Те, кто прежде рождались, принесли нам столько богатств,
И те, кто родятся потом, принесут нам новые богатства.
Все вещи равны между собой: ни одна не больше и не меньше!

То, что заняло свое место и время, таково же, как и все остальное.

Люди были жестоки к тебе или завистливы, мой брат, моя сестра?
Я очень жалею тебя, но я не встречал среди людей ни врагов, ни завистников,
Все вокруг были добры ко мне, мне не на что жаловаться.
(В самом деле, на что же мне жаловаться?)

Я вершина всего, что уже свершено, я начало будущих времен.

Я дошел до верхних ступеней,
На каждой ступени века́, и между ступенями тоже века́,
Пройдя все, не пропустив ни одной, я карабкаюсь выше и выше.

Выше и выше иду, и призраки остаются у меня за спиной,
Внизу, в глубине, я вижу изначальное огромное Ничто, я знаю, что был и там,
Невидимый, я долго там таился и спал в летаргической мгле,
И ждал, чтобы наступил мой черед, и не сгинул от углеродного смрада.

Долго пребывал я под спудом — долго-предолго.

Долго трудилась вселенная, чтобы создать меня.
Ласковы и преданны были те руки, которые направляли меня.

Вихри миров, кружась, носили мою колыбель, они гребли и гребли, как лихие гребцы.
Сами звезды уступали мне место, вращаясь в своих кругах,
Они посылали свои лучи для присмотра за тем, что должно было делаться со мною.

Покуда я не вышел из матери, поколения направляли мой путь.

Мой зародыш в веках не ленился,
Ничто не могло задержать его.

Для него сгустились в планету мировые туманности,
Длинные пласты наслоялись, чтобы стать для него опорой,

Гиганты-растенья давали ему себя в пищу,
И чудища-ящеры лелеяли его в своей пасти и бережно несли его дальше.

Все мировые силы трудились надо мною от века, чтобы создать и радовать меня,
И вот я стою на этом месте, и со мною моя крепкая душа.

45

О мгновенная юность! о гибкость, которую вечно толкают вперед!
О уравновешенная, пышно цветущая зрелость!

Мои возлюбленные душат меня,
Теснятся к моим губам, тискаются в поры моей кожи,
Волокут меня по улицам и людным местам, голые приходят ко мне ночью,
Днем они кричат мне: *«Эгой»,* со скалы над рекою, качаясь и щебеча наверху,
Они кличут меня по имени из цветников, виноградников, из чащи густых кустов,
Они слетаются ко мне каждый миг,
Целуют мое тело поцелуями, нежащими, словно бальзам,
И горсти своих сердец бесшумно дают мне в подарок.
О величавый восход старости! Здравствуй, несказанная прелесть дней моего умирания!

Все сущее утверждает не только себя, но и то, что растет из него,
И у темного беззвучия смерти есть тоже свои ростки.

Ночью я открываю мой люк и смотрю, как далеко разбрызганы в небе миры,
И все, что я вижу, умноженное на сколько хотите, есть только граница новых и новых вселенных.

Дальше и дальше уходят они, расширяясь, всегда расширяясь,
За грани, за грани, вечно за грани миров.

У моего солнца есть солнце, и мое солнце покорно колесит вкруг него,
А то со своими соратниками примыкает к высшему кругу,

А за ними еще более великие, перед которыми величайшие становятся точками.
Нет ни на миг остановки, и не может быть остановки,
Если бы я, и вы, и все миры, сколько есть, и всё, что на них и под ними, снова в эту минуту свелись к бледной текучей туманности, это была бы безделица при нашем долгом пути,
Мы вернулись бы снова сюда, где мы стоим сейчас,
И отсюда пошли бы дальше, все дальше и дальше.

Несколько квадрильонов веков, несколько октильонов кубических миль не задержат этой минуты, не заставят ее торопиться;
Они — только часть, и всё — только часть.

Как далеко ни смотри, за твоею далью есть даль.
Считай, сколько хочешь, неисчислимы года.

Мое рандеву назначено, сомнения нет,
Бог непременно придет и подождет меня, мы с ним такие друзья,
Великий товарищ, верный возлюбленный, о ком я томлюсь и мечтаю, он будет там непременно.

46

Я знаю, что лучшее место — мое, и лучшее время — мое, еще никто не измерил меня и никогда не измерит.

Я всегда налегке, в дороге (придите все и послушайте!),
Мои приметы — дождевой плащ, и добрая обувь, и палка, срезанная в лесу,
Друзья не придут ко мне и не рассядутся в креслах,
Кресел нет у меня, нет ни философии, ни церкви,
Я никого не веду к обеду, в библиотеку, на биржу,
Но каждого из вас, мужчин и женщин, я возвожу на вершину горы,
Левой рукой я обнимаю ваш стан,
А правой рукой указываю на окрестные дали и на большую дорогу.

Ни я, ни кто другой не может пройти эту дорогу за вас,
Вы должны пройти ее сами.

Она недалеко, она здесь, под рукой,
Может быть, с тех пор как вы родились, вы уже бывали на ней, сами не зная о том,
Может быть, она проложена всюду, по земле, по воде.
Возьмем свои пожитки, сынок,— ты свои, я свои,— и поспешим в путь,
В чудесных городах и свободных странах мы побываем с тобой.

Если ты устал, возложи на меня твою ногу, обопрись о мое бедро,
А когда наступит мой черед, ты отплатишь мне такой же услугой,
Ибо с той минуты, как мы двинемся в путь, отдыха не будет у нас.

Сегодня перед рассветом я взошел на вершину горы, и увидел усыпанное звездами небо,
И сказал моей душе: *«Когда мы овладеем всеми этими шарами вселенной, и всеми их усладами, и всеми их знаниями, будет ли с нас довольно?»*
И моя душа сказала: *«Нет, этого мало для нас, мы пойдем мимо — и дальше».*

Ты также задаешь мне вопросы, и я слышу тебя,
Я отвечаю, что не в силах ответить, ты сам должен ответить себе.
Присядь на минуту, сынок,
Вот сухари для еды, молоко для питья,
Но когда ты поспишь, и обновишь свои силы, и наденешь лучшие одежды, я поцелую тебя на прощанье и распахну пред тобою ворота, чтобы ты ушел от меня.

Слишком долго тебе снились презренные сны,
Я смываю гной с твоих глаз,
Ты должен приучить свои глаза к ослепительной яркости света и каждого мгновенья твоей жизни.
Слишком долго ты копошился у берега, робко держась за доску,
Теперь я хочу, чтобы ты был бесстрашным пловцом,
Чтобы ты нырнул в открытом море, крича и кивая мне, и со смехом окунулся опять.

Я учитель атлетов.
Если твоя грудь после учения станет шире моей, ты докажешь, что и моя широка,
И тот докажет, что он усвоил мой стиль борьбы, кто убьет своего учителя насмерть.

Мне люб лишь такой мальчуган, что станет мужчиной не чужими стараньями, а только своими делами,
Он предпочтет быть беспутным, лишь бы не стать благонравным из страха или стадного чувства,
Свою милую любит он сильно и ест свое жаркое с аппетитом,
Любовь без взаимности или обида режет его сильнее, чем острая сталь,
Отлично он умеет скакать на коне, драться, стрелять в мишень, править парусным яликом, петь песни, играть на банджо,
Бородатые лица, или изрытые оспой, или с рубцами и шрамами милее ему, чем лощеные,
И черные от загара лица милее ему, чем те, что боятся солнца.

Я учу убегать от меня, но кто может убежать от меня?
Кто бы ты ни был, отныне я не отступлю от тебя ни на шаг,
Мои слова не перестанут зудеть в твоих ушах, покуда ты не уразумеешь их смысла.

Не ради доллара я говорю тебе эти слова, не для того, чтоб заполнить время, покуда я жду парохода.
(Они настолько же твои, как и мои, я действую в качестве твоего языка,
У тебя во рту он опутан и связан, а у меня начинает освобождаться от пут.)

Клянусь, что под крышею дома я никогда ничего не скажу ни о любви, ни о смерти,
И клянусь, я открою себя лишь тому или той, кто сблизится со мною на воздухе.
Если вы хотите понять меня, ступайте на гору или на берег моря,
Ближайший комар — комментарий ко мне, и бегущие волны — ключ,
Молот, весло и ручная пила подтверждают мои слова.

Никакая комната с закрытыми ставнями, никакая школа
не может общаться со мной,
Бродяги и малые дети лучше уразумеют меня.

Мальчишка-мастеровой всего ближе ко мне, он знает меня
хорошо,
Лесоруб, который берет на работу топор и кувшин, возьмет
и меня на весь день,
Фермеру-подростку, что пашет в полях, приятно услышать
мой голос,
На судах, которые мчатся под парусом, мчатся мои слова, я иду
с матросами и рыбаками и крепко люблю их.

Солдат в походе или в лагере — мой,
Многие ищут меня в ночь перед боем, и я не обману их
надежды,
В эту торжественную ночь (быть может, их последнюю ночь)
те, которые знают меня, ищут меня.
Мое лицо трется о лицо зверолова, когда он лежит в одеяле,
Извозчик, размышляя обо мне, не замечает толчков своей
фуры,
Молодая мать и старая мать понимают меня,
И девушка, и замужняя женщина оставляют на минуту иглу
и забывают все на свете,—
Все они хотят воплотить то, что я говорил им.

48

Я сказал, что душа не больше, чем тело,
И я сказал, что тело не больше, чем душа,
И никто, даже бог, не выше, чем каждый из нас для себя,
И тот, кто идет без любви хоть минуту, на похороны свои он
идет, завернутый в собственный саван,
И я или ты, без полушки в кармане, можем купить все лучшие
блага земли,
И глазом увидеть стручок гороха — это превосходит всю
мудрость веков,
И в каждом деле, в каждой работе юноше открыты пути
для геройства,
И каждая пылинка ничтожная может стать центром вселенной,
И мужчине и женщине я говорю: да будет ваша душа
безмятежна перед миллионом вселенных.

И я говорю всем людям: не пытайте о боге,
Даже мне, кому все любопытно, не любопытен бог.
(Не сказать никакими словами, как мало тревожит меня мысль о боге и смерти.)

В каждой вещи я вижу бога, но совсем не понимаю его,
Не могу я также поверить, что есть кто-нибудь чудеснее меня.

К чему мне мечтать о том, чтобы увидеть бога яснее, чем этот день?
В сутках такого нет часа, в каждом часе такой нет секунды, когда бы не видел я бога,
На лицах мужчин и женщин я вижу бога и в зеркале у меня на лице,
Я нахожу письма от бога на улице, и в каждом есть его подпись,
Но пусть они останутся, где они были, ибо я знаю, что, куда ни пойду,
Мне будут доставлять аккуратно такие же во веки веков.

49

Ты же, о Смерть, и горькие объятия Смерти, напрасно пытаетесь встревожить меня.

Без колебаний приступает к своему труду акушер,
Я вижу, как его рука нажимает, принимает, поддерживает,
Я лежу у самого порога этих изящных и эластичных дверей
И замечаю выход, замечаю прекращение боли.

А ты, Труп, я думаю, ты хороший навоз, но это не обижает меня,
Я нюхаю белые розы, благоуханные, растущие ввысь,
Я добираюсь до лиственных губ и до гладких грудей дынь.

А ты, Жизнь, я уверен, ты — остатки многих смертей.
(Не сомневаюсь, что прежде я и сам умирал десять тысяч раз.)

Я слышу ваш шепот, о звезды небес,
О солнца, о травы могил, о вечные изменения и вечные продвижения вперед,
Если уж вы молчаливы, что же могу сказать я?

О мутной луже в осеннем лесу,
О луне, что спускается с круч тихо вздыхающих сумерек,
Качайтесь, искры света и мглы,— качайтесь на черных стеблях, гниющих в навозе,
Качайтесь, пока так бессмысленно стопут иссохшие сучья.
Я возношусь от луны, я возношусь из почп,
Я вижу, что это страшное марево — отражение полдневного солнца,
Я поднимаюсь к основному и главному от великого или малого отпрыска.

50

Есть во мне что-то — не знаю что, но знаю: оно во мне.

Тело мое, потное и скрюченное, каким оно становится спокойным тогда,
Я сплю — я сплю долго.

Я не знаю его — оно безыменное — это слово, еще не сказанное,
Его нет ни в одном словаре, это не изречение, не символ.

Нечто, на чем оно качается, больше земли, на которой качаюсь я,
Для него вся вселенная — друг, чье объятье будит меня.

Может быть, я мог бы сказать больше. Только контуры!
Я вступаюсь за моих братьев и сестер.

Видите, мои братья и сестры?
Это не хаос, не смерть — это порядок, единство, план — это вечная жизнь, это Счастье.

51

Прошедшее и настоящее гибнут — я наполнил их, потом исчерпал,
А теперь заполняю ближайшую впадину будущего.

Ты, слушающий песню мою! какую тайну ты хочешь доверить мне?
Прямо гляди мне в лицо, покуда я вдыхаю эту ночь.
(Говори мне по чести всю правду, нас не слышит никто, но я могу остаться не дольше минуты.)

По-твоему, я противоречу себе?
Ну что же, значит, я противоречу себе.
(Я широк, я вмещаю в себе множество разных людей.)

Я отдаю все свои силы лишь тем, кто поблизости, я жду тебя
у порога.
Кто завершил дневную работу? Кто покончил с ужином
раньше других?
Кто хочет пойти прогуляться со мною?

Успеешь ли ты высказаться перед нашей разлукой? или
окажется, что ты запоздал?

52

Пестрый ястреб проносится мимо и упрекает меня, зачем я
болтаю и мешкаю.

Я такой же непостижимый и дикий,
Я испускаю мой варварский визг над крышами мира.

Последняя быстрая тучка задержалась ради меня,
Она отбрасывает мое изображение вслед за другим, столь же
верное, как и любое из них, на лугах, погруженных
в тень.
Она соблазняет меня растаять в туман и пар.

Я улетаю, как воздух, я развеваю мои белые кудри вслед
за бегущим солнцем,
Пусть течет моя плоть волнами, льется кружевными извивами.

Я завещаю себя грязной земле, пусть я вырасту моей любимой
травой,
Если снова захочешь увидеть меня, ищи меня у себя
под подошвами.

Едва ли узнаешь меня, едва ли догадаешься, чего я хочу,
Но все же я буду для тебя добрым здоровьем,
Я очищу и укреплю твою кровь.

Если тебе не удастся найти меня сразу, не падай духом,
Если не найдешь меня в одном месте, ищи в другом,
Где-нибудь я остановился и жду тебя.

ИЗ ЦИКЛА «ДЕТИ АДАМА»

ЗАПРУЖЕНЫ РЕКИ МОИ

Запружены реки мои, и это причиняет мне боль,
Нечто есть у меня, без чего я был бы ничто,
Это хочу я прославить, хотя бы я стоял меж людей одиноко,
Голосом зычным моим и воспеваю фаллос,
Я пою песню зачатий,
Я пою, что нужны нам великолепные дети и в них великолепные люди,
Я пою возбуждение мышц и слияние тел,
Я пою песню тех, кто спит в одной постели (о, неодолимая страсть!
О, взаимное притяжение тел! Для каждого тела свое манящее, влекущее тело!
И для вашего тела — свое, оно доставляет вам счастье больше всего остального!)
Ради того, что ночью и днем, голодное, гложет меня,
Ради мгновений зачатия, ради этих застенчивых болей я воспеваю и их,
В них я надеюсь найти, чего не нашел нигде, хотя ревностно искал много лет,
Я пою чистую песню души, то вспыхивающей, то потухающей,
Я возрождаюсь с животными или с грубейшей природой,
Этим я песни мои насыщаю, а также тем, что сопутствует этому:
Запах лимонов и яблок, весенней влюбленностью птиц,
Лесною росою, набеганием волн,
Диким набеганием волн на сушу — я воспеваю и их,—
Увертюрой, что звучит еле слышно, как предвкушение мелодии,
Желанною близостью, видом прекрасного тела.
Пловец обнаженный, плывущий в воде или на волне неподвижно лежащий,
Близится женское тело, я потупляюсь, любовная плоть у меня и дрожит и болит,
И возникает удивительный перечень для меня, для тебя и для любого из нас.

Лицо, руки, ноги — все с головы до пят — и чувства, что он пробуждает,
Загадочный бред, сумасшествие страсти, о, отдаться тебе до конца!
(Крепко прижмись и слушай, что я шепчу тебе,
Я люблю тебя, о, я весь твой,
Только бы нам ускользнуть ото всех, убежать беззаконными, вольными,
Два ястреба в небе, две рыбы в волнах не так беззаконны, как мы.)
Дикая буря, сквозь меня проходящая, и страсть, которая содрогает меня,
Клятва, что мы слиты навеки, я и женщина, которая любит меня и которую я люблю больше жизни моей.
(О, я охотно отдал бы все за тебя,
И если нужно, пускай пропаду!
Только бы ты и я! И что нам до того, что делают и думают другие!
Что нам до всего остального, только бы нам насладиться друг другом и замучить друг друга совсем, до конца, если иначе нельзя.)
Ради того капитана, которому я уступаю все судно,
Ради того полководца, который командует мною, командует всеми,
Ради нашего пола, основы всего,
Ради того, что в тиши я так часто томился один, когда множество близких вокруг, а та, кого хочешь, не близко,
Ради долгого, долгого поцелуя в грудь или в губы,
Ради тесных объятий, которые делают пьяным меня и любого мужчину,
Ради того, что знает хороший супруг, ради этой работы отцовства,
Ради восторга, победы и отдыха — податливое одеяло отброшено прочь!
Ради легких рук, что ласкают меня, и пальцев, что перебирают мои волосы,
Ради того, что она так не хочет, чтобы я от нее оторвался, и я не хочу оторваться
(Но, нежная, помедли мгновение, я опять возвращусь к тебе!),
Ради этого часа, когда звезды сияют и падают росы,
Я славлю тебя, о священное дело, и вас, о дети, готовые к нему,
И вас, могучие чресла.

О ТЕЛЕ ЭЛЕКТРИЧЕСКОМ Я ПОЮ

1

О теле электрическом я пою;
Легионы любимых меня обнимают, и я обнимаю их;
Они не отпустят меня, пока не уйду я с ними, пм не отвечу,
Пока не очищу их, не заполню их полнотою души.

Иль те, кто сквернит свое тело, пе скрывают себя?
Иль те, кто поносит живых, лучше тех, кто попосит мертвых?
Иль тело знпчит меньше души?
И если душа не тело, то что же душа?

2

Любовь к телу мужскому или жепскому превосходна, ведь тело
само превосходно,
Совершенно тело мужчины, и тело женщины совершенно.

Выраженье лица превосходно,
Но сложенный хорошо человек выражен пе только в лице;
Он выражен в членах, суставах своих, изящно выражен
в бедрах, запястьях,
В походке своей, в осанке, в гибкости стана, колен,— его не
скрывает одежда,
Сила и ловкость его пробивается сквозь все ткани,
Оп идет, восхищая вас, словно поэма, иль даже больше,
Помедлив, взгляните вы на спину его, на затылок, лопатки.

Раскпнутость пухлого детского тельца, груди и лица встречных
женщин, складки их платья, их облик от головы и до ног;
Пловец в бассейне, когда он плывет в прозрачном зеленом
блеске или лежит, запрокинув голову, покачиваясь на воде;
Наклон вперед и назад гребцов на лодках и всадника в седле,
Девушки, матери, хозяйки за хлопотливой работой,
Кучка рабочих в полдень с обеденными котелками и жены их
в ожиданье,
Кормящая грудью мать, дочка фермера в коровнике или в саду,
Парепь с мотыгой в поле, кучер, что правит шестью лошадьми,
запряженными в сани,
Борьба двух рабочих подростков, здоровых, веселых, задорных,
па пустыре вечером после работы,
Сброшены кепки и пиджаки, им любо померяться силой,

Обхват головы и спины, космы волос, упавшие на глаза;
Проезд пожарных в блестящих касках, игра их сильных
мускулов под поясами,
Неспешное возвращенье с пожара, потом передышка и снова
сигнал тревоги,
Все слушают напряженно — наклон головы — расчет
по секундам;
Вот это люблю я — и, дав себе волю, шагаю свободно,
к материнской груди припадаю с ребенком,
Плыву с пловцами, борюсь с борцами, еду с пожарными,
отдыхаю, прислушиваюсь, считаю секунды.

3

Я знал одного фермера, отца пятерых сыновей,—
Они были отцы сыновей — и те тоже отцы сыновей,—
Он был удивительно мощен, спокоен, прекрасен,
Его голова, желто-белые волосы, борода, глубокий взгляд его
темных глаз, широта и щедрость его обращенья —
Все это меня привлекало, я его посещал,— он был также мудр;
Он был шести футов ростом, старше восьмидесяти лет,— его
сыновья были рослые, крепкие, бородатые, загорелые
красавцы;
Сыновья и дочери любили его — каждый, кто знал, любил его;
Любили не из почтенья, а искренне — каждый по-своему;
Он пил только воду,— кровь пробивалась румянцем сквозь
темный загар его лица;
Он был заядлый охотник, рыбак,— сам правил лодкой, что
ему подарил судовой плотник; у него были ружья, что ему
любя подарили;
Когда он шел с пятью сыновьями и многими внуками на охоту
или рыбную ловлю, он казался среди них самым красивым
и сильным;
Вы хотели бы долго, долго быть с ним, сидеть с ним рядом
в лодке, к нему прикасаясь.

4

Я понял, что быть с теми, кто нравится мне,— довольство,
Что вечером посидеть и с другими людьми — довольство,
Что быть окруженным прекрасной, пытливой, смеющейся,
дышащей плотью — довольство,

Побыть средь других, коснуться кого-нибудь, обвить рукой
слегка его иль ее шею на миг — иль этого мало?
Мне большего наслажденья не надо — я плаваю в нем, как
в море.
Есть что-то в общенье с людьми, в их виде, в касанье, в запахе
их, что радует душу,—
Многое радует душу, но это — особенно сильно.

5

Вот женское тело;
Божественный нимб от него исходит с головы и до ног;
Оно влечет к себе яростно притяжением неодолимым!
Я дыханьем его увлечен, словно пар, и все исчезает, кроме
меня и его:
Все книги, искусство, религия, время, земля ощутимо-твердая,
награда небес, страх ада — все исчезает;
Его безумные токи играют неудержимо — и ответ им
неудержим;
Волосы, грудь, бедра, изгибы ног, небрежно повисшие руки —
ее и мои — растворились;
Отлив, порожденный приливом, прилив, порожденный
отливом,— любовная плоть в томленье, в сладостной боли;
Безграничный, прозрачный фонтан любви знойной, огромной,
дрожь исступленья, белоцветный яростный сок;
Новобрачная ночь любви переходит надежно и нежно в рассвет
распростертый,
Перелившись в желанный, покорный день,
Потерявшись в объятьях сладостной плоти дневной.
Это зародыш — от женщины после родится дитя, человек
родится;
Это купель рожденья — слиянье большого и малого, и снова
исток.

Не стыдитесь, женщины,— преимущество ваше включает
других и начало других;
Вы ворота тела, и вы ворота души.

В женщине качества все, она их смягчает,
Она на месте своем и движется в равновесии полном;
В ней все скрыто, как должно,— она и деятельна и спокойна;
Ей — зачинать дочерей, и ей — зачинать сыновей.

Когда я вижу душу мою отраженной в Природе,
Когда я вижу сквозь мглу кого-то в совершенстве
невыразимом,
Вижу склоненную голову и руки, скрещенные на груди,—
я Женщину вижу.

6

Мужчина тоже душа, и он на своем месте;
В нем тоже все качества — он действие, сила;
Изобилие познанной вселенной в нем;
Ему подобают презренье, влеченье и вызов,
И бурные страсти, безмерная радость, безмерное горе,
и гордость ему подобают;
Ведь душу умиротворяет достойная гордость мужчины;
И знанье ему подобает, он любит всегда все исследовать сам;
Какое б ни было море и плаванье, он лотом глубь измеряет.
(И где ж ему лот свой бросать, как не там?)

Священно тело мужское и женское тело;
Чье б ни было — тело священно;
И тело раба. И тело сошедшего на берег забитого иммигранта.
Любой нужен здесь или там, как и тот, кто в достатке живет,
как и вы;
И каждому в шествии место дано.

(Ведь все это — шествие,
Вселенная — шествие с размеренным стройным движеньем.)

Иль сами вы сведущи так, что зовете раба иль забитого
иммигранта певеждой?
Иль мните, что вы имеете право здраво судить, а он иль она
не имеет?
Иль думаете, что материя из текучей рассеянности отвердела,
и почва лежит, вода течет, зелень растет
Только для вас, а не для него и не для нее?

7

С молотка продается тело мужское
(Я часто ходил до войны на невольничий рынок, смотрел, как
торгуют рабами);
Помогу продавцу,— растяпа, он плохо знает свое дело.

Джентльмены, взгляните на это чудо!
Какую б цену ни дал покупатель — все будет мало;
Для него земля готовилась квинтильоны лет, без живых
существ, без растений;
Для него непрерывно и точно вращались миры.

В голове его — всеобъемлющий мозг;
В ней и под ней — создаются герои;
Взгляните на руки и ноги, красные, черные, белые,— у них
такие умелые сухожилья и нервы;
Их нужно все обнажить, чтоб вы могли их увидеть.

Отличные чувства, зажженные жизнью глаза, отвага и воля,
Слои грудных мускулов, позвоночник гибкий и шея, упругое
мясо, крепкое телосложенье,
А там, внутри, еще чудеса.

Там, внутри, течет кровь,
Та же самая древняя кровь! Та же самая алая кровь!
Там бьется толчками сердце,— там все страсти, желанья,
стремленья, порывы.
(Иль, по-вашему, там их нет, раз не выражены они
в аудиториях и гостиных?)

То не один человек — то отец тех, что тоже станут отцами;
В нем — исток государств многолюдных, республик богатых;
В нем — несчетные вечные жизни, несчетные их воплощенья
и радости.

Разве знаете вы, кто родится от потомка его потомка
в столетьях?
(Разве можете вы узнать, углубившись в столетья,— от кого
вы сами произошли?)

8

С молотка продается женское тело!
И она не одна — в ней плодовитая мать матерей;
Она породит сыновей, которые, вырастя, станут мужьями
других матерей.
Любили ль вы женское тело?
Любили ль вы тело мужское?
Разве не знаете вы, что это так у всех людей, у всех народов,
во все времена, на всей земле?

Если что-нибудь священно, то тело людей священно,
Слава и сладость мужчины — признак мужественности здоровой;
У мужчины, у женщины чистое, сильное, крепкое тело красивей красивейшего лица.

Видели ль вы безумцев, сквернящих живое тело свое?
Они не скроют себя и не могут скрыть.

9

О тело мое! Я не покину подобье твое в других людях иль подобья твоих частей;
Я верю — подобья твои возникают, проходят с подобьем души (что они — душа),
Я верю — подобья твои возникают, проходят с моими стихами, что они — поэмы,
Поэмы мужчины, женщины, ребенка, отрока, мужа, жены, отца, матери, юноши, девушки;
Голова, шея, волосы, уши, барабанные перепонки;
Глаза, ресницы, радужная оболочка, брови, пробужденье и дрема век;
Губы, рот, язык; зубы, челюсти с их скрепленьем,
Нос, переносица, ноздри,
Щеки, виски, лоб, подбородок, горло, затылок;
Сильные плечи, мужественная борода, лопатки, широкий обхват груди,
Руки, подмышки, локоть, кости и мускулы рук.
Запястье, суставы запястья, ладонь, пальцы — большой, указательный, ногти;
Широкая грудь, курчавость волос на ней, грудная клетка,
Ребра, живот, позвоночник и позвонки,
Бедра, округлости бедер и корень мужской,
Крепления сильных мышц, хорошо несущих туловище,
Колени, колепная чашечка, голень, ступни,
Лодыжки, подъем, подошва, пальцы ноги, пятка;
Все очертанья, сложенье, все части моего, иль вашего, иль иного мужского иль женского тела,
Легкие, желудок, кишки сладкие, чистые,
Мозг с извилинами внутри черепной коробки,
Клапаны сердца, сочувствие, влеченье полов, материнство,
Женственность и все женское — и деторожденье,
Чрево, грудные сосцы, молоко, слезы, смех, плач, взгляды любви и ее треволненья,

Голос, жесты, язык, шепот и восклицанья,
Пища, питье, пульс, пищеварение, пот, сон, ходьба, плаванье,
Устойчивость ног, прыжок, наклон, обхват и сжиманье,
Изменчивость очертаний губ и около глаз,
Кожа, загар, волоски, веснушки,
Влеченье странное при касанье рукой нагого тела,
Реки артерий, дыханье, вдох и выдох.
Красота стана и бедер сверху до самых колен,
Алый сок внутри вас иль меня, кости и костный мозг,
Чудесное выраженье здоровья;
Я говорю, что все это поэмы и части не только тела, но и души,
О, все это — сама душа!

ЧАС БЕЗУМСТВУ И СЧАСТЬЮ

Час безумству и счастью! О бешеная! О, дай же мне волю!
(Почему эти бури и смерчи несут мне такую свободу?
Почему я кричу среди молний и разъяренных ветров?)

О, испить этот загадочный бред глубже всякого другого
мужчины!
О дикие и нежные боли! (Я завещаю их вам, мои дети,
Я предлагаю их вам, о новобрачные муж и жена!),

О, отдаться тебе, кто бы ни была ты, а ты чтобы мне отдалась
наперекор всей вселенной!
О, снова вернуться в рай! О женственная и застенчивая!
О, притянуть тебя близко к себе и впервые прижать к тебе
настойчивые губы мужчины.

О загадка, о трижды завязанный узел, темный, глубокий
омут, сразу распуталось все и озарилось огнем!
О, наконец-то умчаться туда, где достаточно простора
и воздуха!
О, вырваться из цепей и условностей,— тебе из твоих, мне
из моих.
И, приобщаясь к Природе, вдруг нежданно-негаданно
освободиться от всех жизненных тягот!
Вытащить кляп изо рта, говори и кричи, что захочешь,
Почувствовать, что наконец-то сегодня я совершенно доволен,
и больше ничего мне не надо.

Сорваться со всех якорей!
Вольно мчаться! вольно любить! ринуться прямо в опасность!
Бросить опасностям вызов, дерзко заигрывать с ними!
Подниматься до самого неба любви, что судьбой предназначена мне!
Взлететь туда вместе с моей опьяневшей душой!
Если нужно, погибнуть, пропасть!
Напитать весь остаток жизни этим часом полноты и свободы,
Кратким часом безумства и счастья!

ИЗ БУРЛЯЩЕГО ОКЕАНА ТОЛПЫ

Из бурлящего океана толпы нежно выплеснулась ко мне одна капля
И шепчет: *«Люблю тебя до последнего дня моей жизни.*
Долгим путем я прошла, лишь бы взглянуть на тебя и прикоснуться к тебе.
Ибо я не могла умереть, не взглянув на тебя хоть однажды,
Ибо мне было так страшно, что я потеряю тебя».

Ну вот, мы и повстречались с тобою, мы свиделись, и все хорошо.
С миром вернись в океан, дорогая,
Я ведь тоже капля в океане, наши жизни не так уж раздельны,
Посмотри, как круглятся великие воды земли, как все слитно и как совершенно!
Но по воле непреклонного моря мы оба должны разлучиться,
И пусть оно разлучит нас на время, но оно бессильно разлучить нас навек;
Будь терпелива — и знай: я славлю и сушу, и море, и воздух
Каждый день на закате солнца, ради тебя, дорогая.

МЫ ДВОЕ, КАК ДОЛГО МЫ БЫЛИ ОБМАНУТЫ

Мы двое, как долго мы были обмануты,
Мы стали другими, мы умчались на волю, как мчится Природа,
Мы сами Природа, и долго нас не было дома, теперь мы вернулись домой,
Мы стали кустами, стволами, листвою, корнями, корою,

Мы вросли в землю, мы скалы,
Мы два дуба, мы растем рядом на поляне в лесу,
Мы, дикие оба, пасемся средь дикого стада, мы, вольные, щиплем траву,
Мы две рыбы, плывущие рядом,
Мы как соцветья локуста, мы благоухаем в аллее по вечерам и утрам,
Мы перегной растений, зверей, минералов,
Мы хищные ястребы, мы парим в небесах и смотрим оттуда вниз,
Мы два яркие солнца, мы планетарны и звездны, мы две кометы,
Мы клыкастые четвероногие в чаще лесной, мы бросаемся одним прыжком на добычу,
Мы два облака, мы целыми днями несемся один за другим,
Мы два моря, смешавшие воды, веселые волны — налетаем одна на другую,
Мы, как воздух, всеприемлющи, прозрачны, проницаемы, непроницаемы,
Мы снег, мы дождь, мы мороз, мы тьма, мы все, что только создано землею,
Мы кружились и кружились в просторах, и вот наконец мы дома,
Мы исчерпали все, нам остались лишь воля да радость.

ОДНАЖДЫ, КОГДА Я ПРОХОДИЛ ГОРОДОМ

Однажды, когда я проходил по большому, многолюдному городу, я пытался внедрить в свою память его улицы, зданья, обычаи, нравы,
Но теперь я забыл этот город, помню лишь некую женщину, которую я случайно там встретил, и она удержала меня, потому что полюбила меня.
День за днем, ночь за ночью мы были вдвоем,— все остальное я давно позабыл,
Помню только ее, эту женщину, которая страстно прилепилась ко мне,
Опять мы блуждаем вдвоем, мы любим, мы расстаемся опять,
Опять она держит меня за руку и просит, чтобы я не уходил,
Я вижу ее, она рядом со мною, ее грустные губы молчат и дрожат.

Я СЛЫШАЛ ВАС, ТОРЖЕСТВЕННО-НЕЖНЫЕ ТРУБЫ ОРГАНА

Я слышал вас, торжественно-нежные трубы органа, в это
воскресенье, проходя мимо церкви;
Осенние вихри, в потемках, в лесу, я слышал ваши протяжные
вздохи, и была в них такая тоска;
Я слышал чудесного итальянского тенора в опере, я слышал
сопрано в квартете;
Ты, сердце моей любви, тебя тоже я слышал, когда ты обняла
мою голову,
Слышал твой пульс, как в ночной тишине он звенел над моим
ухом бубенцами.

КОГДА Я, КАК АДАМ

Когда я, как Адам,
Крепко выспавшись, выхожу на рассвете из лесного моего
шалаша,
Посмотри на меня и послушай мой голос, подойди ко мне
ближе,
Тронь меня, тронь мое тело рукою,
Не бойся тела моего.

ИЗ ЦИКЛА «АИР БЛАГОВОННЫЙ»

ДЛЯ ТЕБЯ, ДЕМОКРАТИЯ

Вот я сделаю всю сушу неделимой,
Я создам самый великолепный народ из всех, озаряемых
солнцем,
Я создам дивные страны, влекущие к себе, как магниты,
Любовью товарищей,
Вечной, на всю жизнь, любовью товарищей.

Я взращу, словно рощи густые, союзы друзей и товарищей
вдоль твоих рек, Америка, на прибрежьях Великих озер
и среди прерий твоих,
Я создам города, каких никому не разъять, так крепко они
обнимут друг друга,

Сплоченные любовью товарищей,
Дерзновенной любовью товарищей.

Это тебе от меня, Демократия, чтобы служить тебе, ma femme! Тебе, тебе я пою эти песни.

ЭТИ ПЕСНИ ПОЮ Я ВЕСНОЙ

Эти песни пою я весной, собирая цветы для влюбленных.
(Кто лучше меня поймет влюбленных, все их радости и печали?
И кто лучше меня может стать поэтом товарищества?)
Собирая, я прохожу через сад мира и вскоре выхожу за ворота,
А теперь я иду по берегу пруда, а теперь вброд, не боясь промочить ноги,
А теперь вдоль ограды, близ которой навалены старые камни, подобранные на полях,
(Полевые цветы, и сорняки, и лоза взобрались на камни, приукрыли их; я иду мимо),
Все дальше и дальше в чащу леса, или просто слоняюсь летними вечерами, не думая, куда иду,
В одиночестве вдыхаю земляной дух, временами останавливаюсь среди тишины,
Мне кажется, что у меня нет спутников, но вскоре вокруг меня собирается целый отряд,
Кто рядом, кто позади, кто обнимает меня,
Это души милых друзей, умерших и живых,
Их целая толпа, она все гуще, а я — посредине,
Собирая, раздавая, распевая, я странствую вместе с ними,
Сорву что-нибудь и брошу тому, кто ближе, на память обо мне,
То сирень, то сосновую ветку,
То выну из кармана мох, который свисал с виргинского дуба во Флориде, и я его там отодрал,
То гвоздики, и лавра листы, и пук шалфея
Или то, что я вытащил из воды, забравшись в пруд
(Здесь я видел в последний раз того, кто нежно любит меня и теперь возвращается, чтобы никогда не расставаться со мной,
А это, ах, этот корень аира должен стать символом нашего товарищества,
Обменяйтесь им, юноши! И никогда не возвращайте его друг другу!),

И кленовые прутики, и каштаны, и цветы диких апельсинов,
И ветки смородины, и сливовый цвет, и ароматический кедр,
Окруженный плотным облаком душ,
Я прохожу, иногда указывая и касаясь, иногда отбрасывая от себя,
Объясняя каждому, чем он будет владеть, давая каждому что-нибудь.
Но то, что вытащил из воды на краю пруда,— это я приберег,
Я одарю этим тех, кто способен любить, как я.

СТРАШНОЕ СОМНЕНЬЕ ВО ВСЕМ

Страшное сомненье во всем,
Тревога: а что, если нас надувают?
Что, если наша вера и наши надежды напрасны
И загробная жизнь есть лишь красивая сказка?
И, может быть, то, что я вижу: животные, растения, холмы, люди, бегущие, блистающие воды,
Ночное, дневное небо, краски и формы, может быть (и даже наверное), это одна только видимость, а настоящее нечто еще не открылось для нас.
(Как часто они встают предо мной без покрова, будто затем, чтобы посмеяться надо мною, подразнить меня,
Как часто я думаю, что ни я, ни другие не знаем о них ничего.)

Но эти сомнения исчезают так странно перед лицом моих друзей, моих милых,
Если тот, кого я люблю, пойдет побродить со мною или сядет рядом со мною, держа мою руку в своей,
Что-то неуловимо-неясное, какое-то знание без слов и мыслей охватит нас и проникнет в нас,
Неизъяснимой, неизъясняемой мудростью тогда я исполнен, тихо сижу и молчу, ни о чем уже больше не спрашиваю,
Я все же не в силах ответить на свои вопросы обо всем, окружающем нас, о смерти и о жизни за гробом,
Но что мне за дело до них, я спокойно сижу и хожу,
Тот, чья рука в моей, разогнал мои тревоги вполне.

СУТЬ ВСЕЙ МЕТАФИЗИКИ

Итак, джентльмены,
Дабы слово мое осталось в ваших умах и воспоминаниях,
Я открою вам суть и конечный итог всей метафизики.

(Как старый профессор — студентам
В заключение курса лекций.)

Исследовав все системы, новые и древнейшие, греческие
и германские,
Исследовав и изложив Канта, а после — Фихте, Шеллинга
и Гегеля,
Изложив ученье Платона — и Сократа, который был выше
Платона,
Исследовав и изучив божественного Христа, который был
неизмеримо выше Сократа,
Я обозреваю сегодня все эти греческие и германские системы,
Вижу все философии, христианские церкви и догматы вижу,
И явственно вижу сущность Сократа и сущность
божественного Христа —
Их сущность — любовь человека к собрату, влечение друга
к другу,
Мужа — к любимой жене и детей — к родителям,
Города — к городу и народа — к народу.

ЛЕТОПИСЦЫ БУДУЩИХ ВЕКОВ

Летописцы будущих веков,
Вот я открою, что скрыто за этим бесстрастным лицом,
и скажу вам, что написать обо мне.
Напечатайте имя мое и портрет мой повесьте повыше, ибо имя
мое — это имя того, кто умел так нежно любить,
И портрет мой — друга портрет, страстно любимого другом,
Того, кто не песнями своими гордился, но безграничным
в себе океаном любви, кто изливал его щедро на всех,
Кто часто блуждал на путях одиноких, о друзьях о желанных
мечтая,
Кто часто в разлуке с другом томился почами без сна,
Кто хорошо испытал, как это страшно, как страшно,
что тот, кого любишь, может быть, втайне к тебе
равнодушен,
Чье счастье бывало: по холмам, по полям, по лесам
пробираться, обнявшись, вдвоем, в стороне от других,
Кто часто, блуждая по улицам с другом, клал себе на плечо его
руку, а свою к нему на плечо.

КОГДА Я УСЛЫХАЛ К КОНЦУ ДНЯ

Когда я услыхал к концу дня, как имя мое в Капитолии
встретили рукоплесканиями, та ночь, что пришла
вослед, все же не была счастливою ночью,
И когда мне случалось пировать или планы мои удавались,
все же не был я счастлив,
Но день, когда я встал на заре, освеженный, очень здоровый,
и, напевая, вдохнул созревшую осень,
И, глянув на запад, увидел луну, как она исчезала, бледнела
при утреннем свете,
И на берег вышел один, и, раздевшись, пошел купаться, смеясь
от холодной воды, и увидел, что солнце восходит,
И вспомнил, что мой милый, мой друг теперь на пути ко мне,
о, тогда я был счастлив,
И воздух стал слаще, и пища сытнее, и пригожий день так
чудесно прошел,
И с таким же весельем пришел другой, а на третий под вечер
пришел мой друг,
И ночь наступила, и все было тихо, и я слушал, как
неторопливые волны катились одна за другою к земле,
Я слушал, как шуршали-шипели пески и вода, будто шептали,
меня поздравляя,
Потому что, кого я любил больше всех, тот лежал рядом со
мною, спал под одним одеялом со мною в эту прохладную
ночь,
И в тихих лунных осенних лучах его лицо было обращено
ко мне,
И рука его легко лежала у меня на груди,— и в эту ночь я был
счастлив.

Я ВИДЕЛ ДУБ В ЛУИЗИАНЕ

Я видел дуб в Луизиане,
Он стоял одиноко в поле, и с его ветвей свисали мхи,
Он вырос один, без товарищей, весело шелестя своей темной
листвой,
Несгибаемый, корявый, могучий, был он похож на меня,
Но странно мне было, что он мог в одиночестве, без единого
друга, шелестеть так весело листвой, ибо я на его месте
не мог бы,
И я отломил его ветку, и обмотал ее мхом,

И повесил ее на виду в моей комнате
Не затем, чтобы она напоминала мне о милых друзьях
(Я и без того в эти дни ни о ком другом не вспоминаю),
Но она останется для меня чудесным знамением
дружбы-любви,
И пусть себе дуб средь широкого поля, там, в Луизиане,
искрится, одинокий, под солнцем,
Весело шумя своей листвой всю жизнь без единого друга,—
Я знаю очень хорошо, что я не мог бы.

НЕЗНАКОМОМУ

Незнакомый прохожий! ты и не знаешь, как жадно я смотрю
на тебя,
Ты тот, кого я повсюду искал (это меня осеняет, как сон).
С тобою мы жили когда-то веселою жизнью,
Все припомнилось мне в эту минуту, когда мы проходили
мимо, возмужавшие, целомудренные, магнитные,
любящие,
Вместе со мною ты рос, вместе мы были мальчишками,
С тобою я ел, с тобою спал, и вот твое тело стало не только
твоим и мое не только моим.
Проходя, ты даришь мне усладу твоих глаз, твоего лица, твоего
тела и за это получаешь в обмен мою бороду, руки
и грудь,
Мне не сказать тебе ни единого слова, мне только думать
о тебе, когда я сижу, одинокий, или ночью, когда я,
одинокий, проснусь,
Мне только ждать, я уверен, что снова у меня будет встреча
с тобой,
Мне только думать о том, как бы не утратить тебя.

В ТОСКЕ И В РАЗДУМЬЕ

В тоске и в раздумье сижу, одинокий,
И в эту минуту мне чудится, что в других странах есть такие
же люди, объятые тоской и раздумьем,
Мне чудится, что сто́ит мне всмотреться, и я увижу их
в Германии, в Италии, в Испании, во Франции
Или далеко-далеко — в Китае, в России, в Японии, они говорят
на других языках,

Но мне чудится, что если б я мог познакомиться с ними, я бы полюбил их не меньше, чем своих земляков,
О, я знаю, мы были бы братьями, мы бы влюбились друг в друга,
Я знаю, с ними я был бы счастлив.

КОГДА Я ЧИТАЮ О ГОРДЕЛИВОЙ СЛАВЕ

Когда я читаю о горделивой славе, о победах могущественных генералов — я не завидую генералам,
Не завидую президенту, не завидую богачам во дворцах,
Но когда говорят мне о братстве возлюбленных — как они жили,
Как, презирая опасность и людскую вражду, вместе были всю жизнь, до конца,
Вместе в юности, в зрелом и старческом возрасте, неизменно друг к другу привязаны, верны друг другу,—
Тогда опускаю я голову и отхожу поспешно — зависть съедает меня.

МЫ — МАЛЬЧИШКИ

Мы — мальчишки, мы вдвоем,
Неразлучные, гуляем,
То на гору, то с горы, то на север, то на юг,
Мы локтями пробиваемся, мы сжимаем кулаки,
Мы радуемся нашей силе, и оружие при нас,
Где придется, мы напьемся, и влюбляемся, и спим,
А законов мы не знаем, каждый сам себе закон,
То воруем, то деремся, то под парусом плывем, дышим воздухом, пьем воду и танцуем на прибрежье,
И дрожат пред нами скряги, и рабы, и попы.

НЕТ НА МОЕМ СЧЕТУ

Нет на моем счету облегчающей труд машины,
Нет и других изобретений или открытий,
Не завещать мне даров на постройку больницы или библиотеки,

Меня не вспомянут за подвиг во славу Америки,
Не будут чтить ни за ум, ни за пыльные книги на полках,—
Лишь несколько солнечных песен я на земле оставлю
Всем товарищам, всем влюбленным.

ПРИСНИЛСЯ МНЕ ГОРОД

Приснился мне город, который нельзя одолеть, хотя бы
напали на него все страны вселенной,
Мне снилось, что это был город Друзей, какого еще никогда
не бывало,
И превыше всего в этом городе крепкая ценилась любовь,
И каждый час она сказывалась в каждом поступке жителей
этого города,
В каждом их слове и взгляде.

РАДИ ЧЕГО, ВЫ ДУМАЕТЕ, Я БЕРУСЬ ЗА ПЕРО?

Ради чего, вы думаете, я берусь за перо?
Прославить военный фрегат, величавый и стройный,
проплывающий передо мною на всех парусах?
Великолепие минувшего дня? Наступающей ночи?
Или чванливую гордость и блеск большого города? Нет!
Просто, чтоб рассказать, что я видел двух скромных людей,
В тесной толпе, у причала, они расставались:
Один, остававшийся, горячо целовал друга,
А тот, уезжавший, крепко его обнимал.

ЕСЛИ КОГО Я ЛЮБЛЮ

Если кого я люблю, я нередко бешусь от тревоги, что люблю
напрасной любовью,
Но теперь мне сдается, что не бывает напрасной любви, что
плата здесь верная, та или иная.
(Я страстно любил одного человека, который меня не любил,
И вот оттого я написал эти песни.)

ТЫ, ЗА КЕМ, БЕССЛОВЕСНЫЙ

Ты, за кем, бессловесный, я часто ходил повсюду,
чтобы побыть близ тебя,
Когда я шел с тобой рядом, или сидел невдалеке, или оставался с тобой в одной комнате,
Ты и не думал тогда, какой тонкий огонь электрический играет во мне из-за тебя.

СЕЙЧАС, ПОЛНЫЙ ЖИЗНИ

Сейчас, полный жизни, ощутимый и видимый,
Я, сорокалетний, на восемьдесят третьем году этих Штатов,
Человеку, через столетие — через любое число столетий от нашего времени
Тебе, еще не рожденному, шлю эти строки, они ищут тебя.
Когда ты прочитаешь их, я — раньше видимый — буду невидим,
Теперь это ты — ощутимый, видимый, понимающий мои стихи,— ищешь меня,
Ты мечтаешь, как радостно было бы, если бы я мог быть с тобой, стать твоим товарищем,
Пусть будет так, как если бы я был с тобой. (И не будь слишком уверен, что меня с тобой нет.)

SALUT AU MONDE!

1

О, возьми мою руку, Уолт Уитмен!
Какое мельканье чудес! Какие краски и звуки!
Какая цепь бесконечных звеньев, каждое связано с другим!
Каждое слито со всеми, каждое вместе со всеми владеет землей.

Какие просторы в тебе, Уолт Уитмен?
Какие волны и земли возникли?
Какие пояса, страны и люди?
Какие дети, одни играют, другие спят?
Кто эти девушки? Эти замужние женщины?
Кто эти старые люди, что медленно движутся, опираясь друг на друга?

Какие это реки? Какие леса и плоды?
Как называются эти высокие горы в дымчатой мгле?
Что за миллионы жилищ, наполненных людьми?

2

Во мне расширяется широта, удлиняется долгота;
Азия, Африка, Европа — на востоке, а на западе — Америка;
Выпуклость земного шара опоясал жаркий экватор,
Земная ось вращает Северный полюс и Южный;
Во мне — самый длинный день, солнце косо кружит, не скрываясь по целым месяцам,
Во мне — полуночное солнце, оно не опускается за горизонт,
Во мне — пояса, моря, водопады, заросли, вулканы, архипелаги,
Малайские, полинезийские и вест-индские острова.

3

Что слышишь ты, Уолт Уитмен?

Я слышу, как поет рабочий, как поет жена фермера,
Я слышу вдали голоса детей и крики животных рано утром,
Я слышу крик австралийцев в погоне за дикой лошадью,
Я слышу, как пляшут испанцы в тени каштанов под звуки кастаньет, трехструнной скрипки, гитары,
Я слышу непрерывный гул с Темзы.
Я слышу буйные французские песни свободы,
Я слышу певучий речитатив итальянского гондольера,
Я слышу шелестящий шум саранчи, она, словно град из тучи, бьет по хлебам и травам Сирии,
Я слышу, как грустный напев копта на закате припадает к темной груди кормильца Нила,
Я слышу гортанный щебет мексиканца-погонщика и бубенчики мула,
Я слышу призыв муэдзина-араба с высокого минарета,
Я слышу возглас священника у алтаря и отклик баса и сопрано,
Я слышу казачий окрик и голоса моряков, выходящих в Охотское море,
Я слышу стопы тяжело бредущих рабов, скованных по двое и по трое пожными и ручными цепями.
Я слышу, как еврей читает псалмы и молитвы,

Я слышу певучие мифы греков и суровые легенды римлян,
Я слышу рассказ о божественной жизни и мученической смерти прекрасного бога Христа,
Я слышу, как индус повествует своему ученику о любви, о битвах, изречениях, дошедших до наших дней от поэтов, писавших три тысячи лет назад.

4

Что видишь ты, Уолт Уитмен?
Кого приветствуешь ты и кто друг за другом приветствует тебя?

Я вижу чудесный шар, несущийся в пространстве,
Я вижу на нем крошечные фермы, деревушки, руины, кладбища, тюрьмы, фабрики, дворцы, лачуги, хижины дикарей, шатры кочевников,
Я вижу его затененную половину, где люди спят, и другую половину, освещенную солнцем,
Я вижу волшебную смену света и тени,
Я вижу дальние страны, такие же близкие, родные их жителям, как моя страна мне.

Я вижу обильные воды,
Я вижу высокие пики, вижу горные цепи Анд и Аллеган,
Я вижу ясно Гималаи, Тянь-Шань, Алтай, Гаты,
Я вижу гигантские вершины Эльбруса, Казбека, Базар-Дюзи,
Я вижу Альпы Штирии, Карнийские Альпы,
Я вижу Пиренеи, Балканы, Карпаты, Доврефьель и у моря вулкан Геклу,
Я вижу Везувий и Этну, и Лунные горы, и Красные горы Мадагаскара,
Я вижу пустыни Ливии, Аравии, Азии,
Я вижу грозные айсберги Арктики, Антарктики,
Я вижу океаны — Атлантический, Тихий,— воды Мексики, Бразилии, Перу,
Воды Индостана, Китайское море, Гвинейский залив,
Воды Японии, чудесную бухту Нагасаки, охваченную подковой гор,
Балтику, Ботнический залив, Каспий, берега Британии, Бискайский залив,
Солнечное Средиземное море со всеми его островами,
Белое море и море вокруг Гренландии.

Я вижу моряков всего мира,
Вижу, как борются они с бурями, как стоят ночью на вахте,
Как безнадежно дрейфуют, как тяжко болеют.

Я вижу парусники и пароходы всего мира, в портах и в плавании,
Вижу, как огибают суда мыс Бурь, Зеленый мыс, мыс
Гвардафуй, Бон и Богадор,
Как плывут суда у мыса Дондра, и у мыса Лопатка, и в
Зондском, и в Беринговом проливе,
И у мыса Горн, и в Мексиканском заливе, и у Кубы, у Гаити,
и в Гудзоновом и Баффиновом заливе,
Как проходят суда пролив у Дувра, входят в залив Уош,
Солуэй-Ферт, огибают мыс Клир, Лэндс-Энд,
Как входят суда в залив Зёйдер-Зе, Шельды,
Как суда посещают и покидают Гибралтар, Дарданеллы,
Как пробивают суда дорогу в северных льдах,
Как плывут суда вниз и вверх по Оби, Лене,
По Нигеру, Конго, по Инду, Брамапутре и Меконгу,
Как стоят черные, быстроходные суда в портах Австралии,
Стоят в портах Ливерпуля, Глазго, Дублина, Марселя,
Лиссабона, Неаполя, Гамбурга, Бремена, Бордо, Гааги,
Копенгагена,
Как ожидают отплытия в Вальпарансо, Рио-де-Жанейро,
в Панаме.
Как стоят суда у причалов в Бостоне, Филадельфии,
Балтиморе, Чарлстоне, Новом Орлеане, Галвестоне,
Сан-Франциско.

5

Я вижу железные дороги всей земли,
Я вижу железные дороги Великобритании, Европы,
Я вижу их в Азии, Африке.

Я вижу телеграфные линии всей земли,
Я вижу нити известий о войнах, смертях, потерях, удачах,
страстях всего человечества.

Я вижу течение рек всей земли,
Я вижу Амазонку и Парагвай,
Я вижу четыре великих реки Китая — Амур, Желтую реку,
Янцзы и Жемчужную,
Я вижу, как текут Сена, Дунай, Луара, Рона и Гвадалквивир,
Я вижу извивы Волги, Днепра, Одера,
Я вижу тосканцев на Арно и венецианцев у реки По,
Я вижу, как греческие моряки отплывают из залива Эгины.

6

Я вижу просторы древней Ассирии, Персии, Индии,
Я вижу, как Ганг перекатывается через высокую гряду
Саукары.

Я вижу места, где божество воплощалось в человека,
Где сменяли друг друга священники, оракулы, жрецы, брамины,
сабеи, ламы, монахи, муфтии, проповедники,
Вижу, как друиды шли по рощам Моны, вижу омелу
и вербену,
Вижу храмы, где покоятся мертвые боги, вижу древних
прорицателей.

Я вижу Христа, преломляющего хлеб на тайной вечере
в окружении юношей и старцев,
Вижу молодого божественного силача Геркулеса — он
самоотверженно, долго работает и затем умирает,
Вижу безгрешную привольную жизнь и несчастную судьбу
прекрасного сына ночи, пышнотелого Вакха,
Вижу Нефа, цветущего, всего в голубом, в венке из перьев,
Вижу Гермеса, всегда нежданного,— он умирает, любимый
всеми, и говорит народу: *«Не надо меня оплакивать,*
Это не моя страна, из моей истинной страны я был изгнан,
сейчас я туда возвращаюсь,
Возвращаюсь в небесные сферы, куда каждый уйдет в свое
время».

7

Я вижу поля сражений на всей земле — на них буйно растет
трава, и цветы, и пшеница,
Я вижу следы походов — недавних и древних.
Я вижу безыменные руины — почтенные памятники неведомых
событий, героев — летопись земли.

Я вижу края, воспетые в сагах,
Вижу сосны и ели, терзаемые северным ветром,
Вижу гранитные валуны и утесы, вижу зеленые луга и озера,
Вижу каменные могилы скандинавских воинов,
Вижу, как они высятся по берегам немолчного океана,
чтобы души мертвых, когда им надоедает пребывать в покое
могил, выходили из них любоваться кипением волн,
слушать штормы, ощущать бесконечность, свободу, деянье.

Я вижу азиатские степи,
Вижу могильники Монголии, вижу юрты калмыков и башкиров,
Вижу племена кочевников с их стадами,
Вижу плоскогорья, прорезанные лощинами, вижу джунгли
и пустыни,
Вижу верблюдов, диких коней, стаи дроф, отары курдючных
овец, стада антилоп, вижу степного волка.

Я вижу горы Абиссинии,
Вижу, как там щиплют траву козы, растет инжир, тамаринд
и финиковая пальма,
Вижу посевы теффа, отливающие золотым и зеленым.

Я вижу бразильских вакейро,
Вижу, как боливиец поднимается на гору Сората,
Вижу, как гаучо, несравненный наездник, скачет по равнине
с лассо на руке,
Вижу, как гонятся по пампасам за диким скотом, добывая
шкуры.

8

Я вижу снега и льды,
Вижу остроглазых самоедов и финнов,
Вижу охотника на тюленей — он в лодке, он уже кинул гарпун,
Вижу, как житель Сибири едет на легких нартах, с собачьей
упряжкой,
Вижу добытчиков нерпы, китобоев на крайнем юге Тихого
океана и в Северной Атлантике,
Вижу скалы, ледники, стремительные потоки и долины
Швейцарии,— зима там долга, нелегко от селенья к селенью
добраться.

9

Я вижу города земли, я живу в них, какой бы то город ни был:
Я — истинный парижанин,
Я житель Вены и Петербурга, Берлина и Константинополя,
Я поселяюсь в Аделаиде, Сиднее, Мельбурне,
Я в Лондоне, Манчестере, Бристоле, Эдинбурге, Лимерике,
Я в Мадриде, Кадиксе, Барселоне, Опорто, Лионе, Брюсселе,
Берне, Франкфурте, Штутгарте, Турине, Флоренции,
Я на улицах Москвы, Кракова, Варшавы — или еще на север,—
в Христиании, или Стокгольме, или в сибирском Иркутске,
или где-то в Исландии,
Я опускаюсь на все эти города и вновь поднимаюсь.

10

Я вижу туман над неведомыми странами,
Вижу дикарей, вижу луки и стрелы, отравленные наконечники и фетиши.
Я вижу города Африки и Азии,
Вижу Алжир, Триполи, Дерну, Могадор, Тимбукту, Монровию,
Вижу толпы Пекина, Кантона, Бенареса, Дели, Калькутты, Токио,
Вижу негра Либерии в хижине, и дагомейца и ашантийца в хижине,
Вижу турка — он курит опий в Алеппо,—
Вижу красочные толпы на базарах Хивы и Герата,
Вижу Тегеран, вижу Маскат и Медину и в зыбучих песках с трудом пробирающиеся караваны,
Вижу Египет и египтян, пирамиды и обелиски,
Я вглядываюсь в надписи, высеченные на плитах песчаника или гранита, рассказывающие о царях-победителях, о древних династиях,
Я вижу Мемфис и его саркофаги — в них мумии, туго обвернутые в льняную ткань, лежат много столетий,
Я гляжу на убитого в сраженье фиванца — у него большие выпуклые глаза, скошена шея, руки скрещены на груди.

Я смотрю на всех подневольных, на слуг за работой,
Я смотрю на всех, кто томится в тюрьмах,
Смотрю на калек, какие ни есть на земле,
На слепых, глухонемых, на кретинов, горбунов и помешанных,
На пиратов, воров, предателей, убийц и работорговцев — какие ни есть на земле,—
На беспомощных детей, на беспомощных стариков и старух.
Я вижу мужчин и женщин повсюду,
Я вижу светлое братство мыслителей,
Я вижу творческий дух человечества,
Вижу плоды упорства и трудолюбия рода людского,
Я вижу все звания, все цвета кожи, варварство и цивилизацию — я иду к ним, никого не чуждаясь,
Я приветствую всех, кто живет на земле.

11

Кто бы ты ни был!
Ты, англичанка или англичанин!
Ты, сын могучих славянских племен и царств! Ты, русский в России!

Ты, пришедший из темных глубин, чернокожий, с божественной душой африканец — рослый, благородных пропорций, с чудесно изваянной головой — у тебя высокое назначение, такое же высокое, как у меня!
Ты, норвежец! Швед! Датчанин! Исландец! Ты, житель Пруссии!
Ты, испанец в Испании! Ты, португалец!
Ты, француженка или француз во Франции!
Ты, бельгиец! Ты, влюбленный в свободу сын Нидерландов (от твоего корня пошел и мой собственный род),
Ты, стойкий австриец! Ты, ломбардец! Мадьяр! Богемец! Крестьянин из Штирии!
Вы, кто живет по Дунаю!
Ты, рабочий с Рейна, Эльбы, Везера! И ты, работница!
Ты, сардинец! Баварец! Швааб! Саксонец! Румын! Болгарин!
Ты, житель Рима! Неаполя! Греции!
Ты, стройный и гибкий матадор на арене в Севилье!
Ты, не ведающий законов горец Тавра или Кавказа!
Ты, бухарец, стерегущий в полях табуны кобылиц и жеребцов!
Ты, изящный перс, на всем скаку с седла посылающий стрелы в цель!
Ты, китаец или китаянка в Китае! Ты, татарин в Татарии!
Вы, женщины всей земли, делающие свое дело!
Ты, еврей, на старости лет пустившийся в опасное странствие, чтобы хоть раз взглянуть на Сирийскую землю!
Вы, евреи всех стран, ждущие своего мессию!
Ты, задумчивый армянин, размышляющий где-нибудь на Евфрате! Мечтательно разглядывавший развалины Ниневии! Поднимающийся на Арарат!
Ты, усталый паломник, с радостью завидевший вдали сиянье минаретов Мекки!
Вы, шейхи, правящие своими семьями и племенами от Суэца до Баб-эль-Мандеба!
Ты, садовник, лелеющий свои оливы в садах Назарета, Дамаска, Тиверии!
Ты, тибетский купец, торгующий в диких горах или в лавках Лхасы!
Вы, японцы, мужчины и женщины! Ты, житель Мадагаскара, Цейлона, Суматры, Борнео!
Вы, жители Азии, Африки, Европы, Австралии, всех континентов!
Вы, кто живет на бесчисленных островах и архипелагах!
Вы, люди грядущих столетий, которые услышат меня!

И вы, кто б вы ни были и где бы ни жили, кого я не назвал!
Привет вам! Привет и любовь от меня и Америки!

Каждый из нас неминуем,
Каждый из нас безграничен — каждый из нас обладает правом на эту землю,
Каждый из нас несет в себе вечные цели земли,
Каждый из нас в равной мере божественен.

12

Ты, готтентот, с твоим щелкающим языком! Вы, толпы людей с круто вьющимися волосами,
Вы, рабы, истекающие потом и кровью!
Вы, африканцы с непроницаемо темными, резкими лицами!
Вы, бедные кобу, па которых все смотрят с высокомерием, хотя у вас есть и язык и душа!
Вы, низкорослые камчадалы, гренландцы, лапландцы!
Ты, австралиец, голый, с грязновато-красной кожей, с выпяченными губами, униженный, вечно в поисках пропитанья!
Ты, кафр, бербер, суданец!
Ты, изможденный пустыней, невежественный бедуин!
Вы, зачумленные толпы Мадраса, Пекина, Кабула, Каира!
Ты, темный пасельник Амазонки! Ты, патагонец! Ты, житель Фиджи!
Я не ставлю и вас слишком низко по сравнению с другими,
Я не скажу против вас ни слова, как бы вы ни отстали
(В свое время вы двинетесь вперед и встанете рядом со мною).

13

Моя душа, полная сострадания и решимости, пронеслась над всею землей;
Я всюду искал равных себе, дорогих друзей, и нашел их — они ждут меня всюду,
Я уверен: что-то божественное делает их равными мне.
Я поднимался вместе с вами, туманы, плыл к далеким континентам и опускался там вместе с вами,
Я дул вместе с вами, ветры,
Я припадал к каждому берегу вместе с вами, воды,
Я протекал вместе с вами, потоки и реки земли,

Я замедлял свой полет на полуостровах и высоких скалах, чтоб крикнуть оттуда:

«Salut au Monde!»
Во все города, куда проникает свет и тепло, проникаю и я,
Ко всем островам, куда птицы стремят свой полет, стремлю свой полет и я.

Всем, всем от имени Америки
Я протягиваю высоко поднятую руку, подаю знак,
Чтобы он был виден вечно повсюду,
Из всех городов и селений, из всех жилищ человека.

ПЕСНЯ БОЛЬШОЙ ДОРОГИ

1

Пешком, с легким сердцем, выхожу на большую дорогу,
Я здоров и свободен, весь мир предо мною,
Эта длинная бурая тропа ведет меня, куда я хочу.

Отныне я не требую счастья, я сам свое счастье,
Отныне я больше не хнычу, ничего не оставляю на завтра
и ни в чем не знаю нужды,
Болезни, попреки, придирки и книги оставлены дома,
Сильный и радостный, я шагаю по большой дороге вперед.

Земля,— разве этого мало?
Мне не нужно, чтобы звезды спустились хоть чуточку ниже,
Я знаю, им и там хорошо, где сейчас,
Я знаю, их довольно для тех, кто и сам из звездных миров...

2

Ты, дорога, иду по тебе и гляжу, но мне думается,
я вижу не все,
Мне думается, в тебе много такого, чего не увидишь глазами.

Здесь глубокий урок: все принять, никого не отвергнуть, никому не отдать предпочтенья,
Курчавый негр, невежда, преступник, больной — всякому открыта она;

Роды, кто-то бежит за врачом, нищий ковыляет, шатается
пьяный, рабочие шагают гурьбой и смеются,
Подросток, удравший из дому, экипаж богача, расфуфыренный
франт, жених, увозящий невесту тайком от родни,
Торгаш, что спешит спозаранку на рынок, погребальные дроги,
мебель, что перевозится в город, а другая — из города,
Они проходят, и я прохожу, и все проходит, и никто никому
не помеха,
Я никого не отвергну, все будут до́роги мне.

3

Ты, воздух, без тебя мне ни говорить, ни дышать!
Вы, предметы, творцы моих мыслей, дающие им отчетливый
облик!
Ты, свет, что окутал меня и все вещи нежным и ровным дождем!
Вы, торные кривые тропинки, бегущие рядом с дорогой!
Я верю, в вас таится незримая жизнь, ибо вы так дороги мне.

Вы, тротуары, мощенные плитами! вы, крепкие каменные
обочины улиц!
Вы, пароходики! вы, доски и столбы пристаней! вы, суда
в строительных лесах! вы, корабли на рейде!
Вы, вереницы домов! вы, фасады, пронзенные окнами! вы,
крыши!
Вы, крылечки и парадные подъезды! вы, железные решетки перед
домами!
Вы, окна, чья прозрачная скорлупа может так много открыть
нашим взорам!
Вы, двери и ступеньки, ведущие к ним! вы, своды и арки домов!
Ты, серый булыжник нескончаемых мостовых! вы, перекрестки,
исшаркапные ногами прохожих!
Много прикосновений вы впитали в себя и втайне передаете их
мне,
Вы населены и живыми и мертвыми, их образы встают предо
мной, как друзья.

4

Земля простирается по правую руку и по левую руку,
Яркая картина встает предо мною, в ней каждая подробность —
совершенство,

Музыка начинает звучать, когда нужно, а когда не нужно, умолкает,
Ликующий голос дороги, радостное, свежее чувство дороги.

Говоришь ли ты мне, о дорога: *«Не уходи от меня»?*
Говоришь ли ты мне: *«Не дерзай уходить — если уйдешь, ты пропал»?*
Говоришь ли ты мне: *«Не расставайся со мною, ведь я так гладко утоптана и по мне так удобно шагать»?*

«О большая дорога! — говорю я в ответ.— Я не прочь расстаться с тобою, но я тебя очень люблю,
Ты выражаешь меня лучше, чем я сам выражаю себя,
Ты больше для меня, чем та песня, которая создана мной».
Я думаю, геройские подвиги все рождались на вольном ветру и все вольные песни — на воздухе,
Я думаю, я мог бы сейчас встать и творить чудеса,
Я думаю: что́ я ни встречу сейчас на дороге, то сразу полюбится мне,
И кто увидит меня, тот полюбит меня,
И кого я ни увижу сейчас, тот должен быть счастлив.

5

Отныне я провозглашаю себя свободным от мнимых преград и уз,
Иду, куда вздумаю,— сам себе полный хозяин, наделенный неограниченной властью,
Прислушиваясь к тому, что мне скажут другие, внимательно вникая в их речи,
Размышляя, изучая, обдумывая снова и снова,
Мягко и учтиво, но с непреклонной решимостью освобождаю себя от тех пут, которые могли бы меня удержать.

Большими глотками и я глотаю пространство,
Запад и восток — мои, север и юг — мои.

Я больше, чем я думал, я лучше, чем я думал,
Я и не знал, до чего я хорош.

Всюду видится мне красота.
Вновь я могу повторить и мужчинам и женщинам: вы сделали мне столько добра, и я хочу отплатить вам добром,
Все, что я добуду в пути, я добуду для себя и для вас,

Я развею себя между всеми, кого повстречаю в пути,
Я брошу им новую радость и новую грубую мощь,
И кто отвергнет меня — не опечалит меня,
А кто примет меня — будет блажен и дарует блаженство и мне.

6

Если бы тысяча великолепных мужчин предстали сейчас передо
мною, это не удивило бы меня.
Если бы тысяча красивейших женщин явились сейчас
передо мною, это не изумило бы меня.

Теперь я постиг, как создать самых лучших людей:
Пусть вырастают на вольном ветру, спят под открытым небом,
впитывают и солнце и дождь, как земля.

Здесь раздолье для геройского подвига
(Для подвига, что покоряет сердца всех на свете людей;
Столько в нем воли и силы, что он сводит насмарку законы
и глумится над всеми властями,
И все возражения смолкают перед ним).
Здесь испытание мудрости;
Не в школах окончательно испытывать мудрость:
Те, у кого она есть, не могут передать ее тем, у кого ее нет.
Вся мудрость — в душе, ее нельзя доказать, она сама обнаружит
себя,
И мудрость в каждом предмете, явлении, качестве, и больше
ничего ей не надо,
В ней свидетельство реальности и бессмертия мира, а также его
совершенства;
Есть нечто такое в этом потоке вещей и явлений, что манит ее
из души.

Здесь я проверю сейчас все религии и философии,
Может быть, они хороши в аудиториях, но никуда
не годятся под широкими тучами, среди природы,
у бегущих ручьев.
Здесь цену себе узнают — и себе и другому,
Здесь проверяется каждый, здесь каждый осознает, что в нем
есть.
Прошедшее, грядущее, величье, любовь — если существуют они
без тебя, значит, ты существуешь без них.

Питательно только зерно;
Где же тот, кто станет сдирать шелуху для тебя и меня?

Кто справится с лукавством жизни — для тебя, для меня, кто снимет для нас оболочку вещей?

Здесь люди влекутся друг к другу не по заранее составленным планам, а внезапно, по прихоти сердца,
Знаешь ли ты, что это значит — когда ты идешь по дороге и вдруг в тебя влюбляются чужие,
Знаешь ли ты речь этих глаз, что обращены на тебя?

7

Здесь излияние души,
Она прорывается сквозь тенистые шлюзы, вечно пробуждая вопросы:
Откуда эти томления? Откуда непонятные мысли?
Почему многие мужчины и женщины, приближаясь ко мне, зажигают в крови моей солнце?
Почему, когда они покидают меня, флаги моей радости никнут?
Почему, когда я прохожу под иными деревьями, меня осеняют широкие и певучие мысли?
(Я думаю, и лето и зиму они висят на ветвях и роняют плоды всякий раз, когда я прохожу.)
Чем это я так внезапно обмениваюсь с иными прохожими?
И с каким-нибудь кучером омнибуса, когда я сижу с ним на козлах?
И с каким-нибудь рыбаком, что выбирает сети, когда я прохожу по побережью?
Откуда это доброе чувство, которое так щедро дарят мне мужчины и женщины?
Откуда у меня такое же чувство к ним?

8

Излияние души — это счастье, вот оно, счастье!
Я думаю, здесь в воздухе разлито счастье и поджидает каждого во все времена,
А теперь оно льется в нас, и мы полны им до краев.

Здесь-то и возникает в нас нечто влекущее,
Свежесть и душевная прелесть мужчины и женщины
(Утренняя трава, что лишь сегодня явилась на свет, не так свежа и прелестна).

И старый и молодой истекают любовью к тому, кто исполнен
таким обаянием,
От него такие чары исходят, перед которыми и красота,
и душевные силы — ничто,
С ним жаждут сближения до боли, до томительной дрожи.

9

Allons! кто бы ты ни был, выходи, и пойдем вдвоем!
Со мной никогда не устанешь в пути.

Земля не утомит никогда,
Сначала неприветлива, молчалива, непонятна земля,
неприветлива и непонятна Природа,
Но иди, не унывая, вперед, дивные скрыты там вещи,
Клянусь, не сказать никакими словами, какая красота в этих
дивных вещах.

Allons! ни минуты не медля,
Пусть лавки набиты отличным товаром, пусть жилье так уютно,
мы не можем остаться,
Пусть гавань защищает от бурь, пусть воды спокойны, мы
не вправе бросить здесь якорь,
Пусть окружают нас горячим радушием, нам дозволено предаться
ему лишь на самый короткий срок.

10

Allons! соблазны будут еще соблазнительнее,
Мы помчимся на всех парусах по неведомым бурным морям,
Туда, где ветры бушуют вовсю, где сшибаются воды, где клипер
несется вперед, широко распустив паруса.

Allons! с нами сила, свобода, земля и стихии,
С нами здоровье, задор, любопытство, гордость, восторг;
Allons! освободимся от всяких доктрин!
От ваших доктрин, о бездушные попы с глазами летучих мышей.

Зловонный труп преграждает дорогу — сейчас же закопаем его!

Allons! но предупреждаю тебя:
Тому, кто пойдет со мною, нужны самые лучшие
мышцы и самая лучшая кровь,

Тот не смеет явиться на искус ко мне, кто не принесет с собою
здоровья и мужества,
Не приходите ко мне, кто уже растратил свое лучшее,—
Только те пусть приходят ко мне, чьи тела сильны и бесстрашны;
Сифилитиков, пьяниц, безнадежно больных мне не надо.

(Я и подобные мне убеждаем не метафорами, не стихами,
не доводами,
Мы убеждаем тем, что существуем.)

11

Слушай! я не хочу тебе лгать,
Я не обещаю тебе старых приятных наград, я обещаю тебе
новые, грубые,—
Вот каковы будут дни, что ожидают тебя:
Ты не будешь собирать и громоздить то, что называют
богатством,
Все, что наживешь или создашь, ты будешь разбрасывать
щедрой рукой,
Войдя в город, не задержишься в нем дольше, чем нужно,
и, верный повелительному зову, уйдешь оттуда прочь,
Те, кто останутся, будут глумиться над тобой и язвить тебя
злыми насмешками,
На призывы любви ты ответишь лишь страстным прощальным
поцелуем
И оттолкнешь те руки, что попытаются тебя удержать.

12

Allons! за великими Спутниками! о, идти с ними рядом!
Они тоже в дороге — стремительные, горделивые мужчины
и самые чудесные женщины,
В море они радуются и штилю и шторму,
Они проплыли по многим морям, исходили многие земли,
Побывали во многих далеких краях, посетили немало жилищ,
Они внушают доверие каждому, они пытливо изучают города,
они одинокие труженики,
Они встанут порой на дороге и вглядываются в деревья, в цветы
или в ракушки на взморье,
Они танцуют на свадьбах, целуют невест, лелеют и холят детей,
рожают детей,

Солдаты революционных восстаний, они стоят у раскрытых
могил, они опускают в них гробы,
Они идут по дороге, и с ними их спутники, их минувшие годы,
С ними бредет их детство,
Им весело шагать со своей собственной юностью, со своей
бородатой зрелостью,
С женственностью в полном цвету, непревзойденной, счастливой,
Со своей собственною величавою старостью;
Их старость спокойна, безбрежна, расширена гордою ширью
вселенной,
Их старость свободно струится к близкому и сладостному
освобождению — к смерти.

13

Allons! к тому, что безначально, бесконечно.
Много трудностей у нас впереди, дневные переходы, ночевки,
Все ради цели, к которой идем, ради нее наши ночи и дни,
Чтобы пуститься в другой, более знаменательный, торжественный
путь,
Чтобы не видеть ничего на этом пути, кроме цели, чтобы дойти
до нее и шагнуть еще дальше вперед,
Чтобы не считаться с расстоянием и временем, только бы дойти
до нее и шагнуть еще дальше вперед,
Чтобы не видеть иного пути, кроме того, что простерт перед
тобою и ожидает тебя,
Чтобы идти к той же цели, куда идут все творения, бог ли их
создал или нет,
Чтобы убедиться, что не существует сокровищ, которыми ты не
мог бы владеть без труда и без денег, обделенный
на жизненном пиру и все же участвуя в пире,
Чтобы взять самое лучшее, что только могут дать тебе ферма
фермера или дом богача,
И целомудренное счастье дружной супружеской пары, и плоды
и цветы садов,
Чтобы обогатить свою душу всеми щедротами города,
по которому тебе случится пройти,
Чтобы унести из него здания и улицы и нести их повсюду, куда
ни пойдешь,
Чтобы собрать воедино при встречах с людьми все их мысли
и всю их любовь,
Чтобы увести с собою тех, кто полюбится вам, а все прочее
оставить позади,

Чтобы понять, что весь мир есть дорога, очень много дорог для блуждающих душ.
Все уступает дорогу душам, идущим вперед,
Все религии, устои, искусства, правительства — все, что было на этой планете или на любой из планет, разбегается по углам и укромным местам перед шествием душ по великим дорогам вселенной.
Всякое другое движение вперед есть только прообраз и символ этого шествия человеческих душ по великим дорогам вселенной.

Вечно живые, вечно рвущиеся вперед, гордые, удрученные, грустные, потерпевшие крах, безумные, пылкие, слабые, недовольные жизнью,
Отчаянные, любящие, больные, признанные другими людьми или отвергнутые другими людьми,—
Они идут! они идут! я знаю, они идут, но я не знаю куда,
Но я знаю, что идут они к лучшему — к чему-то великому.

Выходи же, кто бы ты ни был! выходи, мужчина или женщина!
Ты не должен прохлаждаться и нежиться в доме, хотя бы ты построил его сам.

Прочь из темноты закоулка! из укромных углов!
Никаких возражений! они не помогут тебе: я знаю все и выведу тебя на чистую воду.

Я вижу тебя насквозь, ты не лучше других,
Ты не заслонишься от меня ни смехом, ни танцами, ни обедом, ни ужином, ни другими людьми,
Я вижу сквозь одежду и все украшения, сквозь эти мытые холеные лица,
Вижу молчаливое, скрытое отвращение и ужас.

Вашего признания не услышать ни жене, ни другу, ни мужу —
Об этом страшном вашем двойнике, который прячется, угрюмый и мрачный,
Бессловесный и безликий на улицах, кроткий и учтивый в гостиных,
В вагонах, на пароходах, в публичных местах,
В гостях у мужчин и женщин, за столом, в спальне, повсюду,
Шикарно одетый, смеющийся, бравый, а в сердце у него смерть, а в черепе ад;

В костюме из тонкой материи, в перчатках, в лентах,
с поддельными розами,
Верный обычаям, он ни слова не говорит о себе,
Говорит обо всем, но никогда — о себе.

14

Allons! сквозь восстанья и войны!
То, к чему мы идем, не может быть отменено ничьим приказом.
Привела ли к победе былая борьба?
И кто победил? ты? твой народ? Природа?
Но пойми меня до конца: такова уж суть вещей, чтобы плодом каждой победы всегда становилось такое, что вызовет новую схватку.

Мой призыв есть призыв к боям, я готовлю пламенный бунт.
Тот, кто идет со мной, будь вооружен до зубов.
Тот, кто идет со мной, знай наперед: тебя ждут голод, нужда, злые враги и предатели.

15

Allons! дорога перед нами!
Она безопасна — я прошел ее сам, мои ноги испытали ее — так смотри же не медли,
Пусть бумага останется на столе неисписанная и на полке нераскрытая книга!
Пусть останется школа пустой! не слушай призывов учителя!
Пусть в церкви проповедует поп! пусть ораторствует адвокат на суде и судья выносит приговоры!

Камерадо, я даю тебе руку!
Я даю тебе мою любовь, она драгоценнее золота,
Я даю тебе себя самого раньше всяких наставлений и заповедей;
Ну, а ты отдаешь ли мне себя? Пойдешь ли вместе со мною в дорогу?
Будем ли мы с тобой неразлучные до последнего дня нашей жизни?

НА БРУКЛИНСКОМ ПЕРЕВОЗЕ

1

Река, бурлящая подо мной! Тебе смотрю я в лицо!
Вы, тучи на западе, ты, солнце почти на закате, вам
также смотрю я в лицо.

Толпы мужчин и женщин, в будничных платьях, как все вы мне
интересны!
И тут, на пароме, сотни и сотни людей, спешащих домой, вы все
для меня интересней, чем это кажется вам,
Вы все, кто от берега к берегу будете год за годом переезжать
на пароме, вы чаще в моих размышленьях, чем вам
могло бы казаться.

2

Неощутимую сущность мою я вижу всегда и во всем.
Простой, компактный, слаженный строй,— пускай я распался
на атомы, пусть каждый из нас распался,— мы все —
частицы этого строя.
Так было в прошлом, так будет и в будущем,
Всечасные радости жизни — как бусинки в ожерелье —
при каждом взгляде, при каждом услышанном звуке, везде,
на прогулке по улицам, при переезде реки,
Теченье, так быстро бегущее, спешащее вместе со мною туда,
далеко,
И следом за мною — другие, и связь между ними и мной,
Реальность этих других, их жизнь и любовь, и слух, и зренье.

Другие взойдут на паром, чтоб с берега ехать на берег,
Другие будут смотреть, наблюдая теченье,
Другие увидят суда на севере и на западе от Манхаттена,
и Бруклинские холмы на юге и на востоке,
Другие увидят большие и малые острова,
Полвека пройдет, и на переправе их снова увидят другие,
и снова солнце увидят, почти перед самым закатом,
И сто лет пройдет, и много еще столетий, и все это снова увидят
другие,
И будут радоваться закату, и спаду прилива, и обпажившему
берег отливу.

3

Ничто не помеха — ни время, ни место, и не помеха — пространство!
Я с вами, мужчины и женщины нашего поколения и множества поколений грядущих,
И то, что чувствуете вы при виде реки или неба — поверьте, это же чувствовал я,
И я был участником жизни, частицей живой толпы, такой же, как всякий из вас,
Как вас освежает дыханье реки, ее широкий разлив — они и меня освежали,
Как вы стоите над ней, опершись о перила, несомые быстрым теченьем, так сам я стоял, упосимый,
Как видите вы, так видел и я неисчислимые мачты, широкоствольные трубы больших пароходов я видел.

Я сотни раз пересекал эту реку и видел солнечный диск почти перед самым закатом,
Я видел декабрьских чаек, я видел, как на недвижных крыльях они парят над водой, слегка покачиваясь в полете,
Я видел, как желтый луч зажигает их оперенье, но часть его остается в глубокой тени,
Я видел медлительные круги, друг за дружкой бегущие борозды от кораблей, направлявшихся к югу,
Я знаю, как небо, по-летнему синее, отражается в тихой воде,
Я знаю, как ослепляет сверкающий солнечный след,
Как выглядит ореол из лучей, подобных тончайшим центростремительным спицам, вкруг тени, упавшей от моей головы на воду, искрящуюся под солнцем,
Я любовался прозрачной дымкой, окутывающей холмы на юге и юго-западе,
Смотрел на дымы, косматые, словно овечье руно, и чуть отливавшие фиолетовым,
Смотрел на внешнюю гавань и на входящие в порт корабли,
Следил, как приближались они, и на них были те, кто мне близки,
Я видел белые паруса плывущих шлюпок и шхун и видел суда на якоре,
Матросов, крепящих снасти, карабкающихся на мачты,
И круглые мачты, и зыбкие палубы, и змейками вьющиеся вымпела,
Большие и малые пароходы, и лоцманов в лоцманских будках,
И белый след за кильватером, и колеса, дрожащие в быстром вращенье,

Я флаги всех наций видал, я видел, как опускают их на закате,
Как черпают землю со дна машины, и волны бегут кружевами,
крутя и дробя свои белые гребешки,
Пространства, бледнеющие вдали, и в доках гранитные серые
стены портовых складов,
И ввечеру, на светлой воде — темнеющие буксиры, прижавшиеся
к бортам широких, медлительных барж, и лодки, груженные
сеном, и кое-где — запоздалые лихтеры,
И там, во тьме, на другом берегу — разверстые зевы плавильных
печей, пылающих ярко, слепящих глаза, бросающих свет
на кровли домов и в провалы улиц из черноты, где бешено
пляшет их красный и желтый огонь.

4

И это, и все, и везде казалось мне точно таким же, каким оно
кажется вам,
Я очень любил города, я любил величавую, быструю реку,
Все женщины, все мужчины, которых я узнавал, были мне близки,
И так же другие — все те, кто меня вспоминают в прошедшем,
потому что я видел их в будущем
(Это время придет, хоть я еще здесь — и днем и ночью
я здесь).

5

Так что же тогда между мной и вами?
Что сто́ит разница в десять лет или даже в столетья?

И что б это ни было, в этом ли дело, когда ни пространство,
ни время не могут нас разделить;
И я жил на свете, я Бруклин любил — обильный холмами, был
он моим,
И я бродил по Манхаттену, и я в омывающих остров соленых
во́дах купался,
Меня, как вас, волновали внезапно рождающиеся вопросы,
Днем, среди шумной толпы, они набегали вдруг на меня,
И почью, когда приходил я домой, когда лежал я в постели,
они являлись ко мне,
И я возник из водной стихии, из которой возникла вся жизнь,
И, обретя свое тело, обрел я и личность свою,
И то, что я существую, познал через тело свое, и то, чем я мог бы
стать, через тело свое я познал бы.

6

Не только на вас падают темные тени,
И на меня извечная тьма бросала тени свои,
Мне лучшее, что сотворил я, казалось пустым, сомнительным,
Но разве и вправду не были мелки те мысли, что мне
представлялись великими?
Не вам одним известно, что значит зло,
Я тоже знаю, что значит зло,
Я тоже завязывал старый узел противоречий,
Я болтал и смущался, лгал, возмущался, крал и завидовал,
Я был похотлив, коварен и вспыльчив,— мне стыдно сказать,
какие таил я желанья,
Я был капризен, тщеславен, жаден, я был пустозвон, лицемер,
зложелатель и трус,
И волк, и свинья, и змея — от них и во мне было многое,
Обманчивый взгляд, скабрезная речь, прелюбодейные мысли —
всем этим грешил и я сам,
Упрямство, ненависть, лень, надменность и даже подлость —
во всем этом был я повинен.
Я был такой же, как все, и жил я так же, как все.
Но шел ли я мимо иль приближался — меня называли по имени
звонкие, громкие, юные голоса,
Когда я стоял, я чувствовал на шее их руки, когда я сидел, меня
небрежно касалось их тело,
Я видел многих, кого любил, на улице, на пароме,
в общественных залах — но я никогда не говорил им ни
слова,
Я жил одною жизнью со всеми, я так же смеялся, терзался
и спал,
Играл свою роль, как пристало актеру или актрисе,
Все ту же старую роль, которая — как сумеешь — будет великой,
Иль малой, если не сдюжишь, или великой и малою вместе.

7

И вот я к вам приближаюсь,
Как думаете вы теперь обе мне, так думал я прежде о вас — я
готовился к вашему приходу.
Я долго, серьезно думал о вас прежде, чем вы родились.

Кто мог предвидеть, что так оно будет?
Кто знает, как я этому рад?

Кто знает — а что, если я, несмотря на все разделившее нас расстояние, в эти минуты смотрю на вас, хоть вам-то меня не дано увидеть.

8

Ах, что может быть величавей, что может быть для меня прекрасней, чем этот Манхаттен, вздыбленный мачтами?
Моя река, и закат, и кружевные шалящие волны прилива?
И чайки, покачивающие корпус, и в сумерках лодки, груженные сеном, и кое-где запоздалые лихтеры?

Какие боги прекраснее тех, кто пожимает мне руку, чьи голоса, любимые мной, зовут меня быстро и громко по имени, когда я приближаюсь?
Что может быть крепче бесплотных уз, надежно меня связавших и с женщиной и с мужчиной, которые смотрят мне в лицо?
Что с вами сплавляет меня теперь и в вас перельет мои мысли?

Не правда ли, мы понимаем друг друга?
Что я обещаю без слов — вы разве не приняли молча?
Чему не научит ученье, чего не достигнет и проповедь — достигнуто нами, не правда ли?

9

Струись, река, поднимайся вместе с приливом и снова отхлынь, когда настанет отлив!
Шалите, играйте, гребенчатые, закрученные барашками волны!
Закатные, многоцветные облака! Своей красотой захлестните меня и все поколенья мужчин и женщин, которым явиться после меня!
Переезжайте от берега к берегу, несметные, шумные толпы!
Вздымайтесь, высокие мачты Маннахатты! Вздымайтесь, прекрасные всхолмия Бруклина!
Пульсируй, мой любознательный мозг! Ставь вопросы и сам ответствуй!
Вглядись в извечный поток явлений!
Гляди, влюбленный и жаждущий взор, на улицы, в жилища, в большие общественные залы!
Звучите, юные голоса! И громко и музыкально зовите меня по имени!

Живи, старуха жизнь! Играй свою роль, как подобает актеру или актрисе!
Играй свою старую роль, которая велика иль мала — зависит от каждого, кем эта роль создается!
Представьте все, кто читает меня: а вдруг, невидимый вами, теперь смотрю я на вас;
Вы крепкими будьте, перила, и впредь, чтобы поддерживать тех, кто праздно облокотился и все же спешит вслед за спешащей рекой;
Летите, птицы морские! Летите вдаль или чертите круги, большие круги высоко над водою;
А вы принимайте летнее небо, вы, синие воды, держите его, чтоб каждый опущенный взор мог досыта им насладиться;
Лучитесь, тончайшие спицы света, вкруг тени от моей головы иль от другой головы на освещенной солнцем воде!
Вы, корабли у входа в гавань! Плывите туда иль обратно,— ты, белопарусный шлюп, вы, лихтеры, быстрые шхуны!
Вздымайтесь гордо, флаги всех наций! И опускайтесь в свой час на закате!
Взметайте свой пламень ввысь, плавильные печи! Бросайте в сумерки черные тени! Бросайте на крыши домов то красный, то желтый свет!
Явленья, отныне и впредь являйте сущность свою!
А ты, неизбежный покров, продолжай обволакивать душу.
Над телом моим для меня, над вашим телом для вас пусть реет божественный наш аромат,
Цветите, вы, города,— несите к ним грузы свои, несите свое полноводье, широкие, сильные реки,
Растите, и ширьтесь, и будьте выше всего, что явлено в царстве духа,
Материя, существуй, ибо что же другое бессмертно!

Вы ждали, безгласные лики, вы ждете, всегда прекрасны,
И мы принимаем вас, не колеблясь, мы жаждем вас неизменно,
А вы не отринете нас, пред нами не затаитесь,
Вы наша помощь во всем, мы вас не отвергнем — мы вас утверждаем в себе,
Мы вас не исследуем, нет! — Мы просто вас любим — ибо вы совершенны.
Вы отдаете лепту вечности,
И — велики вы или малы — вы отдаете лепту душе.

ПЕСНЯ РАДОСТЕЙ

О, создать самую праздничную песню!
Полную музыки — полную женщин, мужчин и детей!
Полную всех человеческих дел, полную деревьев и зерен!

О, если бы ей голоса всех животных, быстроту и равновесие рыб!
О, если бы в ней капали капли дождя!
О, если бы сияло в ней солнце и мчались бы волны морей!

О, счастье моей души, — она вольная — она пряпула молнией!
Мне мало всего шара земного, мне мало любой эпохи,
У меня будут тысячи этих шаров и все до единой эпохи.

О, радость машиниста! вести паровоз!
Слышать шипение пара, радостный крик паровоза, его свист,
его хохот!
Вырваться в далекий простор, нестись без преград вперед!

О, беззаботно блуждать по полям и горам!
Цветы и листья простых сорняков, влажное, свежее молчание
леса,
Тонкий запах земли на заре до полудня!

О, радость скакать на коне!
Седло, галоп, крепко прижаться к седлу и слушать
журчание ветра в волосах и в ушах.

О, радость пожарного!
Я слышу тревогу в ночи,
Я слышу набат и крики! Я бегу, обгоняя толпу!
Вижу пламя и шалею от восторга.

О, радости борца-силача, что, как башня, стоит на ринге, вполне
подготовленный к бою, в гордом сознании силы, и жаждет
схватиться с противником!

О, радость широкого и простого сочувствия, которое лишь душа
человека может изливать из себя таким ровным
неиссякающим током!

О, радости матери!
Оберегать, и безмерно любить, и страдать, и прилежно рождать
без конца все новые и новые жизни.

О, радость роста, накопления сил,
Радость умиротворения и ласки, радость согласия и лада!

О, вернуться туда, где родился,
И еще раз услышать, как щебечут на родине птицы,
Побродить по родному жилью, сбегать в поле, побывать на гумне,
И еще раз прогуляться по саду, по его старым тропинкам.

О, расти в лагунах, заливах, бухтах или на берегу океана,
И остаться там до конца моих дней, и жить, и работать там,
Соленый и влажный запах, берег, соленые водоросли
на мелководье отлива,
Труд рыбака, труд ловца угрей и собирателя устриц;
Я прихожу с лопаткой и скребком для раковин, со мною моя
острога для угрей,
Что? уже отлив? я иду на песчаную отмель, подхожу
к собирателям устриц;
Я смеюсь и работаю с ними шутя, я молодой весельчак,
А зимою я беру мою острогу́, мою ве́ршу и шагаю по льду
залива, и при мне мой топорик, чтобы прорубать лунки
во льду,
Смотрите, как тепло я одет, я иду с удовольствием и к вечеру
возвращаюсь домой,
И со мною ватага товарищей, они молодцы,
И подростки, и взрослые, только со мной им так любо работать,—
со мной и ни с кем другим!
Днем работать со мной, а почью отдыхать со мной.

А в жаркую пору, в лодке, поднимать плетенки для крабов,
опущенные в воду на грузных камнях (мне известны их
поплавки),
Как сладко майское утро перед самым рассветом, когда я гребу
к поплавкам
И тяну накрепившиеся плетенки к себе, сбоку, и темно-зеленые
раки отчаянно угрожают клешнями, когда я беру их оттуда
и сую в их клешни деревяшки,
И объезжаю одно за другим все места, а потом гребу обратно
к берегу,
Там кидаю их в кипящую воду, в котел, покуда они не станут
багровыми.
А в другой раз ловить скумбрию,
Сумасшедшая, жадная, так и хватает крючок у самой
поверхности моря, и похоже, что ею покрыты целые мили
воды;

Или ловить губанов в Чесапике, я один из загорелой команды,
Или выслеживать лососей у Поманока, я, весь напряженный, стою на баркасе,
Моя левая нога на шкафуте, моя правая рука бросает кольца тончайшей лесы,
И вокруг меня юркие ялики, они юлят, выплывают вперед, их до полсотни, они вышли на ловлю со мной.

О, пробираться на веслах по рекам,
Вниз по Сент-Лоренсу, пароходы, великолепные виды,
Парусники, Тысяча Островов, изредка бревенчатый плот и на нем плотовщики с длинным рулевым веслом,
Малые шалаши на плотах, а над ними дымок по вечерам, когда стряпают ужин.

(О, страшное, грозящее гибелью!
Далекое от скаредной, богобоязненной жизни!
Неизведанное! словно в горячечном сне!
То, что со всех сорвалось якорей и вышло на вольный простор!)

О, работать на рудниках или плавить железо,
Раскаленный поток металла, литейная, высокий корявый навес, просторный полутемный завод.
И домна, и кипящая жидкость, что струится, выливаясь, оттуда.

О, пережить сызнова радость солдата!
Чувствовать присутствие храбреца-командира, чувствовать, что он расположен к тебе!
Видеть его спокойствие — согреваться в лучах его улыбки,
Идти в бой — слышать барабан и трубу,
Слышать гром артиллерии — видеть, как сверкают на солнце штыки и стволы мушкетов!
Видеть, как падают и умирают без жалоб!
Упиться по-дикарски человеческой кровью,— осатанеть до конца!
Радоваться ранам и смерти врагов!
О, радость китобоя! Я опять иду старым рейсом!
Я чувствую бег корабля подо мной, я чувствую, как меня обвевает атлантический бриз,
Я слышу, как с топ-мачты кричат: *«Там... водомет кита!»*
Я взбегаю на снасти, смотрю, куда смотрят другие,— и тотчас же вниз, ошалев от восторга,
Я вижу огромную глыбу, она нежится на солнце в полусне,

Я вижу, встает гарпунщик, я вижу, как вылетает гарпун из его мускулистой руки,
О, как быстро раненый кит несется вперед против ветра, туда, в океан, и ныряет, и тащит меня на буксире!
Снова я вижу его, он всплыл, чтобы вдохнуть в себя воздух, мы снова гребем к нему,
Я вижу, как глубоко вонзилось в его тело копье, как оно повернулось в ране,
И снова мы отплываем назад, он снова ныряет, жизнь быстро уходит от него,
И когда он всплывает наверх, он выбрасывает кровавый фонтан и плавает кругами, кругами, и каждый круг становится все меньше,— я вижу, он умирает,
В центре круга он судорожно взметается вверх и тотчас же падает на воду и застывает в окровавленной пене.

О, моя старость, чистейшая из всех моих радостей!
Мои дети и внуки, мои белые волосы и борода,
Как я безмятежен, широк, величав после продолжительной жизни!

О, зрелая радость женщины! О, наконец-то я счастлива!
Я многочтимая мать, мне уже девятый десяток,
Как ясны мои мысли — как все вокруг влекутся ко мне!
Что их влечет ко мне еще сильнее, чем прежде? Какое цветение пышнее цветения юности?
Та красота, что спизошла на меня, излучается мною на всех!

О, радости оратора!
Выкатывать громы из легких, из горла,
Возбуждая в людях те самые чувства, какие бушуют в тебе: ненависть, сострадание, страсть,
Вести за собою Америку — покорять ее могучею речью.

О, радость моей души, что утверждает себя, опираясь на себя самое, в мире материальных вещей, впитывая их и любя,
Как моя душа обогащает себя зрением, слухом, осязанием, мыслями, сравнением, памятью,
И все же подлинная жизнь моих чувств и плоти превосходит мои чувства и плоть,
Ибо плоть моя — не только материальная плоть, и глаза мои — не только материальные глаза,
Ибо в конце концов видят мир не они,

И не только моя материальная плоть в конце концов любит,
гуляет, смеется, кричит, обнимает, рождает.

О, радости фермера!
Того, кто живет в Канаде, в Миссури, в Канзасе, в Айове,
в Огайо, в Иллинойсе, в Висконсине!
Встать на рассвете дня и сразу же окунуться в работу,
Осенней порою пахать под озимые,
Весенней порою пахать под кукурузу,
Взращивать фруктовые сады, делать деревьям прививку, собирать
яблоки осенней порой.

О, плавать в заводи или броситься с берега в море,
Плескаться в воде или бегать нагишом по прибрежью!

О, понять, как безмерно пространство,
Множественность и безграничность миров!
Появиться на свет и побыть заодно с небесами, с солнцем,
с луною, с летящими тучами!

О, радость величавого мужества!
Ни перед кем не заискивать, никому ни в чем не уступать,
никакому известному или неизвестному деспоту.
Ходить, не сгибая спины, легким, пружинистым шагом,
Глядеть безмятежным или сверкающим взором,
Говорить благозвучным голосом, исходящим из широкой груди.
Смело ставить себя на равной ноге с любым человеком.

Знаешь ли ты прекрасные радости, которые дарует нам
молодость?
Радости крепкой дружбы, веселого слова, смеющихся лиц?
Радости блаженного яркого дня, радости игр, расширяющих
грудь?
Радости звонкой музыки, освещенного бального зала, танцоров?
Радость обильных обедов, разгульной пирушки и выпивки?

И все же, о моя душа, ты превыше всего!
Знаешь ли радости сосредоточенной мысли?
Радости свободного одинокого сердца, нежного, омраченного
сердца?
Радости уединенных блужданий с изнемогшей, но гордой душой,
радости борьбы и страдания?
Муки, тревоги, экстазы, радости глубоких раздумий дневных
и ночных,

Радости мыслей о Смерти, о великих сферах Пространства и Времени?
Радости предвидения лучшей и высшей любви, радости, приносимые прекрасной женой и вечным, нежно любимым товарищем,
Твои, о бессмертная, радости, достойные лишь тебя, о душа!

О, покуда живешь на земле, быть не рабом, а властителем жизни!
Встретить жизнь, как могучий победитель,
Без раздражения, без жалоб, без сварливых придирок, без скуки!
Доказать этим гордым законам воздуха, воды и земли, что душа моя им неподвластна.
Что нет такой внешней силы, которая повелевала бы мной.

Ибо снова и снова скажу: не одни только радости жизни воспеваются мной, но и радости Смерти!
Дивное прикосновение Смерти, нежное и цепенящее,
Я сам отдаю мое тело, когда оно станет навозом, чтобы его закопали, сожгли или развеяли в пыль.
Мое истинное тело, несомненно, оставлено мне для иных сфер,
А мое опустошенное тело уже ничто для меня, очищенное, оно опять возвращается в землю, к вечным потребам земли.

О, притягивать к себе могучим обаянием!
Как, я не знаю сам,— но смотрите! Нечто бунтующее, никому не подвластное,
Оно не защищается, а всегда нападает, но как привлекает оно!

О, бороться с могучим врагом и в неравной борьбе не уступать ни шагу!
Биться одному против всех до потери последних сил!
Прямо смотреть в лицо пыткам, и тюрьмам, и гневу толпы!
Взойти на эшафот и спокойно шагать на ружейные дула!
Быть воистину богом!

О, умчаться под парусом в море!
Покинуть эту косную, нудную землю,
Эту тошную одинаковость улиц, панелей, домов,
Покинуть тебя, о земля, заскорузлая, твердая, и взойти на корабль,
И мчаться, и мчаться, и мчаться под парусом вдаль!

О, сделать отныне свою жизнь поэмою новых восторгов!
Плясать, бить в ладоши, безумствовать, кричать, кувыркаться,
    нестись по волнам все вперед.
Быть матросом вселенной, мчаться во все гавани мира,
Быть кораблем (погляди, я и солнцу и ветру отдал мои паруса),
Быстрым кораблем, оснащенным богатыми словами и радостями.

ПЕСНЯ О ТОПОРЕ

1

Крепок, строен, обнажен!
Недрами земли рожден!
С деревом металл скреплен! Но один и стук и звон!
Алым жаром закален! Малым семенем взращен!
Отдыхает, прислонен,
Сам опорой служит он!

Проявление силы и свойства силы — мужские ремесла, навыки,
    звуки;
Длинный ряд единой эмблемы, удары музыки;
Пальцы органиста, отбивающие стаккато на клавишах большого
    орга́на.

2

Привет всем странам земным, каждой за ее свойства;
Привет странам сосны и дуба;
Привет странам лимона, инжира;
Привет странам золота;
Привет странам маиса, пшеницы, привет виноградным странам;
Привет странам сахара, риса;
Привет странам хлопка и странам картофеля белого, сладкого;
Привет горам, равнинам, пескам, лесам, прериям;
Привет берегам плодородных рек, плоскогорьям, ущельям;
Привет бесконечным пастбищам, привет земле изобильной садов,
    льна, конопли, меда;
Привет и другим, суровым странам,
Таким же богатым, как страны золота, плодов и пшеницы,
Странам копей и рудников, странам крепких и грубых руд,
Странам угля, меди, олова, цинка, свинца,
Странам железа — странам выделки топора!

Чурбан в груде дров и воткнутый в него топор;
Хижина в лесу, плющ над дверью, расчищенный для сада участок;
Шум неровный дождя в листве после утихшей бури,
Вопли и стоны порой, напоминанье о море,
Мысль о борющихся с бурей судах, опрокинутых набок, срубающих мачты,
Ощущенье огромных бревен старинных домов и амбаров;
Припомнившийся рассказ, гравюра, плаванье по океану мужчин с семьями, скарбом,
Их высадка на берегу и основанный новый город,
Плаванье тех, кто искал Новую Англию и нашел, положив ей начало,
Поселения в Арканзасе и Колорадо, в Оттаве и Вилламетте,
Их медленный рост, скудная пища, топор, ружье, седельные сумки;
Красота людей предприимчивых, смелых,
Красота лесорубов с их простыми суровыми лицами,
Красота независимости, отъезда, решительных действий,
Презренье американское к уставам, обрядам, безграничное чувство свободы,
Скольжение вольное личности наугад среди разных людей, самозакалка;
Мясник на бойне, матросы на шхунах и шлюпках, плотовщики, пионеры;
Лесорубы на зимней стоянке, рассвет в лесу, деревья в инее, треск сучьев,
Ясный, радостный звук своего же голоса, веселая песня, жизнь средь лесного приволья, тяжелый дневной труд,
А ночью пламя костра, вкусный ужин, беседа, постель на хвое и шкуре медвежьей;
На постройке плотники за работой,
Обтеска, распилка бревен, долбленье,
Подъем стропил, установка их и правильная укладка,
Пригонка столбов шипами в гнезда, согласно разметке,
Стук молотков деревянных, железных, движенья рабочих, изгибы их спин,
Наклон, выпрямленье, сидя верхом на бревнах, вбивают гвозди, держась за скобы, подпорки,
Изогнутая рука над листом железа, другая рука с топором,
Настильщики перекрытий, пригонка досок, закрепление гвоздями,

Движенья рабочих, врезавшихся инструментами в балки,
Раскаты эха в пустом строении;
Огромный склад воздвигается быстро в городе,
Шесть рабочих, два посредине, двое и двое по концам, осторожно
несут тяжелую балку,
Длинный ряд каменщиков с лопаткой в правой руке воздвигают
ходко боковую стену в двести футов длиною,
Наклоны гибких спин, непрерывный стук лопаток о кирпичи,
Кирпичи, один за другим, искусно кладутся и ложатся
под ударом рукоятки лопатки,
Груды материала, известь в лотках, подносчики пополняют ее
запас непрерывно;
На верфи плотники, длинный ряд молодых подмастерьев,
Взлеты их топоров над бревном, обтесываемым для мачты,
Резкий короткий косой удар стали по крепкой сосне,
Сыплются желтые, словно масло, щепки, стружки,
Движенья быстрые рук загорелых и бедер под легкой одеждой;
Строители верфей, мостов, пристаней, паромов, судов,
волноломов;
Пожарный — внезапный пожар вспыхнул в тесном квартале,
Приезд пожарных машин, хриплые крики, быстрота и отвага,
Трубный сигнал команды, развернутый строй, подъем и паденье
рук, качающих воду,
Тонкие, судорожно бьющие светлые струи, установка лестниц,
работа баграми,
Обвал и спос переборок, взлом полов, если пламя под ними
тлеет,
Освещенные лица толпы, ослепительный блеск и темные тени;
Добывший железо, и тот, кто его обработал,
Кто сделал топор, большой и малый, сварщик, закальщик,
И тот, кто его выбирал, дыша на холодную сталь, пробуя пальцем
лезвие,
И сделавший топорище, и насадивший прочно топор;
Мелькание призрачных лиц всех тех, кто им прежде работал,
Упорные первые механики, зодчие, инженеры,
Древнейшие зданья Ассирии, Мизры,
Римские ликторы с топором перед консулами,
Старинный воин Европы с топором в сраженье,
Тяжелый взмах, стук ударов по голове в шлеме,
Предсмертный вопль, паденье бессильного тела, натиск друзей
и врагов,
Осада вассалов, восставших в борьбе за свободу,
Предложение сдаться, стук в ворота замка, переговоры;
Разграбление взятого старого города,

Разгул ворвавшихся изуверов и наемных солдат,
Рев, огонь, кровь, опьяненье, безумье,
Открытый грабеж в домах и храмах, вопли женщин в руках разбойников,
Обманы и воровство лагерных мародеров, бегство мужчин, отчаянье старцев,
Ад войны, жестокости изуверства,
Список всех совершённых деяний, правых или неправых,
Могущество личности, правой или неправой.

4

Сила и смелость во всем!
То, что жизнь усиляет, усиляет и смерть,
И мертвые наступают, как и живые,
И будущее неизвестно не больше, чем настоящее,
Суровость земли, человека — не меньше, чем нежность земли, человека,
Ничто не вечно, кроме личных достоинств.

Что считаете вы долговечным?
Долговечен ли город огромный?
Иль богатое государство? Иль его конституция? Иль гигантские пароходы?
Иль отели из камня и стали? Иль шедевры зодчества, крепости, вооруженья?

О нет! Не сами собой они ценны,
Они преходящи, как музыка, как танцы их празднеств;
Их зрелища, так же как всё, проходят
И длятся, пока не сверкнет возмущенье.

Великий город — это город самых великих мужчин и женщин,
Может стать даже нищий поселок величайшим городом в мире.

5

Город великий не там, где тянутся пристани, доки, заводы, склады товаров,
Не там, где всегда встречают прибывших, где поднимают якорь отплытий,
Не там, где роскошны высокие зданья, магазины с издельями разных стран мира,

Не там, где лучшие библиотеки, академии, где изобилие денег,
Не там, где множество населенья,
А там, где есть мощное племя ораторов и поэтов,
И там, где любимы они, где их понимают и чтут,
Где памятники героям — подвиги и дела,
Где бережливость на месте своем, как и благоразумье,
Где легки для мужчин и для женщин законы,
Где нет ни рабов, ни рабовладельцев,
Где восстанет сразу народ против наглости выборных лиц,
Где толпы людей текут стремительно, как волны морские
по свистку тревожному смерти,
Где власть убежденья сильнее, чем власть принужденья,
Где гражданин — глава всего, а президент, мэр, губернатор —
его наемные слуги,
Где учат детей управлять собою, на самих себя полагаясь,
Где решаются все дела беспристрастно,
Где поощряется парение духа,
Где женщины, как мужчины, участвуют в уличных шествиях,
Где входят они на собранье и садятся с мужчинами рядом.
Там, где город друзей самых верных,
Там, где город любви самой чистой,
Там, где город отцов самых здоровых,
Там, где город матерей самых крепких,—
Вот где великий город.

6

Как жалки все доказательства пред решительным действием!
Как вся вещественная пышность городов сжимается пред
мужским или женским взглядом!

Все ждет или идет кое-как, пока не явится сильный;
Сильный человек — доказательство силы народа и мощи
вселенной;
Когда он иль она появляется, вещества благоговеют,
Прекращается спор о душе,
Обычаи старые, мысли проверяются, отвергаются.

Что теперь ваше деланье денег? Чем теперь оно вам поможет?
Что теперь ваша почтенность?
Что теперь богословие ваше, воспитание, общество, традиции,
своды законов?
Где теперь все увертки ваши от жизни?
Где теперь придирки ваши к душе?

7

Бесплодный пейзаж скрывает руду — он хорош, несмотря
на свою неприглядность.
Вот здесь рудник, здесь рудокопы;
Плавильная печь, закончена плавка, стоят кузнецы наготове
с молотами, щипцами,
То, что служило всегда и служит всегда,— под рукою.

Ничто не служило лучше — топор служил всем:
Служил красноречивым, изысканным грекам и задолго до них,
Служил при постройке самых прочных сооружений,
Служил иудеям, персам, древним индийцам,
Служил тем, кто насыпал курганы на Миссисипи, и тем, чьи
руины остались в Центральной Америке,
Служил для альбийских храмов в лесах иль в полях, с грубой их
колоннадой, служил друидам,
Служил для вырубки обширных мрачных пещер в снежных горах
скандинавских,
Служил тем, кто в незапамятные времена высекал на граните
изображения солнца, луны, звезд, судов, волн океана;
Служил при нашествии готов, служил племенам пастухов
и помадам;
Служил самым древним кельтам, служил отважным пиратам
балтийским,
Служил еще раньше мирным жителям Эфиопии,
Служил для выделки рулей на галерах прогулочных и военных,
Служил при всех больших работах на суше и море,
Служил и средним векам, и более давним,
Служил не только живым, тогда и теперь, но и мертвым.

8

Я вижу европейского палача:
Он стоит в маске, одетый в красное, с большими ногами
и сильными голыми руками,
И оперся на тяжелый топор.

(Кого обезглавил ты недавно, палач европейский?
Чья кровь на тебе, свежая, липкая?)

Я вижу светлый закат мучеников,
Я вижу призраки, сходящие с эшафота,

Призраки мертвых вельмож, развенчанных королев, осужденных министров, свергнутых королей,
Соперников, изменников, отравителей, главарей опальных и прочих.

Я вижу тех, кто в разных странах боролся за правое дело;
Скуден посев, однако жатва не оскудеет!
(Запомните, о короли, первосвященники,— жатва не оскудеет.)

Я вижу, что кровь с топора начисто смыта,
Чисты и лезвие и топорище,
Не льется кровь европейской знати, топор не касается шей королев.

Я вижу — палач удалился и стал ненужен,
Я вижу — пустой эшафот плесневеет, я не вижу на нем топора,
Я вижу мощную дружескую эмблему моего народа — нового большого народа.

9

(Америка! Я не хвалюсь любовью моей к тебе,
Я владею тем, что имею.)

Топор взлетает!
Могучий лес дает тысячи порождений,
Они падают, растут, образуются —
Палатка, хижина, пристань, таможня,
Цеп, плуг, кирка, пешня, лопата,
Дранка, перила, стойка, филенка, косяк, планка, панель, конек,
Цитадель, потолок, бар, академия, орга́н, выставочный павильон, библиотека,
Карниз, решетка, пилястр, балкон, окно, башня, крыльцо
Мотыга, грабли, вилы, карандаш, фургон, посох, пила, рубанок, молоток, клин, печатный вал,
Стул, стол, бадья, обруч, калитка, флюгер, рама, пол,
Рабочий ящик, сундук, струнный инструмент, лодка, сруб и все прочее,
Капитолии штатов и капитолий нации штатов,
Ряды красивых домов на проспектах, сиротские дома, богадельни,
Пароходы и парусники Манхаттена, бороздящие все океаны.

Возникают образы!
Работа разная с топором, и работники, и все, что их окружает,

Лесорубы, откатчики бревен к Пенобскоту иль Кеннебеку,
И жители хижин в горах Калифорнии, иль у малых озер, или у Колумбии,
И жители южней — на берегах Хилы иль Рио-Гранде, их сборища, типы, шутки,
И жители северней — у реки Святого Лаврентия, или северней — в Канаде, или южнее — у Иеллоустоуна, на побережье и дальше,
Охотники на тюленей, китобои, полярные моряки, пробивающие проходы средь льдов.

Возникают образы!
Образы фабрик, литейных заводов, арсеналов, рынков,
Образы двухколейных железных дорог,
Образы мостов со шпалами, огромных железных ферм, балок, арок,
Образы флотилий барж, буксиров, судов на озерах, каналах, реках.
Верфи, сухие доки на восточных и западных берегах, во многих бухтах и около них,
Кильсоны из падуба, сосновые доски, рангоут, корпи лиственницы для книц,
И сами суда в плавании, строительные леса, рабочие внутри и снаружи,
Инструменты вокруг: бурав и буравчик, струг, болт, наугольник, долото, уровень.

10

Образы возникают!
Распилено дерево на козлах, сбито, окрашено,
Образ гроба для мертвеца, чтоб улечься в саване,
Меняется образ в стойки кровати, в ножки кровати для новобрачной;
Образ корытца, качалки под ним, колыбель для ребенка,
Образ досок для пола, настила для пляшущих ног,
Образ досок для семейного дома родителей любящих и детей,
Образ крыши дома двух молодоженов, крова над юной счастливой четой,
Крова над ужином, весело приготовленным верной женой и весело съеденным верным мужем после рабочего дня.

Образы возникают!
Образ места для подсудимого в зале суда и его иль ее на этом месте,

Образ стойки бара с двумя пьяницами, молодым и старым,
Образ пристыженной и гневной лестницы, попираемой
воровскими шажками,
Образ укромной софы и парочки тайных прелюбодеев,
Образ игорного стола с дьявольским проигрышем и выигрышем,
Образ лесенки для осужденного убийцы с осунувшимся лицом
и связанными руками,
Шерифа с помощниками и безмолвной бледной толпы,
покачивание веревки.

Образы возникают!
Образ дверей, многих выходов и входов;
Дверь, откуда поспешно вышел, покраснев, друг вероломный,
Дверь, куда проникают новости хорошие и плохие,
Дверь, откуда вышел, дом покидая, самопадеянный,
легкомысленный сын,
Дверь, куда он вошел опять после долгих скитаний,— больной,
надломленный, без чести, без средств.

11

И образ ее возникает:
Она, защищенная меньше и все ж больше, чем когда-либо;
Средь грубых и грязных она шагает, не боясь грубости, грязи;
Она узнаёт мысли, когда проходит,— ничто от нее не скрыто;
Она, несмотря ни на что, дружественна ко всем;
Она любима больше всего — без исключений,— и нечего ей
бояться, она ничего не боится;
Проклятия, ссоры, песни с икотой, непристойная ругань
не заденут ее, когда она мимо проходит;
Она молчалива, владеет собой — они ее не оскорбляют;
Она принимает их, как законы природы их принимают,— она
сильная,
Она тоже закон природы,— нет закона сильней, чем она.

12

Главные образы возникают!
Образы Демократии, полной — в итоге столетий;
Образы, что вызывают другие образы,
Образы буйных мужественных городов,
Образы друзей гостеприимных по всей земле,
Образы, крепящие землю и крепнущие с землей.

ИЗ «ПЕСНИ О ВЫСТАВКЕ»

Муза, беги из Эллады, покинь Ионию,
Сказки о Трое, об Ахилловом гневе забудь, о скитаниях Одиссея, Энея,
К скалам твоего снегового Парнаса дощечку прибей:
«За отъездом сдается внаем».
И такое же повесь объявление в Сионе, на Яффских воротах и на горе Мориа,
И на всех итальянских музеях, на замках Германии, Испании, Франции,
Ибо новое царство, вольнее, бурливее, шире, ожидает тебя как владычицу.

*

Наши призывы услышаны!
Да и сама она издавна жаждала этого.
Она идет! Я слышу шелест ее одежд!
Я чую сладостный аромат ее дыхания!

О, царица цариц! О, смею ли верить,
Что античные статуи и эти древние храмы не властны ее удержать?
Что тени Вергилия, Данте и мириады преданий, поэм не влекут ее, как магниты, к себе?
Что она кинула их и — пришла?

Да, уже замер, умолк ее голос там, над Кастальским ключом,
И египетский Сфинкс с перебитой губою молчит,
И замолчали гробницы, хитро ускользнувшие от власти веков,
Каллиопа уже никого не зовет, и Мельпомена, и Клио, и Талия мертвы,
Иерусалим — горсть золы, развеянной вихрем,— сгинул,
Полки крестоносцев, потоки полночных теней, растаяли вместе с рассветом.
Где людоед Пальмерин? где башни и замки, отраженные водами Уска?
И Артур, и все рыцари сгинули, Мерлин, Ланселот, Галахад сникли, исчезли, как пар.
Ушел он! ушел навсегда этот мир, когда-то могучий, но теперь опустелый, безжизненный, призрачный,
Шелками расшитый, ослепительно яркий, чужой, весь в пышных легендах и мифах,

Его короли и чертоги, его попы и воители-лорды, его придворные дамы.
В короне, в военных доспехах, он ушел вместе с ними в свой кладбищенский склеп и там заколочен в гроб,
И герб на его могиле — алая страница Шекспира,
И панихида над ним — сладко тоскующий стих Теннисона.

К нам спешит высокородная беглянка, я вижу ее, если вы и не видите,
Торопится к нам на свидание, с силой пробивает себе дорогу локтями, шагает в толпе напролом,
Жужжание наших машин и пронзительный свист паровозов ее не страшат,
Ее не смущают ни дренажные трубы, ни циферблат газомера, ни искусственные удобрения полей,
Приветливо смеется и рада остаться
Она здесь, среди кухонной утвари!

*

Но погодите — или я забыл приличье?
Позволь представить незнакомку тебе, Колумбия! (Для чего же я живу и пою?)
Во имя Свободы приветствуй бессмертную! Протяпите друг другу руки
И отныне, как сестры, живите в любви.

Ты же, о Муза, не бойся! поистине новые дни и пути принимают, окружают тебя,
И странные, очень странные люди, небывалая порода людей,
Но сердца все те же, и лица те же,
Люди внутри и снаружи все те же, чувства те же, порывы те же,
И красота, и влюбленность те же...

*

...О, мы построим здание
Пышнее всех египетских гробниц,
Прекраснее храмов Эллады и Рима.
Твой мы построим храм, о пресвятая индустрия...

Я вижу его, как во сне, наяву,
Даже сейчас, когда я пою эту песню, я вижу, он встает предо мною,
Я вижу его, как во сне, наяву,

Громоздится этаж на этаж, и фасады из стекла и железа,
И солнце, и небо ей рады, она раскрашена самыми веселыми красками,
Бронзовой, синей, сиреневой, алой,
И над ее златокованой крышей будут развеваться во всей красоте под твоим стягом, Свобода,
Знамена каждого штата и флаги каждой земли,
И тут же вокруг нее целый выводок величавых дворцов,— они не так высоки, но прекрасны.

В стенах ее собрано все, что движет людей к совершеннейшей жизни,
Все это испытуется здесь, изучается, совершенствуется и выставляется всем напоказ.

Не только создания трудов и ремесел,
Но и все рабочие мира будут представлены здесь.

Здесь вы увидите в процессе, в движении каждую стадию каждой работы,
Здесь у вас на глазах материалы будут, как по волшебству, менять свою форму.
Хлопок будут собирать тут же, чуть ли не у вас на глазах,
Его будут сушить, очищать от семян и у вас на глазах превращать в питки и ткань,
Вам покажут старые и новые процессы работ,
Вы увидите разные зерна и как их мелют, пекут из них хлеб,
Вы увидите, как грубая руда после многих процессов становится слитками чистого золота,
Вы увидите, как набирает наборщик, и узнаете, что такое верстатка,
С удивлением увидите вы, как вращаются цилиндры ротационных машин,
Выбрасывая лист за листом тысячи печатных листов,
Перед вами будут создавать фотоснимки, часы, гвозди, булавки, модели всевозможных машин.
В больших и спокойных залах величавый музей даст вам безграничный урок минералов,
А в другом вам покажут деревья, растения, овощи,
В третьем — животных, их жизнь, изменения их форм в веках.

Один величавый дом будет домом музыки,
В других будут другие искусства и всякие другие премудрости,
И ни один не будет хуже другого, их будут равно почитать, изучать и любить.

*

(И это, все это, Америка, будут твои пирамиды и твои обелиски,
Твой Александрийский маяк, твои сады Вавилона,
Твой Олимпийский храм.)

*

Довольно твердить о войне! да и самую войну — долой!
Чтобы мой ужаснувшийся взор больше никогда не видал
почернелых, исковерканных трупов!
Долой этот разнузданный ад, этот кровавый наскок, словно мы
не люди, а тигры.
Если воевать — так за победу труда!
Будьте нашей доблестной армией вы, инженеры и техники,
И пусть развеваются ваши знамена под тихим и ласковым
ветром.

...Так прочь эти старые песни!
Эти романы и драмы о чужеземных дворах,
Эти любовные стансы, облитые патокой рифмы, эти интриги
и амуры бездельников,
Годные лишь для банкетов, где шаркают под музыку танцоры
всю ночь напролет,
Разорительные эти забавы, доступные лишь очень немногим.

...Муза! я приношу тебе наше *здесь* и наше *сегодня*,
Пар, керосин и газ, экстренные поезда, великие пути сообщения,
Триумфы нынешних дней: нежный кабель Атлантики,
И тихоокеанский экспресс, и Суэцкий канал, и Готардский
туннель, и Гузекский туннель, и Бруклинский мост.
Всю землю тебе приношу, как клубок, обмотанный рельсами
и пароходными тропами, избороздившими каждое море,
Наш вертящийся шар приношу...

ПЕСНЯ РАЗНЫХ ПРОФЕССИЙ

1

Это песня разных профессий!
В работе машин и ремесл, в полевых работах я вижу движенье
вперед
И нахожу вечный смысл.

Рабочие и работницы!
Если бы я был блестяще образован, то разве это значило бы так много?
Если бы я был директором школы, богатым благотворителем, мудрым государственным деятелем, то разве это значило бы так много?
Если бы я был предпринимателем и платил вам, то разве это удовлетворило бы вас?

Образован, добродетелен, благожелателен и прочие подобные названия,
Но ведь любят меня, а не подобные названия.

Я не слуга и не хозяин;
Я принимаю и высшую и низшую цену — я хочу получить только свое от того, кто рад мне;
Я равен вам, и вы равны мне.

Если вы за работой стоите в цехе, то и я стою рядом с вами;
Если вы даете подарки вашему брату иль лучшему другу, то и я принимаю их, как ваш брат или лучший друг;
Если вы принимаете радушно того, кого любите, мужа, жену, то вы принимаете и меня;
Если вы унижены, больны, стали преступником, то и я становлюсь таким же ради вас;
Если вы вспоминаете о своих безумных противозаконных поступках, то разве и я не вспоминаю о таких же моих поступках?
Если вы пьете за столом, то и я пью напротив вас за столом;
Если вы, встретясь с незнакомцем на улице, полюбите его иль ее, то и я не раз полюбил незнакомых встречных на улице.
Что вы думаете о себе?
Или вы сами недооцениваете себя?
Или вы думаете, что президент более велик, чем вы?
Или богач лучше вас? Или образованный мудрее вас?

(Если вы грязны, прыщавы, были пьяницей или вором,
Если вы больны, стали ревматиком или проституткой,
Если вы легкомысленны, слабовольны, не образованны и не видели свое имя в печати,
То разве из-за этого у вас меньше прав на бессмертье?)

2

Человеческие души! Это не вас называю я невидимыми,
неслышными, неосязаемыми;
Это не о вас я спорю — живые вы или нет;
Я заявляю открыто — кто вы, если никто другой не заявляет.

Взрослый, подросток, ребенок в этой, как и во всякой другой,
стране, в доме, вне дома, каждый равен другому,
А все остальное после них или через них.

Жена — и она нисколько не меньше мужа,
Дочь — и она так же хороша, как сын,
Мать — и она совершенно равна отцу.

Дети неграмотных бедняков, подмастерья-подростки,
Работники молодые и старые на фермах,
Моряки судов каботажных, торговых, иммигранты —
Я вижу их всех, вижу вблизи и вдали,
Ни один не скроется от меня, да никто и не хочет скрыться.

Я несу очень нужное вам, то, что у вас есть,
Не деньги, любовные связи, одежду, еду, образование, но не
менее нужное;
Я не шлю агента-посредника, не предлагаю образцов, а даю
саму ценность.

Есть нечто проникающее ко всем сейчас и всегда,
Не то, что печатается, проповедуется, обсуждается, оно
ускользает от обсуждения и печати,
Оно не входит в книгу, нет его и в этой книге,
Оно для вас, кто б вы ни были, оно не дальше от вас, чем ваш
слух и зрение,
Оно в самом близком, обычном, доступном и всегда ощутимо.

Вы можете читать на многих языках, но ничего не прочтете
об этом,
Вы можете прочесть послание президента и ничего не прочтете
об этом,
Ничего нет об этом в сообщениях министерства иностранных дел
или финансов, в газетах и журналах,
Ничего нет об этом в переписи, в отчетах о доходах, в курсах цен
или акций.

Солнце и звезды, что мчатся в пространстве,
Круглая, как яблоко, Земля, и мы на ней,— величественно их движенье!
Я не постигаю его, но знаю, что в нем величие, счастье,
Что наша конечная цель здесь не умозрение, не острословие, не попытка,
Не то, что случайно может нам удаться или может стать нашей ошибкой,
И не то, что может быть почему-либо утрачено.

Свет и тень, странное ощущение тела и личности, жадная любознательность ко всему,
Гордое достоинство и достижения человека, невыразимые радости, страданья,
Чудо, которое каждый видит в каждом, и чудеса в каждой минуте вечного времени,
Чему ты их отдаешь, товарищ?
Отдаешь ли ты их ремеслу или полевой работе? Или торговле в магазине?
Или для своего обеспечения? Иль развлеченью в часы досуга?

Или ты хочешь изобразить пейзаж красками на холсте?
Иль описать мужчин и женщин и сложить песни?
Иль, как ученый, познать законы тяготения, текучести атмосферы и гармонию разных сочетаний?
Иль нанести на карту бурую сушу и синее море?
Иль сочетать в созвездия звезды и дать им причудливые названия?
Или собрать отборные семена для выставки и посева?

Старые учреждения, искусства, библиотеки, музеи, легенды, достижения техники расцениваются высоко?
Высоко расценивают свой доход и занятия? Я не возражаю.
Пусть расценивают их высоко, но ребенка, рожденного женщиной, человека я ставлю выше всего.

Мы считаем союз наших штатов великим и конституцию нашу великой,
Я не говорю, что они плохие, пусть будут они велики,
Сейчас они нравятся мне, как и вам.
Ведь я люблю вас и всех моих собратьев на всей земле.

Мы считаем Библии, религии священными — я этого не отрицаю,
Но я говорю, что все они выросли из вас и всё еще растут;
Не они дают жизнь, а вы даете жизнь,
Как листья растут из деревьев, а деревья растут из земли, так и они растут из вас.

4

Все известные почести я отдаю вам, кто б вы ни были,
Президент в Белом доме должен быть для вас, а не вы для него,
Министры в своих кабинетах должны быть для вас, а не вы для них,
Конгресс должен созываться ежегодно ради вас,
Законы, суды, все штаты, хартии городов, торговля, почта — все это должно быть для вас.

Внимательно слушайте, мои дорогие ученики!
Все догмы, вся политика, вся цивилизация исходят от вас,
Все изваянья, памятники, все написанное на пьедесталах существует для вас.
Вся история, все цифры статистики, все мифы, сказанья живут сейчас в вас,
Если б вы не дышали, не двигались, то где были бы они?
Самые знаменитые поэмы обратились бы в прах, драмы и речи стали бы пустотой.
Вся архитектура возникает лишь тогда, когда вы на нее глядите.
(Разве она выражена только в белом или сером камне? Или в линиях арок, карнизов?)

Вся музыка оживает от вас, когда о ней напомнят вам инструменты;
Ведь музыка — это не скрипки, не корпеты, не гобои, не барабаны, не ноты для сладкого пения баритона, не ноты мужского или женского хора,
Музыка и ближе и дальше.

5

Когда же целое станет единым?
Может ли каждый увидеть признаки лучшего, глядя в зеркало? Разве нет более великого?
Разве всё здесь с вами, с таинственной незримой душой?

Странную, как парадокс, суровую истину я утверждаю:
Грубая вещность и невидимая душа едины.

Строительство домов, разметка, распилка бревен;
Кузнечное дело, выдувка стекла, покрытие крыш железом, гонтом;
Судостроение, сооружение доков, засолка рыбы, мощение улиц, тротуаров;
Откачка насосом, забивка свай, подъем лебедкой, топка углем, обжиг кирпича;
Шахты и все, что в них под землей, лампочки в темноте, эхо, песни, какие широкие, самобытные мысли видны на темных от угольной пыли лицах;
Огни сталелитейных заводов в горах иль по речным побережьям, литейщики лапчатым ломом пробуют плавку, глыбы руды и засыпка руды, каменного угля, известняка;
Домны и пудлинговые печи, брызги, осколки от плавки, прокатный стан, чугунные болванки, тавровые крепкие рельсы для железных дорог;
Нефтяные промысла, шелкопрядильня, завод свинцовых белил, сахарный завод, лесопилка, огромные фабрики, заводы;
Обработка камня, украшение фасадов, окон, входов, молоток, зубило, щиток для защиты большого пальца;
Чеканка, наполненный варом котел и под ним костер;
Тюки хлопка, крюк грузчика, пила и козлы пильщика, изложница литейщика, нож мясника, ледяной плуг и все ледовые работы;
Инструменты такелажника, парусного мастера, изготовщика гаков и блоков;
Изделия из гуттаперчи, папье-маше, краски, кисти, изготовление кистей, инструменты стекольщика;
Обклейка фанерой и горшок с клеем, кондитерские украшения, графин и стаканы, ножницы, утюг,
Шило и ремень, мера пинты и кварты, стойка и табуретка, перо гусиное или стальное, изготовление всех острых инструментов;
Пивоварня, пивоварение, солод, чаны, работа пивоваров, виноделов, уксусников;
Выделка кож, изготовление экипажей, котлов, плетенье веревок, перегонка, раскраска вывесок, гашение извести, уборка хлопка, гальванопластика, электротипия, стереотипия;
Станок для клепки, строгальный станок, жнейки, плуги, молотилки, паровозы;
Повозка возчика, омнибус, ломовой фургон;

Пиротехника, разноцветный фейерверк ночью, причудливые фигуры и струи;
Мясо на прилавке, бойня, мясник в кровавой одежде;
Загон для свиней, молоток для убоя, крюк, лохань для ошпаривания, потрошение, большой нож для разделки, молоток упаковщика, кропотливая зимняя заготовка свинины;
Помол пшеницы, ржи, кукурузы, риса, мешки муки в баррел, в пол и четверть баррела, груженые баржи, высокие груды на пристанях и набережных;
Люди и труд людской на паромах, железных дорогах, каналах, каботажных судах, рыбачьих баркасах;
Ежечасный обычный порядок вашей или другой человеческой жизни, магазин, склад, депо, фабрика;
Все это вблизи тебя днем и ночью, о рабочий, кто б ты ни был, показывает твою ежедневную жизнь;
В этом, в них тяжелейшая весомость гораздо больше, чем ты считаешь, и гораздо меньше;
В них подлинная сущность, в них поэмы для тебя и для меня.
В них, не только в тебе — ты и твоя душа объемлет все вещи, независимо от оценки;
В них развитие к лучшему, в них все темы, намеки, возможности.

Я не утверждаю, что видимое вами вокруг — бесполезно, я не советую вам остановиться,
Я не отрицаю значения того, что вы считаете значительным,
Но я говорю, что ничто не ведет к более великому так, как ведет все это.

6

Вы ищете где-то вдали? Вы наверное назад вернетесь,
В самых знакомых вещах находя самое лучшее или только хорошее,
В людях, самых близких к вам, находя самое нежное, сильное, дорогое;
Счастье и знанье не где-то в другом месте, а здесь, не в другое время, а сейчас;
Мужчина — в том, кого вы видите и касаетесь, всегда в друге, брате, ближнем соседе, женщина — в матери, в любимой, в жене;
Народные вкусы и труд первенствуют в поэмах и во всем.
Вы, рабочие и работницы наших Штатов, владеете чудесной и мощной жизнью,

И все остальное уступает место людям, таким, как вы.
Если б псалом пел вместо певца,
Если б проповедь проповедовала вместо проповедника,
Если б кафедра, поднимаясь, двигалась вместо резчика,
украсившего ее резьбой,
Если б я касался тела книг ночью или днем и они прикасались к моему телу,
Если б университетский курс убеждал, как спящая женщина и ребенок,
Если б позолота свода улыбалась, как дочь ночного сторожа,
Если б акты ручательств отдыхали в креслах напротив, как мои друзья,
То тогда б я протянул им руку и прославил их так же, как мужчин и женщин, подобных вам.

МОЛОДОСТЬ, ДЕНЬ, СТАРОСТЬ И НОЧЬ

Молодость, щедрая, страстная, любвеобильная — молодость, полная сил, красоты, обаянья,
Знаешь ли ты, что и старость придет столь же красива, сильна, обаятельна?

День, горячий, роскошный, сияющий — день с великолепным солнцем, полный движенья, стремлений, смеха,
За тобой идет ночь, у ней миллионы солнц, и сон, и живительный сумрак.

ИЗ ЦИКЛА «ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ»

ПИОНЕРЫ! О ПИОНЕРЫ!

Дети мои загорелые,
Стройно, шагом, друг за другом, приготовьте ваши ружья,
С вами ли ваши пистолеты и острые топоры?
Пионеры! о пионеры!

Дольше мешкать нам нельзя,
Нам идти в поход, мои любимые, туда, где бой всего опасней,
Мы молодые, мускулистые, и весь мир без нас погибнет,
Пионеры! о пионеры!

Ты, западная молодежь,
Ты неустанная, горячая, полная гордости и дружбы.
Ясно вижу я тебя, ты идешь с передовыми,
Пионеры! о пионеры!

Что же старые народы?
Утомились, ослабели, и их урок пришел к концу, там,
за дальними морями?
Мы их ношу поднимаем, их работу и их урок,
Пионеры! о пионеры!

Старое осталось сзади,
Новый, краше и сильнее, свежий мир, могучий мир,
Мы в этот мир ворвемся с боем, в мир похода и труда!
Пионеры! о пионеры!

Мы бросаемся отрядами
По перевалам и над кручами, по дорогам неизведанным,
Напролом, в атаку, грудью завоевать и сокрушить.
Пионеры! о пионеры!

Мы валим древние деревья,
Мы запруживаем реки, мы шахтами прорезаем землю,
Прерии мы измеряем, мы распахиваем нови,
Пионеры! о пионеры!

Мы родились в Колорадо,
Мы с гигантских горных пиков, мы с сиерр, с плато высоких,
Мы из рудников, из рытвин, мы с лесных звериных троп,
Пионеры! о пионеры!

Из Небраски, из Арканзаса,
Мы из штатов срединных, мы с Миссури, в нас кровь
заморских наших предков,
Мы с товарищами за руку, мы северяне, мы южане,
Пионеры! о пионеры!

Все смести, снести с пути!
О любимые, о милые! Грудь от нежности болит!
Я и радуюсь и плачу, от любви я обезумел,
Пионеры! о пионеры!

С нами знамя, наше знамя,
Поднимите наше знамя, многозвездную владычицу,
все склонитесь перед нею,

Боевая наша матерь, грозная, во всеоружии, ее ничто не сокрушит,
Пионеры! о пионеры!

Дети мои, оглянитесь.
Ради этих миллионов, уходящих в даль столетий, напирающих на нас,
Нам невозможно отступить или на миг остановиться,
Пионеры! о пионеры!

Дальше сжатыми рядами!
Убыль мы всегда пополним, мертвых заместят живые,
Через бой, через разгром, но вперед, без остановки,
Пионеры! о пионеры!

Все живые пульсы мира
Влиты в наши, бьются с нашими, с западными, заодно,
В одиночку или вместе, направляясь неустанно в первые ряды для нас,
Пионеры! о пионеры!

Многоцветной жизни зрелища,
Все видения, все формы, все рабочие в работе,
Все моряки и сухопутные, все рабы и господа,
Пионеры! о пионеры!

Все несчастные влюбленные,
Все заключенные в темницах, все неправые и правые,
Все веселые, все скорбные, все живые, умирающие
Пионеры! о пионеры!

Я, моя душа и тело,
Мы, удивительное трио, вместе бродим по дороге,
Средь теней идем по берегу, и вокруг теснятся призраки,
Пионеры! о пионеры!

Шар земной летит, кружится,
И кругом планеты-сестры, гроздья солнц и планет,
Все сверкающие дни, все таинственные ночи, переполненные снами,
Пионеры! о пионеры!

Это наше и для нас,
Расчищаем мы дорогу для зародышей во чреве,
Те, что еще не родились, ждут, чтобы идти за нами,
Пионеры! о пионеры!

И вы, западные женщины!
Старые и молодые! Наши матери и жены!
Вы идете вместе с нами нераздельными рядами,
Пионеры! о пионеры!

Вы, будущие менестрели,
Затаившиеся в прериях, скоро вы примкнете к нам, нам споете ваши песни.
(А певцы былого века лягте в гроб и отдохните, вы свою работу сделали.)
Пионеры! о пионеры!

Не услады и уюты,
Не подушки и не туфли, не ученость, не комфорт,
Не постылое богатство, не нужны нам эти дряблости,
Пионеры! о пионеры!

Что? Обжираются обжоры?
Спят толстобрюхие сонливцы? И двери их наглухо закрыты?
Все же скудной будет наша пища, и спать мы будем на земле,
Пионеры! о пионеры!

Что? уже спустилась ночь?
А дорога все труднее? и мы устали, приуныли и засыпаем на ходу?
Ладно, прилягте, где идете, и отдохните до трубы,
Пионеры! о пионеры!

Вот она уже трубит!
Там, далеко, на заре — слышите, какая звонкая?
Ну, скорее по местам — снова в первые ряды,
Пионеры! о пионеры!

ТЕБЕ

Кто бы ты ни был, я боюсь, ты идешь по пути сновидений,
И все, в чем ты крепко уверен, уйдет у тебя из-под ног и под руками растает,
Даже сейчас, в этот миг, и обличье твое, и твой дом, и одежда твоя, и слова, и дела, и тревоги, и веселья твои,
и безумства — все ниспадает с тебя,
И тело твое, и душа отныне встают предо мною,

Ты предо мною стоишь в стороне от работы, от купли-продажи, от фермы твоей и от лавки, от того, что ты ешь, что ты пьешь, как ты мучаешься и как умираешь.

Кто бы ты ни был, я руку тебе на плечо возлагаю, чтобы ты стал моей песней,
И я тихо шепчу тебе на ухо:
«Многих женщин и многих мужчин я любил, но тебя я люблю больше всех».

Долго я мешкал вдали от тебя, долго я был как немой,
Мне бы давно поспешить к тебе,
Мне бы только о тебе и твердить, тебя одного воспевать.

Я покину все, я пойду и создам гимны тебе,
Никто не понял тебя, я один понимаю тебя,
Никто не был справедлив к тебе, ты и сам не был справедлив к себе,
Все находили изъяны в тебе, я один не вижу изъянов в тебе,
Все требовали от тебя послушания, я один не требую его от тебя.
Я один не ставлю над тобою ни господина, ни бога: над тобою лишь тот, кто таится в тебе самом.

Живописцы писали кишащие толпы людей и меж ними одного — посредине,
И одна только голова была в золотом ореоле,
Я же пишу мириады голов, и все до одной в золотых ореолах,
От руки моей льется сиянье, от мужских и от женских голов вечно исходит оно.

Сколько песен я мог бы пропеть о твоих величавых и славных делах,
Как ты велик, ты не знаешь и сам, проспал ты себя самого,
Как будто веки твои опущены были всю жизнь,
И все, что ты делал, для тебя обернулось насмешкой.
(Твои барыши, и молитвы, и знанья — чем обернулись они?)

Но посмешище это — не ты,
Там, в глубине, под спудом затаился ты, настоящий.
И я вижу тебя там, где никто не увидит тебя,
Пусть молчанье, и ночь, и привычные будни, и конторка, и дерзкий твой взгляд скрывают тебя от других и от самого себя,— от меня они не скроют тебя,
Бритые щеки, нечистая кожа, бегающий, уклончивый взгляд пусть с толку сбивают других — но меня не собьют,

Пошлый наряд, безобразную позу, и пьянство, и жадность,
и раннюю смерть — я все отметаю прочь.

Ни у кого нет таких дарований, которых бы не было и у тебя,
Ни такой красоты, ни такой доброты, какие есть у тебя,
Ни дерзанья такого, ни терпенья такого, какие есть у тебя.

И какие других наслаждения ждут, такие же ждут и тебя.
Никому ничего я не дам, если столько же не дам и тебе,
Никого, даже бога, я песней моей не прославлю, пока
не прославлю тебя.

Кто бы ты ни был! иди напролом и требуй!
Эта пышность Востока и Запада — безделица рядом с тобой,
Эти равнины безмерные и эти реки безбрежные — безмерен,
безбрежен и ты, как они,
Эти неистовства, бури, стихии, иллюзии смерти — ты тот,
кто над ними владыка,
Ты по праву владыка над природой, над болью, над страстью,
над каждой стихией, над смертью.

Путы спадают с лодыжек твоих, и ты видишь, что все хорошо,
Стар или молод, мужчина или женщина, грубый, отверженный,
низкий, твое основное и главное громко провозглашает себя,
Через рожденье и жизнь, через смерть и могилу,— все тут есть,
ничего не забыто! —
Через гнев, утраты, честолюбье, невежество, скуку твое Я
пробивает свой путь.

ФРАНЦИЯ

(18-й год наших Штатов)

Великое время и место,
Резкий, пронзительный крик новорожденного, который так
волнует материнское сердце.

Я бродил по берегу Атлантического океана
И услышал над волнами детский голос,
Я увидел чудесного младенца, он проснулся с жалобным плачем
от рева пушек, от криков, проклятий, грохота рушимых
зданий.

Но я не устрашился ни крови, струящейся по канавам, ни трупов,
то брошенных, то собранных в кучи, то увозимых в телегах,
Не отчаялся при виде разгула смерти, не убоялся ни ружейной
пальбы, ни канонады.

Бледный, в суровом молчании, что мог я сказать об этом взрыве
давнего гнева?
Мог я желать, чтоб человек был иным?
Мог я желать, чтоб народ был из дерева или из камня?
Чтобы не было справедливого воздаяния времен и судьбы?

О Свобода! Подруга моя!
Здесь тоже патроны, картечь и топор припрятаны до грядущего
часа,
Здесь тоже долго подавляемое нельзя задушить,
Здесь тоже могут восстать наконец, убивая и руша,
Здесь тоже могут собрать недоимки возмездья.

Потому я шлю этот привет через море
И не отрекаюсь от этих страшных родов и кровавых крестин,
Но, вспомнив тоненький плач над волнами, буду ждать
терпеливо, с надеждой,
И отныне, задумчивый, но убежденный, я сохраню это великое
наследство для всех стран мира.
С любовью обращаю эти слова к Парижу,
Где, надеюсь, найдутся певцы, что поймут их,
Ведь должна быть жива во Франции музыка тех лет.
О, я слышу, как настраивают инструменты, скоро звук их
заглушит враждебные голоса,
Я надеюсь, что ветер с востока принесет к нам торжественный
марш свободы.
Он достигнет сюда, и, от радости обезумев,
Я побегу перелагать его в слова, воздать ему славу,—
И еще пропою тебе песню, подруга моя.

ГОД МЕТЕОРОВ

(1859—1860)

Год метеоров! Зловещий год!
Закрепить бы в словах иные из твоих деяний и знамений,
Воспеть бы твои девятнадцатые президентские выборы,

Воспеть бы высокого седого старика,
взошедшего на эшафот в Виргинии.
(Я был совсем рядом, молчал, сжав зубы, наблюдал,
Я стоял возле тебя, старик, когда спокойно и равнодушно,
дрожа только от старости и незаживших ран, ты взошел
на эшафот.)
Воспеть бы, не жалея слов, твои отчеты о всеобщей переписи,
Таблицы населения и производства, воспеть бы твои корабли
и грузы,
Гордые черные корабли, прибывающие в Манхаттен,
Одни набитые иммигрантами, другие, те, что идут с перешейка,—
золотом,
Спеть бы обо всем этом, приветствовать всех, кто сюда прибывает,
Воспеть бы и вас, прекрасный юноша! Приветствую вас, юный
английский принц!
(Помните, как вздымались валы манхаттенских толп, когда вы
проезжали с кортежем из пэров?
Я тоже был в толпе, преданный вам всем сердцем.)
Не забуду воспеть чудо, корабль, входящий в мой залив.
Четкий и величавый «Грейт Истерн» плыл по моему заливу,
в нем было шестьсот футов,
Он входил в гавань, окруженный мириадами лодок, и я не забуду
его воспеть;
Не забуду комету, что нежданно явилась с севера, полыхая
в небесах,
Не забуду странную, бесконечную процессию метеоров,
ослепляющую и в то же время видимую совершенно
отчетливо.
(Миг, только миг она несла над головами клубы неземного огня,
Потом удалилась, канула в ночь и пропала.)
Воспеваю это порывистыми, как и все это, словами — хочу, чтобы
этим сиянием сияли гимны,
Твои гимны, о год, крапленный злом и добром,— год зловещих
предзнаменований!
Год комет и метеоров, преходящих и странных,— ведь и здесь,
на земле, есть такой же преходящий и странный!
И я пересекаю ваши рои и скоро кану в ночь и пропаду; в конце
концов эта песня
И я сам только один из твоих метеоров!

ИЗ ЦИКЛА «МОРСКИЕ ТЕЧЕНИЯ»

ИЗ КОЛЫБЕЛИ, ВЕЧНО БАЮКАВШЕЙ

Из колыбели, вечно баюкавшей,
Из трели дроздов, подобной музыке ткацкого челнока,
Из темной сентябрьской полночи,
Над бесплодными песками и полем, по которым бродил одинокий ребенок, босой, с головой непокрытой,
Сверху, с небес, омытых дождем,
Снизу, из трепета зыбких теней, дышавших, сплетавшихся, словно живые,
Из зарослей вереска и черной смородины,
Из воспоминаний о певшей мне птице,
Из воспоминаний о тебе, мой скорбный брат,— из падений и взлетов песни твоей,
Из долгих раздумий под желтой луной, так поздно встающей и словно опухшей от слез,
Из первых предвестий любви и недуга, там, в той прозрачной дымке,
Из тысяч немолкнущих откликов сердца,
Из множества ими рожденных слов,
Которым нет равных по силе и нежности,
Из этих слов, воскрешающих прошлое,
Порхавших, словно пушинка, то вверх, то вниз и уже высоко в небесах,
Рождавшихся здесь, на земле, и потом ускользавших поспешно,—
Я, взрослый мужчина, плачущий снова, как мальчик,
Который кидался на влажный песок, лицом к набегавшей волне,
Певец печали и радости, в котором прошлое встретилось с будущим,
На все едва намекая, над всем паря и скользя,—
Сплетаю песню воспоминаний.
Однажды, Помапок,
Когда уже не было снега, и в воздухе пахло сиренью, и зеленела трава,
Я видел в кустах шиповника, здесь, на морском берегу,
Двух пташек из Алабамы,—
Гнездо и четыре светло-зеленых яйца в коричневых крапинках,
И дни напролет самец хлопотал, улетая и вновь прилетая,
А самка с блестящими глазками дни напролет сидела молча в гнезде,

И дни напролет любознательный мальчик, чтоб их не вспугнуть
стоявший поодаль,
Следил, наблюдал и старался попять.

Свет! Свет! Свет!
Дари нам свет и тепло, великое солнце!
Покуда мы вместе,— покуда мы греемся здесь!

Мы вместе!
Дует ли южный, дует ли северный ветер,
Белый ли день или черная ночь,
Дома иль где-нибудь там, над рекою, в горах —
Все время петь, забывая время,
Покуда мы вместе.

И вот внезапно,
Быть может, убитая,— кто ответит? — она исчезла,
Она поутру не сидела на яйцах в гнезде,
Не появилась ни к вечеру, ни назавтра,
Не появлялась уже никогда.

С тех пор все лето, в шуме прибоя,
В ночи, при луне, в безветренную погоду,
Над хрипло рокочущими волнами
Иль днем — кружась над шиповником, перелетая с куста
на куст,—
Я это видел, я слышал,— ее призывал одинокий супруг,
Печальный гость из Алабамы.

Дуй! Дуй! Дуй!
Дуй, ветер морской, на прибрежье Поманока,
Я жду, возврати мне супругу мою!

Под небом, сверкающим звездами,
Всю ночь напролет на выступе камня,
У моря, почти среди плещущих волн,
Сидел одинокий чудесный певец, вызывающий песнями слезы.

Он звал супругу.
И то, что пел он, из всех людей на земле понятно мне одному.
Да, брат мой, я знаю,
Я сделал то, что другим недоступно,
Я сохранил, как сокровище, каждую ноту.
Бывало, бывало не раз, я, крадучись, выходил на прибрежье,

Бесшумно, почти растворяясь в тенях, избегая лунного света,
То слушая смутные зовы, отзвуки, отклики, вздохи,
То глядя во мглу, на белые руки волн, неустанно кого-то
манившие,
И, босоногий мальчишка, с копною волос, растрепанных ветром,—
Долго, долго я слушал.

Я слушал, чтобы запомнить и спеть, и вот я перевел эти звуки,
Идя за тобою, мой брат.

Покоя! Покоя! Покоя!
Волна, догоняя волну, затихает,
За нею нахлынет другая,— обнимет ее и также затихнет
в объятьях,
Но мне, но мне любовь не приносит покоя.

Понизу движется месяц — как поздно он встал!
Как медленно всходит — он, верно, также
отягощен любовью, любовью.

К берегу море, безумствуя, льнет,
Полно любовью, любовью.

О, ночь! Не моя ли любовь порхает там, над прибоем?
Не она ль, эта черная точка — там, в белизне?

Зову! Зову! Зову!
Громко зову я тебя, любимая.
Высокий и чистый, мой голос летит над волнами.
Наверное, ты узнаешь, кто зовет тебя здесь,
Ты знаешь, кто я, любимая.

Низко висящий месяц!
Что за пятно на твоей желтизне?
О, это тень, это тень супруги моей!
О месяц, молю, не томи нас в разлуке так долго!

Земля! Земля! О земля!
Куда ни направлюсь, я думаю только о том, что ты бы могла
возвратить мне супругу — если б хотела!
Куда ни взгляну, мне кажется, будто я вижу ее неясную тень.

О восходящие звезды!
Быть может, та, о ком я тоскую, взойдет среди вас!

О голос! Трепетный голос!
Пусть громче разносится он в пространстве,—

Сквозь землю, через леса!
Где-то, силясь его уловить, находится та, о ком я тоскую.

Звените, ночные песни!
Безответные песни ночные!
Песни неразделенной любви! Песни смерти!
Песни под желтой, медлительной, тускло глядящей луной!
Под этой холодной луной, почти погрузившейся в море!
Безумные песни отчаянья!

Но тише! Криков не надо!
Тише, я буду шептать.
И ты на мгновенье умолкни, ты, глухо шумящее море.
Мне слышится, где-то вдали отвечает моя супруга,
Едва уловимо,— о, дай мне прислушаться, тише!
Но только не смолкни совсем, ибо ей уж тогда не вернуться.

Вернись, любимая!
Слышишь, я здесь!
Этой созревшею песней я говорю тебе, где я,
Этот ласковый зов обращаю к тебе, к тебе.

О, берегись, не дай себя заманить!
То не голос мой, нет, то ветер свистит,
То брызги и шум клокочущей пены,
А там — скользящие тени листьев.

О, темнота! Безответность!
О! Я болен тоскою моей!

О, желтый нимб в небесах близ луны, опустившейся в море!
О, грустное отраженье в воде!
О, голос! О, скорбное сердце!
О, мир — и я, безответно поющий, безответно поющий всю ночь!

О, жизнь! О, прошлое! Гимны радости
Под небом — в лесах — над полями.
К любимой! К любимой! К любимой! К любимой! К любимой!
Но нет любимой, нет ее больше со мной!
Мы расстались навеки!

И песнь умолкает.
А все остальное живет — сияют светила,
И веют ветры, и длятся отзвуки песни,
И, жалуясь гневно, могучее старое море по-прежнему стонет,

Кидаясь на серый шуршащий песок на берег Поманока.
И желтый растет полумесяц — он опускается, никнет, лицом едва не касается волн.
И вот восторженный мальчик с босыми ногами в воде, с волосами по ветру,
Любовь, таимая прежде, потом сорвавшая цепи и ныне — заполыхавшая вдруг,
Значенье той песни, глубóко запавшее в душу,
И на щеках непонятные слезы,
Беседы — втроем, и звуки, и полутопа,
И дикое старое море, чей ропот угрюмый
Сродни был вопросам, теснившимся в сердце ребенка,
И выдавал давно потонувшие тайны
Грядущему поэту любви.

Демон иль птица (сказала душа ребенка),
Ты пел для супруги? Иль, может быть, пел для меня?
Еще не прощался я с детством, уста мои спали,
Но вот я услышал тебя,
И мне открылось, кто я; я проснулся,
И тысячи новых певцов, и тысячи песен — возвышенней, чище, печальнее песен твоих,
И тысячи откликов звонких возникли, чтоб жить со мной,
Жить и не умереть никогда.

О ты, певец одинокий, ты пел о себе — предвещая меня,
И я, одинокий твой слушатель, я, твой продолжатель, вовеки не смолкну,
Вовеки не вырвусь, и это вовеки, и стоны любви в душе не стихнут вовеки,
Вовеки не стану ребенком, спокойным, таким же, каким был когда-то в ночи,
У моря, под желтой отяжелевшей луной,
Где все зародилось — и пламя, и сладостный ад,
И жажда моя, и мой жребий.

О, дай путеводную нить! (Она где-то здесь, во мраке.)
О, если вкусил я так много, дай мне вкусить еще!

Одно только слово (я должен его добиться),
Последнее слово — и самое главное,
Великое, мудрое,— что же? — я жду.
Иль вы мне шепнули его, иль шепчете, волны, издревле.
Из ваших ли влажных песков иль из пены текучей оно?

Что ж отвечаешь ты, море?
Не замедляя свой бег, не спеша,
Ты шепчешь в глубокой ночи, ты сетуешь перед рассветом,
Ты нежно и тихо лепечешь мне: «Смерть».
Смерть и еще раз смерть, да, смерть, смерть, смерть.
Ты песни поешь, не схожие с песнями птицы, не схожие с теми,
что пело мне детское сердце,
Доверчиво ластясь ко мне, шелестя у ног моих пеной,
Затем поднимаясь к ушам и мягко всего захлестнув,—
Смерть, смерть, смерть, смерть, смерть.

И этого я не забуду.
Но песню, которую темный мой демон, мой брат,
Мне пел в ту лунную ночь на седом побережье Поманока,
Я сплел с моею собственной песней,
С миллионами песен ответных, проснувшихся в этот час,
А в них — слово неба, и ветра,
И самой сладостной песни,
То сильное мягкое слово, которое, ластясь к моим ногам
Или качаясь, подобно старухе в прекрасных одеждах,
склонившейся над колыбелью,
Шептало мне грозное море.

КОГДА ЖИЗНЬ МОЯ УБЫВАЛА ВМЕСТЕ С ОКЕАНСКИМ ОТЛИВОМ

1

Когда жизнь моя убывала вместе с океанским отливом,
Когда я бродил по знакомым берегам,
Когда проходил там, где рябь прибоя всегда омывает тебя,
Поманок,
Где волны взбегают с хрипом и свистом,
Где неистовая старуха вечно оплакивает своих погибших детей,
В этот день, это было поздней осенью, я пристально смотрел на
юг,
И электричество души сбивало с меня поэтическую спесь —
Я был охвачен чувством, что эта кромка отлива,
Ободок, осадок, воплощает дух моря и суши всей планеты.

Мой зачарованный взгляд обращался на север, опускался, чтобы
разглядеть эту узкую полоску,

Солому, щепки, сорняки и водоросли,
Пену, осколки блестящих камешков, листья морской травы,
оставленные отливом отбросы,
Я проходил милю за милей, и разбивающиеся волны ревели
рядом со мной.
И когда я снова и снова искал подобия,
Ты, Поманок, остров, похожий на рыбу, преподнес мне все это,
Пока я бродил по знакомым берегам,
Пока с наэлектризованной душой искал образы.

2

Когда я брожу по незнакомым берегам,
Когда слушаю панихиду, голоса погибших мужчин и женщин,
Когда вдыхаю порывы неуловимых бризов,
Когда океан подкатывается ко мне все ближе и ближе с такою
таинственностью,
Тогда для бесконечности я тоже значу не больше,
Чем горсть песчинок, чем опавшие листья,
Сбившиеся в кучу и завалившие меня, как песчинку.

О, сбитый с толку, загнанный в угол, втоптанный в грязь,
Казнящий себя за то, что осмелился открыть рот,
Понявший наконец, что среди всей болтовни, чье эхо
перекатывается надо мной, я даже не догадывался, кто я
и что я,
Но что рядом с моими надменными стихами стоит мое подлинное
Я, еще нетронутое, невысказанное, неисчерпанное,
Издали дразнящее меня шутовскими песенками
и поздравлениями,
Взрывающееся холодным ироническим смехом над любым,
написанным мною словом,
Молча указывая сначала на мои стихи, потом на песок
под ногами.

Я осознал, что действительно не разбирался ни в чем,
ни в едином предмете и что никто из людей не способен
разобраться,
Здесь, у моря, Природа использовала свое превосходство, чтобы
устремиться ко мне и уязвить меня,
Только потому что я осмелился открыть рот и запеть.

3

Два океана, я сблизился с вами,
Мы ропщем с одинаковой укоризной, перекатывая неведомо зачем волны и песок,
Этот сор и дребезг — вот образ для меня, и для вас, и для всего сущего.

Вы, осыпающиеся берега со следами разрушения,
И ты, похожий на рыбу остров, приемлю то, что у меня под ногами,
Что твое, то и мое, отче.

Я тоже — Помапок, я тоже пенился, громоздил бескопечные наносы и был выброшен на твой берег,
Я тоже только след прибоя и осколков,
Я тоже оставляю па тебе, похожий на рыбу остров, свои обломки.
Я бросаюсь к тебе па грудь, отче,
Я так к тебе прижимаюсь, что ты не можешь меня оттолкнуть,
Я стискиваю тебя до тех пор, пока ты мне не ответишь хоть чем-нибудь.

Поцелуй меня, отче,
Коснись меня губами, как я касаюсь любимых,
Шепни мне, покуда я сжимаю тебя, тайну твоего ропота, которой я так завидую.

4

Отливайте, волны жизни (прилив еще повторится),
Неистовая старуха, не прекращай своих рыданий,
Бесконечного воя над погибшими, но не бойся меня, не отвергай меня,
Не ропщи так хрипло и сердито, не буйствуй у моих ног, когда я касаюсь тебя или заимствую у тебя силы.

Я с любовью думаю о тебе и обо всем,
Я делаю выводы за тебя и за тот призрак, что свысока наблюдает, как мы пролагаем путь, но следует за мной и за всеми нами.

Это я и все мы — разметанные наносы, мертвые тельца,
Снежная белая пена и пузыри

(Смотри, тина опадает наконец с моих мертвых губ,
Смотри, мелькают и искрятся все цвета радуги),
Пучки соломы, песок, обломки,
Поднятые на поверхность многими противоборствующими настроениями,
Шторма, штиля, темени, зыби,
Обдумывание, взвешивание, вздох, солепая слеза, прикосновение жидкости или земли —
Все это подпято пескончаемыми трудами, перебродило и вышвырпуто;
Два или три свежесорванных цветка, плывущих по волпам, вынесенных течепием,
Имеппо для пас, которые справляют панихиду Природы,
Именно оттуда, откуда трубят трубы грома,
Мы, капризпые, сами пе знающие, откуда нас запесло, мы распростерты перед вами,
Перед теми, кто сидит здесь или ходпт,
И кто бы вы пи были, мы тоже часть напоса, лежащего у ваших пог.

СЛЕЗЫ

Слезы! слезы! слезы!
В ночи, в одиночестве, слезы
На белеющий берег падают капля за каплей, и их поглощает песок.
Слезы, и ни единой звезды, всюду тьма и безлюдье,
Мокрые слезы бегут по лицу, укутанному темною тканью;
О, кто этот призрак? эта тень в темноте, вся в слезах?
Кто это бесформенной глыбой сгорбился там на песке?
Слезы, что струятся ручьями, слезы всхлипов и мук, заглушаемых дикими воплями;
О буря, что зародилась и выросла и быстро помчалась бегом по отлогому берегу моря!
О дикая и мрачпая буря почпая — о рыгающий и бешеный шторм!
О тепь, ты при свете дня такая благопристойная, чинная, с размеренным шагом и спокойным лицом,
Но в ночи, когда пикто не глядит на тебя,— о, тогда вырывается из берегов океап
Слез! слез! слез!

ПТИЦЕ ФРЕГАТУ

Ты спала эту ночь высоко в небесах, выше бури,
Ты проснулась — и снова на сказочных крыльях в полет
(В дикой ярости шторм? Ты взмыла над штормом,
Там, в небе, твой отдых, и небо, твой раб, словно в люльке,
качает тебя);

Ты плывешь синим пятнышком над горизонтом далеким,
Как за светилом, встающим из вод, слежу с корабля за тобой
(Я и сам только пятнышко, точка в безбрежности мира).
Далеко, далеко в море,—
Когда гневный прибой этой ночью усеял обломками берег,
Когда над землей показался счастливый, безоблачный день,
Зажглась розовая заря, вспыхнуло солнце,
Хлынул чистый лазурный воздух,—
Далеко, далеко в море вновь показалась и ты.

Ты рождена мериться силами с бурей (вся ты — крылья!),
Состязаться и с небом, и с сушей, и с морем, и с урагапом,
Ты воздушный корабль, никогда не спускающий парусов,
Ты без устали дни и недели летишь вперед и вперед сквозь
пространство, кружишься над царствами,
На Сенегале закат ты встречаешь, а утро — в Америке,
Ты ликуешь, резвясь среди молний и грозовых облаков,
И когда ты проносишься там — будь у тебя моя душа,—
Какие радости, какие радости ты бы ведала, птица!

МОЛОДОЙ РУЛЕВОЙ У ШТУРВАЛА

Молодой рулевой у штурвала
Бережно ведет корабль.

Сквозь туман доносится скорбный звон
Океанского колокола — о предупреждающий колокол,
качающийся на волнах!

О, ты хорошо предостерегаешь, ты, колокол, звонящий у морских
рифов,
Звонящий, звонящий, чтоб корабль об опасности предупредить.

Ибо когда ты, рулевой, стоящий начеку, услышишь тревожный звон,
Нос корабля поворачивается, тяжело груженный корабль меняет галс, быстро уходит под серыми своими парусами,
Прекрасный, величественный корабль со всем своим огромным богатством, веселый, невредимый.

Но ты, о корабль, бессмертный корабль! Корабль на корабле!
Корабль тела, корабль души — все в пути, в пути, в пути.

НОЧЬЮ НА МОРСКОМ БЕРЕГУ

Ночью на морском берегу
Стоит девочка рядом с отцом
И глядит на восток, в осеннее небо.

Там, наверху в темноте,
Беспощадные хищные тучи, похоронные тучи расстилаются черными массами,
Злые и быстрые, они опускаются к нижнему краю небес,
К той ясной и прозрачной полоске небес, что осталась еще на востоке,
Туда, где, большая, спокойная, встает владыка-звезда Юпитер.
И тут же, чуть повыше, поблизости
Плывут нежные сестры Плеяды.

Девочка, ухватившись за руку отца
И глядя с берега на эти похоронные тучи, которые победно спускаются ниже, чтобы проглотить поскорее все небо,
Беззвучно плачет.

Не плачь, дитя,
Не плачь, моя милая,
Дай я поцелуями уберу твои слезы.
Беспощадные тучи — недолго им быть победителями,
Недолго им владеть небом, это только кажется, что звезды проглочены ими,
Юпитер появится снова, будь покойна, взгляни на него завтра ночью, и Плеяды появятся снова,
Они бессмертны, серебряные и золотые звезды, они засверкают опять,

Большие звезды и малые засверкают опять, все это им нипочем,
Громадные бессмертные солнца и задумчивые долговечные
луны,— они засверкают опять.

Дорогое дитя, ты плачешь об одном лишь Юпитере?
Ты тоскуешь лишь о погребении звезд?

Есть нечто
(Нежно целуя тебя, я говорю тебе шепотом,
Я даю тебе первый намек, неясное указание, загадку),
Есть нечто, что даже бессмертнее звезд
(Много прошло погребений, много дней и почей),
Нечто, что в мире пребудет даже дольше, чем светоносный
Юпитер,
Дольше, чем солнце, или какой-нибудь кружащийся спутник,
Или сверкающие сестры Плеяды.

МИР ПОД МОРСКОЙ ВОДОЙ

Мир под морской водой,
Леса на дне моря, их листья и ветви,
Морская капуста, бескрайние просторы лишайников, диковинные
семена и цветы, непроходимые чащи, прогалины,
розовый дерн,
Различные краски, бледно-серая, зеленая, пурпурная, белая,
золотая, игра света, проходящего сквозь воду;
Немые пловцы среди скал, кораллов, травы, камышей,— и пища
для этих пловцов;
Сонные существа, что пасутся, повиснув глубоко под водой, или
медленно ползут у самого дна,—
Кашалот на поверхности моря, выдувающий воздух и воду или
играющий гибким хвостом,
Акула со свинцовыми глазками, морж, черепаха, мохнатый
морской леопард и тропический скат.
Какие страсти, сраженья, схватки, погони видишь в этих
океанских глубинах, каким густым воздухом дышат эти
подводные твари,
Сразу меняется все, когда оттуда проникнешь сюда, к легкому
воздуху, которым дышат подобные нам существа, живущие
здесь, в нашей сфере,
И снова меняется все, когда отсюда проникнешь туда, еще выше,
в иные сферы и к иным существам.

НОЧЬЮ У МОРЯ ОДИН

Ночью у моря один.
Вода, словно старая мать, с сиплой песней баюкает землю,
А я взираю на яркие звезды и думаю думу о тайном ключе всех вселенных и будущего.

Бесконечная общность объемлет все,—
Все сферы, зрелые и незрелые, малые и большие, все солнца, луны и планеты,
Все расстоянья в пространстве, всю их безмерность,
Все расстоянья во времени, все неодушевленное,
Все души, все живые тела самых разных форм, в самых разных мирах,
Все газы, все жидкости, все растения и минералы, всех рыб и скотов,
Все народы, цвета, виды варварства, цивилизации, языки,
Все личности, которые существовали или могли бы существовать на этой планете или на всякой другой,
Все жизни и смерти, все в прошлом, все в настоящем и будущем —
Все обняла бесконечная эта общность, как обнимала всегда
И как будет всегда обнимать, и объединять, и заключать в себе.

ИЗ ЦИКЛА «У ДОРОГИ»

БОСТОНСКАЯ БАЛЛАДА

Чтоб вовремя попасть в Бостон, я встал пораньше утром,
Местечко выбрал на углу — отсюда будет видно.

Дай дорогу, Джонатан!
Дорогу полиции президента! Дорогу правительственной пушке!
Дорогу федеральной пехоте и коннице — и призракам раненых и калек!

Мне любо глядеть на звезды и полосы и слушать оркестр, играющий «Янки Дудль».

Как ярко сверкают сабли в передних рядах!
Каждый идет с револьвером, чопорно прям, шагает по граду Бостону.

За войском — тучею пыль, плетутся вслед ветераны,
Один с деревянной ногой, другой без кровинки в лице,
с повязкой на ранах.

Вот это так зрелище! Мертвые поднялись из земли!
Могилы с дальних холмов и те спешат подивиться!
Призраки! Тысячи призраков на флангах и в арьергарде!
Треуголки проедены молью, а костыли — из тумана!
Старые тяжко бредут, на молодых опираясь!
Руки на перевязях висят!
Что же печалит вас, призраки-янки? Почему выбивают дробь
беззубые челюсти?
Иль вас трясет лихорадка? Иль вы, приняв костыли за оружие,
хотите прицелиться?

Если глаза вам застелет слезами, вам не увидеть полиции,
Если начнете стонать — заглушите правительственную пушку.

Стыдитесь, вы, старые безумцы! Полно махать деревяшками,
не рвите свои седые волосы!
Кругом стоят ваши правнуки, их жены смотрят из окон,
И все они так разодеты, так чинно себя ведут!

Час от часу хуже! Не можете выдержать? Вы отступаете?
Вид живых смертельным для вас оказался?

Так убирайтесь отсюда! Прочь! Врассыпную!
В могилы! Назад, на холмы, вы, старые калеки!
Не здесь ваше место, не здесь!

Теперь здесь место иному — сказать ли чему, джентльмены
Бостона?

Я шепну это на ухо мэру — пусть он пошлет представителей
в Англию!
Они получат согласье парламента, поедут с телегой
к королевскому склепу,
Выроют гроб короля Георга, вынут монарха из савана и кости
его соберут для поездки.
Садитесь, янки, на быстрый клипер,— груз для тебя готов,
чернобрюхий клипер!
Поднять якоря! Распустить паруса! Держать прямиком
на Бостон!

А вот теперь вызывайте полицию, тащите правительственную пушку!
Зовите сюда крикунов из конгресса, откройте новое шествие, поставьте на страже пехоту и конницу!

Центральное место — заморскому гостю!
Смотрите, достойные граждане! Смотрите из окон, дамы!

Комиссия вскрыла ящик, расправила кости монарха, приклеила те, что плохо держались.
Отлично! Череп на ребра! Теперь корону на череп!

Старый пьяница, ты отомстил! Корона взяла свое, и более, чем свое!

Руки в карман засунь, Джонатан,— все в порядке!
Великий ты плут и дельце обделал на славу.

ЕВРОПА

(72-й и 73-й годы этих Штатов)

Вдруг из затхлой и сонной берлоги, из берлоги рабов,
Она молнией прянула, и сама себе удивлялась,
И топтала золу и лохмотья, и сжимала глотки королей.

О надежда и вера!
О тоска патриотов, доживающих век на чужбине!
О множество скорбных сердец!
Оглянитесь на былую победу и снова идите в бой.

А вы, получавшие плату за то, что черпили Народ,— вы, негодяи, глядите!
За все пытки, убийства, насилия,
За тысячи подлых уловок, которыми лукавая знать выжимала трудовые гроши у бедноты простодушной,
За то, что королевские уста лгали им, надругались над ними,
Народ, захвативший власть, не отомстил никому и дворянских голов не рубил:
Он презирал жестокость королей.

Но из его милосердия выросла лютая гибель, и дрожащие монархи приходят опять,
С ними их обычная свита: сборщик податей, поп, палач,
Тюремщик, вельможа, законник, солдат и шпион.

Но сзади всех, смотри, какой-то призрак крадется,
Неясный, как ночь, весь с головою укутан в бескопечную
пунцовую ткань,
Не видно ни глаз, ни лица;
Только палец изогнутый, словно головка змеи,
Из багряных одежд появился и указует куда-то.

А в свежих могилах лежат окровавленные юноши,
И веревка виселицы туго натянута, и носятся пули князей,
и победившие гады смеются,
Но все это приносит плоды, и эти плоды благодатны.

Эти трупы юношей,
Эти мученики, повисшие в петле, эти сердца, пронзенные серым
свинцом,
Холодны они и недвижны, но они где-то живут, и их невозможно
убить.
Они живут, о короли, в других, таких же юных,
Они в уцелевших собратьях живут, готовых снова восстать
против вас,
Они были очищены смертью, умудрены, возвеличены ею.

В каждой могиле борца есть семя свободы, из этого семени
вырастет новый посев,
Далеко разнесут его ветры, его вскормят дожди и снега.

Кого бы ни убили тираны, его душа никуда не исчезает,
Но невидимо парит над землею, шепчет, предупреждает, советует.

Свобода! пусть другие не верят в тебя, но я верю в тебя
до конца!

Что, этот дом заколочен? хозяин куда-то исчез?
Ничего, приготовьтесь для встречи, ждите его неустанно.
Он скоро вернется, вот уже спешат его гонцы.

РУЧНОЕ ЗЕРКАЛО

Держи его с угрюмой злостью,— гляди, что оно посылает назад
(кто это там? неужели это ты?),
Снаружи нарядный костюм, внутри мерзость и прах,
Уже нет ни сверкающих глаз, ни звонкого голоса, ни упругой
походки,

Теперь у тебя руки раба, и глаза, и голос, и походка раба,
Дыханье пропойцы, лицо объедалы, плоть, пораженная дурною болезнью,
Легкие отгнивают у тебя по кускам, желудок дрянной, истощенный,
Суставы поражены ревматизмом, нутро набито мерзопакостной дрянью,
Кровь циркулирует темной ядовитой струей.
Вместо слов — бормотня, слух и осязание притуплены,
Не осталось ни мозга, ни сердца, исчез магнетизм пола,—
Вот что из зеркала гляпет на тебя перед тем, как ты отсюда уйдешь,
Такой итог, и так скоро — после такого начала!

БОГИ

Божественный Друг, безупречный Товарищ,
Уверенно ждущий, невидимый, но существующий,—
Будь моим Богом.

Ты, ты, Человек-Идеал,
Честный, умелый, прекрасный, уверенный, любящий,
Совершенный телом и безграничный духом,—
Будь моим Богом.

О Смерть (ибо Жизнь мне уже служила),
Ты, вводящая нас в чертоги небесные,—
Будь моим Богом.

Нечто, нечто от самых могучих, лучших, кого я знаю, вижу, воображаю
(Чтобы косности узы порвать на тебе, о душа),—
Будь моим Богом.

Все великие помыслы и устремленья народов,
Все деянья и подвиги высшего одушевления,—
Будьте моими Богами.

А также Пространство и Время,
А также форма Земли, божественная и чудесная,

А также иные прекрасные формы, достойные преклонения,
А также сверкающий шар солнца, а также звезды в ночи,—
Будьте моими Богами.

КОГДА Я СЛУШАЛ УЧЕНОГО АСТРОНОМА

Когда я слушал ученого астронома
И он выводил предо мною целые столбцы мудрых цифр
И показывал небесные карты, диаграммы для измерения звезд,
Я сидел в аудитории и слушал его, и все рукоплескали ему,
Но скоро — я и сам не пойму отчего — мне стало так нудно
и скучно,
И как я был счастлив, когда выскользнул прочь и в полном
молчании зашагал одинокий
Среди влажной таинственной ночи
И взглядывал порою на звезды.

О Я! О ЖИЗНЬ!

О я! О жизнь! Изо всех неотвязных вопросов
О бесконечной чреде маловеров, о безумцах, заполнивших
города,
О себе самом с неизменным упреком себе (ибо кто безумней
меня и кто маловерней?)
О глазах, напрасно мечтающих видеть свет, о низменных целях
и вечной борьбе за жизнь,
О ничтожных плодах усилий, о трудолюбивых оборванных людях
вокруг меня ежедневно,
О пустых и бесплодных годах столь многих других, с которыми
путь мой сплетала судьба,—
Вопрос: «О я!» — так печален и неотвязен. Что хорошего в этом,
О я, о жизнь?

Ответ

То, что ты здесь,— что жизнь существует и личность,
То, что великая игра продолжается и ты можешь внести свой
вклад в виде строчки стихов.

ОДНОМУ ИЗ ПРЕЗИДЕНТОВ

Все, что вы делаете и говорите — над Америкой зыбкое марево,
Вы не учились у Природы политике Природы — широте,
прямоте, беспристрастью,
Не поняли вы, что только такое и подобает Штатам,
А все, что меньше, рано иль поздно, развеется, как туман.

Я СИЖУ И СМОТРЮ

Я сижу и смотрю на горести мира — я вижу позор, произвол
и гнет,
Я вижу незримые слезы, я слышу рыдания юношей, которых
мучает совесть, раскаянье в подлых поступках,
Я наблюдаю уродства жизни: вот матери, брошенные детьми,
голодные, нищие, близкие к смерти,
Вот жены, чья жизнь исковеркана мужем, а вот вероломные
соблазнители,
Я вижу все, что скрыто от взора,— страдания ревности
и неразделенной любви, все тайные язвы людские,
Я вижу битвы, чуму, тиранию, я вижу замученных, брошенных
в тюрьмы,
Я вижу голод на корабле — матросы бросают жребий, кого
убить, чтоб спаслись остальные,
Я вижу высокомерье богатых, агонию нищих — рабочих,
и негров, и всех, кто делит их жребий.
Да, всё — и низость одних, и бесконечные муки других — я,
сидя здесь, наблюдаю,
Я вижу, я слышу, и я молчу.

ЩЕДРЫМ ДАЯТЕЛЯМ

Все, что даете мне, с радостью я принимаю,
Пищу, лачугу и сад, немного денег на память о встрече с моими
стихами,
Ночлег и еду для прохожего, когда я скитаюсь по Штатам,—
зачем же я стану стыдливо скрывать, что я принимаю дары?
Разве сам я из тех, кто ничего не дарит ни мужчине, ни
женщине?
Нет, и мужчинам и женщинам я даю доступ ко всем богатствам
вселенной.

ЛЮБОВНАЯ ЛАСКА ОРЛОВ

Иду над рекою по краю дороги (моя утренняя прогулка, мой отдых),
Вдруг в воздухе, в небе, сдавленный клекот орлов,
Бурная любовная схватка вверху, на просторе,
Сцепление, сжатые когти, живое бешеное колесо,
Бьющих четыре крыла, два клюва, тугое сцепление кружащейся массы,
Кувыркание, бросание, увертки, петли, прямое падение вниз,
Над рекою повисли, двое — одно, в оцепенении истомы,
Висят в равновесии недвижном,— и вот расстаются, и когти ослабли,
И в небо вздымаются вкось на медлепно-мощных крылах,
Он — своим и она — своим раздельным путем.

ДЕРЕВЕНСКАЯ КАРТИНА

За широкими воротами мирной риги деревенской
Озаренная поляна со скотом и лошадьми,
И туман, и ширь, и дальний, уходящий горизонт.

ИЗУМЛЕНИЕ РЕБЕНКА

Мальчишкою малым, бывало, замолкну и с изумлением слушаю,
Как в воскресных речах у священника бог выходит всегда супостатом,
Противоборцем людей или мыслей.

КРАСИВЫЕ ЖЕНЩИНЫ

Женщины сидят или ходят, молодые и старые,
Молодые красивы, но старые гораздо красивее.

МАТЬ И ДИТЯ

Я вижу спящее дитя, прикорнувшее к груди своей матери,
Спящие мать и дитя недвижны,— тс! — я наблюдаю за ними долго, долго.

МЫСЛЬ

О вере, о покорности, о преданности;
Я стою в стороне и смотрю, и меня глубоко изумляет,
Что тысячи тысяч людей идут за такими людьми, которые не верят в людей.

НАШИМ ШТАТАМ

(В их 16-е, 17-е и 18-е президентства)

Почему все такие вялые, растерянные? Почему все дремлют и я дремлю?
Какой удручающий сумрак! Что за пена и грязь на воде!
Кто эти летучие мыши? Эти шакалы, засевшие в Капитолии?
Какое гнусное президентство! (О Юг, испепели их своим палящим солнцем! Север, заморозь своим ледяным дыханием!)
И это конгрессмены? Нелицеприятные судьи? Это президент?
Ну что ж, посплю-ка и я, покуда спят наши Штаты.
Когда сгустится мрак, грянет гром и засверкают разряды, не миновать нам проснуться,
Юг, Север, Запад и Восток, побережье и сердце страны — все мы, конечно, проснемся.

ИЗ ЦИКЛА «БАРАБАННЫЙ БОЙ»

О ПЕСНИ, СПЕРВА, ДЛЯ НАЧАЛА

О песни, сперва, для начала
Легонько ударьте в тугой бубен, расскажите о том, как я рад и горд за свой город,
Как он призвал всех к оружию, как подал пример, как мгновенно поднялся на ноги
(О великолепный! О Манхаттен мой несравненный!
О самый стойкий в час беды и опасности! О надежный, как сталь!),
Как ты воспрял — с каким хладнокровием сбросил мирные одеяния,
Как заменили барабан и рожок твою сладкую оперную музыку,
Как ты повел всех на войну (вот эти солдатские песни и пойдут у нас для начала),
Как впереди всех гремела барабанная дробь Манхаттена.

Сорок лет в моем городе солдат видели только на парадах,
Сорок лет пышных смотров, покуда внезапно владычица этого
переполненного и буйного города,
Бодрствующая среди кораблей, домов, неисчислимых сокровищ,
Окруженная миллионами своих детей,
Внезапно, глубокой ночью,
Получив известие с юга,
Не ударила яростно кулаком по панели.

Электрический ток бил по ночи, покуда
На рассвете наш улей не выплеснул с грозным жужжаньем свои
мириады.

Из домов и фабрик, из каждой двери
Вышли они, взволнованные, и вот — Манхаттен вооружается!
Под барабанную дробь
Юноши строятся и вооружаются,
Вооружаются мастеровые (прочь рубанок, мастерок, кувалду),
Адвокат покидает свою коптору и вооружается, судья покидает
суд,
Возчик бросает свой фургон посреди улицы, спрыгивает
и швыряет поводья на лошадиные крупы,
Приказчик покидает лавку, хозяин, счетовод, привратник также
ее покидают;
Повсюду дружно формируются и вооружаются отряды,
Новобранцы — почти дети, старики показывают им, как носить
снаряжение, и они тщательно затягивают ремни,
Вооружаются на улицах, вооружаются в домах, блестят стволы
мушкетов,
Белые палатки скапливаются в лагеря, окружаются караулом,
пушки гремят и на восходе и на закате,
Ежедневно прибывают вооруженные полки, проходят по городу
и грузятся на причалах
(Как они прекрасны, как шагают к реке, потные, с ружьями
на плечах!
Как я люблю их, как сжал бы в объятьях их, загорелых,
в запыленных мундирах!),
Город взбудоражен. «К оружию! К оружию! — слышится
везде и всюду,
Флаги свисают с колоколен, со всех общественных зданий
и магазинов,
Плач разлуки, мать целует сына, сын целует мать
(Разлука для матери — нож в сердце, но она не скажет
ни слова, чтобы удержать сына),

Шум, эскорт, впереди шеренги полицейских, расчищающих
дорогу,
Безудержный энтузиазм, дикие вопли толпы в честь ее
любимцев,
Артиллерия, молчаливые, сверкающие, как золото, пушки
тащатся, погромыхивая, по булыжнику
(Молчаливые пушки, скоро нарушится ваше молчанье,
Скоро вас снимут с передков, чтобы начать кровавую
работу),
Вся шумиха мобилизации, вся решительность вооружения,
Лазаретная служба, корпия, бинты и лекарства,
Женщины, записавшиеся в сестры милосердия, дело, начатое
всерьез, безо всякого парада;
Война! Выступает вооруженный народ! Он готов к бою,
отступление невозможно;
Война! На недели, на месяцы или на годы — вооруженный
народ выступает ей навстречу.

Манхаттан в походе — воспоем же ее по достоинству!
Слава мужественному бивуачному житью
И стойкой артиллерии —

Пушки блистают, как золото, одним великанам под силу
справиться с пушками,
Снимем их с передков! (Отнюдь не для приветственных
салютов, как в минувшее сорокалетие,
Заложим в них не только пыжи и порох.)

А ты, владычица кораблей, ты, Манхаттан,
Древняя покровительница этого гордого, доброго, буйного
города,
В эпохи мира и довольства окруженная своими детьми, ты
нередко печалишься или хмуришься,
Но сейчас ты радостно улыбаешься, старая Манхаттан.

1861

Военный город! Год борьбы!
Сладкие рифмы и чувствительные любовные романсы
не для тебя, суровый год!
Ты не сидишь у стола, как бледный поэтик, сюсюкая тихо
стишки,

Но, как сильный мужчина, выпрямясь, в синей одежде, шагаешь
с ружьем на плече,
Мускулистый, загорелый, с тесаком за поясом сбоку.
Я слышу, как зычный твой голос гремит по всему континенту;
Мужественный твой голос, о год, раздается в больших городах,
Я видел тебя в Манхаттене, как рабочего среди рабочих,
Видел, как ты широко шагал по прериям от Иллинойса,
от Индианы,
Как быстро упругим шагом ты устремился на Запад, сойдя
с Аллеганских гор,
Видел тебя у Великих озер, в Пенсильвании, на судах реки
Огайо,
И к югу вдоль рек Теннесси и Кумберленда и у Чаттануга
на горной вершине,
Я видел тебя, мускулистого, в синей одежде, с оружьем,
могучий год,
Я слышал твой решительный голос, гремевший снова и снова,
Твой голос, внезапно запевший из уст кругложерлых пушек,
И я вторю тебе, стремительный, гулкий, неистовый год!

БЕЙ! БЕЙ! БАРАБАН!—ТРУБИ! ТРУБА! ТРУБИ!

Бей! бей! барабан! — труби! труба! труби!
В двери, в окна ворвитесь, как лихая ватага бойцов.
В церковь — гоните молящихся!
В школу — долой школяров, нечего им корпеть над учебниками,
Прочь от жены, новобрачный, не время тебе тешиться с женой,
И пусть пахарь забудет о мирном труде, не время пахать
и собирать урожай,
Так бешено бьет барабан, так громко кричит труба!

Бей! бей! барабан! — труби! труба! труби!
Над грохотом, над громыханьем колес.
Кто там готовит постели для идущих ко сну? Не спать никому
в тех постелях,
Не торговать, торгаши, долой маклеров и барышников, не пора
ли им наконец перестать?
Как? болтуны продолжают свою болтовню и певец собирается
петь?
И встает адвокат на суде, чтобы изложить свое дело?
Греми же, барабанная дробь, кричи, надрывайся, труба!

Бей! бей! барабан! — труби! труба! труби!
Не вступать в переговоры, не слушать увещаний,
Пронеситесь мимо трусов, пусть молятся и хнычут,
Пронеситесь мимо старца, что умоляет молодого,
Заглушите крик младенца и заклинанья матерей,
И встряхните даже мертвых, что лежат сейчас на койках, ожидая похорон!
Так гремишь ты, беспощадный грозный барабан! так трубишь ты, громогласная труба!

ПЕСНЯ ЗНАМЕНИ НА УТРЕННЕЙ ЗАРЕ

Поэт

О новая песня, свободная песня,
Ты плещешь, и плещешь, и плещешь, в тебе голоса, в тебе чистые звуки,
Голос ветра, голос барабана.
Голос знамени, и голос ребенка, и голос моря, и голос отца,
Впизу на земле и вверху над землею,
На земле, где отец и ребенок,
Вверху над землею, куда глядят их глаза,
Где плещется знамя в сиянье зари.

Слова, книжные слова! Что такое слова?
Больше не нужно слов, потому что, смотрите и слушайте,
Песня моя здесь, в вольном воздухе, и я не могу не петь,
Когда плещется знамя и флаг.

Я скручу струну и вплету в нее
Все, чего хочет мужчина, все, чего хочет младенец, я вдохну в нее жизнь,
Я вложу в мою песню острый, сверкающий штык, свист пуль и свист картечи
(Подобно тому, кто, неся символ и угрозы далекому будущему,
Кричит трубным голосом: *«Пробудись и восстань! Эй, пробудись и восстань!»*),
Я залью мою песню потоками крови, крови текучей и радостной,
Я пущу мою песню на волю, пусть летит, куда хочет,
Пусть состязается с плещущим знаменем, с длинным остроконечным флажком.

Флаг

Сюда, певец, певец,
Сюда, душа, душа,
Сюда, мой милый мальчик,—
Носиться со мною меж ветрами и тучами, играть
с безграничным сиянием дня!

Ребенок

Отец, что это там в небе зовет меня длинным пальцем?
И о чем оно говорит, говорит?

Отец

В небе нет ничего, мой малютка,
И никто никуда не зовет тебя — но посмотри-ка сюда,
В эти дома загляни, сколько там чудесных вещей,
Видишь, открываются меняльные лавки,
Сейчас по улицам поползут колесницы, доверху наполненные
кладью.
Вот куда нужно смотреть, это самые ценные вещи, и было
нелегко их добыть,
Их жаждет весь шар земной.

Поэт

Свежее и красное, как роза, солнце взбирается выше,
В дальней голубизне растекается море,
И ветер над грудью моря мчится-летит к земле,
Сильный упрямый ветер с запада и с западо-юга,
Шалый ветер летит по воде с белоснежной пеной на волнах.

Но я не море, я не красное солнце,
Я не ветер, который смеется, как девушка,
А после бурлит и сечет, как кнутами.
Не душа, которая бичует свое тело до ужаса, до смерти,
Но я то, что приходит незримо и поет, и поет, и поет,
Я то, что лепечет в ручьях, я то, что шумит дождем,
Я то, что ведомо птицам, в чаще, по вечерам и утрам,
Я то, что знают морские пески и шипящие волны,
И знамя, и этот длинный флажок, которые плещутся-бьются
вверху.

Ребенок

Отец, оно живое — оно многолюдное — у него есть дети,
Мне кажется, сейчас оно говорит со своими детьми,
Да, я слышу — оно и со мной говорит — о, это так чудесно!

Смотри, оно ширится,— и так быстро растет — о, посмотри, отец,
Оно так разрослось, что закрыло собою все небо.

Отец

Перестань ты, мой глупый младенец,
То, что ты говоришь, печалит и сердит меня,
Смотри, куда смотрят все, не на знамена и флаги,
На мостовую смотри, как хорошо она вымощена, смотри, какие крепкие дома.

Знамя и флаг

Говори с ребенком, о певец из Манхаттена,
Говори со всеми детьми на юге и на севере Манхаттена,
Забудь обо всем на свете, укажи лишь на нас одних, хотя мы и не знаем зачем,
Ведь мы бесполезные тряпки, мы только лоскутья,
Которые мотаются по ветру.

Поэт

Нет, вы не только тряпки, я слышу и вижу другое,
Я слышу, идут войска, я слышу, кричат часовые,
Я слышу, как весело горланят миллионы людей, я слышу Свободу!
Я слышу, стучат барабаны и трубы трубят,
Я быстро вскочил и лечу,
Я лечу, как степная птица, я лечу, как морская птица, я лечу и смотрю с высоты.
Мне ли отвергать мирные радости жизни? Я вижу города многолюдные, я вижу богатства несчетные,
Я вижу множество ферм, я вижу фермеров, работающих в поле,
Я вижу машинистов за работой, я вижу, как строятся здания, одни только начали строить, другие приходят к концу,
Я вижу вагоны, бегущие по железным путям, их тянут за собою паровозы,
Я вижу кладовые, сараи, железнодорожные склады и станции в Бостоне, Балтиморе, Нью-Орлеане, Чарлстоне,
Я вижу на Дальнем Западе громадные груды зерна, над ними я замедляю полет,
Я пролетаю на севере над строевыми лесами, и дальше — на юг — над плантациями, и снова лечу в Калифорнию,
И, взором окинувши все, я вижу колоссальные доходы и заработки,

Я вижу Неделимое, созданное из тридцати восьми штатов,
обширных и гордых штатов (а будут еще и еще),
Вижу форты на морских берегах, вижу корабли, входящие
в гавани и выходящие в море,
И над всем, над всем (да! да!) мой маленький узкий флажок,
выкроенный, как тонкая шпага,
Он поднимается вверх, в нем вызов и кровавая битва, теперь
его подняли вверх,
Рядом с моим знаменем, широким и синим, рядом со звездным
знаменем!
Прочь, мирная жизнь, от земли и морей!

Знамя и флаг

Громче, звонче, сильнее кричи, о певец! рассеки своим криком
воздух!
Пусть наши дети уже больше не думают, что в нас лишь
богатство и мир,
Мы можем быть ужасом, кровавой резней,
Теперь мы уже не эти обширные и гордые штаты (не пять
и не десять штатов),
Мы уже не рынок, не банк, не железнодорожный вокзал,
Мы — серая широкая земля, подземные шахты — наши,
Морское прибрежье — наше, и большие и малые реки,
И поля, что орошаются ими, и зерна, и плоды — наши,
И суда, которые снуют по волнам, и бухты, и каналы — наши,
Мы парим над пространством в три или четыре миллиона
квадратных миль, мы парим над столицами,
Над сорокамиллионным народом,— о бард! — великим
и в жизни и в смерти,
Мы парим в высоте не только для этого дня, но на тысячу лет
вперед,
Мы поем нашу песню твоими устами, песню, обращенную
к сердцу одного мальчугана.

Ребенок

Отец, не люблю я домов,
И никогда не научусь их любить, и деньги мне тоже не дороги,
Но я хотел бы, о мой милый отец, подняться туда, в высоту,
я люблю это знамя,
Я хотел бы быть знаменем, и я должен быть знаменем.

Отец

Мой сын, ты причиняешь мне боль,
Быть этим знаменем страшная доля,

Ты и догадаться не можешь, что это такое — быть знаменем
сегодня и завтра, всегда,
Это значит: не приобрести ничего, но каждую минуту
рисковать.
Выйти на передовые в боях — о, в каких ужасных боях! Какое
тебе дело до них?
До этого бешенства демонов, до кровавой резни, до тысячи
ранних смертей!

Флаг

Что ж! демонов и смерть я пою,
Я, боевое знамя, по форме подобное шпаге,
Все, все я вложу в мою песню — и новую радость, и новый
экстаз, и лепет воспламененных детей,
И звуки мирной земли, и все смывающую влагу морскую,
И черные боевые суда, что сражаются, окутанные дымом,
И ледяную прохладу далекого, далекого севера, его шумные
кедры и сосны,
И стук барабанов, и топот идущих солдат, и горячий
сверкающий Юг,
И прибрежные волны, которые, словно огромными гребнями,
чешут мой восточный берег и западный берег,
И все, что между Востоком и Западом, и вековечную мою
Миссисипи, ее излучины, ее водопады,
И мои поля в Иллинойсе, и мои Канзасские поля, и мои поля
на Миссури,
Весь материк до последней пылинки,
Все я возьму, все солью, растворю, проглочу
И спою буйную песню,— довольно изящных и ласковых слов,
музыкальных и нежных звуков,
Наш голос — ночной, он не просит, он хрипло каркает вороном
в ветре.

Поэт

О, как расширилось тело мое, наконец-то мне стала ясна моя
тема,
Тебя я пою, о почтное, широкое знамя, тебя, бесстрашное, тебя,
величавое,
Долго был я слепой и глухой,
Теперь возвратился ко мне мой язык, снова я слышу все
(маленький ребенок меня научил).
Я слышу, о боевое знамя, как насмешливо ты кличешь меня,
Безумное, безумное знамя (и все же, кого, как не тебя,
я пою?).
Нет, ты не тишь домов, ты не сытость, ты не роскошь богатства.

(Если понадобится, эти дома ты разрушишь — каждый из них
до последнего,
Ты не хотело бы их разрушать, они такие прочные, уютные,
на них так много истрачено денег,
Но могут ли они уцелеть, если ты не реешь над ними?)
О знамя, ты не деньги, ты не жатва полей,
Но что мне товары, и склады, и все, привезенное морем,
И все корабли, пароходы, везущие богатую кладь,
Машины, вагоны, повозки, доходы с богатых земель, я вижу
лишь тебя,
Ты возникло из ночи, усеянное гроздьями звезд (вечно
растущих звезд!),
Ты подобно заре, ты тьму отделяешь от света,
Ты разрезаешь воздух, к тебе прикасается солнце, ты меряешь
небо
(Бедный ребенок влюбился в тебя, только он и увидел тебя,
А другие занимались делами, болтали о наживе, о наживе).
О поднебесное знамя, ты вьешься и шипишь, как змея,
Тебя не достать, ты лишь символ, но за тебя проливается кровь,
тебе отдают жизнь и смерть,
Я люблю тебя, люблю, я так люблю тебя,
Ты усыпано звездами ночи, но ведешь за собою день!
Бесценное, я гляжу на тебя, ты над всеми, ты всех зовешь
(державный владыка всех), о знамя и флаг,
И я покидаю все, я иду за тобой, я не вижу ни домов, ни машин,
Я вижу лишь тебя, о воинственный флаг! О широкое знамя,
я пою лишь тебя,
Когда ты плещешь в высоте под ветрами.

ПОДНИМАЙТЕСЬ, О ДНИ, ИЗ БЕЗДОННЫХ ГЛУБИН

1

Поднимайтесь, о дни, из бездонных глубин, покуда не помчитесь
все горделивей и неистовей,
Долго я поглощал все дары земли, потому что душа моя алкала
дела,
Долго я шел по северным лесам, долго наблюдал
низвергающуюся Ниагару,
Я путешествовал по прериям и спал на их груди, я пересек
Неваду, я пересек плато,

Я взбирался на скалы, вздымающиеся над Тихим океаном,
я выплывал в море,
Я плыл сквозь ураган, меня освежал ураган,
Я весело следил за грозными валами,
Я наблюдал белые гребни волн, когда они поднимались так
высоко и обламывались.
Я слышал вой ветра, я видел черные тучи,
Я смотрел, задрав голову, на растущее и громоздящееся
(о, величавое, о, дикое и могучее, как мое сердце!),
Слушал долгий гром, грохотавший после молнии,
Наблюдал тонкие зигзаги молний, когда, внезапные и быстрые,
они гонялись друг за дружкой под всеобщий грохот;
Ликуя, смотрел я на это и на то, что подобно этому,— смотрел
изумленно, но задумчиво и спокойно,
Вся грозная мощь планеты обступала меня,
Но мы с моей душой впитывали, впитывали ее, довольные
и гордые.

2

О душа — это было прекрасно, ты достойно меня подготовила,
Пришел черед утолить наш большой и тайный голод,
Теперь мы идем, чтобы получить у земли и неба то, что нам
еще никогда не давали,
Мы идем не великими лесами, а величайшими городами,
На нас низвергается нечто мощней низверженья Ниагары,
Потоки людей (родники и ключи Северо-Запада, вы
действительно неиссякаемы?).
Что для здешних тротуаров и районов бури в горах и на море?
Что бушующее море по сравнению со страстями, которые
я наблюдаю?
Что для них трубы смерти, в которые трубит буря под черными
тучами?
Гляди, из бездонных глубин восстает нечто еще более свирепое
и дикое,
Манхаттен, продвигаются грозной массой спущенные с цепи
Цинциннати, Чикаго;
Что валы, виденные мной в океане? Гляди, что делается здесь,
Как бесстрашно карабкаются — как мчатся!
Какой неистовый гром грохочет после молнии — как
ослепительны молнии!
Как, озаряемое этими вспышками, шагает возмездие
Демократии!

(Однако, когда утихал оглушительный грохот, я различал
во тьме
Печальные стоны и подавленные рыданья.)

3

Громыхай! Шагай, Демократия! Обрушивай возмездие!
А вы, дни, вы, города, растите выше, чем когда-либо!
Круши все грознее, грознее, буря! Ты пошла мне на пользу,
Моя душа, мужавшая в горах, впитывает твою бессмертную
пищу,
Долго ходил я по моим городам и поселкам, но без радости,
Тошнотворное сомненье ползло передо мной, как змея,
Всегда предшествуя мне, оно оборачивалось, тихо, издевательски
шипя;
Я отказался от возлюбленных мной городов, я покинул их,
я спешил за ясностью, без которой не мог жить,
Алкал, алкал, алкал первобытной мощи и естественного
бесстрашия,
Только в них черпал силу, только ими наслаждался,
Я ожидал, что скрытое пламя вырвется,— долго ждал на море
и на суше;
Но теперь не жду, я удовлетворен, я насыщен,
Я узрел подлинную молнию, я узрел мои города
электрическими,
Я дожил до того, чтобы увидеть, как человек прорвался вперед,
как воспряла мужествующая Америка,
И теперь мне уже ни к чему добывать хлеб диких северных
пустынь,
Ни к чему бродить по горам или плыть по бурному морю.

ИДИ С ПОЛЯ, ОТЕЦ

Иди с поля, отец,— пришло письмо от нашего Пита,
Из дома выйди, мать,— пришло письмо от любимого сына.

Сейчас осень,
Сейчас темная зелень деревьев, желтея, краснея,
Овевает прохладой и негой поселки Огайо, колеблясь от легкого
ветра,
Созрели яблоки там в садах, виноград на шпалерах.
(Донесся ль до вас аромат виноградных гроздий
И запах гречихи, где пчелы недавно жужжали?)

А небо над всем так спокойно, прозрачно после дождя,
с чудесными облаками;
И на земле все так спокойно, полно жизни и красоты —
на ферме сейчас изобилье.

В полях тоже везде изобилье.
Иди же с поля, отец, иди,— ведь дочь тебя кличет,
И выйди скорее, мать,— выйди скорей на крыльцо.
Поспешно идет она, недоброе чуя — дрожат ее ноги,
Спешит, волос не пригладив, чепца не поправив.

Открыла быстро конверт,
О, то не он писал, но подписано его имя!
Кто-то чужой писал за нашего сына... о несчастная мать!
В глазах у нее потемнело, прочла лишь отрывки фраз:
*«Ранен пулей в грудь... кавалерийская стычка... отправлен
в госпиталь...*
Сейчас ему плохо, но скоро будет лучше».
Ах, теперь я только и вижу
Во всем изобильном Огайо с его городами и фермами
Одну эту мать со смертельно бледным лицом,
Опершуюся о косяк двери.
«Не горюй, милая мама (взрослая дочь говорит, рыдая,
А сестры-подростки жмутся молча в испуге),
Ведь ты прочитала, что Питу скоро станет лучше».

Увы, бедный мальчик, ему не станет лучше (он уже
не нуждается в этом, прямодушный и смелый),
Он умер в то время, как здесь стоят они перед домом,—
Единственный сын их умер.
Но матери нужно, чтоб стало лучше:
Она, исхудалая, в черном платье,
Днем не касаясь еды, а ночью в слезах просыпаясь,
Во мраке томится без сна с одним лишь страстным желаньем —
Уйти незаметно и тихо из жизни, исчезнуть и скрыться,
Чтобы вместе быть с любимым убитым сыном.

СТРАННУЮ СТРАЖУ Я НЕС В ПОЛЕ ОДНАЖДЫ НОЧЬЮ

Странную стражу я нес в поле однажды ночью;
Ведь днем рядом со мной был сражен ты, мой товарищ, мой сын.
Только раз я взгляпул в дорогие глаза, но их взгляд
я никогда не забуду,

Только одно прикосновенье твоей простертой руки,
И мне снова в бой, нерешенный и долгий,
Лишь поздно вечером, отпросившись, я вернулся туда
и нашел там
Твое холодное тело, мой товарищ, мой сын! (Оно никогда
не ответит на поцелуи.)
Я повернул тебя лицом к звездам, и любопытный ветер овевал
нас ночным холодком,
Долго на страже стоял я в душистом безмолвии ночи, и кругом
простиралось вдаль поле сраженья,
Странную стражу с горькой отрадой я нес,
Но ни слезы, ни вздоха; долго, долго на тебя я глядел,
Потом сел рядом с тобой на холодной земле, подперев рукой
подбородок,
Проводя последние часы, бесконечные, несказанные часы,
с тобой, мой товарищ,— ни слезы, ни слова,—
Молчаливая, последняя стража любви над телом солдата
и сына,
И медленно склонялись к закату звезды, а с восхода вставали
другие,
Последняя стража, храбрец мой (не смог тебя я спасти,
мгновенно ты умер,
Так крепко тебя я любил, охранял твою жизнь, непременно мы
встретимся снова);
Потом кончилась ночь, и на заре, когда стало светать,
Товарища бережно я завернул в его одеяло,
Заботливо подоткнул одеяло под голову и у ног
И, омытого лучом восходящего солнца, опустил его в наспех
отрытую яму,
Отстояв последнюю стражу, без смены, всю ночь, на поле
сраженья,
Стражу над телом друга (оно никогда не ответит на поцелуи),
Стражу над телом товарища, убитого рядом со мной, стражу,
которой я никогда не забуду,
Не забуду, как солнце взошло, как я поднялся с холодной земли
и одеялом плотно укрытое тело солдата
Схоронил там, где он пал.

СОМКНУТЫМ СТРОЕМ МЫ ШЛИ

Сомкнутым строем мы шли по неизвестной дороге,
Шли через лес густой, глохли шаги в темноте;
После тяжелых потерь мы отступали угрюмо;

В полночь мы подошли к освещенному тускло зданью
На открытом месте в лесу на перекрестке дорог;
То был лазарет, разместившийся в старой церкви.
Заглянув туда, я увидел то, чего нет на картинах, в поэмах:
Темные, мрачные тени в мерцанье свечей и ламп,
В пламени красном, в дыму смоляном огромного факела
Тела на полу вповалку и на церковных скамьях;
У ног моих — солдат, почти мальчик, истекает кровью (ранение в живот);
Кое-как я остановил кровотеченье (он побелел, словно лилия);
Перед тем как уйти, я снова окинул все взглядом;
Санитары, хирурги с ножами, запах крови, эфира,
Нагромождение тел в разных позах, живые и мертвые;
Груды, о, груды кровавых тел — даже двор переполнен,
На земле, на досках, на носилках, иные в корчах предсмертных;
Чей-то стон или вопль, строгий докторский окрик;
Блеск стальных инструментов при вспышках факелов
(Я и сейчас вижу эти кровавые тела, вдыхаю этот запах);
Вдруг я услышал команду: «Стройся, ребята, стройся!»
Я простился с юношей — он открыл глаза, слегка улыбнулся,
И веки сомкнулись навек,— я ушел в темноту,
Шагая сквозь мрак, шагая в шеренге, шагая
По неизвестной дороге.

ЛАГЕРЬ НА РАССВЕТЕ, СЕДОМ И ТУМАННОМ

Лагерь на рассвете, седом и туманном,
Когда, проснувшись так рано, я выхожу из своей палатки,
Когда бреду по утренней прохладе мимо лазаретной палатки,
Три тела я вижу, их вынесли на носилках и оставили без присмотра,
Каждое накрыто одеялом, широким коричневатым шерстяным одеялом,
Тяжелым и мрачным одеялом, закрывающим все сверху донизу.

Из любопытства я задерживаюсь и стою молча,
Потом осторожно отворачиваю одеяло с лица того, кто ближе;
Кто ты, суровый и мрачный старик, давно поседевший, с запавшими глазами?
Кто ты, мой милый товарищ?

Потом я иду ко второму — а кто ты, родимый сыночек?
Кто ты, милый мальчик, с детской пухлостью щек?

Потом — к третьему — лицо ни старика, ни ребенка, очень
спокойное, словно из прекрасной желто-белой слоновой
кости;
Юпоша, думаю, что признал тебя,— думаю, что это лицо —
лицо самого Христа,
Мертвый и богоподобный, брат всем и каждому, он снова
лежит здесь.

КОГДА Я СКИТАЛСЯ В ВИРГИНСКИХ ЛЕСАХ

Когда я скитался в Виргинских лесах
Под музыку листьев, под погами шуршавших (была уже осень),
Я заметил под деревом могилу солдата,
Он был ранен смертельно и похоронен при отступленье — я
сразу всё понял:
Полдневный привал, подъем! Надо спешить! И вот надпись
Нацарапана на дощечке, прибитой к стволу:
«Храбрый, надежный, мой хороший товарищ».
Долго я стоял там и думал, а потом побрел дальше.
Немало лет протекло с тех пор, немало событий,
Но в смене лет, событий, наедине и в толпе, я порой вспоминаю
Могилу неизвестного солдата в Виргинских лесах, с надписью
краткой:
«Храбрый, надежный, мой хороший товарищ».

КАК ШТУРМАН

Как штурман, что дал себе слово ввести свой корабль в гавань,
хотя бы его гнало назад и часто сбивало с пути,
Как следопыт, что пробирается вглубь, изнуренный
бездорожною далью,
Опаленный пустынями, обмороженный снегами, промоченный
реками, идущий вперед напролом, пока не доберется
до цели,—
Так даю себе слово и я сложить для моей страны — услышит ли
она или нет — боевую походную песню,
Что будет призывом к оружью на многие года и века.

ВРАЧЕВАТЕЛЬ РАН

1

Согбенный старик, я иду среди новых лиц,
Вспоминая задумчиво прошлое, отвечаю ребятам
На их: «Расскажи нам, дед», и внемлющей мне молодежи
(Взволнован, ожесточен, я думал забить боевую тревогу,
Но пальцы мои разжались, голова поникла,— я снова
Стал раненым боль облегчать, над мертвыми молча
скорбеть);
Скажи о военных годах, об их неистовом гневе,
Об их беспримерных героях (иль только одной стороны? Ведь
был так же храбр и противник),
Так будь же свидетелем вновь — расскажи о двух армиях
мощных,
О войске стремительном, славном,— поведай о том, что видел,
Что врезалось в память тебе. Какие битвы,
Победы и пораженья, осады навек ты запомнил?

2

О девушки, юноши, любимые и дорогие.
От ваших вопросов опять в памяти прошлое встало;
Вновь я, солдат, покрытый пылью и пóтом, прямо с похода
Кидаюсь в сраженье и с криком после удачной атаки
Врываюсь во взятый окоп... Но вдруг словно быстрый поток
все уносит,
И все исчезает,— не вспомню о жизни солдатской
(Помню, что было много лишений, мало утех, но я был
доволен).

В молчанье, в глубоком раздумье,
В то время как мир житейских забот и утех дальше несется,
Забытое прочь унося,— так волны следы на песке смывают,—
Я снова вхожу осторожно в двери (и вы все вокруг,
Кто б ни были, тихо идите за мной и мужества не теряйте).

Неся бинты, воду и губку,
К раненым я направляюсь поспешно,
Они лежат на земле, принесенные с поля боя,
Их драгоценная кровь орошает траву и землю;

Иль под брезентом палаток, иль в лазарете под крышей
Длинный ряд коек я обхожу, с двух сторон, поочередно,
К каждому я подойду, ни одного не миную.
Помощник мой сзади идет, несет поднос и ведерко,
Скоро наполнит его кровавым тряпьем, опорожнит и снова
наполнит.

Осторожно я подхожу, наклоняюсь,
Руки мои не дрожат при перевязке ран,
С каждым я тверд — ведь острая боль неизбежна,
Смотрит один с мольбой (бедный мальчик, ты мне незнаком,
Но я бы пожертвовал жизнью для твоего спасенья).

3

Так я иду! (Открыты двери времени! Двери лазарета
открыты!)
Разбитую голову бинтую (не срывай, обезумев, повязки!),
Осматриваю шею кавалериста, пробитую пулей навылет;
Вместо дыханья — хрип, глаза уже остеклели, но борется жизнь
упорно.
(Явись, желанная смерть! Внемли, о прекрасная смерть!
Сжалься, приди скорей.)
С обрубка ампутированной руки
Я снимаю корпию, счищаю сгустки, смываю гной и кровь;
Солдат откинул в сторону голову на подушке,
Лицо его бледно, глаза закрыты (он боится взглянуть
на кровавый обрубок,
Он еще не видел его).

Перевязываю глубокую рану в боку,
Еще день, другой — и конец, видите, как тело обмякло, ослабло,
А лицо стало иссиня-желтым.

Бинтую пробитое плечо, простреленную ногу,
Очищаю гнилую, ползучую, гангренозную рану,
Помощник мой рядом стоит, держа поднос и ведерко.

Но я не теряюсь, не отступаю,
Бедро и колено раздроблены, раненье в брюшину.
Все раны я перевязываю спокойно (а в груди моей полыхает
пожар).

4

Так в молчанье, в глубоком раздумье
Я снова по лазарету свой обход совершаю;
Раненых я успокоить стараюсь ласковым прикосновеньем,
Над беспокойными ночи сижу, есть совсем молодые,
Многие тяжко страдают,— грустно и нежно о них вспоминаю.
(Много солдат обнимало вот эту шею любовно,
Много их поцелуев на этих заросших губах сохранилось.)

ДОЛГО, СЛИШКОМ ДОЛГО, АМЕРИКА

Долго, слишком долго, Америка,
Путешествуя по дорогам гладким и мирным, ты училась только у радости и процветания,
Но теперь, но теперь настала пора учиться у горестей, бороться со страшными бедами и не отступать,
И теперь только можно понять и показать миру, каковы твои дети в массе своей
(Ибо кто, кроме меня, до сих пор понимал, что являют собой твои дети в массе своей?).

ДАЙ МНЕ ВЕЛИКОЛЕПНОЕ БЕЗМОЛВНОЕ СОЛНЦЕ

1

Дай мне великолепное безмолвное солнце со снопами лучей раскаленных,
Дай мне налитых соком красных плодов, созревших в осеннем саду,
Дай мне поле, где травы, не зная косы, растут на приволье,
Дай мне зелень деревьев, виноград на шпалерах,
Дай маис молодой, молодую пшеницу, дай медлительность мирных животных — они учат довольству,
Дай мне тихую, тихую ночь, как бывает на взгорьях к западу от Миссисипи, где глядел я вверх на звезды,
Дай мне запах прекрасных цветов в саду на рассвете,— где я мог бы бродить в одиночестве.
Дай мне женщину в жены — у нее сладкое дыханье, от нее никогда не устанешь,

Дай мне чудо-ребенка — дай спокойную жизнь, вдали от
городской суеты и шума, в деревне,
Дай мне спеть мои песни, как птице, когда захочется спеть их —
свободно, для своего только слуха,
Дай мне чувство уединения — дай мне Природу, ее
первозданность, здоровье!

Так взывал и молил я (бесконечно измучась, устав от войны);
Так взывал день за днем, просил, открывая все сердце.
Я и ныне взываю, но все же я верен тебе, о мой город;
Я хожу, о мой город, по твоим мостовым много лет,
Я давно пленен тобой, город, отпустить меня ты не хочешь,
Ты с избытком питаешь мой дух — ты даешь мне видеть лица
(Я мечтал убежать, уйти от тебя, но ты меня покоряешь,
И уже развеяно то, к чему взывала моя душа!).

2

Пусть у тебя будет великолепное безмолвное солнце,
Пусть у тебя будут леса, о Природа, и тихие опушки,
Пусть у тебя будут поля клеверов и тимофеевки, фруктовые
сады и посевы маиса,
Пусть у тебя цветет гречиха и в ней гудят сентябрьские
пчелы —
Дай мне улицы, лица людские — дай эти толпы, нескончаемо
движущиеся по тротуарам!
Дай миллионы глаз, дай женщин, дай тысячи товарищей
и влюбленных!
Новых встречать хочу каждый день — новые руки в своих руках
держать каждый день!
Дай мне ярчайших зрелищ! Улицы дай Манхаттена!
Дай мне Бродвей, где маршируют солдаты,— дай дробь
барабанов и звуки труб!
(Солдаты построены в роты или полки — часть их, отправляясь
в далекую даль, горит отвагой,
Другие — время их истекло — возвращаются в поредевших
рядах — молодые и все же очень старые, устало идут,
не замечая ничего вокруг.)
Дай мне берега и пристани с тесно обступившими их черными
кораблями!
Это по мне! Жизнь, полная напряжения! Многоликая,
насыщенная до краев!
Жизнь театров, баров, больших гостиниц — она по мне!

Салон парохода! Палуба с толпами людей, движение — это
по мне! И факельное шествие!
Плотно сбитый отряд, отправляющийся на войну,
с нагруженными повозками позади,
Бесконечный поток людей, охваченных страстью, с сильными
голосами, людей, всегда в действии,
Улицы Манхаттена — их могучий пульс, звучащие, как ныпе,
барабаны,
Не знающий покоя, шумный хор, звяканье и лязг мушкетов
(и даже вид раненых),
Толпы Манхаттена — их музыкальный хор — разноголосый
и буйный, и свет сверкающих взоров —
Лица, глаза Манхаттена навеки во мне.

НЕ МОЛОДОСТЬ ПОДОБАЕТ МНЕ

Не молодость подобает мпе,
Не изысканность, я не умею тратить время па разговоры,
Неуклюжий в салопе, без манер, пе танцор,
В ученом кругу безмолвен и скован, ибо я не привык к наукам,
К красоте и учености я пе привык — но что-то мне все же
привычно,—
Я ходил за ранепыми солдатами и утешал умирающих,
А в мипуты досуга и посреди бивуака
Складывал эти песпи.

ТЫ, ЗАГОРЕЛЫЙ МАЛЬЧИШКА ИЗ ПРЕРИЙ

Ты, загорелый мальчишка из прерий,
И до тебя приходило в наш лагерь много желапных даров,
Приходили и хвалы, и подарки, и хорошая пища, пока пакопец
с новобрапцами
Не прибыл и ты, молчаливый, без всяких подарков,— по мы
глянули один па другого,
И больше, чем всеми дарами вселенной, ты одарил меня.

ОДНОМУ ШТАТСКОМУ

Ты просил у мепя сладковатых стишков?
Тебе были нужны невоенные, мирные, томные песни?
По-твоему, то, что я пел до сих пор, было непонятно и трудно?

Но ведь я и не пел для того, чтобы ты понял меня или шел бы за мной,
Я и теперь не пою для тебя.
(Я рожден заодно с войною,
И барабанная дробь — для меня сладкая музыка, и мне любы похоронные марши,
Провожающие бойца до могилы с тягучим рыданием,
с конвульсией слез.)
Что для таких, как ты, такие поэты, как я? Оставь же мою книгу,
Ступай и баюкай себя тем, что ты можешь понять, какой-нибудь негромкой пианинной мелодией,
Ибо я никого не баюкаю, и ты никогда не поймешь меня.

ПРОЩАЛЬНОЕ СЛОВО СОЛДАТУ

Прощай же, солдат,
С тобой мы делили суровость походов,
Быстрые марши, житье на бивуаках,
Жаркие схватки, долгие маневры,
Резню кровавых битв, азарт, жестокие грубые забавы,
Милые смелым и гордым сердцам, вереницу дней, благодаря тебе и подобным тебе
Исполненных войной и воинским духом.
Прощай, дорогой товарищ,
Твое дело сделано, но я воинственнее тебя,
Вдвоем с моей задорной душой
Мы еще маршируем по неведомым дорогам, через вражеские засады,
Через множество поражений и схваток, зачастую сбитые с толку,
Все идем и идем, все воюем — на этих страницах
Ищем слова для битв потяжелее и пожесточе.

ПОВЕРНИСЬ К НАМ, О ЛИБЕРТАД

Повернись к нам, о Либертад, ибо война кончилась,
Ширься впредь без всяких сомнений, решительно охватывай мир,
Отвернись от войны, от стран былого, свидетельствующих о прошлом,

От певцов, поющих отребья славы прошлого,
От гимнов феодальному миру, от триумфов королей, рабства, каст и сословий,
Повернись к миру, которому предназначены грядущие триумфы — откажись от мира отсталости,
Оставь его певцам былого, отдай им отребья прошлого,
Но то, что останется, останется для тех, кто воспоет тебя,— войны грядут для тебя
(Подумай, в свое время на тебя работали былые войны, нынешние также послужат тебе);
Так повернись же, Либертад, и не бойся — обрати свой бессмертный лик
К будущему — оно величавее всего, что было в прошлом,
И оно бодро и уверенно готовится к тебе, Либертад.

ИЗ ЦИКЛА «ПАМЯТИ ПРЕЗИДЕНТА ЛИНКОЛЬНА»

КОГДА ВО ДВОРЕ ПЕРЕД ДОМОМ ЦВЕЛА ЭТОЙ ВЕСНОЮ СИРЕНЬ

1

Когда во дворе перед домом цвела этой весною сирень
И никла большая звезда на западном небе в ночи,
Я плакал и всегда буду плакать — всякий раз, как вернется весна.

Каждой новой весной эти трое будут снова со мной!
Сирень в цвету, и звезда, что на западе никнет,
И мысль о нем, о любимом.

2

О, могучая упала звезда!
О, тени ночные! О, слезная, горькая ночь!
О, сгинула большая звезда! О, закрыл ее черный туман!
О, жестокие руки, что, бессильного, держат меня! — О, немощное сердце мое!
О, шершавая туча, что обволокла мое сердце и не хочет отпустить его на волю.

3

На ферме, во дворе, пред старым домом, у забора, беленного
известью,
Выросла высокая сирень с сердцевидными ярко-зелеными
листьями,
С мириадами нежных цветков, с сильным запахом, который
мне люб,
И каждый листок есть чудо; и от этого куста во дворе,
С цветками такой нежной окраски, с сердцевидными
ярко-зелеными листьями,
Я ветку, всю в цвету, отломил.

4

Вдали, на пустынном болоте,
Притаилась пугливая птица и поет-распевает песню.
Дрозд одинокий,
Отшельник, в стороне от людских поселений,
Поет песню, один-одинешенек,—

Песню кровоточащего горла,
Песню жизни, куда изливается смерть. (Ибо хорошо, милый
брат, я знаю,
Что, если бы тебе не дано было петь, ты, наверное, умер бы.)

5

По широкой груди весны, над страною, среди городов,
Между изгородей, сквозь вековые чащи, где недавно из-под земли
пробивались фиалки — крапинки на серой
прошлогодней листве,
Проходя по тропинкам, где справа и слева полевая трава,
проходя бескопечной травой,
Мимо желтых стеблей пшеницы, воскресшей из-под савана
в темно-бурых полях,
Мимо садов, мимо яблонь, что в розовом и в белом цвету,
Неся мертвое тело туда, где оно ляжет в могилу,
День и ночь путешествует гроб.

6

Гроб проходит по тропинкам и улицам,
Через день, через ночь в большой туче, от которой чернеет
земля,
В великолепии полуразвернутых флагов, среди укутанных
в черный креп городов,
Среди штатов, что стоят, словно женщины, облаченные
в траур;
И длинные процессии вьются за ним, и горят светильники
ночи,
Несчетные факелы среди молчаливого моря лиц и обнаженных
голов,
И ждет его каждый поселок, и гроб прибывает туда, и всюду
угрюмые лица,
И панихиды всю ночь напролет, и несется тысячеголосое могучее
пение,
И плачущие голоса панихид льются дождем вокруг гроба,
И тускло освещенные церкви, и содрогающиеся от горя
орга́ны,— так совершаешь ты путь
С неумолчным перезвоном колоколов погребальных,
И здесь, где ты так неспешно проходишь, о гроб,
Я даю тебе ветку сирени.

7

(Не только тебе, не тебе одному,—
Цветы и зеленые ветки я всем приношу гробам,
Ибо свежую, как утро, хотел бы пропеть я песню тебе, о светлая
и священная смерть!

Всю тебя букетами роз,
О смерть, всю тебя покрываю я розами и ранними лилиями,
Но больше всего сиренью, которая цветет раньше всех,
Я полной охапкой несу их тебе, чтобы высыпать их на тебя,—
На тебя и на все твои гробы, о смерть.)

8

О плывущая в западном небе звезда,
Теперь я знаю, что таилось в тебе, когда месяц назад
Я шел сквозь молчаливую прозрачную ночь,

Когда я видел, что ты хочешь мне что-то сказать, ночь
за ночью склоняясь ко мне,
Все ниже поникая с небес, как бы спускаясь ко мне (а все
прочие звезды глядели на нас),
Когда торжественной ночью мы блуждали с тобою (ибо что-то
не давало мне спать),
Когда ночь приближалась к рассвету и я глядел на край неба,
на запад, и увидел, что вся ты в истоме тоски,
Когда прохладною прозрачною ночью я стоял на взгорье,
обвеваемый бризом,
И смотрел, где прошла ты и куда ты ушла в ночной черноте,
Когда моя душа, вся в тревоге, в обиде, покатилась вслед за
тобою, за печальной звездой,
Что канула в ночь и пропала.

9

Пой же, пой на болоте,
О певец, застенчивый и нежный, я слышу твою песню, твой
призыв,
Я слышу, я скоро приду, я понимаю тебя,
Но я должен помедлить минуту, ибо лучистая звезда задержала
меня,
Звезда, мой уходящий товарищ, держит и не пускает меня.

10

О, как я спою песню для мертвого, кого я любил?
И как я спою мою песню для милой широкой души, что ушла?
И какие благовония принесу на могилу любимого?

Морские ветры с Востока и Запада,
Дующие с Восточного моря и с Западного, покуда не встретятся
в прериях,—
Эти ветры — дыхание песни моей,
Их благовоние я принесу на могилу любимого.

11

О, что я повешу на стенах его храмины?
Чем украшу я мавзолей, где погребен мой любимый?

Картинами ранней весны, и домов, и ферм,
Закатным вечером Четвертого месяца, серым дымом,
светозарным и ярким,
Потоками желтого золота великолепного, лениво заходящего
солнца,
Свежей сладкой травой под ногами, бледно-зелеными листьями
щедрых дерев,
Текучей глазурью реки — ее грудью, кое-где исцарапанной
набегающим ветром,
Грядою холмов на речных берегах с пятнами теней и с большим
изобилием линий на фоне небес,
И чтобы тут же, поблизости,— город с грудой домов,
со множеством труб дымовых,
И чтобы бурлила в нем жизнь, и были бы мастерские, и рабочие
шли бы с работы домой.

12

Вот тело и душа — моя страна,
Мой Манхаттен, шпили домов, искристые и торопливые воды,
корабли,
Разнообразная широкая земля, Юг и Север в сиянии,
берега Огайо, и сверкающая, как пламя, Миссури,
И бесконечные вечные прерии, покрытые травой и маисом.

Вот самое отличное солнце, такое спокойное, гордое,
Вот лилово-красное утро с еле ощутимыми бризами,
Безграничное сияние, мягкое, постепенно растущее,
Чудо, разлитое повсюду, омывающее всех, завершительный
полдень,
Сладостный близкий вечер, желанная ночь и звезды,
Что сияют над моими городами, обнимая человека и землю.

13

Пой же, пой, серо-бурая птица,
Пой из пустынных болот, лей песню с укромных кустов,
Бесконечную песню из сумерек лей, оттуда, где ельник и кедр.

Пой, мой любимейший брат, щебечи свою свирельную песню,
Человеческую громкую песню, звучащую безмерной тоской.

О звенящий, и свободный, и нежный!
О дикий, освобождающий душу мою, о чудотворный певец,

Я слушаю тебя одного, но звезда еще держит меня (и все же
она скоро уйдет),
Но сирень с властительным запахом держит меня.

14

Пока я сидел среди дня и смотрел пред собою,
Смотрел в светлый вечереющий день с его весенними нивами,
с фермами, готовящими свой урожай,
В широком безотчетном пейзаже страны моей, с лесами,
с озерами,
В этой воздушной неземной красоте (после буйных ветров
и шквалов),
Под аркою неба предвечерней поры, которая так скоро проходит,
с голосами детей и женщин,
Я видел неугомонные приливы-отливы морей, я видел корабли
под парусами,
И близилось богатое лето, и все поля были в хлопотливой
работе,
И бесчисленны были людские дома, и в каждом доме была своя
жизнь,
И вскипала кипучесть улиц, и замкнуты были в себе города,—
и вот в это самое время,
Обрушившись на всех и на все, окутав и меня своей тенью,
Надвинулась туча, длинный и черный плащ,
И мне открылась смерть и священная сущность ее.

И это знание сущности смерти шагает теперь рядом со мною
с одной стороны,
И эта мысль о смерти шагает рядом с другой стороны,
И я — посредине, как гуляют с друзьями, взяв за руки их, как
друзей,
Я бегу к бессловесной, таящейся, все принимающей ночи,
Вниз, к морским берегам, по тропинке у болота во мраке,
К темным торжественным кедрам и к молчаливым елям,
зловещим, как призраки.

И певец, такой робкий со всеми, не отвергает меня,
Серо-бурая птица принимает нас, трех друзей,
И поет славословие смерти, песню о том, кто мне дорог.

Из глубоких, неприступных тайников,
От ароматных кедров и елей, таких молчаливых, зловещих, как
призраки,
Несется радостное пение птицы.

И чарующая песня восхищает меня,
Когда я держу, словно за руки, обоих ночных товарищей,
И голос моей души поет заодно с этой птицей.

Ты, милая, ты, ласковая смерть,
Струясь вокруг меня, ты, ясная, приходишь, приходишь
Днем и ночью, к каждому, ко всем!
Раньше или позже, нежная смерть!

Слава бездонной Вселенной
За жизнь и радость, за любопытные вещи и знания,
И за любовь, за сладкую любовь,— но слава ей, слава, слава
За верные и хваткие, за холодящие объятия смерти.

Темная мать! Ты всегда скользишь неподалеку тихими
и мягкими шагами,
Пел ли тебе кто-нибудь песню самого сердечного привета?
Эту песню пою тебе я, я прославляю тебя выше всех,
Чтобы ты, когда наступит мой час, шла твердым и уверенным
шагом.

Могучая спасительница, ближе!
Всех, кого ты унесла, я пою, радостно пою мертвецов,
Утонувших в любовном твоем океане,
Омытых потоком твоего блаженства, о смерть!

От меня тебе серенады веселья,
Пусть танцами отпразднуют тебя, пусть нарядятся, пируют,
Тебе подобают открытые дали, высокое небо,
И жизнь, и поля, и громадная многодумная ночь.

Тихая ночь под обильными звездами,
Берег океана и волны — я знаю их хриплый голос,
И душа, обращенная к тебе, о просторная смерть под густым
покрывалом,
И тело, льнущее к тебе благодарно.

Над вершинами деревьев я возношу мою песню к тебе,
Над волнами, встающими и падающими, над мириадами полей
и широкими прериями,
Над городами, густо набитыми людом, над кишащими людом
дорогами, верфями,
Я шлю тебе эту веселую песню, радуйся, радуйся, о смерть!

15

В один голос с моей душой
Громко, в полную силу пела серо-бурая птица,
Чистыми и четкими звуками широко наполняя ночь.

Громко в елях и сумрачных кедрах,
Звонко в сырости и в благоуханье болот,
И я с моими товарищами там, среди ночи.

С глаз моих спала повязка, чтобы могли мне открыться
Бесконечные вереницы видений.

И забрезжили предо мною войска,
И, словно в беззвучных снах, я увидел боевые знамена,
Сотни знамен, проносимых
сквозь дымы боев, пробитых картечью и пулями,
Они метались туда и сюда, сквозь дымы боев, рваные, залитые
кровью,
И под конец только два-три обрывка остались на древках (и всё
в тишине),
Вот и древки разбиты, расщеплены.
И я увидел мириады убитых на кровавых полях,
Я увидел белые скелеты юношей,
Я увидел, как трупы громоздятся над грудами трупов,
Но я увидел, что они были совсем не такие, как мы о них
думали,
Они были совершенно спокойны, они не страдали,
Живые оставались и страдали, мать страдала,
И жена, и ребенок, и тоскующий товарищ страдали,
И бойцы, что оставались, страдали.

16

Проходя мимо этих видений, проходя мимо ночи,
Проходя один, уже не держа моих товарищей за руку,
Проходя мимо песни, что пела отшельница-птица в один голос
с моею душою,—
Победная песня, преодолевшая смерть, но многозвучная, всегда
переменчивая,
Рыдальная, тоскливая песня, с такими чистыми трелями, она
вставала и падала, она заливала своими потоками ночь,
Она то замирала от горя, то будто грозила, то снова взрывалась
счастьем,

Она покрывала землю и наполняла собой небеса —
И когда я услышал в ночи из далеких болот этот могучий
псалом,
Проходя, я расстался с тобой, о сирень с сердцевидными
листьями,
Расцветай во дворе у дверей с каждой новой и новой весной.

От моей песни я ради тебя оторвался
И уже не гляжу на тебя, не гляжу на запад для беседы с тобою,
О лучистый товарищ с серебряным ликом в ночи.

И все же сохраню навсегда каждую, каждую ценность, добытую
мной этой ночью,—
Песню, изумительную песню, пропетую серо-бурою птицей,
И ту песню, что пропела душа моя, отзываясь на нее, словно
эхо,
И никнущую яркую звезду с полным страданья лицом,
И тех, что, держа меня за руки, шли вместе со мною на призыв
этой птицы,
Мои товарищи и я посредине, я их никогда не забуду ради
мертвого, кого я любил,
Ради сладчайшей и мудрейшей души всех моих дней и стран,—
ради него, моего дорогого,
Сирень, и звезда, и птица сплелись с песней моей души
Там, среди елей душистых и сумрачных, темных кедров.

О КАПИТАН! МОЙ КАПИТАН!

О Капитан! мой Капитан! сквозь бурю мы прошли,
Изведан каждый ураган, и клад мы обрели,
И гавань ждет, бурлит народ, колокола трезвонят,
И все глядят на твой фрегат, отчаянный и грозный!
Но сердце! сердце! сердце!
Кровавою струей
Забрызгана та палуба,
Где пал ты неживой.
О Капитан! мой Капитан! ликуют берега,
Вставай! все флаги для тебя,— тебе трубят рога,
Тебе цветы, тебе венки — к тебе народ толпится,
К тебе, к тебе обращены восторженные лица.
Отец! ты на руку мою
Склонися головой!
Нет, это сон, что ты лежишь
Холодный, неживой!

Мой Капитан ни слова, уста его застыли,
Моей руки не чувствует, безмолвен и бессилен,
До гавани довел он свой боевой фрегат,
Провез он через бурю свой драгоценный клад.
Звените, смейтесь, берега,
Но горестной стопой
Я прохожу по палубе,
Где пал он неживой.

У БЕРЕГОВ ГОЛУБОГО ОНТАРИО

(Из поэмы)

Посторонитесь, Штаты!
Дорогу мне — простому, обыкновенному человеку, человеку прежде всего.

Уплатите мне отработанное мною.
Дайте петь песни о великой Идее, а все остальное возьмите себе.
Я любил землю, солнце, зверей, я презирал богатство,
Я делился со всеми, кто бы ни попросил, заботился об увечных и неразумных, отдавал свой заработок другим,
Ненавидел тиранов; спорил, не считаясь с богом; терпеливо, терпимо относился к людям, не сгибал голову ни перед чем известным иль неизвестным,
Дружил с неучеными мужественными людьми, и с юнцами, и с матерями семейств,
Читал эти листья себе на вольном воздухе, проверял их на деревьях, звездах, реке,
Проходил мимо всего, что оскорбляло мою душу или пачкало мое тело,
Хотел лишь того для себя, чего для других добивался,
Спешил в лазареты, где товарищей находил из всех штатов
(Сколько солдат, умирая, склоняли голову на эту грудь,
Скольких кормила эта рука, этот голос обо́дрил,
Скольких к жизни вернули — этот голос, эта рука);
И, никого не отвергнув, откликаясь на все,
Охотно я подожду, чтобы поняли меня и оценили как надо.

Скажи, Мать, разве не был я верен заветам твоим?
Разве образ твой исказил я в жизни своей и в делах?

ИЗ ЦИКЛА «ОСЕННИЕ РУЧЬИ»

БЫЛ РЕБЕНОК, И ОН РОС С КАЖДЫМ ДНЕМ

Был ребенок, и он рос с каждым днем и каждый день видел
новое,
И на что бы он ни взглянул — он всем становился,
И все становилось частью его на этот день, на этот час
Или на многие, многие годы.

Ранняя сирень стала частью его,
И трава, и белый или розовый вьюнок, белый и красный
клевер, и песня синицы,
И мартовские козочки, и розовые поросята, табунок
жеребят, и резвый теленок,
И шумливый птичий двор, и утята в грязи возле пруда,
И рыбы, так непонятно повиснувшие под водой,
и сама красивая непонятная вода,
И водяные растения с большими плоскими листьями — все
стало частью его.

Апрельские и майские побеги стали частью его,
Зимние всходы и желтые всходы маиса, и овощи огородов,
И яблони — сначала в цвету, а потом все в плодах,
и лесная ягода, и придорожный сорняк,
И старый пьянчужка, ковыляющий домой из сарая при
кабаке, где он отсыпался после попойки,
И учительница, идущая в школу,
Послушные мальчики и драчуны-забияки,
Румяные девочки в чистеньких платьях, и босоногие
негритята,
И все, что менялось в городе и деревне, в которых он рос.

И родители: тот, кто зародил его, и та, что его носила
и родила,
Они дали ему не только жизнь,
Они отдавали ему себя каждый день, они стали частью его.
Мать, спокойно собирающая ужин на стол,
Мать в чистом чепчике и платье, ее ласковые уговоры,
и когда она проходит мимо — запах свежести от нее
и от ее одежды.
Отец, сильный, поглощенный делами, раздражительный,
грубый, переменчивый, несправедливый,

Подзатыльники, быстрая громкая речь, когда он торгуется
до хрипоты ради выгодной сделки,
Семейный уклад, привычные словечки, гости, вещи
и сладкая на сердце тоска.
Привязанность, с которой не совладать, ощущенье всего,
что окружает тебя, и сомненье — а вдруг все окажется
сном?
Дневные сомненья, и сомнения ночи, и желанье узнать: так
ли это все и как именно,
Такое ли все, каким оно кажется, или все это только
проблеск и промельк?
Люди, снующие по улицам городов,— что́ они, как
не промельк и проблеск?
А сами улицы, фасады домов, товары в витринах,
Экипажи, фургоны, тяжелые настилы пристаней, скопления
и заторы у переправы,
Деревня на взгорье, когда издали видишь ее на закате
с другого берега быстрой реки,
Тени, отсветы сквозь дымку, на колокольне, на крышах,
там, за две мили отсюда.
А тут рядом шхуна, сонно дрейфующая вместе с отливом,
с маленькой лодкой, зачаленной за кормой,
Или сумятица теснящихся волн, всплеск ломких гребней,
удары прибоя,
В высоком небе пожар облаков и вдали полоса коричневой
отмели, затерявшейся в чистом недвижном просторе,
И горизонт, и пролетевшая чайка, и запах соленых лагун,
водорослей, ила,—
Все это стало частью ребенка,— он рос с каждым днем,
и каждый день видел новое, и не перестанет расти,
будет всегда расти с каждым днем.

ГОРОДСКАЯ МЕРТВЕЦКАЯ

Праздно бродя, пробираясь подальше от шума,
Я, любопытный, замедлил шаги у мертвецкой, у самых ворот.
Вот проститутка, брошенное жалкое тело, за которым никто
не пришел,
Лежит на мокром кирпичном помосте,
Святыня-женщина, женское тело, я вижу тело, я только на него
и гляжу,
На этот дом, когда-то богатый красою и страстью, ничего
другого не вижу,

Промозглая тишина не смущает меня, ни вода, бегущая
из крана, ни трупный смрад,
Но этот дом — удивительный дом,— этот прекрасный
разрушенный дом,
Этот бессмертный дом, который больше, чем все наши здания,
Чем наш Капитолий под куполом белым с гордой статуей там,
наверху, чем все старинные соборы с вознесенными в небо
шпилями,
Больше их всех этот маленький дом, несчастный, отчаянный
дом,
Прекрасный и страшный развалина-дом, обитель души, сама
душа,
Отверженный, пренебрегаемый всеми,— прими же вздох моих
дрогнувших губ
И эту слезу одинокую, как помипки от меня, уходящего,
Мертвый дом, дом греха и безумья, сокрушенный, разрушенный
дом,
Дом жизни, недавно смеявшийся, шумный, но и тогда уже
мертвый,
Месяцы, годы звенепший, украшенный дом,— но мертвый,
мертвый, мертвый.

ЭТОТ ПЕРЕГНОЙ

1

Вдруг что-то ошеломило меня, когда я думал, что я
в безопасности,
И я бегу из любимого тихого леса,
Я не стану бродить по лугам,
Я не пойду, не разденусь, чтобы встретиться с моим
любовником — морем,
Я не стану прижиматься моим телом к земле, чтобы ее тело
обновило меня.

Почему же ее не тошнит, эту землю?
Как можешь ты жить на земле, ты, весенняя зелень?
Как можешь ты давать мне здоровье, ты, травяная кровь, кровь
корней, плодов и зерен?
Разве изо дня в день не пихают в тебя, о земля, пораженные
болезнями трупы?
Разве каждый материк не набит до краев мертвецами?

Куда же ты девала эти трупы, земля?
Этих пьяниц и жирных обжор, умиравших из рода в род?
Куда же ты девала это тухлое мясо, эту вонючую жижу?
Сегодня их не видно нигде, или, может быть, я заблуждаюсь?
Вот я проведу борозду моим плугом, я глубоко войду в землю
лопатой и переверну верхний пласт,
И под ним, я уверен, окажется смрадное мясо.

2

Вглядитесь же в эту землю! Рассмотрите ее хорошо!
Может быть, каждая крупинка земли была когда-то частицей
больного — все же смотрите!
Прерии покрыты весенней травой,
И бесшумными взрывами всходят бобы на грядах,
И нежные копья лука, пронзая воздух, пробиваются вверх,
И каждая ветка яблонь усеяна гроздьями почек,
И пшеница с таким бледным лицом воскресает из своей
усыпальницы,
И начинают опять покрываться зеленоватым туманом
шелковица и плакучая ива,
И птицы-самцы поют утром и вечером, а их самки сидят в своих
гнездах,
И вылупляются цыплята из яиц,
И возникают новорожденные твари, корова рождает теленка
и жеребенка кобыла,
И честно встают на пригорке темно-зеленые листья картошки,
И желтые стебли маиса встают, и сирень зацветает у дверей
во дворе,
И летняя зелень горда и невинна над этими пластами умерших.

Какая химия!
Что ветры и вправду не веют заразой,
Что нет никакого подвоха в этой влаге прозрачно-зеленого моря,
которая жаждет любовно прижаться ко мне,
Что я без опаски могу ей дозволить лизать мое голое тело
множеством своих языков,
Что мне не грозят те хвори, которые влиты в нее,
Что все чисто всегда и вовеки,
Что так сладостна студеная вода из колодца,
Что ежевика так сочна и душиста,
Что ни яблони, ни апельсины, ни виноград, ни дыни, ни сливы,
ни персики не отравляют меня,

Что, когда я лежу на траве, она не заражает меня,
Хотя, может быть, каждая былинка травы встает из того, что было когда-то болезнью.

Этим-то Земля и пугает меня, она так тиха и смиренна,
Она из такого гнилья создает такие милые вещи,
Чистая и совсем безобидная, вращается она вокруг оси, вся набитая трупами тяжко болевших,
И такие прелестные ветры создает она из такого ужасного смрада,
И с таким простодушным видом каждый год обновляет она свои щедрые, пышные всходы,
И столько услад дает людям, а под конец получает от них такие отбросы в обмен.

ЕВРОПЕЙСКОМУ РЕВОЛЮЦИОНЕРУ, КОТОРЫЙ ПОТЕРПЕЛ ПОРАЖЕНИЕ

И все же, мой брат, моя сестра, не отчаивайся,
Иди, как и прежде, вперед — Свободе нужна твоя служба,
Одна или две неудачи не сломят Свободу — или любое число неудач,
Или косность, или неблагодарность народа, или предательство,
Или оскалепные клыки властей, пушки, карательные законы, войска.

То, во что мы верим, притаилось и ждет нас на всех континентах,
Оно никого не зовет, оно не дает обещаний, оно пребывает в покое и ясности, оно не знает упыния.
Оно ждет терпеливо, чтобы наступил его срок.

(Да, я воспеваю не только покорность,
Я также воспеваю мятеж,
Ибо я верный поэт каждого бунтовщика во всем мире,
И кто хочет идти за мною — забудь об уюте и размеренной жизни,
Каждый миг ты рискуешь своей головой).
Бой в разгаре, то и дело трубят тревогу,— мы то наступаем, то отходим назад,
Торжествуют враги или думают, что они торжествуют,

Тюрьма, эшафот, кандалы, железный ошейник, оковы делают дело свое,
И славные и безымянные герои уходят в иные миры,
Великие трибуны и писатели изгнаны, они чахнут в тоске на чужбине,
Их дело уснуло, сильнейшие глотки удушены своей собственной кровью.
И юноши при встрече друг с другом опускают в землю глаза,
И все же Свобода здесь, она не ушла отсюда, и врагам досталось не все.

Когда уходит Свобода, она уходит не первая, не вторая, не третья,
Она ждет, чтобы все ушли, и уходит последней.

Когда уже больше не вспомнят нигде, ни в одной стране, что на свете есть любящие,
Когда ораторы в людных собраниях попытаются чернить их имена,
Когда мальчиков станут крестить не именами героев, но именами убийц и предателей,
Когда законы об угнетении рабов будут сладки народу и охота за рабами будет одобрена всеми,
Когда вы или я, проходя по земле и увидев невольников, возрадуемся в сердце своем
И когда вся жизнь и все души людей будут уничтожены в какой-нибудь части земли,—
Лишь тогда будет уничтожена воля к Свободе,
Лишь тогда тиран и нечестивец станут владыками мира.

ПТИЧЬИМ ЩЕБЕТОМ ГРЯНЬ

Птичьим щебетом грянь, о язык мой, про радость поры, когда сирень зацветает (она в памяти снова и снова),
Отыщи мне слова о рождении лета,
Собери апреля и мая приметы желанные (так на морском берегу собирают камешки дети) —
Стонут лягушки в прудах, терпкий, бодрящий воздух,
Пчелы, бабочки, воробей с незатейливым пеньем,
Синяя птица, и ласточка, быстрая, словно стрела, и с золочеными крыльями дятел,

Солнечная дымка над землею, клубы дыма цепляются друг
за друга, вздымается пар,
Мерцанье холодных вод и рыба в тех водах,
Лазурное небо, бегущий ручей,— и все это в искрах веселых...
Хрустальные дни февраля, кленовые рощи, где делают кленовый
сахар,
Где порхает реполов, у него бойкий блестящий глаз
и коричневая грудка,
Он подает чистый певучий голос на вечерней и на утренней
заре,
Он бесшумно носится в саду среди яблонь, строя гнездо
для подруги;
Тающий мартовский снег, ива выбрасывает свои желто-зеленые
побеги,—
Это весна! Это лето! Что принесло оно и чего мне недостает?
Душа моя, ты на свободе, но что-то тревожит меня, а что —
я не знаю;
В дорогу, скорее в дорогу — измерим все дали и выси!
О, если б летать, как летает птица!
О, если бы, словно корабль, под парусом мчаться!
Взлетать за тобою, душа, как взлетает корабль на хребты
водяные,
Впитать в себя всё — все краски, все звуки, синее небо, и травы,
и капли росы на рассвете,
И запах сирени; ее сердцевидные листья темно-зеленого цвета,
Лесные фиалки, и хрупкий, бледный цветок по прозванью
«невинность»,—
Все вещи во всех разновидностях, не ради вещей, ради их
природы,—
Спеть песню любимым кустам в один голос с птицей,
Птичьим щебетом грянуть про радость поры, когда сирень
зацветает (она в памяти снова и снова).

МУЗЫКАЛЬНОСТЬ

1

Звучность, размеренность, стройность и божественный дар
говорить слова,
Пройди года, и дружбу пройди, и наготу, и целомудрие, и роды,
Реки грудью пройди, и озера, и земли,

И горло свое разреши, и впитай в себя знания, века, племена, преступление, волю,
И сокруши все преграды, и возвысь и очисти душу, и утвердись в своей вере,
И лишь тогда ты, быть может, достигнешь божественной власти: говорить слова.
И к тебе поспешат без отказа
Войска, корабли, библиотеки, картины, машины, древности, города, отчаяние, дружба, горе, убийство, грабеж, любовь, мечта,
Придут, когда нужно, и покорно прорвутся сквозь губы твои.

2

О, почему я дрожу, когда я слышу голоса человеческие?
Воистину, кто бы ни сказал мне настоящее слово, я всюду пойду за ним,—
Как вода за луною безмолвной струистой стопой идет вокруг шара земного.

Все только и ждет настоящего голоса;
Где же могучая грудь? где же совершенная душа, прошедшая через все испытания?
Ибо только такая душа несет в себе новые звуки, которые глубже и слаще других,
Иначе этим звукам не звучать.

Иначе и губы и мозги запечатаны, храмы заперты, литавры не бряцают,
Только такая душа может открыть и ударить,
Только такая душа может выявить наружу то, что дремлет во всех словах.

ВЫ, ПРЕСТУПНИКИ, СУДИМЫЕ В СУДАХ

Вы, преступники, судимые в судах.
Вы, острожники в камерах тюрем, вы, убийцы, приговоренные к смерти, в ручных кандалах, на железной цепи,
Кто же я, что я не за решеткой, почему не судят меня?
Я такой же окаянный и свирепый, что же руки мои не в оковах и лодыжки мои не в цепях?

Вы, проститутки, по панели гуляющие или бесстыдствующие
в своих конурах,
Кто же я, что могу вас назвать бесстыднее меня самого?

Я виновен! Я сознаюсь — сам прихожу с повинной!
(Не хвалите меня, почитатели,— к черту ваши льстивые
слова!
Я вижу, чего вы не видите, я знаю, чего вы не знаете.)

Внутри, за этими ребрами, я, загрязненный, задохшийся,
За этим притворно бесстрастным лицом постоянно клокочут
сатанинские волны,
Злодейства и развраты мне по сердцу,
Я гуляю с распутными и пылко люблю их,
Я чувствую, что я один из них, я сам и проститутка
и каторжник
И с этой минуты не буду отрекаться от них, ибо как
отрекусь от себя?

ЗАКОНЫ ТВОРЕНИЯ

Законы творения
Для могучих художников и вождей, для молодой поросли
просветителей и совершенных поэтов Америки,
Для благородных ученых и будущих музыкантов.

Все да входят в единый ансамбль мироздания, в слитную
истину мироздания,
Ничто не должно нарушать законы вселенной, дабы все труды
говорили о высшем законе, законе неповиновения.

В чем, по-вашему, суть творения?
Чем, по-вашему, можно насытить душу, кроме свободы ходить
где угодно и никому не повиноваться?
Что, по-вашему, я твержу вам на сотни ладов, кроме того, что
каждый мужчина и каждая женщина не уступают Богу?
И что нет Бога божественнее, чем Вы сами.
И что именно это в конечном счете подразумевают все мифы,
древние и сегодняшние.
И что вы или каждый должны подходить к творениям в свете
этих законов.

УЛИЧНОЙ ПРОСТИТУТКЕ

Не волнуйся, не стесняйся со мною,— я Уолт Уитмен,
щедрый и могучий, как Природа.
Покуда солнце не отвергнет тебя, я не отвергну тебя,
Покуда воды не откажутся блестеть для тебя и листья
шелестеть для тебя, слова мои не откажутся блестеть
и шелестеть для тебя.

Девушка, возвещаю тебе, что приду к тебе в назначенный час,
будь достойна встретить меня,
Я повелеваю тебе быть терпеливой и благостной,
покуда я не приду к тебе.

А пока я приветствую тебя многозначительным взглядом,
чтобы ты не забыла меня.

ЧУДЕСА

Ну кто же теперь верит в чудеса?
А я вот во всем вижу чудо:
Проходя по улицам Манхаттена,
Глядя поверх крыш на далекое небо,
Бродя босиком по самой кромке прибоя
Или стоя под деревом где-то в лесу,
Говоря днем с теми, кого я люблю, и по ночам лежа в постели
с теми, кого я люблю,
Или за столом, пируя с друзьями,
Разглядывая незнакомых людей, сидящих напротив в вагоне,
Или следя, как пчелы вьются над ульем в летний полдень,
Или как стадо пасется в лугах,
Любуясь на птиц, или на чудесных стрекоз,
Или на чудо заката, или на звезды, светящие спокойно и ясно,
Или на крутой, восхитительно тонкий изгиб молодого
весеннего месяца;
Все это и остальное для меня чудеса,
Слитые вместе, и каждое в отдельности — чудо.

Для меня каждый час дня и ночи есть чудо,
Каждый кубический дюйм пространства — чудо,
Каждый квадратный ярд земной поверхности — чудо,
Каждый фут в ее глубину полон чудес.

Для меня море открывает все новые чудеса:
Рыбы — скалы — движение волн — корабли — их команда,—
Каких вам еще надо чудес!

ИСКРЫ ИЗ-ПОД НОЖА

Где целый день нескончаемо движется толпа городская,
Чуть в сторонке стоят и смотрят на что-то дети, я подошел
к ним и тоже смотрю.

У самой обочины, на краю мостовой,
Точильщик работает на станке, точит большущий нож;
Наклоняясь, он осторожно подносит его к точилу;
Мерно наступая на педаль, он быстро вращает колесо, и, лишь
он надавит на нож чуткой и твердой рукою,
Брызжут щедрыми золотыми струйками
Искры из-под ножа.

Как это трогает и захватывает меня —
Грустный старик с острым подбородком, в ветхой одежде,
с широкой кожаной лямкой через плечо,
И я, готовый во всем раствориться, зыбкий призрак,
случайно остановившийся здесь, весь внимание,
Люди вокруг (немыслимо малая точка, вкрапленная
в пространство),
Заглядевшиеся, притихшие дети, беспокойная, шумная,
сверкающая мостовая,
Сиплое жужжание крутящегося точила, ловко прижатое лезвие,
Сыплющиеся, прядающие, летящие стремительным золотым
дождем
Искры из-под ножа.

О ФРАНЦИИ ЗВЕЗДА

(1870—1871)

О Франции звезда!
Была ярка твоя надежда, мощь и слава!
Как флагманский корабль, ты долго за собой вела весь флот,
А нынче буря треплет остов твой — без парусов, без мачт,
И нет у гибнущей, растерянной команды
Ни рулевого, ни руля.

Звезда померкшая,
Не только Франции,— души моей, ее надежд заветных!
Звезда борьбы, дерзаний, порыва страстного к свободе,
Стремления к высоким, дальним целям,
восторженной мечты о братстве,
Предвестье гибели для деспота и церкви.

Звезда распятая — предатель ее продал —
Едва мерцает над страною смерти, геройскою страной,
Причудливой и страстной, насмешливой и ветреной страной.

Несчастная! Не стану упрекать тебя за промахи,
тщеславие, грехи,
Неслыханные бедствия и муки все искупили,
Очистили тебя.

За то, что, даже ошибаясь, всегда ты шла к высокой цели,
За то, что никогда себя не продавала ты, ни за какую цену,
И каждый раз от сна тяжелого, рыдая, просыпалась,
За то, что ты одна из всех твоих сестер, могучая,
сразила тех, кто над тобою издевался,
За то, что не могла, не пожелала ты носить те цепи,
что другие носят,
Теперь за все — твой крест, бескровное лицо,
гвоздем пробитые ладони,
Копьем пронзенный бок.

О Франции звезда! Корабль, потрепанный жестокой бурей!
Взойди опять в зенит! Плыви своим путем!

Подобна ты надежному ковчегу, самой земле,
Возникнувшей из смерти, из пламенного хаоса и вихря,
И, претерпев жестокие, мучительные схватки,
Явившейся в своей нетленной красоте и мощи,
Свершающей под солнцем
свой предначертанный издревле путь —
Таков и твой, о Франция, корабль!

Исполнятся все сроки, тучи все размечет,
Мучениям придет конец, и долгожданное свершится.
И ты, родившись вновь, взойдя над всей Европой
(И радостно приветствуя оттуда звезду Колумбии),
Опять, о Франции звезда, прекрасное искристое светило,
В спокойных небесах яснее, ярче, чем когда-нибудь,
Навеки воссияешь.

УКРОТИТЕЛЬ БЫКОВ

Далеко-далеко на севере, в захолустье, средь мирных пастбищ,
Живет мой приятель-фермер, герой моих рассказов,
прославленный укротитель быков;
Ему пригоняют трехгодовалых и четырехгодовалых быков,
совершенно диких,
Он берется за самого свирепого — и ломает ему норов,
укрощает его;
Он смело выходит, даже не взяв в руки кнута, на двор, где
бычок мечется, обезумев,
Упрямо мотая головой, с бешеными глазами,—
Только гляпь! — как скоро его ярость утихла, как быстро мой
друг усмиряет его!
Погляди, по фермам вокруг есть немало быков, молодых
и старых, и это он, мой приятель, он укротил их,
И все знают его, все любят его;
Погляди, среди них есть такие красивые, такие величественные,
У одного светло-бурая масть, другой весь в крапинах, есть
быки с белым ремешком вдоль спины, есть пестрые.
Есть с широко разведенными рогами (добрая примета!),
и глянь — ярко-рыжие,
Глянь — два со звездочкой на лбу,— у всех круглые бока,
широкие спины,
Как прочно и грузно стоят они, упершись в землю копытами,
и какие глаза у них умные!
Как смотрят они на своего укротителя — им хочется, чтобы он
подошел к ним, как они все поворачиваются к нему
головами!
Как они выражают покорность, как беспокойны, когда он
от них уходит,—
Я гадаю про себя: что же они думают о нем (прочь книги,
политика, прочь все поэмы),
Признаюсь, я завидую обаянию лишь этого человекаа — моего
молчаливого, неграмотного друга,
Которого любят десятки быков, который живет на ферме
Далеко-далеко на севере, в захолустье, средь мирных пастбищ.

СТРАНСТВУЯ УТРОМ

Странствуя утром,
Выплыв из ночи, из мрачных мыслей, думая о тебе,
Мечтая о тебе, гармоничный Союз, о тебе, божественно
поющая птица,

О тебе, переживающий дурные времена мой край, удушаемый
черным отчаянием, всяким коварством, изменой,
Чудо узрел я — дроздиху, кормящую своего птенца,
Песнопевца-дрозда, чьи восторженные звуки, полные радости
и веры,
Всегда укрепляют мой дух, согревают его.
И тогда я подумал и почувствовал:
Если черви, и змеи, и мерзкие личинки могут превратиться
в сладостное, одухотворенное пение,
Если можно всякую гадкую тварь так преобразить, нужной,
благодетельной сделать,
Тогда я могу верить в тебя, в твои судьбы и дни, о родина;
Кто знает — может, эти уроки годны и для тебя?
Быть может, благодаря им когда-нибудь твоя песня поднимется
радостной трелью,
И ей будет предназначено прозвенеть на весь мир.

ГОРДАЯ МУЗЫКА БУРИ

1

Гордая музыка бури!
Ветер, вольно летящий, звонко свистящий вдоль прерий!
Шумно качающий кроны деревьев! Ветер горных ущелий!
Форму обретшие бледные тени! Вы, потайные оркестры!
Вы, серенады призраков, чьи скрипки сеют тревогу,
Влившие в ритмы природы наречия всех времен и народов,
Вы, мелодии великих композиторов! Вы, хоры!
Вы, безудержные, причудливые, религиозные пляски! Вы,
пришедшие к нам с Востока!
Ты, зыбкий ропот реки, ты, грозный шум водопадов!
Ты, грохот пушек далеких и цокот копыт кавалерии!
Эхо яростных битв, разноголосье горнистов!
Гул проходящих войск, наполняющий позднюю почь,
торжествующий над моим бессильем,
Проникающий в мою одинокую спальню,— как все вы
захватываете меня!

2

Продолжим наш путь, о душа моя, и пусть остальное отходит.
Внимай всему неотрывно, ибо все стремится к тебе.
Вместе с полночью входят они в мою спальню,
Их пенье и пляски — они о тебе, душа.

О праздничная песнь!
Дуэт жениха и невесты — свадебный марш,
Губы, жаждущие любви, и сердца, переполненные любовью,
Разрумянившиеся щеки, и ароматы — шумный кортеж, полный
дружеских лиц, молодых и старых,—
Ясные ноты флейт, и кантабиле звучных арф,

И вот, гремя, приближаются барабаны!
Победа! Ты видишь в пороховом дыму пробитые пулями,
но развевающиеся знамена? И бегство побежденных?
Ты слышишь крики побеждающей армии?
(Ах, душа, рыдания женщин — хрипение раненых в агонии,
Шипенье и треск огня — чернеющие руины — и пепел городов,
и панихиды, и людское отчаянье.)

Теперь наполняйте меня, мелодии древности и средневековья!
Я вижу и слышу древних арфистов, внимаю их арфам
на празднествах Уэльса,
Я миннезингеров слышу, поющих песни любви,
И менестрелей, и трубадуров, ликующих бардов средневековья,

Но вот зазвучал гигантской орган,
Рокочет тремоло, а внизу, как скрытые корни земли
(Из которых все вырастает порывами и скачками —
Все формы силы, и красоты, и грации — да, все краски, какие
мы знаем,
Зеленые стебли травы, щебечущие птицы, играющие,
смеющиеся дети, небесные облака),
Таится основа основ, и зыблется, и трепещет,
Все омывая, сливая, рождая все из себя и жизни давая опору.
И вторят все инструменты,
Творения всех музыкантов мира,
Торжественные гимны, восторги ликующих толп,
И страстные зовы сердца, и горестные стенанья,
И все бесконечно прекрасные песни тысячелетий,
И задолго до их всеобъемлющей музыки — первозданная
песня Земли,
Где звуки лесов, и ветра, и мощных волн океана
И новый сложный оркестр, связующий годы и небеса, несущий
всему обновленье,
Поэтами прошлого названный Раем,
А после блужданье, и долгая разлука, и завершение странствий,
И путь окончен, Поденщик вернулся домой,
И Человек и Искусство с Природой слились воедино.

Tutti! Во славу Земли и Неба!
На этот раз Дирижер Всемогущий взмахнул чудодейственной палочкой,

То мужественный зов хозяина мира,
И вот отвечают все жены.

О голоса скрипок!
(Не правда ли, голоса, вы идете от сердца, которому не дано говорить,
Томящегося, озабоченного сердца, которому не дано говорить.)

3

Ах, с младенческих лет,
Ты знаешь, душа, как для меня все звуки становятся музыкой,
Голос матери моей в колыбельной или в молитве
(Голос — о нежные голоса — все милые памяти голоса!
И высшее в мире чудо — голоса дорогой моей матери или сестры),
Дождь, прорастанье зерна, и ветер над тонколистой пшеницей,
И моря ритмичный прибой, шуршащий о влажный песок,
Чириканье птиц, пронзительный крик ястребов
Иль крики дичи ночной, летающей низко, держащей путь на юг иль на север,
Псалмы в деревенской церкви или под сенью деревьев пикник на зеленой поляне,
Скрипач в кабачке — и под треньканье струн залихватские песни матросов,
Мычащее стадо, блеющие овцы — петух, кукарекающий на рассвете.

Мелодии всех прославленных в мире народов звучат вкруг меня,
Немецкие песни дружбы, вина и любви,
Ирландские саги, веселые джиги и танцы — напевы английских баллад,
Французские и шотландские песни, и надо всем остальным —
Творенья великой Италии.

Вот на подмостки, с бледным лицом, но движима огненной страстью,
Выходит гордая Норма, размахивая кинжалом.

Вот обезумевшая Лючия идет с неестественным блеском
в глазах,
И дико клубятся по ветру ее разметавшиеся волосы,

А вот Эрнани гуляет в саду, украшенном пышно для свадьбы,
Среди ночных ароматов роз, сияя от радости, он держит
любимой руку
И слышит внезапно жестокий призыв, заклятье смертное рога.

Скрестились мечи, развеваются белые волосы,
Но все ясней баритон и бас электрический мира,
Дуэт тромбонов — во веки веков. Libertad!

Густая тень испанских каштанов,
У старых, тяжелых стен монастырских — печальная песня,
То песня погибшей любви — в отчаянье гаснущий светоч жизни
и юности,
Поет умирающий лебедь — сердце Фернандо разбилось.
Преодолевшая горе, возвращается песня Амины,
Бесчисленны, как звезды, и радостны, точно утренний свет,
потоки ее ликований.

(Но вот, переполнена счастьем, идет и она!
Сияют глаза — контральто Венеры — цветущая матерь,
Сестра горделивых богов — запела сама Альбони.)

4

Я слышу те оды, симфонии, оперы,
Я слышу Вильгельма Телля — то говорит пробужденный,
разгневанный грозный народ,
Звучат *«Гугеноты»*, *«Пророк»* и *«Роберт-Дьявол»* Мейербера,
И *«Фауст» Гуно,* и *«Дон-Жуан»* Моцарта.

Звучит танцевальная музыка всех народов,
Вальс (этот изящный ритм, затопляющий, захлестывающий
меня блаженством),
Болеро под звон гитар и щелканье кастаньет.

Я вижу религиозные пляски и старых и новых
времен,
Я слышу древнюю лиру евреев,
Я вижу, идут крестоносцы, вздымая крест к небесам,
под воинственный грохот литавров,

Я слышу, поют монотонно дервиши, и песнь прерывают
безумные возгласы, и, все в неистовом круговерченье, они
обращаются к Мекке.
Я вижу религиозные пляски экстазом охваченных арабов
и персов,
А там, в Элевзине, жилище Цереры, я вижу пляску нынешних
греков,
Я вижу, как плещут их руки, когда изгибается тело,
Я слышу ритмичное шарканье пляшущих ног,

Я вижу древний неистовый пляс корибантов — жрецов,
которые ранят друг друга,
Я вижу юношей Рима, бросающих и хватающих дротики под
пронзительный звук флажолетов,
Вот они падают на колени, вот поднимаются снова.

Я слышу, как с мусульманской мечети взывает к творцу
муэдзин,
Я вижу внутри, в мечети, молящихся (ни проповеди,
ни доводов важных, ни слов),
Но в странном, благочестивом молчанье — пылают лбы,
запрокинуты головы и страстный восторг выражают лица.
Я слышу и многострунные арфы египтян,
Простые песни нильских гребцов,
Священные гимны Небесной империи
И нежные звуки китайского кинга (и скалы и лес зачарованы)
Или под флейту индуса, под звон будоражащей вины —
Вакхический клич баядерок.

5

И вот уже Азия, Африка покидают меня — Европа завладевает
мной, заполняет мое существо,
Под гигантский орган, под оркестр звучит всемирный хор
голосов,
Могучий Лютера гимн *«Eine feste Burg ist unser Gott»*,
«Stabat Mater dolorosa» Россини,
И, разливаясь в высоком пространстве собора, где так
прекрасны цветные витражи,
Ликует страстное *«Agnus Dei»* или *«Gloria in Excelsis»*.

О композиторы! Божественные маэстро!
И вы, певцы сладкогласные Старого Света — сопрано! теноры!
басы!

Вам новый, поющий на Западе бард
Почтительно выражает любовь.

(Так все ведет к тебе, о душа!
Все чувства, все зримое, все предметы — они приводят к тебе,
Но в наши дни, мне кажется, звуки идут впереди всего
остального.)

Я слышу рождественский хор детей в соборе святого Павла
Иль под высоким плафоном огромного зала — симфонии,
оратории Генделя, Гайдна, Бетховена,
И *«Сотворенье»* меня омывает прибоем божественных волн.

Дай удержать мне все звуки (я с напряженьем, в безмерном
усилье, кричу),
Наполни меня голосами вселенной,
Дай мне изведать трепет всего — Природы, бури, воды
и ветра — опер и песен — маршей и танцев,
Наполни — влей их в меня — я все их жажду вобрать.

6

Ибо я сладко проснулся,
И, медля, еще вопрошая музыку сна
И вновь обращаясь к тому, что мне снилось — к неистовой буре,
Ко всем напевам, к сопрано и тенорам
И к быстрым восточным пляскам в религиозном экстазе,
К органу, ко всем инструментам, чудесным и разноликим,
Ко всем безыскусственным жалобам горя, любви и смерти,
Сказал я своей молчаливой, но жадной до впечатлений душе,
не в спальне своей, не в постели:
«Приди, я нашел для тебя тот ключ, который долго искал,
Пойдем освежимся средь жаркого дня,
Весело жизнь узнавая, странствуя в мире реальном,
Только питаясь и впредь нашей бессмертной мечтой».

И больше того сказал я:
К счастью, то, что ты слышишь, душа, это не звуки ветра,
Не грезы бушующей бури, не хлопанье крыльев морского
орла, не скрежет и скрип,
Не песни сияющей солнцем Италии,
Не мощный орган Германии — не всемирный хор голосов —
не сочетанья гармоний —

Не свадебные песнопенья — не звуки военных маршей,
Не флейты, не арфы, не зов горниста,—
Но к новым ритмам, близким тебе,
К стихам, пролагающим путь от Жизни к Смерти,
смутно дрожащим в ночной полумгле, неуловимым,
незапечатленным,
К ним мы пойдем среди яркого дня, их мы запишем.

МОЛЕНИЕ КОЛУМБА

Разбитый, хилый, дряхлый,
Выброшенный на дикий остров, далеко-далеко от родины,
Двенадцать печальных месяцев, зажатый между крутыми
скалами и морем,
Больной, изможденный, плечом к плечу со смертью,
Бреду вдоль берега,
Изливая наболевшую душу.

Меня переполняет скорбь!
До завтра, может быть, не доживу;
Ни отдыхать, о Боже, не могу, ни пить, ни есть, ни спать,
Пока не выскажу мою мольбу перед Тобой,
Не нагляжусь, не надышусь Тобой, не побеседую с Тобой,
Не отчитаюсь снова пред Тобой.

Ты ведаешь всю жизнь мою, за годом год,
Долгую, исполненную не только благочестием — зиждительным
трудом;
Ты ведаешь пост и молитвы юности моей,
Ты ведаешь задумчивую важность и прозренья зрелости моей,
Ты ведаешь и то, что, прежде чем начать, я предался Тебе,
Ты ведаешь и то, что позже все обеты исполнял, держался
твердо их,
Ты ведаешь, ни разу не утратил я ни веры, ни восторга пред
Тобой,
В оковах, в казематах, в немилости безропотно
Все от Тебя приемлющий, как должное, все, что Тобой
ниспослано.

Все начинания мои посвящены Тебе,
Все замыслы и все расчеты задумывались и выполнялись
с мыслью о Тебе,
По морю плыл, по суше странствовал к Тебе,

Желания, намерения, стремления, все мной достигнутое — Тебе.
О, я уверен, что они и в самом деле от Тебя —
Толчок, горение, несокрушимость воли,
Отчетливое внутреннее веление, которое сильнее слов,
Послание Небес, нашептываемое даже во сне,—
Вот что вело меня вперед.

Я с Божьей помощью свершил свой труд,
Я высвободил и расчистил древнейшие края земли, заросшие
и одичавшие,
Я сблизил полушария и неизвестное связал с известным.

Конец неведом мне, он весь в Тебе,
Велик он будет или жалок, я не знаю,
Быть может, он таит в себе необозримые пространства
и державы,
Быть может, грубый, меры не знающий людской подлесок, мне
хорошо известный,
Здесь приживется после пересадки, воспрянет, просветится,
станет достойным Тебя,
Быть может, в самом деле здесь мечи перекуются на орала,
Быть может, мертвый крест, безжизненный Европы крест,
ростки здесь пустит и расцветет.

Еще усилие, пусть этот неживой песок послужит алтарем;
За то, что Ты, о Боже, освещал мне жизнь,
Тобой ниспосланным лучом, спокойным, тихим,
Светил светлее света самого,
Невыразимым, несказанным светом,
За это, Боже, коленопреклоненно, своим последним словом
Я, старый, расслабленный и нищий, благодарю Тебя.

Конец мой близок,
Тучи уже сомкнулись надо мной,
Я сбился с курса, плавание не удалось,
Я уступаю корабли Тебе.
Руки, все мои мышцы расслаблены,
Мой мозг смущен и изможден,
Пусть распадутся ветшающие снасти, я от Тебя не отпаду,
Прильну к Тебе, о Боже, пускай меня колотят волны,
Тебя, Тебя-то я, по крайней мере, знаю.
Пророчествую или брежу?
Что знаю я о жизни? О себе?
Не знаю даже, завершено ли начатое дело.

Передо мной, дразня меня, сбивая с толку, стелятся неясные, туманные догадки
Про новые, лучшие миры, про их могучие роди́ны.
А новые внезапные виденья, что они значат?
Чудесно, словно Божьей дланью, мои отверзлись очи,
Сквозь небеса и воздух мне улыбается огромный смутный призрак,
И по волнам далеким плывут бесчисленные корабли,
И гимны на неведомых наречьях приветствуют меня.

ИЗ ПОЭМЫ «СПЯЩИЕ»

Я ВИЖУ: ГОЛЫЙ КРАСАВЕЦ ГИГАНТ

Я вижу: голый красавец гигант плывет через морской водоворот,
Его темные волосы сделались гладкими и плотно прильнули ко лбу, он с силою вскидывает смелые руки и хочет вытолкнуть себя ногами прочь,
Я вижу его белое тело и его бесстрашные глаза,
Ненавистны мне эти быстрые волны, что сейчас разобьют его головою о скалы.

Что вы делаете, волны-бандиты?
Неужто вы убьете смельчака и гиганта — убьете в расцвете лет?

Долго он не сдается и борется,
Он весь в синяках, его бьет и калечит, но он держится, покуда есть сила,
Бешеные волны запятнаны кровью, они несут его прочь, и мнут, и швыряют его,
Они несут его прекрасное тело по кругу, снова и снова оно налетает на скалы,
Быстро они уносят из глаз этот доблестный труп.

ЛЕДЯНОЙ УРАГАН, СЛОВНО БРИТВАМИ

Ледяной ураган, словно бритвами, врезается в берег, пушечный залп возвещает крушение,
А потом утихает буря и выходит лупа, барахтаясь в зыби морской.

Я гляжу — вон беспомощно бьется корабль, слышу треск — он
налетел на скалу; слышу, люди завопили от ужаса, вопли
становятся глуше и глуше.
Я не в силах помочь, мои пальцы сжимаются в судороге,
Я могу лишь кинуться к волнам, пусть они обольют меня
и замерзнут на мне.

Я вместе с толпою, мы ищем,— ни одного не прибило живого.
Утром я помогаю подбирать мертвецов и складывать их рядами
в амбаре.

СКВО

Вот что рассказала мне мать, сидя как-то со мной за обедом,
О той поре, когда она была девочкой и жила в старом
родительском доме.

К старому дому ранним утром пришла краснокожая скво.
На спине у нее была вязанка того камыша, из которого плетутся
для стульев сиденья,
Ее волосы, густые, прямые, блестящие, жесткие, черные,
наполовину закрывали ей лицо,
Ее поступь была упругой и легкой, а в голосе была
неизъяснимая прелесть.

Моя мать с изумлением и радостью глядела на эту незнакомую
женщину,
Глядела на дивную свежесть лица, на полные, гибкие руки
и ноги;
Чем дольше глядела моя мать на нее, тем сильнее влюблялась
в нее,
Никогда до той поры не видала она такой удивительной красоты
и чистоты.

Она усадила ее на скамью к очагу, она стала готовить ей пищу,
Работы она ей не дала, но она дала ей память и любовь.

Скво пробыла у нее целый день и ушла незадолго до вечера.
Моей матери так не хотелось, чтобы она уходила,
Всю неделю она думала о ней, она ждала ее долгие месяцы,
Много лет она вспоминала ее и в летнюю и в зимнюю пору,
Но краснокожая скво не вернулась, и больше ее в тех местах
не видали.

МЫСЛИ О ВРЕМЕНИ

1

Подумай о времени — обо всем, что было,
Подумай о сегодняшнем дне и о веках, которые придут за ним.

Задумывался ли ты, что и ты не вечен?
Не страшила ли тебя мысль о могильных червях?
Не боялся ли ты, что будущее — ничто для тебя?

А вдруг сегодняшний день — ничто? Вдруг бесконечное
прошлое — тоже ничто?
Если будущее — ничто, то и они звук пустой.

Подумай, так же вставало солнце на востоке, а мужчины
и женщины были живыми и подвижными, существовали
во плоти, и все вокруг было живым,
Подумай, было время, когда ни ты, ни я не видели,
не чувствовали, не думали, не участвовали в жизни,
Подумай, теперь мы живем и участвуем в жизни.

2

Не проходит ни дня единого, ни минуты и ни секунды, чтобы
не появился на свет человек.
Не проходит ни дня единого, ни минуты и ни секунды, чтобы
кто-то не умер.

Тянутся тошные ночи, а за ними тошные дни,
Но наконец позади бесконечные дни в постели,
Врач долго молчит, но вот его молчаливый и многозначительный
взгляд отвечает на твой вопрос,
Дети торопятся, плача, послали за братьями и сестрами,
Ненужные больше лекарства стоят на полке (в каждой комнате
запах камфары),
Верная рука живого человека не отпускает руку умирающего,
Ты целуешь холодеющий лоб, едва прикасаясь к нему
искривленными губами,
Но вот прерывается дыхание, перестает биться сердце,
Тело вытягивается на постели, и живой человек глядит на него,
Труп так же осязаем, как тело живого человека.

Живой человек смотрит на мертвеца,
Потом отводит свой взор и медлит недолго, затем, чтобы еще раз внимательно взглянуть на труп.

8

Подумай только — мысль о смерти нерасторжимо связана с мыслью о материи,
Подумай о чудесах земных, о городах и поселках и обо всех тех, для кого важно нечто, что не взволнует нас.

Представь, с каким рвеньем мы строим свои дома,
Подумай о том, что другие их будут строить с таким же рвеньем, а это нас не взволнует.

(Я видел, как человек строил дом, который ему прослужит всего лишь семьдесят лет, восемьдесят от силы.
Я видел, как другой человек возводил дом, который прослужит ему, может быть, чуть подольше.)

Черные тени ползут, покрывая всю землю,— их движение бесконечно,— это тени смерти,
Тот, кто некогда был президентом, умер, и тот, кто сегодня президент, несомненно, умрет в свой срок.

4

А вот воспоминание о судьбе обычной,
О том, как живут и умирают рабочие,
Одинаково, хотя каждый по-своему.

Всплески холодных волн у причала, лед и шуга на реке, грязная кашица в лужах,
Серое, холодное небо над головой, меркнущий свет короткого декабрьского дня,
Похоронные дроги и экипажи следом, хоронят старого бродвейского кучера, почти вся процессия — кучера.

Мерным и твердым шагом направляются они к кладбищу, под похоронный звон.
Миновали ворота, остановились у свежевыкопанной могилы, живые люди сходят с экипажей, снимают гроб,

Гроб плывет на руках, его опускают и устанавливают в яме,
кладут кнут на крышку, быстро засыпают могилу,
Выравнивают бугор заступами — тишина,
Минута молчания — все неподвижны — дело сделано,
Благопристойно он похоронен — что можно сделать еще?

Он был неплохим парнем, собой недурен, вспыльчив, любил
крепкое слово,
Готов в огонь и воду за друга, не прочь был приволокнуться,
играл, ел вволю и пил вволю,
Знавал лучшие времена, но стал сдавать под конец, заболел,
друзья пустили шапку по кругу,
Умер он сорока одного года от роду, это его хоронили.

Путь свободен, фартук, рукавицы, дождевик с капюшоном,
ремень, тщательно выбранный кнут,
Хозяин, дежурный, выпускающий на линию, начальник
станции, кто-то бездельничает за твой счет, ты
бездельничаешь за чей-то счет, бегущая вперед дорога,
люди остаются позади.

Удачный денек, неудачный денек, хорошая выручка, плохая
выручка, отъезд и прибытие, ночные возвраты на станцию,
Подумай, как это знакомо и близко всем другим кучерам, но тебя
их судьба нисколько не взволнует.

5

Рынок, правительство, заработок, подумай, сколько дней и ночей
ты потратил, размышляя о них,
Подумай только, рабочие будут жить тем же самым, а нас это
мало взволнует или не взволнует совсем.

Грубыми или утонченными — какими бы ты ни считал зло
и добро, подумай лучше об огромной разнице между ними,
Подумай, что разница эта будет существовать для кого-то,
а мы с тобой будем лежать за ее пределами.

Подумай, сколько на свете радостей,
Предаешься ли ты развлечениям в городе? Или поглощен
бизнесом? Или же собираешься выдвинуть свою
кандидатуру? А может быть, тебе утехой жена и семья?

Или же мать и сестра? Или же дом и хозяйство? Или прекрасное бремя материнства?
Все уплывает помалу, и мы с тобой уплываем,
И наступит тот день, когда нас ничто не взволнует.

Ферма, доход, урожай — как поглощен ты всем этим,
Подумай, останутся фермы, доходы и урожаи, но для тебя какое это будет иметь значение?

6

То, что обещает будущее,— хорошо; и то, что сейчас,— хорошо.
Волноваться жизнью прекрасно и успокоиться в свой срок также прекрасно.
Домашние радости, ежедневная работа, бизнес, строительство домов — все это не иллюзия, все имеет вес, форму и свое место,
Фермы, доходы, урожаи, рынки, заработки и правительства — тоже не иллюзия,
Разница между добром и злом — отнюдь не заблуждение,
Земля — не звук пустой, человек, его жизнь и вещи, сопутствующие ему в жизни,— все хорошо продумано.
Нет, ты не брошен на произвол судьбы, уверенно и надежно ты сам строишь ее,
Ты сам, ты сам, ты сам, отныне и вовеки.

7

Не для того произведен ты на свет матерью и отцом, чтобы стать прахом, но для того, чтобы стать Личностью,
Не для того ты рожден, чтобы стать человеком нерешительным; но чтобы принимать решения,
Зерно личности долго созревало в тебе и наконец взошло и обрело форму,
Отныне и навсегда ты в безопасности, что бы с тобой ни случилось.

Долго сучили нить, пока наконец уток не переплел основу, прочен рисунок ткани.
Все приготовления были продуманы и взвешены,
Долго настраивался оркестр, но вот взлетела дирижерская палочка.

Желанный гость, которого так долго ждали, устроен в доме,
Он прекрасный и счастливый человек,
Радостно глядеть на него и быть с ним рядом.

Закон прошлого — от него не уйдешь,
Закон настоящего и будущего — от него тоже не уйдешь,
И от закона живых людей не уйдешь — он вечен,
И от закона движения и превращения невозможно уйти,
И от закона героев и людей, творящих добро, невозможно уйти,
И никуда не уйдешь от закона низких людей, пьяниц
и доносчиков.

8

Черные тени ползут, покрывая всю землю, их движение
бесконечно,
Вот северянин движется в потоке времени, и южанин движется
в том же потоке, всюду люди — от Атлантического
до Тихоокеанского побережья,
И в краях, что лежат между побережьями, и повсюду в штате
Миссисипи — везде люди.

Великие мастера и космос, движущиеся в потоке времени,— это
хорошо, герои и люди, творящие добро,— тоже хорошо,
Известные вожди и изобретатели, люди богатые, набожные,
уважаемые,— все хорошо по-своему,
Но есть другая шкала оценок, по которой учитывается все.

Бесконечные орды невежественных и злых людей — не звук
пустой,
Первобытные племена, населяющие Азию и Африку,— не звук
пустой,
Поколения людей поверхностных — не звук пустой, они тоже
движутся в потоке времени.

Думая обо всем этом, мечтал я
Не о том, что мы совершенно изменимся, не о том, что закон
преобразится,
Но что герои и люди, творящие добро, должны подчиниться
общему закону, закону настоящего и прошлого
И что убийцы, пьяницы и лжецы должны подчиниться закону
настоящего и прошлого,

Ибо, возмечтал я, закон этот сам по себе может быть хорош.
И понял я, что цель и основа зримой жизни — преходящи
И лишь формируют личность для жизни неизвестной и вечной.

Если все превратится в прах и навоз,
Если черви и крысы — вот наш конец, тогда бейте тревогу! Мы преданы!
Тогда можно поверить в смерть.

Веришь ли ты в смерть? Если бы я верил в смерть, я умер бы непременно,

Неужели ты думаешь, я мог бы, довольный и благополучный идти навстречу полному уничтожению?
Довольный и благополучный, я иду,
Куда иду — не знаю, но чувствую, что это хорошо,
Вся вселенная говорит о том, что это хорошо,
Прошлое и настоящее говорит, что это — хорошо.
Как прекрасны и совершенны животные!
Как прекрасна земля и мельчайший предмет на ней!
То, что зовется добром,— совершенно, и то, что зовется злом,— совершенно.
Овощи и минералы — все прекрасно, и жидкости, ставшие невесомыми, прекрасны,
Медленно и неизбежно они испарялись, медленно и неизбежно они и уплывут.

9

Клянусь, я убежден, что каждый предмет, без исключения, наделен бессмертной душой.
И деревья, вцепившиеся корнями в почву! И морские водоросли! И животные!
Клянусь, я убежден, что нет ничего, кроме бессмертия!
Что тонкая и точная структура жизни придумана для него, что туманные потоки существуют лишь для него и соединение частей — все для него и что все приготовления для него, что личность создана для бессмертия, что жизнь и материя — все, все для бессмертия!

ИЗ ЦИКЛА «ШЕПОТ БОЖЕСТВЕННОЙ СМЕРТИ»

ШЕПОТ БОЖЕСТВЕННОЙ СМЕРТИ

Шепот смерти божественной, легким шорохам внемлю;
Ночь говорит — одними губами — шелестов зыбкий хорал;
Мягкие звуки шагов нисходящих — таинственных бризов
дыханье,
Рокот потока, бегущего вечно потока — плеск невидимых рек
(Иль это капают тихие слезы, неисчислимые слезы людские?).

Я вижу, явственно вижу в небе громады больших облаков;
Скорбно и медленно движутся вдаль, их формы безмолвно растут
и меняются;
Порой омраченная, полускрытая, в дали беспредельной звезда
Мелькнет и снова исчезнет.

(Чьи-то роды, вернее — бессмертное чье-то, торжественное
рожденье.
А там, за рубеж, недоступный для взора,
Уходит чья-то душа.)

ТОМУ, КТО СКОРО УМРЕТ

Из всех людей я выделяю тебя, ибо я принес тебе весть,
Ты скоро умрешь — пусть другие говорят, что хотят, я не стану
кривить душой,
Я прям и безжалостен, но я люблю тебя,— тебе спасения нет.

Нежно кладу на тебя мою правую руку, и ты ощущаешь ее,
Я не говорю ничего, молча приникаю головою к тебе,
Тихо сижу с тобой рядом, я верен тебе,
Я больше для тебя, чем сиделка, больше, чем отец или близкий,
Я отрешаю тебя от всего, оставляю лишь твою душу и тело, ты
бессмертен, ты сбросишь оковы,
Труп, который останется после тебя,— это не ты, а навоз.

Нечаянно солнце сверкнуло, где и не ждали его,
Уверенность и душевный покой наполняют тебя, и ты улыбнулся,
Ты забыл, что ты болен, я тоже забыл, что ты болен,
Что́ тебе аптечные склянки, что́ тебе рыдания друзей — я и ты,
мы с тобою вдвоем.

Остальные пусть уйдут от тебя, здесь не о чем скорбеть
и сокрушаться,
Не сокрушаться я пришел, а поздравить тебя.

НА ПОМАНОКЕ

Две лодки с сетями отплыли от берега, стали недвижно,
Десять рыбаков в ожиданье; вот заметили мощный косяк
сельдей — невод падает в воду,
Лодки расходятся, каждая своим путем поворачивая по дуге
к берегу, загребают неводом рыбу;
Те, кто остался на берегу, невод вытягивают воротом.
А лодки носами уже на земле, в борта их стучатся волны,
Рыбаки, сложа руки, отдыхают в лодках, кое-кто стоит
по щиколотку в воде, пружиня на мускулистых ногах,
И на песке, от воды подальше, трепещут и бьются груды
поманокской сельди с зелеными пятнышками на спине.

ИЗ ЦИКЛА «ОТ ПОЛУДНЯ ДО ЗВЕЗДНОЙ НОЧИ»

ТАИНСТВЕННЫЙ ТРУБАЧ

1

Слушай! Странный трубач, небывалый трубач играет в ночи
прихотливые песни,
Незримо паря в воздушной стихии.

Трубач, я слушаю, чутко ловлю твой напев —
То бурный, крутящийся вихрем вокруг меня, надо мною,
То робкий, неясный, гаснущий где-то в пространстве.

2

Ко мне, о бесплотный! Ты, может быть, дух музыканта
Усопшего, взлеты мечты и восторг озарений
Изведавший в том бытии, которое было
Волной, океаном, вселенною звуков.

Теперь, экстатический дух, ты звонкой трубою
Ничьей души не тревожишь — одну лишь мою,
Лишь для меня играешь ты песню,
Чтоб я передал ее миру.

3

Труби, трубач, и звонко и внятно,— и буду я слушать,
Пока не отступит и шумный день,
И город, и весь взбудораженный мир
Пред этим широким, свободным и светлым потоком мелодий.
Небесной росою священный покой пролился на меня.
Брожу, как в раю, освеженный прохладою ночи,
Вдыхаю запахи роз, и травы, и влажного ветра,
И песня твоя возносит поникший мой дух — дает мне свободу и силу,
Нежась и плавая на ветровом океане.

4

Труби, трубач! Воскрешай пред моими очами
Старинные зрелища — мир феодалов.

О, магия музыки! Вот вереницей ожившей
Идут кавалеры и дамы, пируют бароны, поют трубадуры,
И, в искупленье греха, ищут рыцари чашу святого Грааля.
Я вижу турнир — соперники в тяжких доспехах, на статных конях боевых,
Я слышу лязг булата — удары мечей о брони,
Я вижу, как полчищем буйным идут крестоносцы — чу! грохот литавров.
Монахи бредут впереди, вздымая кресты к небесам.

5

Труби же, трубач! Говори о любви,
О том, что включает весь мир,— и мгновенье и вечность.
Любовь — это пульс бытия, наслажденье и мука,
И сердце мужчины и женщины сердце — во власти любви.
Все в мире связует любовь,
Объемлет и все поглощает любовь.

Я вижу, вокруг меня теснятся бессмертные тени,
Я чувствую пламя, которым согрет весь мир,—
Румянец, и жар, и биенье влюбленных сердец,
И молнии счастья, и вдруг — безмолвие, мрак и желание смерти.

Любовь — это значит весь мир для влюбленных,
Пред ней и пространство и время — ничто.
Любовь — это ночь и день, любовь — это солнце и месяц,
Любовь — это пышный румянец, благоухание жизни.
Нет слов, кроме слов любви, нет мыслей, помимо любви.

6

Труби, трубач! Заклинай свирепого духа войны!

На зов твой пространство ответило эхом — подобным дальнему грому.
Смотри — идут батальоны! Смотри, как в облаке пыли сверкают штыки!
Я вижу солдат закопченные лица, я вижу вспышки в дыму, я слышу пушечный грохот.
Не только войну,— твоя страшная песня, безумный трубач,
Рождает иные картины:
Разбой на дороге — грабеж, и убийство, и крики о помощи!
В пучине тонет корабль — смятенье, отчаянье, гибель!

7

Трубач! Я сам, верно, тот инструмент, на котором играешь ты песни,
Ты плавишь мне сердце и мозг, их движешь, влечешь и меняешь.
Внезапно твой смутный напев навеял грусть на меня,
Ты погасил ласкающий светоч — надежду.
Я вижу рабство и гнет, произвол и насилье повсюду,
Безмерный чувствую стыд, ибо народ мой унижен — и этим унижен я сам,
Моими стали страданья — обиды всего человечества,— и жажда мщенья, и скрытая ненависть,
Меня гнетет пораженье — все кончено! Враг торжествует.
(Но исполином встает над руинами Правда, неколебимая до конца!
Решимость и воля — стоять до конца!)

8

Труби же, трубач! Сыграй в заключенье
Такую высокую песнь, какой не играл никогда!
Играй для моей души, воскреси в ней надежду и веру
И дай мне провидеть грядущее,
Даруй мне его предвкушенье и радость.

О, счастье, о, ликованье — песня восторга!
О, звуки, чья сила — сильнее всего на земле!
То марш победивших людей, обретших свободу,
То в гимне все человечество славит всемирного бога,— и гимн этот — радость!
Явились новые люди, мир стал совершенным,— и все это радость!
В мужчине и женщине — мудрость, невинность, здоровье, и все это — радость!
Веселье и смех вакханалий, и все это — радость!
Исчезли страдания, скорбь и война — нет грязи на старой земле — осталась одна только радость.
Радостью море рокочет, радостью воздух струится,
Радость, радость, радость — свободы, веры, любви — радость ликующей жизни!
Для полного счастья — достаточно жить и дышать!
Радость! Радость! Везде и повсюду — радость!

ЛОКОМОТИВ ЗИМОЙ

Хочу тебя прославить,
Тебя, пробивающегося сквозь метель зимним вечером.
Твое сильное дыхание и мерное биение твоего сердца в тяжелых доспехах,
Твое черное цилиндрическое тело, охваченное золотом меди и серебром стали,
Твои массивные борта, твои шатуны, снующие у тебя по бокам,
Твой размеренный гул и грохот, то нарастающий, то теряющийся вдали,
Твой далеко выступающий вперед большой фонарь,
Твой длинный белый вымпел пара, слегка розоватый в отсветах,
Густые темные клубы дыма, изрыгаемые твоей трубой,
Твой крепко сбитый остов, твои клапаны и поршни, мелькающее поблескиванье твоих колес,
И сзади состав вагонов, послушных, охотно бегущих за тобою

И в зной и в дождь, то быстро, то медленно, но всегда в упорном беге.
Ты образ современности — символ движения и силы — пульс континента;
Приди послужить музе и уложись в стихи таким, каким я тебя вижу,
Внося с собой бурю, порывы ветра и хлопья валящего снега,
Днем — предваряемый звоном сигнального колокола,
Ночью — молчаливым миганием твоих фонарей.
Горластый красавец!
Мчись по моим стихам, освещая их мельканьем твоих фонарей, оглашая их твоим бесшабашным шумом,
Буйным, заливистым хохотом твоего свистка — будя эхо, грохоча, сотрясая землю, все будоража,
Подчиняясь только своим законам, идя своим путем.
И голос твой не слезливая арфа, не бойкий рояль,
А пронзительный крик, повторяемый скалами и холмами,
Далеко разносящийся вдоль прерий, и по озерам,
И к вольному небу — весело, сильно, задорно.

О ЮГ! О МАГНИТ!

О Юг! О магнит! Сверкающий, благоуханный Юг! Мой Юг!
О, горячая кровь, о, страсть, порыв и трепет! Добро и порок! Ты весь мне дорог!
О, как до́рого мне все тут с рождения — все, что движется вокруг, родные деревья, и злаки, и травы, и реки,
До́роги мне мои реки, медлительно текущие по серебристым песчаным низинам и болотам,
До́роги мне Роанок и Саванна, Олтамахо и Пэди, Тамбигби и Санти, Сабин и Кууза,
О, давние далекие блуждания,— в душе я опять задумчиво брожу по берегам этих речек,
Опять во Флориде я плыву по прозрачным озерам, плыву по Окичоби, иду по холмам, сквозь чудесные просеки и темные чащи,
Вижу попугаев в лесах, вижу дынное дерево и в цвету железное дерево,
Вновь я стою на палубе, плыву вдоль берегов Джорджии, вдоль берегов Каролины,
Смотрю, где растет дуб, где желтая сосна, где душистый лавр, где лимон и апельсин, кипарис и изящная карликовая пальма,

Мимо меня тянется, в первозданных каменьях, мыс за мысом;
я вхожу в залив Памлико, я стремительным взглядом
озираю весь край;
О, кусты хлопчатника! Плантации риса, сахара, конопли,
Вооруженный шипами кактус, громадные белые цветы лавра,
Далекие просторы, богатство и скудость, древние леса, увитые
омелой и космами мха,
Аромат и цветы ананаса, первозданная жуткая тишь (здесь,
в этих глухих топях крадется с ружьем разбойник
и укрывается в хижине беглый);
О, таинственное очарование почти неведомых, непроходимых
болот, кишащих гадами, тревожимых ревом аллигаторов,
криками сов и диких кошек, шипением гремучей змеи,
Многоголосый пересмешник, американский артист, поющий все
утро, поющий в лунном свете ночи,
Колибри, лесная индюшка, енот и опóссум;
Кукурузное поле в Кентукки, высокая, с длинными листьями
кукуруза, стройная, шелестящая на ветру, светло-зеленая,
с усиками, с красивыми, одетыми в тугую одежду
початками,
О, мое сердце! О, нежный, неукротимый зов, мне не заглушить
его, я должен ехать;
О, быть виргинцем, быть там, где я вырос! Быть каролинцем!
О, неистовое влечение! Я возвращаюсь к старой Теннесси
и больше не буду странствовать!

БЕДНОСТЬ, СТРАХ, ГОРЕЧЬ УСТУПОК

Бедность, страх, горечь уступок —
Враги, меня одолевшие в упорной борьбе.
(А что есть моя жизнь и жизнь всякого человека, как не борьба
с врагом, постоянная, извечная?)
Вы, унижения, гасящие страсть и порывы,
Жгучая боль разочарования в друге (это самая тяжелая рана
из всех!),
Тягостное косноязычие, мелкие сплетни,
Праздные разговоры за столом (и мой язык, самый праздный
из всех!),
Невыполненные решения, мучительный гнев, подавленные зевки!
Рано вам торжествовать, еще проявится мое истинное Я,
Оно еще преодолеет и подчинит себе все,
Оно еще пойдет в решающую, победоносную атаку.

МЫСЛИ

Об общественном мнении,
О рано или поздно неизбежном, спокойном утверждении
права (таком беспристрастном, уверенном,
обязательном!),
О президенте с побелевшим лицом, тайно вопрошающем
самого себя: «А что скажет в конечном счете народ?»,
О циничных судьях, о продажных членах конгресса,
губернаторах, мэрах — вот они стоят, растерянные,
у позорного столба,
О мямлящих или вопящих попах (скоро, скоро все их
покинут),
О том, что год от года убывает порядочность и авторитет
чиновников, судей, амвонов и школ,
О том, что растет, крепнет, ширится понимание
и собственное достоинство у мужчин и женщин,
Об истинном Новом Свете — о лучезарных Демократиях
повсюду,—
Их политика, армия, флот на службе народа,—
О сияющем солнце для всех, что они нам дадут, об их
внутреннем свете, который превыше всего остального,
О том, что всё для них, всё через них и всё возникает от них.

ИСПАНИЯ, 1873—1874

Из мрака гнетущих туч,
Из-под феодальных обломков, из-под груды королевских
скелетов,
Из-под старого европейского хлама, когда рухнул шутовской
балаган,
Из-под развалин дворцов, и церквей, и церковных гробниц —
Вот оно глянуло вдруг, свежее, светлое лицо Свободы, знакомое
бессмертное лицо.
(Колумбия, как будто матери твоей лицо мелькнуло,
Как будто меч перед тобой сверкнул,—
И нас с тобой это сверкание сроднило!)

Тебя мы не забыли, родная!
Что же ты медлишь? Или ты ждешь, чтобы тучи заволокли
тебя вновь?
Но вот явилась же ты перед нами,— мы увидали тебя,
Теперь уже нам нельзя сомневаться, мы уже знаем тебя —
Ты там, как и всюду, ждешь, чтобы пришло твое время.

НА БЕРЕГАХ ШИРОКОГО ПОТОМАКА

На берегах широкого Потомака снова старые голоса.
(Все бормочешь, все волнуешься, неужели ты не можешь
прекратить свою болтовню?)
И старое сердце снова ликует, и снова всем существом ждешь
возвращенья весны,
Снова в воздухе свежесть и аромат, снова в летнем небе
Виргинии ясное серебро и синева,
Снова утром багрец на дальних холмах,
Снова неистребимая зеленеет трава, мягка и бесшумна,
Снова цветут кроваво-красные розы.

Напои мою книгу своим ароматом, о роза!
Осторожно промой каждый ее стих своею водой, Потомак!
Дай мне сохранить тебя, о весна, меж страниц, пока они еще
не закрылись!
И тебя, багрец на холмах, пока они еще не закрылись!
И тебя, неистребимая зелень травы!

ЯСНАЯ ПОЛНОЧЬ

Это твой час, о душа, твой свободный полет в бессловесное,
Вдали от книг, от искусства, память о дне изглажена, урок
закончен,
И ты во всей полноте поднимаешься, молчаливая, пристально
смотрящая, обдумывающая самые дорогие для тебя
темы —
Ночь, сон, смерть и звезды.

ИЗ ЦИКЛА «ПЕСНИ РАССТАВАНИЙ»

ГОДЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Годы современности, годы несвершенного!
Ваш занавес поднимается, вижу, как выступают все более
высокие трагедии,
Вижу, как готовятся не только Америка, не только страна
Свободы, но и другие страны,
Вижу грандиозные явления и уходы, новые союзы, согласие
народов,

Вижу силу, двинувшуюся с непреодолимой энергией на мировые подмостки
(Сыграна ли роль старых сил, старых войн? Выполнены ли их задачи?),
Вижу Свободу во всеоружии, победоносную и величавую, с Законом по одну сторону и Миром — по другую,
Потрясающее трио, выступающее против идеи иерархии;
Какова историческая развязка, к которой мы стремительно приближаемся?
Вижу марши и контрмарши спешащих людских миллионов,
Вижу, как рушатся рубежи и границы древних аристократий,
Вижу опрокинутые пограничные столбы европейских монархий,
Вижу, что сегодня Народ начинает ставить свои пограничные столбы (все прочее уступает ему дорогу);
Никогда вопросы не стояли так остро, как сегодня,
Никогда простой человек, его дух не был столь деятелен, столь богоподобен,
Слышите, он требует и требует, не давая толпе передышки!
Вот он смело проникает повсюду, на суше и на море, покоряет Тихий океан, архипелаги,
С помощью парохода, телеграфа, газеты, оптовой торговли оружием,
Вместе с распространившимися по всему миру заводами он связывает воедино всю географию, все державы;
Какие шепоты бегут перед вами через океаны, о державы?
Общаются ли все нации? Наступает ли для земного шара эпоха единомыслия?
Формируется ли единое человечество? Ибо — слушайте!
Тираны трепещут, потускнел блеск корон,
Земля в волнении, она приближается к новой эре, быть может, ко всеобщей грандиозной войне,
Дни и ночи изобилуют такими знамениями, что никто не ведает, что же будет;
Годы вещие! Пространство, лежащее предо мной, переполнено призраками — я тщетно пытаюсь проникнуть в него взглядом,
Меня окружают образы незавершенных, предстоящих деяний,
О, невероятный пыл и напор, странный, экстатический жар видений ваших, о годы!
Меня пронизывают ваши видения, годы! (Я не знаю, во сне я или наяву!)
Америка и Европа, свершившие свое, тускнеют, отходят в тень,
Несвершенное, небывало грандиозное, надвигается, надвигается на меня.

ПЕСНЬ НА ЗАКАТЕ

Величаво кончается день, затопляя меня,
Час пророческий, час, подводящий итоги,
Ты за горло берешь, и, пока еще светит твой луч,
Я пою тебя, жизнь, и тебя я пою, земля.

Рот души моей радость вещает открыто,
Взор души моей видит одно совершенство,
Настоящая жизнь моя преданно сущее все превозносит,
Подтверждая навек превосходство вещей.

И да славится каждый! Да славится все!
И да славится то, что зовется пространством, и духов несчетная сфера,
И да славится тайна движения в любом существе, даже в малой букашке,
И да славится речь, и да славятся чувства и плоть,
И да славится свет мимолетный,— да славится бледная тень новорожденного месяца в западном небе,
И да славится все, что я вижу и слышу, к чему прикасаюсь!
Благо во всем,
Благо в довольстве животных,
В ежегодных возвратах зимы и весны,
В ликовании юности,
В упоении мужества,
В грациозном величии старости,
В прекрасных проекциях смерти.

Отбывать удивительно!
И оставаться чудесно!
Сердцу — с силой толкать все ту же невинную кровь:
Наслаждение — воздух вдыхать!
Говорить — и ходить — и руками за что-то хвататься!
Собираться ко сну, созерцать свое тело в постели!
Ощущать свое щедрое тело, довольное тело!
Быть немыслимым богом и жить меж богов!
Меж мужчин и меж женщин, которых люблю!

Удивительно, как прославляю я вас и себя!
Как участвуют мысли мои в спектакле, идущем вокруг!
Как спокойно над нами плывут облака!
Как несется Земля, мчатся Солнце, и месяц, и звезды!
Как поет и играет вода! (Я уверен, живая!)

Как деревья встают и стоят на могучих корнях, размахнув свои ветви в листве!
(Я уверен, что каждое дерево — это живая душа.)

О, забавность вещей — даже самой ничтожной крупицы!
О, духовность вещей!
О, напев, что течет, омывая столетья и материки, настигая сегодня меня и Америку!
Я беру твои мощные звуки, рассыпаю вокруг и бодро вперед прохожу.

Я тоже пою тебя, солнце, твой восход, и зенит, и закат,
Я тоже взволнован красой и рассудком земли и всего, что растет на земле,
Я тоже почувствовал неодолимый свой собственный зов.

Когда я проходил Миссисипи,
Когда странствовал в прериях,
Когда жил и глядел из окон моих глаз,
Когда шел я вперед поутру, когда видел зарю на востоке,
Когда окупался с побережья Восточного Моря и снова с отмелей Западных Вод,
Когда я по Чикаго скитался и где только я не скитался,
В каких городах или тихих лесах, даже между прицелом войны,
Где бы я ни бывал, я всегда заряжался торжеством и довольством.

Я пою, наконец, равнозначность, сейчас или в прошлом,
Я пою бесконечность финалов явлений,
Я пою продолженье Природы, пою продолжение славы,
Я хвалю электрическим голосом,
Потому что не вижу я несовершенства вселенной
И не вижу причины бояться дурного исхода.

О, закатное солнце! Хоть время уже наступило,
Я в восторге еще, я еще распеваю под солнцем, уж если не слышно других!

МОЕ ЗАВЕЩАНИЕ

Богатый стяжатель, делец,
После усердных годов подсчитывая всю свою наживу, собираясь уйти,
Распределяет между своими детьми земельные участки, дома,

И завещает акции, фонды, товары какой-нибудь больнице или школе,
И оставляет деньги кое-кому из близких, чтобы купили себе на память о нем сувениры из золота и драгоценных камней.

Я же к концу жизни, подводя ей итог,
Ничего никому не могу завещать после всех ее беспечных годов —
Ни домов, ни земель, ни золота, ни драгоценных камней,—
Лишь несколько воспоминаний о войне для вас и ваших детей,
И маленькие сувениры о боевых бивуаках, о солдатах, и с ними мое нежное чувство.
Все это я связываю воедино и вот — завещаю вам в этой охапке стихов.

НЕТ, ЭТО НЕ КНИГА, КАМЕРАДО

(Из поэмы «Прощайте»)

Нет, это не книга, Камерадо,
Тронь ее — и тронешь человека,
(Что, нынче ночь? Кругом никого? Мы одни?)
Со страниц я бросаюсь в объятия к тебе, хоть могила и зовет меня назад.
О, как ласковы пальцы твои, как они усыпляют меня,
Дыханье твое — как роса, биение крови твоей баюкает и нежит меня,
И счастье заливает меня с головою,
Такое безмерное счастье.

ИЗ ЦИКЛА «ДНИ СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЯ»

С МЫСА МОНТАУК

Стою, как на мощном клюве орла,
К востоку — моря простор (ничего, кроме моря и неба).
Прибоя накат, пена, а вдалеке корабли,
Бешенство волн, мелькают их белые гребни, они рвутся и рвутся к берегу,
Вечно стремятся к нему.

ТЕМ, КТО ПОТЕРПЕЛ ПОРАЖЕНИЕ

Тем, кто потерпел поражение, не осуществив широких своих
стремлений,
Безымянным солдатам, упавшим первыми в первых рядах,
Спокойным, преданным своему делу механикам — страстным
путешественникам — лоцманам на кораблях,
Многим песням и картинам, полным высоких мыслей, но не
признанным, я воздвиг бы памятник, увенчанный
лаврами,
Высоко, выше всех остальных — памятник всем, безвременно
скошенным,
Охваченным пламенем каких-то странных томлений духа,
Потушенным ранней смертью.

ДРЯХЛЫЙ, БОЛЬНОЙ, Я СИЖУ И ПИШУ

Дряхлый, больной, я сижу и пишу,
И мне тягостно думать, что ворчливость и скука моих
стариковских годов,
Сонливость, боли, запоры, унынье, сварливая мрачность
Могут просочиться в мои песни.

ПЕРВЫЙ ОДУВАНЧИК

Свежий, простой и прекрасный, освободившийся из плена зимы,
Как будто никогда не бывало на свете ни мод, ни политики,
ни денежных дел,
Из пригретого солнцем, укрытого травой тайника,
невинный, тихий, золотой, как заря,
Первый одуванчик весны кажет свой доверчивый лик.

КОГДА КОНЧАЕТСЯ ОСЛЕПИТЕЛЬНОСТЬ ДНЯ

Когда кончается ослепительность дня,
Только темная, темная ночь показывает глазам моим звезды;
А когда отгремит величавый орган, или хор, или прекрасный
оркестр,
В молчании навстречу душе моей движется симфония истинная.

ИЗ МАЙСКИХ ЗРЕЛИЩ

Яблоневые сады, яблони все усыпаны цветом;
Пшеничные поля — вдалеке и вблизи — покрыты живым изумрудным ковром;
Вечная, неистощимая свежесть каждого раннего утра;
Желтая, золотая, прозрачная дымка теплого послеполуденного солнца;
Тянущиеся кверху кусты сирени со множеством пурпурных или белых цветов.

БЛАГОСТНЫЕ ДНИ В МИРНОМ РАЗДУМЬЕ

Счастье — это не только разделенная любовь,
Не только почет, богатство, успехи в политике и войне;
Но, когда жизнь медленно вянет, и утихают бурные страсти,
И наступает великолепие прозрачных, тихих закатов,
И легкость, свершенье, покой охватывают тело,
словно свежий, благовонный воздух,
И осенние дни светятся мягким сияньем,
И наливается, наконец, яблоко и висит на ветке,
созревшее и готовое упасть,—
Тогда приходят самые счастливые, самые умиротворенные дни —
Благостные дни в мирном раздумье.

ЕСЛИ БЫ МОГ Я

(Из стихотворения «Мысли на морском берегу»)

Если бы мог я помериться силой с великими бардами,
Запечатлеть черты величаво прекрасные,
Вызвать на состязанье Гомера со всеми боями и воинами — Ахиллом, Аяксом, Гектором,
Нарисовать, как Шекспир, окованных скорбью Гамлета, Лира, Отелло,
Или — как Тéннисон Альфред — воспеть белокурых красавиц,
Если бы я овладел искусным размером
И совершенною рифмой — усладой певцов,—
Все это вместе, о море, я отдал бы с радостью,
Только бы ты согласилось мне передать колебанье единой волны, одну ее прихоть
Или дохнуло в мой стих влажным дыханьем своим,
Отдав ему запах морской.

ОТЛИВ; ДНЕВНОЙ СВЕТ МЕРКНЕТ

(Из стихотворения «Мысли на морском берегу»)

Отлив; дневной свет меркнет,
Благовонная морская прохлада надвигается на землю, заливает ее запахами водорослей и соли,
А с ними множество сдавленных голосов, поднимающихся из клубящихся волн,
Приглушенные признания, рыдания, шепот,
Словно доносящиеся от далеких — или где-то укрытых — людей.

Как они погружаются в глубину и вырываются на миг на поверхность! Как они вздыхают!
Неназванные поэты — художники, величайшие из всех,
с дорогими им, но неудавшимися замыслами,
Любви безответность — хор жалоб веков — последние слова надежды,
Отчаянный крик самоубийцы: «Уйти в безграничную пустыню и не вернуться больше никогда».

Так вперед, к забвению!
Вперед, вперед, выполняйте свое дело, погребальные волны отлива!
Вперед, наступает твоя очередь, яростный прибой!

О ГЛУХОЙ, ГРУБЫЙ ГОЛОС МЯТЕЖНОГО МОРЯ!

О глухой, грубый голос мятежного моря!
Днем и ночью брожу, вслушиваясь в твой шорох, в удары прибоя,
Стараюсь понять странный смысл твоих слов
(Здесь я просто стремлюсь передать их) —
И табуны белогривых коней, что несутся на берег,
И широкую улыбку покрытого солнечной рябью лица,
И хмурое раздумье, а за ним бешенство ураганов,
И неукротимость, своеволье, причуды;
Как ты ни велик, океан, твои обильные слезы — о вечном, недостижимом
(Что может еще возвеличить тебя, как не великие схватки, обиды и пораженья),—

Твое огромное одиночество — ты его вечно ищешь
и не находишь:
Наверно, что-то отнято у тебя, и попранной вольности голос
все звучит и звучит яростно, не слабея,
Твое сердце, как большое сердце планеты, закованное бьется,
ярясь в твоих бурунах,
И широкий разбег, и срыв, и не хватает дыханья,
И размеренный шелест волн по пескам — шипенье змеи,
И дикие взрывы хохота — далекое рыканье льва
(Ты грохочешь, взывая к неба немой глухоте,— но теперь
наконец-то доверчиво изливаешь
Обиды свои, наконец-то другу в призрачной ночной тишипе).
Последняя и первая исповедь планеты,
Возникающая, рвущаяся из глубин твоей души!
Эту повесть об извечной, всеобъемлющей страсти
Ты родной поверяешь душе!

ТВОЮ ЗВОНКОГОРЛУЮ ПЕСНЬ

На восемьдесят третьем градусе северной широты, когда до полюса оставалось расстояние, которое быстроходный океанский пароход, плывущий по открытым водам, покрыл бы за сутки,— исследователь Грили услышал однажды пение полярной овсянки, веселыми звуками оглашавшей безжизненные просторы.

Твою звонкогорлую песнь средь арктической белой пустыни
Я приму как урок, одинокая птица,— ведь и мне, словно гостя,
встречать пронзительный ветер,
Подступивший трескучий мороз — замирающий пульс,
цепенеющий разум,
Этот плен ледяной, мою старость (о, стужа, суровая стужа!),
Этот снег в волосах, ослабевшие руки, озябшие ноги.
Я беру твою бодрую веру, о птица, я буду ей верен;
Петь мне не только лето и юг, не только юный восторг и теплые
волны прибоя —
Недвижный, затертый во льдах, как корабль, я грозной гряде
облаков, принесенной годами,
С радостью в сердце песню спою.

ЙОННОНДИО

Смысл этого слова — *плач по аборигенам*. Это прокезское слово, употреблявшееся как имя собственное.

Йоннондио,— ты песня, ты стихи,
Йоннондио,— сам звук твой, как псалом
Меж пустошей и скал, сквозь зимнюю пургу,
Во мне рождает смутную картину;
Йоннондио — взглянув на север или запад,
Я вижу бескопечное ущелье,
Я вижу прерии меж темных гор,
Я вижу, как сошлись индейцы на совет,
Могучие вожди и старые шаманы
В вечерних сумерках клубятся, словно духи
(Порода диких чащ и вольных горных круч!
Не образ, не стихи,— они придут позднее),
Йоннондио,— не став изображеньем,
Йоннондио,— навеки исчезают,
Стираются и уступают место
Растущим городам, и фабрикам, и фермам.
Глухой и звонкий звук, как причитанье,
На миг возникло в воздухе и мимо
Прошло и потерялось навсегда.
Йоннондио!

ИСТИННЫЕ ПОБЕДИТЕЛИ

Старые фермеры, путешественники, рабочие (пусть сгорбленные
от труда, пусть искалеченные),
Старые моряки — много опасных дорог, бурь и крушений у них
позади,
Старые солдаты — они помнят походы, отступленья, кровавые
раны,—
Разве мало того, что они уцелели, выжили,— долгая жизнь
требует столько упорства! —
Они прошли через все испытанья, битвы и схватки — они-то
и есть
Истинные победители.

СТАРИКОВСКОЕ СПАСИБО

Стариковское спасибо,— пока я не умер,
За здоровье, за полуденное солнце, за этот неосязаемый воздух,
за жизнь, просто за жизнь,
За бесценные воспоминания, которые со мною всегда (о тебе,
моя мать, мой отец, мои братья, сестры, товарищи),
За все мои дни — не только дни мира, но также и дни войны,
За нежные слова, ласки, подарки из чужих краев,
За кров, за вино и мясо, за признание, которое доставляет мне
радость
(Вы, далекие, неведомые, словно в тумане, милые читатели,
молодые или старые, для меня безымянные,
Мы никогда не видались и никогда не увидимся, но наши души
обнимаются долго, крепко и долго),
За все, что живет, за любовь, дела, слова, книги, за краски
и формы,
За всех смелых и сильных, за преданных, упорных людей,
которые отстаивали свободу, во все века во всех странах,
За самых смелых, самых сильных, самых преданных (им особую
лавровую ветвь, пока я не умер,— в битве жизни отборным
бойцам,
Канонирам песни и мысли, великим артиллеристам, вождям,
капитанам души),
Как солдат, что воротился домой по окончании войны,
Как путник, один из тысяч, что озирается на пройденный путь,
На длинную процессию идущих за ним,
Спасибо, говорю я, веселое спасибо! от путника, от солдата
спасибо!

СКОРО БУДЕТ ПОБЕЖДЕНА ЗИМА

Скоро будет побеждена зима;
Скоро ледовые спайки развяжутся и растают. Еще немного —
И воздух, землю, волны зальют нежность, цветенье, рост —
тысяча форм поднимется
Из этих мертвых комьев, из холода, словно из низеньких
погребальных курганов.
Твои глаза, уши — все твои лучшие чувства, все, что способно
познать естественную красоту,
Проснется и наполнится ощущениями. Ты увидишь простые
зрелища, нежные чудеса земли,
Одуванчики, клевер, изумрудную траву, ощутишь раннее
благоухание, запах цветов,

Землянику под ногами, желто-зеленую иву, цветущие сливы
и вишни,
Малиновку, жаворонка и дрозда, распевающих песни свои,—
порхающую синюю птицу;
Такие сцены приносит ежегодная игра природы.

ЛУЧШИЕ УРОКИ

Брал ли ты уроки лишь у тех, что холили тебя, и восхищались
тобою, и во всем уступали тебе?
Не брал ли ты мудрых уроков у тех, что отвергают тебя
и враждуют с тобой? Или у тех, что оскорбляют тебя
и хотят спихнуть тебя с дороги?

СУМЕРКИ

Нежные, сладострастные, усыпляющие тени,
Солнце только что ушло, яркий свет растворился (я тоже скоро
уйду, растворюсь),
Дымка — нирвана — покой и ночь — забвение.

НЕ ТОЛЬКО СУХИЕ СУЧЬЯ С НЕВИДИМОЙ ЖИЗНЬЮ

Вы, песни,— не только сухие сучья с невидимой жизнью —
(чешуйчатые и голые, подобно лапам орла),
Может быть, как-нибудь в солнечный день (кто знает!) какой-то
будущей весной, каким-то летом — вы покроетесь почками,
Породите зелепеющие листья, прохладную тень, сочный плод,
Яблоки и виноград. Вырастут могучие ветви деревьев,— повеет
свежий, вольный, открытый воздух,
Любовь и вера расцветут, как благоухающие розы.

БЕЗ МАЧТ И ПАРУСОВ

В забытой лагуне, в безымянном заливе,
В недвижной унылой воде, у берега бросив якорь,
Старый, со снятыми мачтами, седой, израненный, отслуживший,
бессильный корабль,

После вольных плаваний по всем океанам земли, стал наконец,
пришвартован на крепких канатах,
Ржавея и плесневея.

ПОСЛЕ УЖИНА И БЕСЕДЫ

После ужина и беседы, когда день уже кончен,
Друг с дорогими друзьями прощается навсегда и все не может
проститься.
«Прощайте, прощайте»,— не раз говорит он, губы его дрожат
(Так тяжело его руке выпустить эти руки — им больше не
встретиться,
Больше не будут делиться они ни горем, ни радостью,
ни старым, ни новым,—
Ждет его дальний путь, он никогда не вернется).
Все еще не решаясь, все оттягивая расставание — не упустить
бы ни слова, даже если оно и пустячно,—
Даже в дверях лицом повернувшись, будто ожидая, что вновь
окликнут, даже уже спускаясь по лестнице,
Все еще хочет задержаться, хотя бы ненадолго — вечерние тени
все гуще,
Все глуше слова прощанья — лицо уходящего тает в сумерках,
Вот его и совсем не видно — о, с какой неохотой ушел он!
И все говорил, говорил до последней минуты.

ИЗ ЦИКЛА
«ПРОЩАЙ, МОЕ ВДОХНОВЕНЬЕ!»

МНОГО, МНОГО ВРЕМЕНИ СПУСТЯ

Только после того, как они пройдут долгий, долгий путь,
странствуя сотни лет, будут не раз отвергнуты,
После того, как разные наслоения: пробужденная любовь,
радость, мысли,
Надежды, желания, стремления, размышления, победы
мириад читателей
Оденут их, охватят и покроют инкрустациями веков и веков —
Только тогда эти стихи сделают все, на что они способны.

КОГДА ПОЯВИЛСЯ ПОЭТ В РАСЦВЕТЕ СИЛ

Когда появился поэт в расцвете сил,
Возрадовалась Природа (гладкий, бесстрастный шар, со всеми своими зрелищами — дневными и ночными) и возгласила: он — мой;
Но тут возвысила свой голос Душа Человека, ревнивая, гордая, непримиримая: нет, он мой, только мой;
Тогда поэт в расцвете сил встал между ними и взял их за руки,
И так вот он стоит, сегодня и всегда, слиятель, объединитель, крепко держа их за руки,
И он никогда их не отпустит, пока не примирит,
Пока совсем, ликуя, не сольет их.

ОСЦЕОЛА

Я уже был почти взрослый, когда в Бруклине, в штате Нью-Йорк, мне случилось встретиться (в середине 1838 г.) с одним военным моряком, воротившимся из форта Молтри (Южная Каролина). Я долго разговаривал с ним и узнал от него то, о чем повествуется ниже,— о смерти Осцеолы. Осцеола был молодой и бесстрашный вождь из племени семинолов. Во время войны во Флориде он сдался в плен нашим войскам, был заключен в тюрьму и умер в форте Молтри буквально от «разбитого сердца». Его болезнь была вызвана тоской по свободе. И лекарь и офицеры относились к нему очень сочувственно и делали все возможное, чтобы облегчить ему тюремный режим. И вот — конец.

Уолт Уитмен

Когда пришел его последний час,
Он медленно поднялся на подстилке,
Надел боевую одежду, рубаху, опоясал себя поясом, обмотал себе ноги ремнями,
Потребовал, чтобы ему выдали киноварь (перед ним держали его зеркальце),
Раскрасил себе половину лица, шею, запястья и тыльную сторону рук,

Старательно приладил к поясу нож для снимания скальпов —
потом лег, отдохнул немного,
Потом снова привстал на ложе, улыбнулся и в глубоком
молчанье подал каждому руку,
И, обессиленный, пал на подстилку, и, крепко сжимая рукоять
томагавка,
Остановил взгляд на жене и на детях — последний.
(Пусть эти немногие строки сохранят его имя и память о том,
как он умер.)

СМЫСЛ «ЛИСТЬЕВ ТРАВЫ»

Не изгонять, не отграничивать и не выпалывать зло из его
угрожающей массы (ни даже разоблачать его),
Но умножать, объединять, довершать, расширять —
и прославлять бессмертие и добро.

Высока эта песня, слова ее и полет,
Она обнимает бескрайние сферы пространства и времени,
Всю эволюцию и в совокупности — поросль грядущего
и отошедшее.
Я запел ее в зреющей юности и пронес через жизнь,
Скитаясь, всматриваясь, не признавая авторитетов, включая
в песню войну и мир, день и ночь,
Не отступив от нее ни на краткий час,
Я заканчиваю ее здесь и теперь, больной, нищий и дряхлый.

Я пою о жизни, но скажите мне доброе слово о смерти:
Сегодня Смерть, словно тень, идет за мной по пятам, годами
преследуя, мой согбенный двойник,
Порой приближается, и тогда мы — лицом к лицу.

ПРОЩАЙ, МОЕ ВДОХНОВЕНЬЕ!

Прощай, мое Вдохновенье!
Прощай, мой милый товарищ, моя дорогая любовь!
Я ухожу, а куда — и сам не знаю,
Не знаю, что ждет меня впереди, не знаю, встретимся ли мы
с тобою,—
Так, значит,— прощай, мое Вдохновенье.

И ныне, в последний раз, дай мне оглянуться на минуту:
Все медленнее, все слабее тикает маятник в моей груди,
Пора уходить, надвигается ночь, скоро сердце перестанет
биться.

Долго мы жили вместе, радуя и лаская друг друга,—
Какой восторг! — а теперь расставаться время настало —
прощай, мое Вдохновенье!

И все же позволь — спешить я не буду,
Так долго мы жили друг с другом, засыпали вместе, сливаясь
почти воедино, в одно существо,
И теперь, если нам умереть, мы умрем вместе (да, нас никто
не разделит!).
Если нам уходить куда-то, навстречу неведомому, мы уйдем
вместе,
Быть может, мы станем богаче, счастливее и что-то познаем,
Может быть, ты ведешь меня ныне к моим самым высоким,
истинным песням (кто знает?),
Может быть, именно ты не даешь повернуть этот ключ
в роковой, последней двери — что же, в последний раз,
Прощай,— и привет тебе! — мое Вдохновенье.

ИЗ ЦИКЛА «ЭХО МИНУВШИХ ЛЕТ»

НЕТ, НЕ ГОВОРИ МНЕ СЕГОДНЯ О ПЕЧАТНОМ ПОЗОРЕ

(Зима 1873 г., во время сессии конгресса)

Нет, не говори мне сегодня о печатном позоре,
Не читай мне сегодня этих газетных страниц,
Статей, беспощадно клеймящих один лоб за другим,
Отчетов о преступлении за преступленьем.

Сегодня я не хочу о них слышать,
Отвернусь от них — отвернусь от белого Капитолия,
От этих пышных куполов, увенчанных статуями,
Перед глазами другое — непреходящее, торжествующее,
насущное,—
То, о чем нет статей и отчетов.

Вижу, честные фермы, вашу мирную жизнь на Севере
и на Юге, в штатах, ставших равными,
Вижу безвестные миллионы мужественных тружеников
на Западе и Востоке,
Вижу ваших тихих матерей, жен и сестер, не сознающих блага,
которое в них,
Вижу тысячи ваших жилищ, ни богатых, ни бедных, они встают
предо мной (даже в бедности они величавы),
Вижу вашу непоколебимую стойкость, отзывчивость, жертвы,
Вижу ваше неиссякаемое достоинство, скромное, но уверенное
в себе,
Вижу добро, всегда творимое вами, ясное, как свет, но
неприметное людям.
(Погружаюсь во все это, как смелый пловец ныряет в глубокую,
неизведанную воду.)
Вот о ком я думаю сегодня, позабыв обо всем остальном, о них
твержу,
Им иду я сегодня навстречу.

ЭМИЛИ ДИКИНСОН
СТИХОТВОРЕНИЯ

ПЕРЕВОДЫ В. МАРКОВОЙ и И. ЛИХАЧЕВА

* * *

Утром мягче холодок —
Орех — литая бронза —
Круглее щеки ягоды
И в отъезде роза.

На ветках клена алый шарф —
Каймой на поле брошен.
Чтоб от моды не отстать —
И я надену брошь.

* * *

Запоздалого утра Солнце взошло.
Встала Радуга над грозой.
Как стадо испуганных слонов —
Тучи топчут горизонт.

Улыбаются птицы в каждом гнезде —
Ни одна не дрогнет лоза.
Но напрасно заглядывает День
В безответные глаза.

Как небрежно спокойна Смерть!
Как глубóко ушла в забытье!
Медлящего архангела речь
Одна разбудит ее.

* * *

Предчувствие — длинная Тень — косая —
Знак — что Солнце зайдет — угасая.
Напоминанье притихшим цветам —
Что скоро набежит Темнота.

* * *

Вот все — что я тебе принесла!
Это — и сердце мое.
Это — и сердце мое — все поля —
Летних лугов разлет.
А если хочешь сумму узнать —
Пересчитай подряд
Это — и сердце мое — всех Пчел —
Что в Клевере гудят.

* * *

Как странно — быть Столетьем!
Люди проходят — а ты — свидетель —
И только! Нет — я не так стойка —
Я умерла бы наверняка.

Все видеть — и ничего не выдать!
Не то еще вгонишь в краску
Наш застенчивый Шар земной —
Его так смутит огласка.

* * *

Конечен проигрыш — дерзанье бесконечно.
Один Корабль красуется в порту —
Но сколько доблестных сокрушено Созданий —
Им не взлететь с волной на высоту.

* * *

День! Здравствуй — День очередной!
Означь свой малый срок.
Случайный выстрел иногда —
К виктории пролог!

Пошел вперед простой солдат —
И крепость в прах легла.
Скрепись — душа! Быть может — бой
Решит твоя стрела!

* * *

Сердце! Забудем оба —
Был он — или нет!
Ты позабудешь его тепло —
Я позабуду свет.

Кончишь работу — скажи —
Я начну в свой черед.
Скорей! Минуту промедлишь —
Память о нем всплывет.

* * *

Я все потеряла дважды.
С землей — короткий расчет.
Дважды я подаянья просила
У господних ворот.

Дважды ангелы с неба
Возместили потерю мою.
Взломщик! Банкир! Отец мой!
Снова я нищей стою.

* * *

На него возложите лавры —
Он был слишком замкнут для Славы.
Лавр бессмертный — затмись — посрамлен.
Тот — кого ты отверг — это Он!

* * *

Пусть я умру —
Ты будешь жить —
И суждено опять
Заре — блеснуть,
Полудню — жечь,
И времени — журчать.
И будут пчелы черпать сок —
Не стихнет стая птиц.
Могу я смело взять расчет —
Курс акций устоит.
В кругу цветов — в молчанье трав —
Спокойно встречу смерть я —
Ведь проторей не понесут
Биржа и коммерция.
Душа — прощаясь — не взгрустнет —
Приятной сцене рада —
Какие прыткие дельцы
Здесь во главе парада!

* * *

Чтоб свято чтить обычные дни —
Надо лишь помнить:
От вас — от меня —
Могут взять они — малость —
Дар бытия.

Чтоб жизнь паделить величьем —
Надо лишь помнить —
Что желудь здесь —
Зародыш лесов
В верховьях небес.

* * *

Успех всего заманчивей
На самом дне беды.
Поймешь — как сладостен нектар —
Когда — ни капли воды.

Никто в пурпурном воинстве —
Сломившем все на пути —
Не смог бы верней и проще
Слова для Победы найти —

Чем побежденный — поверженный...
Сквозь смертной муки заслон
Он слышит так ясно — так ясно —
Триумфа ликующий стон.

* * *

Когда я слышу про побег —
Забьется кровь сильней —
Внезапная надежда —
Крылья за спиной.

Когда я слышу — что тюрьму
Снес патиск мятежа —
По-детски тереблю затвор —
И вновь — не убежать.

* * *

Ликованпе Свободы —
Это к морю — путь души —
Мимо мельниц —
Мимо пастбищ —
Сквозь ряды крутых вершин.

Мы росли в кольце долины.
Разве моряки поймут
Упоенье — первой мили —
Первых Вечности минут?

* * *

Наша жизнь — Швейцария —
Тишь — холодок —
Но в один нечаянный день
Альпы раздвинут Полог
И приоткроют Даль.

Италия по ту сторону —
Но разве перебежишь!
Альпы — стражи —
Альпы — сирены —
Вечно хранят рубежи!

* * *

Сердце — полегче моего —
Вечернюю тишь возмутив —
Прошло под моим окном —
Насвистывая мотив —
Так — уличную песенку —
С невпятицей пополам —
Но для израненных ушей
Самый целебный бальзам.
Как будто пролетный Бóболинк
Загляпул в мой уголок —
Спел песню радости — и вдали
Медленно умолк.
Как будто вдоль пыльной дороги
Щебечущий Ручей
На стертых в кровь — дрожащих ногах —
Сплясал — нельзя веселей.
Снова ночь возвратится —
Вернется боль — как знать.
О звонкий Рог! Под моим окном —
Прошу — пройди опять.

* * *

Полет их неудержим —
Шмель — Час — Дым.
С элегией повременим.

Останутся — не догорят —
Вечность — Гóре — Гора.
О них не говорю.

Иной — упокоясь — взлетит.
Найдет ли неба зенит?
Как тихо загадка спит.

* * *

Новые ноги топчут мой сад —
Новые пальцы холят росток.
На ветке вяза бродячий Певец
Одиночество гонит прочь.
Новые дети шумят на лугу.
Новые кости легли на почлег —
И снова — задумчивая весна —
И вновь — пунктуальный снег.

* * *

Склонить — подчеркнуто — голову
И под конец узнать —
Что позы такой не приемлет
Бессмертный разум наш!
Родится злая догадка —
И вы — в этой хмари — все —
Колеблетесь —
Паутинки
На зыбкой Кисее.

* * *

Победа приходит поздно —
Ее опускают к самым губам —
Скованным накрепко морозом —
Бессильным принять этот дар.
А раньше —
Как была бы сладка —
Если б хоть каплю одну!
Или бог до того экономен?
Стол его накрыт
Чересчур высоко для нас —
Надо обедать на цыпочках.

Крошки — для маленьких ртов.
Вишни насытят малиновок.
Их задушил бы
Золотой завтрак орла.

Бог не обманет воробьев —
Сдержит клятву свою —
Ведь они умеют
Ради малепькой любви — голодать.

* * *

В краю — где я пе была никогда —
Альпы высятся гордо —
Их Шапки касаются небосвода —
Их Сандалии — го́рода —
Играют у их вековечпых ног
Мириады маргариток юных —
Сэр — кто из пих вы —
Кто из них я —
В это утро июня?

* * *

Подруга поэтов — Осень прошла.
Проза вбивает клип
Между последпей дымкой
И первым снегом долиц.
Зори острые — словно ланцеты —
Дпи — аскетически скупы.
Пропали мистера Браїанта астры —
Мистера Томсопа снопы.
Запечатаны пряные устья.
Упялась толчея в ручьях.
Месмерические пальцы трогают
Веки Эльфов — жестом врача.
Может — белка меня не покинет?
Я сердце ей отворю.
Пошли мпе — Боже — солнечпый дух —
Нести ветровую волю твою!

* * *

Воде учит ссохшийся рот —
Земле — пустой горизопт —
Счастью — тоска —
Миру — сражений гром —
Любви — запечатанный гроб —
Птицам учат Снега.

* * *

Как изменился каждый холм!
Тирийский свет наполнил дол.
Все шире зори поутру —
Все глубже сумрак ввечеру.
Ноги пунцовой легкий след —
Пурпурный палец на холме —
Плясунья-муха за стеклом —
Паук за старым ремеслом —
Победный Шантеклера зов —
Повсюду в гости ждут цветов —
И в роще посвист топора —
И пахнет травами тропа.
Не перечислить всех примет —
Так каждый год она на свет
Родится снова — и твоим
Конец сомненьям — Никодим!

* * *

Она терпела. Только жилы
Чертили синие штрихи.
Вокруг спокойных глаз молили
Пурпурные карандаши.

Расцвел и облетел нарцисс —
Тогда терпенье вдруг ушло —
И на скамью среди святых
Она присела тяжело.

Усталый шаг ее — не мерит
Селенье из конца в конец —
В вечерний час не забелеет
Ее застенчивый чепец.

Мы тихо шепчемся о ней —
А там — венчанья торжество —
Там — робкая — она царит —
Стыдясь бессмертья своего.

* * *

Дарят мне песни пчел
Волшебный произвол —
Но как — и в чем секрет —
Мне легче умереть —
Чем дать ответ.

Холм с алою каймой
Сжигает разум мой.
Смеешься? Берегись!
Сам бог сошел к нам вниз —
Вот мой ответ.

Восход — и я лечу —
Но как и почему —
В чем сила этих крыл?
Тот — кто меня лепил —
Найдет ответ.

* * *

Какой восторг! Какой восторг!
А проиграю — кончен торг!
Но ведь иной бедняк
Ребром последний ставил грош —
И выиграл! Как била дрожь —
От счастья лишь на шаг.

Жизнь — только Жизнь. Смерть — только Смерть.
Свет — только Свет. Смерч — только Смерч.
Пусть карты их рассудят.
Ты побежден? Но мысль сладка:
Решилось всё — наверняка —
И худшего не будет!

А если... О — всех пушек рев —
О — перезвон колоколов —
Подайте весть вполсилы!
Ведь так несхожи — Рай мечты —
И тот — где вдруг проснешься ты —
Меня бы оглушило!

* * *

Если меня не застанет
Мой красногрудый гость —
Насыпьте на подоконник
Поминальных крошек горсть.

Если я не скажу спасибо —
Из глубокой темноты —
Знайте — что силюсь вымолвить
Губами гранитной плиты.

* * *

Вера — прекрасное изобретение
Для «зрящих незримое», господа.
Но осторожность велит — тем не менее —
И в микроскоп заглянуть иногда.

* * *

Небеса не умеют хранить секрет.
Скажут на ухо горным высям —
Горы — холмам — а холмы — садам —
Сады — полевым нарциссам.

Пролетная птица на пути
Подслушала случайно.
Что — если птицу мне подкупить?
Я б разгадала тайну.

Но только сто́ит ли? Отче —
Храни свои «отчего́»!
Если Весна — аксиома —
То в чем Снегов колдовство?

И — право — зачем досконально знать —
Как дважды два — четыре —
Что творят сапфирные эти юнцы —
В новом — с иголочки — мире.

* * *

Я узна́ю — зачем? — когда кончится Время —
И я перестану гадать — зачем.
В школе неба пойму — Учителю внемля —
Каждой муки причину и зачин.

Он расскажет — как Петр обещанье нарушил —
И — когда услышу скорбный рассказ,
Забуду я каплю кипящей Печали —
Что сейчас меня жжет — обжигает сейчас.

* * *

Под легким флёром мысль яспей —
Видней ее вершины —
Так пена скажет: «Здесь прибой» —
Туман: «Здесь Апеннины».

* * *

Мой — всегда!
Довольно вакаций!
Света учебный год
С этого дня начался — безотказно
Точный — как солнцеворот.

Счастье старо — избранники новы.
Стар — бесспорно — Восток.
Но на его пурпурной программе
Впервые каждый Восход.

* * *

Я пью из жемчужных кружек
Летнего дня огонь.
Так не пьянит — не кружит
Всех рейнских вин алкоголь!

Я — дебошир воздуха —
У меня от росы — запой
В салунах расплавленной синевы —
На каждом углу другой.

Когда «Хозяин» вышибет вон
Из наперстянки Пчелу —
Когда уснет хмельной Мотылек —
Я пуще пущусь в разгул!

Снежной шапкой взмахнет Серафим —
Святой к окну припадет —
«Вот маленькая пьянчужка
Из Мансапильи идет!»

* * *

Укрыта в Покоях из алебастра —
Утро не тропет —
День не слепит —
Лежит Воскресения мирная паства —
Стропила — атла́с —
Крыша — гранит.

Эры шествуют Полумесяцем млечным —
Миры выгнут арки —
Катятся сферы —
Диадемы — падают —
Дожи — сдаются —
Бесшумно — как точки —
На Диске из снега.

* * *

Она метет многоцветной метлой —
Но мусора не подберет.
О Хозяйка вечерней зари —
Вернись — обмети пруд!

Ты обронила янтарную нить —
Обронила — пурпурный клубок —
А теперь засыпала весь Восток
Изумрудами лоскутов.

А она все машет пятнистой метлой —
А передник ее все летит.
Метла померкнет — россыпью звезд —
Время — домой идти.

* * *

Вспыхнет золотом —
Погаснет багрянцем —
Леопардом прыгнет на небосвод —
Потом — к ногам Старика-Горизонта
Склонив пятнистую морду — умрет.

Пригнется — в окошко к Бобру загляпет —
Коснется крыш —
Расцветит амбар —
Колпачок свой снимет — прощаясь с поляной —
Миг — и откланялся День-Жонглер.

* * *

Держа в руке бесценный камень —
Заснула без забот.
Болтливый ветер — жаркий полдень —
Казалось — время ждет.

Что пальцы честные корить мне?
Пропал! По чьей вине?
Лишь аметистовая память —
Одна — осталась мне.

* * *

У света есть один наклон.
Припав к снегам устало —
Он давит — словно тяжкий Груз
Соборного Хорала.

Небесной Раной наградит —
Но ни рубца — ни крови —
И только сдвинется шкала
Значений и условий.

Отчаяньем запечатлен —
Кому он подневолен?
Он — словно царственная скорбь —
Которой воздух болен.

Придет —
И слушает Ландшафт —
И тень дохнуть не смеет.
Уйдет — как бы Пространством
Отгородилась Смерть.

* * *

Милый — прочти — как другие
Мужались — чтобы нам выстоять —
Чем поступились они —
Чтоб мы одолели страх —
Сколько раз — на смерть
Шли свидетели Истины —
Чтобы слабым помочь
В самых дальних веках!

Прочти — как сияла вера —
Над вязанками хвороста —
Как река не могла утопить
Песнопения звук величавый —
Когда имена мужчин
И женщин — избранниц небес —
Со страниц старательной хроники
Уходили — в летопись славы!

* * *

Это Желтого моря заводи —
Побережье огненных стай.
Где родина моря — куда оно прядает —
Знает только Закат.
Это — тайна тайн.

Груз доставлен:
Пурпур и золото —
Опаловые тюки — горой.
Паруса разгорятся на горизонте —
И — опалясь — нырнут с головой.

* * *

Друзей тенистых в знойный день
Найти не мудрено —
Но кто несет тебе тепло
В час Мысли ледяной?

Кисейная душа дрожит —
Чуть пробежит струя —
Но если твердое Сукно
Прочней — чем Кисея —

Кого винить? Прядильщика?
О — пряжи трудный жгут!
Ковры для райского села
Так неприметно ткут.

* * *

Я — Никто. А ты — ты кто?
Может быть — тоже — Никто?
Тогда нас двое. Молчок!
Чего доброго — выдворят нас за порог.

Как уныло — быть кем-нибудь —
И — весь июнь напролет —
Лягушкой имя свое выкликать —
К восторгу местных болот.

* * *

Это — как Свет —
Радость всех времен —
Как пчелиный напев —
Модой не заклеймен.

Это — как лесам —
По секрету — Ветер —
Слова ни одного —
Но как бьется ветвь!

Это — как Восход —
Лучшее — после.
Вечности часы
Прозвенят Полдень.

* * *

Одной мне не быть ни на миг —
Круг гостей так велик —
Но кто и откуда проник —
Загадка зашла в тупик.

Ни мантий у них — ни имен —
Ни титулов — ни знамен —
Без адреса — где-то дом —
Словно гнездится гном.

Приход их легко узнать —
В душе подается Знак —
Но уход не слышен никак —
Их никогда не прогнать.

* * *

Допустим — Земля коротка —
Всем верховодит тоска —
И многие — в тисках —
Но что из того?

Допустим — каждый умрет —
Крепок Жизни заряд —
Еще сильнее — Распад —
Но что из того?

Допустим — в райских селеньях
Все разрешит сомненья
Новое уравненье —
Но что из того?

* * *

Душа изберет сама свое Общество —
И замкнет затвор.
В ее божественное Содружество —
Не войти с этих пор.

Напрасно — будут ждать колесницы —
У тесных ворот.
Напрасно — на голых досках — колени
Преклонит король.

Порою она всей пространной нации —
Одного предпочтет —
И закроет — все клапаны вниманья —
Словно гранит.

* * *

Он сеет — сквозь свинцовое сито —
Припудрит лес и овраг —
Он алебастром загладит
Морщины сельских дорог.

Он вылепит плоское Лицо
Из равнин и холмов —
Невозмутимый Лоб — от востока
И до востока вновь.

Он каждую ветхую изгородь
Обернет мохнатым руном —
Накинет небесную Вуаль
На темный бурелом —

На ствол — на стог — на стебель.
Засыплет слоем слюды
Акры сухих суставов —
Отшумевшей жатвы следы —

Он столбы в кружева одепет —
И вдруг прикорнул — затих.
Мастера его скроются — легче видений —
Словно нет и не было их.

* * *

Я знаю — как оно взошло —
Плетенье пестрых лент —
Шпиль в аметистах плавал —
Бóболинк запел —
Весть побежала — Белкой —
Гора сняла чепец —
Тогда шепнула я себе —
«Солнце? Наконец!»

Но как зашло оно — когда?
Спешит — покинув класс —
Шафранных сорванцов гурьба —
Пурпурный перелаз.
Учитель в сером вышел вслед
На опустевший двор —
Ворота Вечера закрыл —
И опустил затвор.

* * *

Нас пленяет Стеклярус —
Но до Жемчуга дорастешь —
И прощай — Стеклярус!
А ведь как на Жемчуг похож.
Наши новые руки
Отработали каждый прием
Ювелирной тактики
В детских играх с Песком.

* * *

Ведь я просила хоть грош —
А в смущенную руку мою
Незнакомец бросил целое царство —
И — как столб — я стою.
Ведь я молила Восток:
«Чуть-чуть Рассвет приоткрой!» —
А он взорвал пурпурные дамбы
И меня затопил Зарей.

* * *

Я на пуантах танцевать
Науки не прошла —
Но иногда веселья дух
Так во мне крылат —

Что — знай балета я азы —
Вся Труппа — побелев —
Глядела бы на мой полет —
А приму душит гнев.

Пусть в дымке газа и в цветах
Я к рампе не скольжу —
Пусть ножку в воздухе — легко —
Как Птица — не держу —

Пусть в пируэте не верчусь —
Чтоб ветер в пену сбить —
Пока меня не сдует прочь
Неистовое «бис» —

И пусть никто не знает —
Афиши не галдят —
Но танцем полон мой Театр —
Идет гала-спектакль.

* * *

После сильной боли ты словно в гостях.
Нервы — как надгробья — церемонно сидят.
Сердце спросит вчуже: «Да было ли это?
Но когда? Вчера? До начала света?»

Ноги механически бродят — без роздыху —
По Земле — по Воздуху —
В Пустоте? —
Одеревенели — не разобраться —
Отгороженность камня — довольство кварца.

Это час свинца —
Если выживешь — вспомнится —
Как про снег вспоминают погибавшие люди —
Холод — оцепенение! Будь — что будет!

* * *

Скажи идущим ко дну — что этот — ныне незыблемый —
Тоже терпел крушение — и подымаясь со дна —
Рос — укрепляясь действием — а не поиском мысленным —
Как уходила Слабость — как Сила была рождена.

Скажи им — что самое худшее минет — через мгновение —
Пуля в бою не страшна — страшен летящий свист.
Если пуля войдет — с нею войдет Молчание —
Смертный миг аннулировал право тебя убить.

* * *

Бьет в меня каждый день
Молния — так нова —
Словно тучи только сейчас
Огонь — навылет — прорвал.

Она по ночам меня жжет —
Она бороздит мои сны —
Каждым утром задымлен свет —
Так глаза мои опалены.

Я думала — Молния — миг —
Безумное — быстрое «прочь».
Небеса проглядели ее
И забыли — на вечный срок.

* * *

Замшелая радость книжной души —
Встретить старинный том
В доподлинном платье далеких лет.
Честь — побыть с ним вдвоем —

Его почтенную Руку взять —
Согреть пожатьем своим —
Вместе уйти в те Времена —
Когда он был молодым.

Чудаковатые мненья его
В споре поглубже копнуть.
Доведаться — как понимает он
Литературы суть.

Над чем ученые бились тогда?
Как состязались умы —
Когда достоверностью был Платон —
Софокл — человеком — как мы —

Когда девушка Сафо вступала в круг —
Беатриче по улице шла
В том платье — что Данте обожествил?
Домашние эти дела

Он помнит. Может вам возвестить —
Как дальней земли посол —
Что были правдивы все ваши Сны.
Он с родины их пришел.

Его присутствие — Волшебство.
Просишь — еще побудь! —
Он качает пергаментной головой —
Дразнит — чтоб ускользнуть.

* * *

Я была на небе —
Это маленький Город —
Освещен рубином —
Выстлан пухом — как голубь.

Тише летних полей —
Когда росы их студят —
Этот хрупкий рисунок —
Создавали не люди.

Народ — как Мошки.
Дела — Паутинки.
Дома — как Дымки.
Имена — Пушинки.

Быть почти счастливой
Там не слишком трудно
Посреди такого
Избранного Круга.

* * *

Дыба не сломит меня —
Душа моя вольна.
Кроме этих — смертных — костей
Есть другие — сильней.

Палачу до них не достать.
Бессильна дамасская сталь.
Два тела кто покорит?
То — связано —
Это — бежит.

Не трудней Орлу
Отринуть скалу
И в небо взлететь —
Чем тебе — в тюрьме.

А если не сможешь —
Ты сам — свой Сторож!
Плен — это Сознанье.
Свобода — тоже.

* * *

Так серафически нежны —
С землею не в ладу —
Что легче Плюш атаковать —
Насиловать Звезду!

Кисейные воззрения.
Ах — как пугает плоть!
Веснушчата Натура —
И простоват Господь.

Нет — не для жантильных дам
Рыбацкий грубый сказ.
Пусть Небо — недотроги —
Так — устыдится вас!

* * *

Летели — как Хлопья —
Летели — как Звезды —

Как лепестки Роз —
Когда прочесывают июнь
Пальцы внезапных гроз.

Пропали в сплошных цельнокроенных травах —
Ничьи глаза их не сыщут —
Но бог призвать к себе может — любого —
По нерушимому списку.

* * *

Сколько очарованья
В лице — сквозящем чуть-чуть.
Она не смеет поднять вуаль —
Чтоб Тайны не спугнуть —

Но смотрит — сквозь тонкую Дымку —
Отказывает — и ждет.
Открыться — убить желанье —
То — чем Образ живет.

* * *

Ветер ко мпе постучал —
Как усталый вконец человек.
«Войдите!» — откликнулась я.
Тут скользнул в мою дверь

Быстрый безногий Гость.
Ну как подать ему стул?
Да можно ли Воздуху предложить —
Чтоб он на софе прикорнул?

Змеилось его лицо.
О чем-то жужжали уста —
Словно стая колибри — порх —
С возвышенного куста.

Музыка
Из пальцев лилась.
Сколько мелодий — простых —
Как прерывистый звон стекляшек —
Если тихо дунуть на них!

А он все порхал и порхал —
Потом постучал у окна —
Как робкий человек — торопливо —
И я осталась одна.

* * *

Это — письмо мое Миру —
Ему — от кого ни письма.
Эти вести простые — с такой добротой —
Подсказала Природа сама.
Рукам — невидимым — отдаю
Реестр ее каждого дня.
Из любви к ней — Милые земляки —
Судите нежно меня!

* * *

Он был Поэт —
Гигантский смысл
Умел он отжимать
Из будничных понятий —
Редчайший аромат

Из самых ординарных трав,
Замусоривших двор —

Но до чего же слепы
Мы были — до сих пор!

Картин Первоискатель —
Зоркости урок —
Поэт — нас по контрасту —
На нищету обрек.

Казне — столь невесомой —
Какой грозит урон?
Он — сам — свое богатство —
За чертой времен.

* * *

Я принял смерть — чтоб жила Красота —
Но едва я был погребен —
Как в соседнем покое лег Воин другой —
Во имя Истины умер он.

«За что,— спросил он,— ты отдал жизнь?»
«За торжество Красоты».
«Но Красота и Правда — одно.
Мы братья — я и ты».

И мы — как родные — встретили ночь —
Шептались — не зная сна —
Покуда мох не дополз до губ
И наши не стер имена.

* * *

Триумфы бывают разных родов.
Триумф в четырех стенах:
Старая владычица — Смерть —
Верой побеждена.

Триумф для отточенного ума:
Правда — разбив тюрьму —
Спокойно восходит к вышине —
Лишь богу верна своему.

Трудный Триумф — помедля — вернуть
Взятку соблазна назад —
Взглянув на отвергнутые небеса —
Косясь на дыбу и ад.

Но самый суровый — он мне знаком —
Когда стоишь — обелен —
Перед этим голым барьером —
Судии строгим челом.

* * *

Дома́ — лоска и блеска —
Дома́ — ласки и неги —
Герметический очаг —
Стальной зажим — на мраморной крышке —
Вход закрыт — для босых ног.

Атласный ручей — в берегах из плюша —
Не так баюкает слух —
Как смех и шепот — господ-жемчужин —
Как тихий шелест слуг.

Плешивая Смерть не гостит в салонах —
Плюгавая Хворь не дерзнет
Пятнать драгоценные лики.
Скорбь и могильный гнет

Мелькнут — в приглушенных каретах —
Лишь бы сберечь секрет —
Как просто — под грузом улыбок —
Сломиться — и умереть.

* * *

Цивилизация гонит Леопарда.
Слишком дерзок для вас?
Но пески не смутит его золото —
Эфиопов — его атлас.
Пятниста его одежда —

Рыжий прав не поборешь —
Но Леопард таким рожден — господа́ —
Что же хмурится сторож?

Пожалейте Леопарда — в изгнании —
Не заглушит бальзам —
И не сотрет наркотик
Видения прежних пальм.

* * *

Так жалости чужд — как жалоба.
Так глух к словам — как гвоздь.
Так холоден — словно я — купец —
На вес продающий кость.

Так времени чужд — как История.
Так сегодня близок нам —
Как Радуги шарф ребенку —
Как смеженным в гробнице глазам

Желтые игры Заката!..
Не шевельнется танцор —
Когда Откровение цвета ворвется
И бабочек взвихрит костер.

* * *

Завидую во́лнам — несущим тебя —
Завидую спицам колес.
Кривым холмам на твоем пути
Завидую до слез.

Всем встречным дозволено — только не мне —
Взглянуть на тебя невзначай.
Так запретен ты для меня — так далек —
Словно господний рай.

Завидую гнездам ласточек —
Пунктиром вдоль застрех —
Богатой мухе в доме твоем —
Вольна на тебя смотреть.

Завидую листьям — счастливцам —
Играют — к окну припав.
За все алмазы Писарро
Мне не купить этих прав.

Как смеет утро будить тебя?
Колокольный дерзкий трезвон —
Тебе — возвещать Полдень?
Я сама — твой Свет и Огонь.

Но я на цветок наложу интердикт —
Пчелу от него отженя —
Чтоб Полдень не бросил в вечную тьму
Архангела — и меня.

* * *

Наш Мир — не завершенье —
Там — дальше — новый Круг —
Невидимый — как Музыка —
Вещественный — как Звук.

Он манит и морочит —
И должен — под конец —
Сквозь кольцо Загадки
Пройти любой мудрец.

Чтобы найти ответ —
Спосили наши братья
Презренье поколений —
Не убоясь распятья.

Споткнувшись — ловит вера —
Со смехом пряча стыд —
Хоть прутик Доказательства —
Флюгер — поводырь.

Раскаты аллилуйи —
Гром с кафедры — вотще!
Наркотик не работает —
Душу точит червь.

* * *

Мне — написать картину?
Нет — радостней побыть
С прекрасной невозможностью —
Как гость чужой судьбы.
Что́ пальцы чувствовать должны —
Когда они родят
Такую радугу скорбей —
Такой цветущий ад?

Мне — говорить — как флейты?
Нет — покоряясь им —
Подняться тихо к потолку —
Лететь — как легкий дым —
Селеньями эфира —
Все дальше — в высоту.
Короткий стерженек — мой пирс
К плавучему мосту.

Мне — сделаться Поэтом?
Нет — изощрить мой слух.
Влюблен — бессилен — счастлив —
Не ищет он заслуг —
Но издали боготворит
Безмерно грозный дар!
Меня бы сжег Мелодий
Молнийный удар.

* * *

Я вызвала целый мир на бой —
Камень — в руке моей.
Крепче меня был пастух Давид —
Но я была вдвое смелей.

Я камень метнула — но только себя
Ударом на землю смела.
Был ли слишком велик Голиаф —
Или я чересчур мала?

* * *

Немногословных я страшусь —
Молчит — что скрыто в нем?
Я краснобая обгоню —
Болтаю с болтуном.

Покуда мы последний грош
Впустую извели —
Молчальник взвешивал слова —
Боюсь — что он велик.

* * *

Сочтем по порядку — во-первых — Поэт —
Солнце — во-вторых —
Лето — затем господний рай —
И перечень закрыт.

Рассудим — Первый может вместить
Целое — как свое —
Прочее — роскошь напоказ.
Вывод: Поэт — это все!

Лето его ликует весь год.
Солнца его размах
Востоку покажется мотовством —
И если на небесах

И вправду — для благоверных —
Прекраснейший рай припасен —
Он слишком трудное счастье —
Чтоб оправдать этот сон.

* * *

Радость радужней всего
Сквозь кристалл му́ки.
Прекрасно то — что никогда
Не дастся в руки.

Вершина дальняя горы
Вся в янтарях.
Приблизься — и Янтарь уплыл—
И там Заря.

* * *

Я голодала — столько лет —
Но Полдень приказал —
Я робко подошла к столу —
Дрожа взяла бокал.

Обжег мне губы странный сок!
Не раз на пир такой —
В чужое загляпув окно —
Я зарилась тайком.

И что же? Здесь все дико мне —
Привыкла горстку крошек
Я вместе с птицами делить
В столовой летних рощ.

Я потерялась — я больна —
С избытком не в ладу.
Не приживется дикий терн
В прекраснейшем саду!

Как ненасытен за окпом
Отверженного взгляд!
Войдешь — и Голод вдруг пропал —
Ты ничему не рад.

* * *

Я для каждой мысли нашла слова —
Но Одна ускользает из рук —
Поддаться не хочет мне —
Словно мелом черчу Солнца круг

Для племен — взращенных во Тьме.
А как начала бы ваша рука?
Разве Полдень пересказать лазуритом —
Или кармином Закат?

* * *

Все будет прежним вкруг тебя —
Весна придет в свой срок —
Созреет Утро и прорвет
Свой огненный Стручок.

В лесах зажегся дикий цвет —
Ручьи полны вестей —
И тренькает на банджо Дрозд —
Пока ты на Кресте.

Свершен неправый Приговор —
А вечер так же тих.
Разлука с Розой для Пчелы —
Вся сумма бед земных.

* * *

Другого я не прошу —
В другом — отказа нет.
Я жизнь предложила в обмен —
Усмехнулся Великий Купец.

Бразилию?
Повел бровями —
Пуговицу повертел —
«Но — сударыня — наш выбор богат —
Посетите другой отдел!»

* * *

Наш Мозг — пространнее Небес.
Вложите — купол в купол —
И Мозг вместит весь небосвод
Свободно — с Вами вкупе.

Наш Мозг — глубиннее Морей.
Пучину лей в пучину —
И он поглотит океан —
Как губка — пьет кувшин.

Наш Мозг весомей всех Земель —
Уравновесит Бога —
С ним — фунт на фунт — сойдется —
Он звук — основа Слога.

* * *

Я не могу быть с тобой —
Ведь это — Жизнь —
А с нашей — копчено все —
За шкафом лежит.

Ризничий в темный чулан
Убрал под запор
Нашу Жизнь — словно чашку —
Брошенный фарфор.

Хозяйке нужен другой —
Новомодный сервр —
Старый в трещинах весь —
Хрупкий товар.

Я не могу — быть с Тобой —
Даже в смертный миг.
Надо ждать — чтоб закрыть мне глаза.
Ты — не смог.

А я — мне стоять и смотреть —
Как стынешь Ты —
Без права на вдовью часть
Морозной тьмы?

Я с тобой не могу воспарить —
Потому что Твой лик
Затмил бы самого Иисуса —
Чужестрапен и дик

Для моих доморощенных глаз.
Что мне райский чертог?
Ты бы поодаль в нем сиял
Чуть ближе — чем бог.

Они б нас судили — но как?
Ты служил небесам —
Или пытался верно служить —
Я — нет — знаешь сам.

Ты насытил зренье мое.
Я не искала — зачем? —
Это скаредное совершенство —
Именуемое Эдем.

Если небо осудит Тебя —
Это и мне приговор —
Хотя бы имя мое
Славил ангельский хор.

А если Ты будешь спасен —
Но меня удалят
Туда — где Тебя нет —
Вот он — худший ад!

Так будем встречаться — врозь —
Ты там — я здесь.
Чуть приотворена дверь:
Море — молитва — молчанье —
И эта белая снедь —
Отчаянье.

* * *

Боль зияет пустотами.
Ей не вспомнить — давно ли
Она родилась — и было ли время —
Еще не знавшее боли.

Она сама — свое будущее.
Попав в ее вечный круг —
Прошедшее зорко пророчит
Периоды — новых мук.

* * *

Имя твое — Осень —
Цвет твой — Кровь.
Артерии на склонах гор —
Вены — вдоль дорог.

В аллеях брызги киновари —
Алых капель дрожь —
Ветер уронил ведро —
И вдруг — пурпурный дождь.

Он крапом шляпы запятнал —
Он багровеет в плесах —
Как роза — взвихренный — плывет
На Огненных Колесах.

* * *

Мой дом зовется — Возможность —
Потому что Проза бедна.
У него Дверь величавей —
Воздушней — взлет Окна.
Комнаты в нем — кедры —
Неприступные для глаз —
Его вековечная Крыша — кругом —
На фронтоны холмов оперлась.
Посетительницы — прекрасны.
Занятие? Угадай.
Распахну свои узкие руки —
Забираю в охапку рай.

* * *

Из всех рожденных в мире душ —
Я избрала — одну.
Когда отсеется обман
И чувства все уснут —

И то — что было — навсегда
Покинет то — что есть —
И драму краткую свою
Играть окончит Персть —

И будет стесана теслом
Теснин слепая мгла —
И все Вершины явят вдруг
Свет своего чела,—

Тогда — взгляните — вот он! Вот
Из множества — один.
Я Атом этот предпочла
Праху всех долин!

* * *

Природа — тебя мы видим:
Вечер — Гребни холмов —
Белка — Затмение — Мотылек —
Нет — ты Небо само!

Природа — тебя мы слышим:
Кузнечик — Пчела — Молния —
Бобо́линк — Океан.
Нет — ты сама Гармония!

Природа — тебя мы знаем —
Но в слова — не вместим.
Не дотянется все наша Мудрость
До твоей Простоты.

* * *

Эссенцию выжимает пресс.
Розу в каплю соберет
Не только работа многих Солнц —
Винта тугой поворот.

Увядают розы, но эта
Дохнёт — в шифоньере старинном —
И вернет лето —
И юную леди —
Засыпанную розмарином.

* * *

Я возделала мертвый грунт —
И цветы поднялись —
И в каменном созрели Саду
Виноград и маис.

Подарит награду кремень
Неотступной руке.
Солнце Ливии — пальм семена
Оживит в песке.

* * *

Говорят — Время смягчает.
Никогда не смягчает — нет!
Страданье — как сухожилия —
Крепнет с ходом лет.

Время — лишь Проба горя —
Нет снадобья бесполезней —
Ведь если оно исцелило —
Не было — значит — болезни.

* * *

Жизнь — и Смерть — Гиганты —
Их не слышно — молчат.
А механизмы поменьше —
Всяк на свой лад —
Конник на мельнице —
Жук возле свечи —
Свистулька славы
Свидетельствуют — что Случай правит.

* * *

Публикация постыдна.
Разум — с молотка!
Скажут — бедность приневолит —
Голода аркан.

Что ж — допустим. Но уйти
С чердака честней —
Белым — к белому творцу —
Чем продать свой снег.

Мысль принадлежит по праву
Лишь тому — кто мог
Дать ее небесной сути
Телесный аналóг.

Милостью торгуй господней —
Ссуда — под процент —
Но не смей унизить Гений
Ярлыком цены.

* * *

Измениться! Спачала — Холмы.
Усомниться! Солнце скорей
Под вопрос поставит — само —
Совершенство Славы своей.

Пресытиться! Раньше
Росой — Нарцисс.
Пресытиться — Вами?
Никогда — кляпусь!

* * *

О — Гусеницы мягкий шаг!
Вот на руке одна —
Рожденной в бархатных мирах
Подвластна тишина.

Медлителен мой взгляд земной —
А у нее дела —
Спешит дорогою своей —
На что я ей далась!

* * *

Правдивейшая из Трагедий —
Самый обычный День.
Сказав заученные слова —
С подмостков сойдет лицедей.

Но лучше играть в одиночестве
Драму свою — и пусть
Спачала занавес упадет —
Пусть будет партер пуст.

Гамлет — все Гамлет — сам для себя —
Спор его — тот же спор.
Когда говорит Ромео с Джульеттой —
Не суфлирует Шекспир.

Человеческое сердце —
Сцена для вечной игры —
И только этот Театр
Владелец не вправе закрыть.

* * *

Оно упало в моих глазах —
Наземь — с таких вершин!
Брызнули черепки по камням —
На дне моей души.

Но кого обвинять мне? Подвох судьбы?
Не я ли сама берегла
Грошовую Имитацию —
На полке для Серебра?

* * *

Стояла Жизнь моя в углу —
Забытое Ружье —
Но вдруг Хозяин мой пришел —
Признал: «Оно — мое!»

Мы бродим в царственных лесах —
Мы ищем лани след.
Прикажет мне — заговорю —
Гора гремит в ответ.

Я улыбнусь — и через дол
Бежит слепящий блеск —
Как бы Везувий свой восторг
Вдруг пламенем изверг.

У Господина в головах
Стою — как часовой.
Не слаще пух его перин —
С ним разделенный сон.

Я грозный враг — его врагам.
Вздохнут — в последний раз —
Те — на кого наставлю перст —
Направлю желтый глаз.

Пусть он и мертвый будет жить —
Но мне — в углу — стареть —
Есть сила у меня — убить —
Нет власти — умереть.

* * *

Я Счастье получила в дар
Такой величины
Волшебной — что смешон обмер —
Довески не нужны!

То был предел моей мечты —
Зенит мятежных просьб —
Блаженство — в полноте своей —
Сытое — как Скорбь.

Приманки прежние бедны —
Голод мой затих
Пред новой ценностью в душе —
Суммой благ земных.

Густой багрянец помрачил
Нижний слой небес —
Жизнь через край перелилась —
Рассудок мой исчез.

Зачем скупится Радость—
Рай просит обождать —
Потоп в наперстке подают —
Я не спрошу опять.

* * *

Горы растут неприметно.
Тянутся — в высоту —
Без похвалы — понужденья —
Помощи и потуг.

Солнце — с открытым восторгом —
На их вершинах горит —
Последнее — долгое — золотое —
И с ними всю ночь говорит.

* * *

Он бросался в бой — не щадя головы —
Отдавал себя пулям на корм —
Будто терять ему нечего —
Ни к чему оттягивать срок.

Он отчаянно Смерть добывал, но она
Обегала его сторопой —
Как другие люди от Смерти бегут.
Он был к Жизни приговорен.

Друзья — как хлопья — летели прочь —
Словно вихрь повернул метель —
А его бросал — обратно в жизнь —
Алчный порыв — умереть.

* * *

Истина — неколебима!
Дрогнут земные недра —
Дуб разожмет кулаки —
В сторону прянет кедр —

Гора к чужому плечу
Головой припадет — ослабев —
Как прекрасен тогда Великан —
Он сам — опора себе!

Истина — исполински мощна!
Смело в нее поверь —
И она не только устоит —
Любого подымет вверх.

* * *

Бог каждой птице дал ломоть —
Мне — кроху — вот и все!
Почать ее не смею я.
Роскошество мое

Мучительное — поглядеть —
Потрогать — чуть дыша —
Мой хлебный шарик — подвиг мой —
Мой воробьиный шанс.

В голодный год не надо мне
Ни одного зерна —
Так яствами богат мой стол —
Так житница полна!

Шах копит золото — набоб
Лелеет свой алмаз.
Есть только кроха у меня —
Но я — богаче вас.

* * *

Гигант в кругу пигмеев
Пригнется — он смущен —
Свое величие от них
Стыдливо спрячет он.

Но как спокойна мелюзга!
Не созпает Москит —
Что Парус крошечный его
Неба не вместит.

* * *

Этот тихий прах — джентльмены — леди —
Девушки — юнцы —
Смех — и блеск дарований — и вздохи —
Локонов венцы.

Этот сонный приют — хоромина лета.
Пчелы — пряный цвет —
Завершат свой круг — богаче Леванта —
И уйдут — вослед.

* * *

Мы шлем Волну — найти Волну —
Чудеснейший посыл.
Гопец — любовью увлечен —
Вернуться позабыл.
Мы учим — втуне — как всегда —
Мудрости урок:
«Плотиной Море загради —
Когда оно уйдет».

* * *

С налету стал трепать траву
С глухим рычаньем Ветер,
Угрозу бросил он земле —
Небу пригрозил.
С зацепок листья сорвались —
Дорогу взял испуг —
Пыль выгребла сама себя
И встала дыбом вдруг —
Громаду гром поворотил —
И Молния — сквозь копоть —
Просунула свой желтый клюв —
Свой лиловый коготь.
Все птицы в гнездах заперлись —
В коровниках — стада.
Упала капля тяжело
Гигантского Дождя.
Он вырвался — плотину прочь! —
Небо — наповал!
Но проглядел мой отчий дом —
Лишь дуб четвертовал.

* * *

Малиновка моя!
Набор ее вестей
Прерывист — краток — тороплив —
Лишь март прогонит снег.

Малиновка моя!
Трель ангельских щедрот
Затопит полдень с головой —
Едва апрель придет.

Малиновки моей
Молчание — пойми:
Нет лучше вешнего гнезда —
Святости семьи.

* * *

Невозможность — словно вино —
Подхлестывает кровь
С каждым глотком. Возможность
Пресна. Но к ней добавь

Случайности хоть каплю —
И проникнет в смесь
Очарованья ингредиент
Так же верно — как смерть.

* * *

Сомнение — «Я ли это?» —
Даруется на срок —
Пока потрясенный Разум
Опору ищет для ног.

Защитная ирреальность —
Спасительный мираж —
Чтоб жить еще могли мы —
Приостановят Жизнь.

* * *

Вскройте Жаворонка! Там Музыка скрыта —
Лепесток в лепестке из серебра.
На нее скупятся для летнего утра.
Она про запас —
Когда Лютня стара.

Отомкните поток! Он насквозь неподделен.
Из горла бьет за струей струя.
Багровый опыт!
Теперь ты веришь —
Фома — что подлинна птица твоя?

* * *

Я ступала с доски на доску —
Осторожно — как слепой —
Я слышала Звезды — у самого лба —
Море — у самых ног.

Казалось — я — на краю —
Последний мой дюйм — вóт он...
С тех пор у меня — неуверенный шаг —
Говорят — житейский опыт.

* * *

Вездесущее серебро —
Канат из песка — петлёй —
Чтоб не стереть тропу —
Величаемую землей.

* * *

Испытали наш горизонт —
И снова в полет —
Как птицы — пока не найдут
Своих широт.

Воспоминанье о них —
Вечный восторг —
Но ожидание — Риск —
Игральная кость.

* * *

Я слышу — шепчутся листы —
О — сколько глаз и уст!
Каждый ствол стал Часовым —
Колоколом — куст.

Во тьме пещеры скрылась я —
Но выдала стена.
Разверзся — трещиной — весь мир —
Стою — обнажена.

* * *

Шлем из чистого золота.
Шпоры — легчайший газ.
Нагрудник — цельный оникс —
Латы — узорный агат.

Труд Пчелы — это Песня —
Мелодией льется лень.
О, так бы и мне по капельке пить
Клевер и летний день!

* * *

Если сердцу — хоть одному —
Не позволю разбиться —
Я не напрасно жила!
Если ношу на плечи приму —
Чтоб кто-то мог распрямиться —
Боль — хоть одну — уйму —
Одной обмирающей птице
Верну частицу тепла —
Я не напрасно жила!

* * *

Это благородная Мысль —
Перед ней — шапку долой —
Словно на будничной улице
Возник — внезапный Король.

Есть вечность в непрочном мире —
Где пирамиды — в труху —
Где царства — шафраном яблок —
Катятся в траву.

* * *

Пурпур дважды бывает в моде:
Когда наступит сезон —
И когда постигнет Душа
Свой императорский сан.

* * *

Листья — словно сплетницы —
Подсказка — экивок —
Многозначительный намек —
Таинственный кивок.

Клянутся соблюсти секрет
И шепчутся опять —
Непарушимый договор
Всё гласности предать.

* * *

Видишь — белое время пришло.
Зеленое — кануло в тень.
Кто помнил — тогда — Метель?
Кто видит — теперь — Сирень?

Осталось — глядеть назад —
Чтоб в будущее попасть.
Память — половина надежд.
Быть может — лучшая часть.

* * *

Что предпочесть?
Это небо
Или небо в раю —
Со старой приписки сомненья?
Невольно я говорю —

Лучше эта «Птица в руках» —
Чем две — в чаще кустов.
То ли там прячутся —
То ли нет —
А поздно выбрать вновь.

* * *

Умирали *такие* люди —
Что смерть мы спокойней встретим.
Жили *такие* люди —
Что мост перекинут к бессмертью.

* * *

Судьба сразила его — он стоит —
Бьет насмерть — не сбила с ног —
Вонзила отравленную сталь —
А он — обезвредил клинок.

Жалит его — он шагает вперед —
Грызет — он ускорит бег.
Когда ж он спокойно взглянул на нее —
Признала: «Он — человек!»

* * *

Природа скупа на Желтое —
Копит его с утра
Для солнечного заката —
На Синее — щедра!

Пурпур транжирит — как женщина —
Но тратит едва-едва
Желтое —
Робко — бережно —
Как влюбленный — слова!

* * *

Я не видела Вересковых полян —
Я на море не была —
Но знаю — как Вереск цветет —
Как волна прибоя бела.

Я не гостила на небе —
С богом я не вела бесед —
Но знаю — есть такая Страна —
Словно выдан в кассе билет.

* * *

Вчитался — чуть не упал —
Бросил петлю вниз —
В Прошлое — в тот Период —
Цеплялся — бесспльно — за смысл —
Ослеп — перед чем? Перед...

Пошарил — на ощупь — есть ли бог?
Вернулся — на ощупь — в себя самого.
Погладил курок рассеянно —
Побрел наугад — из жизни вон.

* * *

Отомкни затворы — о Смерть —
Дай войти усталым стадам.
Свет их странствий померк —
Смолкло блеянье навсегда.

У тебя тишайшая Ночь.
У тебя Сновиденья забывчивы.
Звать тебя? Ты слишком близка.
Все сказать? Слишком отзывчива.

* * *

Новый эксперимент —
Каждый — кто встретится мне.
Есть ли в нем сладкое ядрышко?
Внешность ореха вполне
Выглядит убедительно —
К ветке взор приманя.
Но начинка в нем — это корм
Для белки и для меня.

* * *

Небо низменно — Туча жадна —
Мерзлые Хлопья — на марше —
Через сарай — поперек колеи —
Спорят — куда же дальше.

Мелочный Ветер — в обиде на всех —
Плачется — нелюдимый.
Природу — как нас — можно застать
Без праздничной Диадемы.

* * *

Революция — жизнетворный стручок —
Разбрызнет зерна систем.
Волнуем ветрами воли —
Прекрасен ранний цвет —

Но каждое лето — могильщик —
Захоронитель свобод —
И все же останется завязь
И к осени вызреет плод.

Бездействуя на стебле —
Теряет он пурпур свой.
Мятеж его встряхнет:
Он мертвый — или живой?

* * *

И кокон жмет — и дразнит цвет —
И воздух приманил —
И обесценен мой наряд
Растущим чувством крыл.

В чем сила бабочки? Летит.
Полет откроет ей
Дороги легкие небес —
Величие полей.

И я должна понять Сигнал —
Расшифровать Намек —
И вновь плутать — пока учу
Верховный мой урок.

* * *

Запел сверчок
И закат зажег —
Мастера дошили день в срок —
Стежок — и еще стежок.

Роса огрузила травы подол.
Сумрак застенчивый долго-долго
Шляпу вертел в руках — и гадал —
Войти или нет в дом?

Пришли — как соседи — Ширь без конца —
Мудрость — без имени и лица —
Покой накрыл весь мир — как птенца —
Так началась ночь.

* * *

Всю правду скажи — но скажи ее — вкось.
На подступах сделай круг.
Слишком жгуч внезапной Истины луч.
Восход в ней слишком крут.

Как детей примиряет с молнией
Объяснений долгая цепь —
Так Правда должна поражать не вдруг —
Или каждый — будет слеп!

* * *

Всю ночь вязал Паук
Без света — без помощи рук —
На белом белый круг.

Рюшка на дамский рукав
Или саван для гнома готов —
Себе лишь скажет — без слов.

Стратегия его —
Бессмертия мастерство:
Он чертит — себя самого.

* * *

Кто — после сотни лет —
С этим местом знаком?
Агония горя теперь
Недвижна — как покой.

Сорняк — в триумфальном строю.
Прохожий прочтет — дивясь —
Орфографии старших имен —
Их одинокую вязь.

Лишь ветер летних полей
Сюда проторил тропу.
Инстинкт поднимает ключ —
Что бросила память — в траву.

* * *

Расстояние не во власти лисиц.
Ласточки перелет
Его не умерит — оно между мной
И тобой — во весь разворот.

* * *

Тучи уперлись — спина к спине.
Север мышцы напряг.
Леса в галоп — и загнали себя.
Молния — мышью — шмыг.

Гром обрушил громаду горы.
Хороша могильная мгла!
Ничто не страшно: ни буйство гроз —
Ни камень из-за угла.

* * *

Оранжевая вилка —
Нож — книзу острием.
Роняет Молнию рука
В небесном доме том —
Что нам не явлен до конца
И до конца не скрыт.
Незнанье видит лишь прибор —
А стол — во тьме накрыт.

* * *

Мы любим отчаянный Риск.
Как припомнишь потом —
Словно ветра вердикт
Душу знобит холодком.

Меньше бы ставка была —
Щупальца давних Гроз —
Так не хватали б нас
За самые корни волос.

* * *

Мы не знаем — как высоки —
Пока не встаем во весь рост —
Тогда — если мы верны чертежу —
Головой достаем до звезд.

Обиходным бы стал Героизм —
О котором Саги поем —
Но мы сами ужимаем размер
Из страха стать Королем.

* * *

Надежда была — я робел.
Надежда ушла — я посмел.
Повсюду всегда один —
Словно церковный шпиль.
Злодей — не сокрушит —
Змей не соблазнит.
Ты с трона низложишь Рок —
Если был он к тебе жесток.

* * *

У памяти есть Фасад —
Есть у нее черный ход —
По лестнице вверх — Чердак —
Где мыши и старый комод.

И есть глубочайший Подвал —
Мили и мили вниз.
Берегись — чтоб его глубины
За тобою не погнались!

* * *

Прошлое — нет существа странней.
Глянешь в упор —
И тебя ожидает восторг
Или позор.

Безоружный — встретишь его —
Беги — во всю прыть!
Заржавленное ружье
Может заговорить.

* * *

Потеха в балагане —
Зрители сами.

Зверинец для меня —
Моих соседей круг.

Пошли — компанией — смотреть
На «Честную игру».

* * *

Поучал: «Будь широк!» Стало ясно — он узок.
Мерка — только стесненье уму.
Правде он поучал — стало ясно — обманщик.
Правде — вывеска ни к чему.

Простоту презрела елейная святость.
Золото колчедан отверг.
Как смутил бы наивного Иисуса
Столь возвышенный человек!

* * *

Сердце толпы — это пушечный гром —
Потом барабанная дробь
В союзе с колоколами —
И на похмелье — ром.

Нет «Завтра» — безвестно имя его —
Нет Прошлого — не оглянись!
Рвы для царств — и прогулка в тюрьму —
Единственный сувенир.

* * *

На страницу небрежно упали Слова —
Но могут Сердце зажечь —
Когда — как ветошь — убран в сундук —
Их одряхлевший творец.

Плодится инфекция в каждой строке —
Отчаянье вновь живет —
Стеной столетий отделено
От малярийных вод.

* * *

Нет лучше Фрегата — чем Книга —
Домчит до любых берегов.
Нет лучше Коня — чем страница
Гарцующих стихов.

Ни дозоров в пути — ни поборов —
Не свяжет цепью недуг.
На какой простой колеснице
Летит человеческий Дух!

* * *

Паук — великий мастер —
Признанья не найдет —
Могли б удостоверить
Размах его работ
Все метлы и все Марты
Везде — в любом дому.
Сын гения забытый —
Дай руку тебе пожму!

* * *

Стоячая Радость — это Пруд.
Растит густые травы —
Тростник ныряет с берегов —
Купавы — как преграды.
Стихая — зыбь не довершит
Блистательного плаванья —
Но и она воспрянет вновь —
Едва начнется паводок.

* * *

Не палица разбивает Сердце —
Не стальной кулак.
Маленький хлыст — не увидишь
И не скажешь как —

Стегал Магическое созданье —
По каплям — смерть.
Но громкое имя хлыста
Кто б назвать посмел?
Как Птица великодушна!
Мальчишка метнул — забыл.
А Птица Камню поет —
Тому — что ее убил.
Стыд на такой Земле
Может ходить — не таясь.
Стыд — распрямись во весь рост!
Вселенная — твоя!

* * *

Что лучше — Луна или Полумесяц?
«Лучше то — чего еще нет.
Свершите — и гляпец сотрется» —
Луна сказала в ответ.

Не для храненья высшая Зрелость —
В ней Распад сокрыт.
Знай — Совершенство опасно —
Как Призма — лучи дробит.

* * *

В морщинках крылья —
Тусклый цвет
Невспаханных полос.
Для нас Летучей мыши писк
На песню не похож.

Вдруг половинкою зонта
Прочертит небосклон.
Непостижимою дугой
Философ восхищен.

Какого эмпирея дочь —
Или — исчадье тьмы —
Какую пагубу таит —
Не разгадаем мы.

По хитроумного творца
Похвалим мастерство.
Поверьте — благодетельны
Чудачества его.

* * *

Хмелеть весной — развеселясь —
Полезно и для Короля —
Когда весь мир в зеленом —
Но как же смеет жалкий Шут
Сей грандиознейший Этюд
Судить — своим законом?

* * *

Боюсь мой вдохновенный сон
Авророй запятнать —
Весь день я призываю ночь —
Чтоб он пришел опять.
Внезапно — Сила сходит к нам.
Скрыл наготу твою
Лишь Удивления наряд —
Праматерь — там — в раю.

* * *

Оратор покидает
Свой пруд — дворец —
Прыгнет на корягу
И держит речь.
Ему два мира внемлют.
Я — стороной.
Апрель — он с хрипотцою —
Вития твой!
Он натянул перчатки
На пальцы ног —
Весь долгий спич — как Слава —
Всплеск — пузырек.
Но т-с-с! Аплодисменты —

Опасный риск!
Вмиг Демосфен исчезнет
В фонтане брызг.

* * *

Послышалось — будто бегут улицы.
Застыли вдруг на лету.
Все окна застлало Затмение.
Ужас унес в пустоту.

Когда ж самый смелый выглянул —
«Что́ Время? Оно еще здесь?» —
Природа в синем переднике
Свежих струй взбивала смесь.

* * *

Колодец полон тайны!
Вода — в его глуши —
Соседка из других миров —
Запрятана в кувшин.

Не видим мы ее границ —
Лишь крышку из стекла.
Ты хочешь в Бездну заглянуть?
Здесь — рядом — залегла.

Я удивляюсь каждый раз
Мужеству травы.
Прильнет к тому — что нас страшит —
В безвестное обрыв.

Но морю тростники сродни —
Глядят в него в упор.
И лишь для нас Природа
Чужая до сих пор.

Другой всё знающий о ней —
Как бы ее посол —
В дом — полный привидений —
Ни разу не вошел.

Но кто — по правде говоря —
С ней коротко знаком?
Ведь мы тем дальше от нее —
Чем ближе подойдем.

КОЛИБРИ

Дорога мимолетности —
Вихрь крошечных колес —
Брызги изумруда —
Рубина резонанс.

Цветы пригладят пряди
Взлохмаченных волос.
«Почта! Из Туниса?
Короткий перегон!»

* * *

Друг с другом — друг о друге
Мы говорили — без слов —
Слушая дикую гонку секунд —
И копыта часов.

При виде наших застывших лиц
Смягчился Времени взгляд —
Каждый из нас получил свой ковчег —
Взошел на свой Арарат.

* * *

Мысль находит слова только раз —
Праздник не каждого дня —
Как тайный глубокий глоток
Пресуществленного вина.

Но опо так знакомо — так «быть по сему» —
Такое с ним родство —
Что не вдруг понятны — его цена —
Неповторимость его.

* * *

Небо увидеть летом —
Это и значит
Стать поэтом.
Поэзия в книгах — мертвый клад.
Настоящие стихи летят.

* * *

Дряхлеет понемногу враг.
Теперь не в радость Месть.
Притуплен Ненависти вкус.
Свежинку хочешь есть —
Спеши!
Жаркое упорхнет —
Остынет с ходом дней.
Насытясь — Гнев закроет зев —
Некормленый — тучней.

* * *

Одуванчика бледная трубка —
Изумленье Травы —
И Зимы уж нет — улетает
Беспредельным «увы»!

Раскрывает сигнальный бутон
Свой кричащий венец —
Прокламация Солнц — о том —
Что гробнице конец.

* * *

Он жил в кольце засад
И в сторону Тьмы ушел —
А теперь его имя курсивом —
И звездочки ореол.

А теперь и мы неприступны —
Нашим родством горды.
Все бессмертие — как в траншее —
В знаке звезды.

* * *

Из всех темниц — как стая птиц —
Летит толпа детей.
Единственный — счастливый день —
Когда — замки с дверей.

Поля в плену! Лес оглушен!
Блаженств идет набег.
Увы! И на таких врагов —
Седых бровей навет.

* * *

Если неба не сыщем внизу —
Вверху его не найдем.
Ангел на каждой улице
Арендует соседний дом.

* * *

Модель для Солнца одна —
Лишь для него годна.
Блеск должен сделаться Диском —
Чтоб Солнце отформовать.

* * *

Он пил и ел золотые слова —
Душа набиралась сил —
И он забыл — что убог и нищ —
Про смертный удел свой забыл.

Он плясом пронесся — сквозь тусклые дни—
И этих крыльев размах
Был только Книгой.
Какую Свободу
Дарит раскованный Дух!

* * *

Раздался Ветра трубный зык.
Траву примяла дрожь.
Зеленый Холод в жаркий день
Вонзил предвестий пож —

Как изумрудный призрак встал —
Грозя — к окну приник.
Судьбы горящий мокасин
Погнался — и настиг.

Увидели глаза живых —
Как задыхался лес —
Как смыла улицы река
И вихрь на вихрь полез.

И прочь рвалась колоколов
Клокочущая весть!
Но что́ пришло —
И что́ ушло! —
А Мир — как был — так есть.

* * *

Птица прыгнула в седло
И — миновав барьер
Тысячи лесных вершин —
Нашла сухую жердь
И — горлышко закинув вверх —
Такую россыпь нот —
Мотовка, бросила — что мир
Все в чувство не придет.

* * *

«Прости нас!» — молим мы
Того — кто нам невидим.
За что? Он знает — говорят —
Но нам наш грех неведом.
В магической тюрьме —
Всю жизнь на свет не выйдем! —
Мы счастье дерзкое браним —
Соперничает с Небом.

* * *

Даже не вздрогнул счастливый Цветок —
Он так был захвачен игрой —
Когда его обезглавил Мороз —
Случайной власти герой.

Белокурый убийца дальше идет —
А Солнце — бесстрастное — строго —
Начинает отмеривать новый день —
Для попустившего бога.

* * *

Слава! Гибельный блеск —
Что на мгновенье
Означает Силу и Власть.
Отогреет чье-то бедное имя —
Никогда не знавшее солнца —
Потом разожмет пальцы —
И даст — в забвенье — упасть.

* * *

Западня — по сверху небо огня.
И небо впритык —
И небо вдогон —
И все-таки Западня —
Прикрытая небом огня.

Вздохнуть — значит соскользнуть —
Взглянуть — это значит упасть —
Замечтаться — обрушить устой —
На котором держится пласт.
А! Западня — и небо огня.

Глубина — вся мысль моя поглощена.
Я не вверюсь ногам своим —
Это сдвинет нас. А мы сидим
Так прямо.
И кто бы подумал сейчас —
Что внизу Западня — Западня —
Не слышно дна — и не видно дня.

Провал и все ж круговая цепь —
Семя — Лето — Склеп.
Рок — сужденный кому?
Почему?

* * *

Дважды жизнь моя кончилась — раньше конца —
Остается теперь открыть —
Вместит ли Вечность сама
Третье такое событие —

Огромное — не представить себе —
В бездне теряется взгляд.
Разлука — всё — чем богато небо —
И всё — что придумал ад.

* * *

Сердцем моим горда — оно разбито тобою.
Болью моей горда — из-за тебя терплю.
Ночью моей горда — ты ее утолил луною.
Отреченьем моим — страсти твоей не делю.

Нет — не хвались — что один — как Иисус — ты остался —
В час — когда чаша скорбей тобой была испита.
Ты проколоть не смог пустопорожний обычай.
Крест твой пошел с молотка в счет моего креста.

* * *

Главнейшие народы мира
Малы на взгляд.
Для них всегда открыто небо —
Не страшен ад.

Но много ль скажут любопытным
Их имена?
Народами шмелей — и прочих —
Трава полна.

* * *

Как сдержанно таит в себе —
Не выдает вулкан
Багрянец замыслов своих —
Недремлющий свой план.

Зачем же — люди — нужен нам
Слушатель случайный —
Когда природа в тишине
Вынашивает тайны?

Ее молчания укор
Болтливых не проймет —
Но и они хранят секрет:
Бессмертие свое.

* * *

Из чего можно сделать прерию?
Из пчелы и цветка клевера —
Одной пчелы — одного цветка —
Да мечты — задача легка.
А если пчелы не отыщешь ты —
Довольно одной мечты.

* * *

Здесь лето замерло мое.
Потом — какой простор
Для новых сцен — других сердец.
А мне был приговор
Зачитан — заточить в зиме —
С зимою навсегда —
Невесту тропиков сковать
Цепями с глыбой льда.

* * *

Печальнейший — сладчайший хор —
Безумнейший — растет.
Так ночь весной

Под гомон птиц
Готовит свой исход.

Март и Апрель —
Меж двух границ
Магический предел.
Там дальше
Медлит летний срок —
Мучительно несмел.

Припомнить спутников былых
Сейчас — больней всего.
Они дороже стали нам —
Разлуки колдовство.

Подумать — чем владели мы —
О чем скорбим теперь!
Молчите — горлышки сирен!
Закрыта к мертвым дверь!

Способно ухо — как ножом —
По сердцу полоснуть —
Ведь сердце глухо — но к нему
Сквозь слух короткий путь.

* * *

Голосов природы не счесть.
Такого острова нет —
Где б не звучала Мелодия.
Красота — природный факт.

По от лица всех морей
И от лица всех земель
Свидетельствует Сверчок.
Он — элегий предел.

* * *

Сражаться громко — славный путь —
Но — знаю — те *смелей,*
Кто нападает в сердце
На Копницу Скорбей —

Кто победил — и мир молчит —
Кто пал — и стерся след —
Чей смертный час любовью
Отчизны не согрет —

Мы верим — за такими,
Чтоб честь им оказать,
Ступает в лад, за Рядом Ряд,
Вся Ангельская рать.

* * *

Сколько лет она с ног сбивалась —
Мог бы сказать лишь спаянный рот —
Кто заклепку страшную выпет?
Кто скобу стальную собьет?

Лоб погладь — когда-то горячий —
Сдвинь волос безжизненных прядь —
Пальцы перебирай — которым
Век иголки уж не держать —

Тускло мухи жужжат на стеклах —
Желт в окне веснушчатом день —
Нагло качается паутина —
Встать из гроба Хозяйке лень!

* * *

Входила в Дом Напротив Смерть
И только что ушла —
Особым знаком метит
Такие вот Дома —

Соседи топчутся в дверях —
Садится в бричку Врач —
Окно раскрылось — как Стручок —
Сухой — внезапный звук —

Наружу свесили Матрац —
Спешат — минуя Дом —
Мальчишки — тщатся угадать —
Что было там — на нем —

Заходит Пастор — прям и строг —
Как будто Скорбь Родных
Была его — и Дом его —
И даже Шалуны —

А там Швея — а там и Тот,
Пугающий ребят —
Чтоб мерку с Постояльца снять —

Ведь недалек Парад —

Кистей — и сумрачных Карет —
И не найти ясней
В Провинциальном Городке
Угаданных вестей.

* * *

Жужжала Муха надо мной —
Когда я умерла —
И Тишина была вокруг —
Как Штиль перед Грозой —

Иссякли Слезы у родных —
И набирался Вздох,
Чтоб встретить Натиск — когда Царь
Появится — средь нас —

Я раздарила все, чем я
Владеть еще могла —
Безделки — Памятки — и тут
Явилась вдруг Она —

Надсадный, Синий, шалый Звук —
Между окном — и мной —
И Свет пропал — и больше я
Не помню ничего.

* * *

Когда б вы Осенью пришли —
Я Лето бы смела,
И не взглянувши на него,
Как Муху со стола —

Свила бы месяцы в клубки —
Когда бы ждать мне год,
И разложила по местам,
Чтоб им не спутать счет —

Века бы стала вычитать
На пальцах я — пока
До Ван-Дименовой Земли
Не добралась рука.

А если б вечность ждать пришлось,
Чтобы мечты сбылись —
Я бы вкусила Вечность — плод —
Отбросив Корку — жизнь —

Теперь же неизвестный срок
Терзает как крыло
Пчелы — нацеленный укус
Отсрочившей — пазло.

* * *

Что Сердцу? — Радость дай —
Потом — уйти от Мук —
Потом — лекарство проглотить —
Чтоб утолило боль —

А там — уснуть скорей —
А там — когда исход
Сам Инквизитор утвердит —
Свободу умереть.

* * *

Я дома не была
Года и в дверь свою
Боюсь войти, чтобы Лицо —
Неведомое мне —

Не вóззрилось — спросив —
Зачем пришла — «Затем,
Что Жизнь моя осталась здесь —
Не знают ли такой?»

Я мужество — как ключ —
Старалась отыскать —
Молчанье грозною Волной
О мой дробилось Слух —

Тут Деревянный смех —
Потряс меня, что я
Пугаюсь Двери — будто Смерть —
Не видела в глаза —

К Щеколде тихо я
Притронулась Рукой —
Страшась в Разинутых Дверях
Остаться вдруг одной,

С опаской — как Стекло —
Я Пальцы отвела —
Зажала Уши — и бежать —
Пустилась точно Вор.

* * *

Спускался ниже — ниже — День,
Но Запад не алел
Еще ни на одной Степе —
Был Свет повсюду бел —

Тесней — тесней — смыкалась Тень,
Но капельки Росы —
Садились только мне на Лоб,
Сбегали по Лицу —

От Ног полз выше — выше — Лед —
Но не касался рук —
Как странно было, что во мне
Иссяк последний звук!

Как Свет мне раньше был знаком!
Теперь везде темно —
Творится Смерть со мной — но мне —
Знáть это все равно.

* * *

Раз к Смерти я не шла — она
Ко мне явилась в дом —
В ее Коляску сели мы
С Бессмертием втроем.

Мы тихо ехали — Ей путь
Не к спеху был, а я
Равно свой труд и свой досуг
Ей в Жертву принесла —

Мы миновали Школьный Двор —
Играющих Ребят —
На нас Глядевшие Поля —
Проехали Закат —

Или, вернее, Солнца Шар
В пути оставил Нас —
Как зябко сделалось мне вдруг —
Одетой в легкий Газ! —

И к Дому подкатили мы —
Подобию Холма —
Свес его был зарыт в Земле —
Крыша едва видна —

С тех пор Столетия прошли —
Но этот миг длинней,
Открывший, что в Века глядит
Упряжка Лошадей.

* * *

Мы — вырастая из любви —
Кладем ее в Комод —
Где ей дается долежать
До Бабушкиных Мод.

* * *

Вся Суета в дому,
Где совершилась Смерть —
Значительнейшее из дел,
Творимых на Земле —

И Сердце подмести,
И уложить под спуд
До самой Вечности теперь
Ненужную Любовь.

* * *

В три тридцать одинокий свист
Безмолвным небесам
Окольный изложил напев
С опаской пополам.

В четыре тридцать снова гнал
Несовершенство с мест
И серебристой россыпью
Все подавлял окрест.

В семь тридцать уже где́ и ка́к —
Никто не мог найти,
И пусто было там, где звук,—
И мир был посреди.

* * *

По блеску его впалых глаз
Любой бы мог прочесть
Страницы боли, хоть о ней
Он слова не сказал.

Он весь был перечнем глухим
Стыдливо скрытых мук,
А исключеньем — разве лишь
Курсив его лица.

* * *

Две меры суткам есть:
Одна — что на часах,
Другая — что внушает нам
Надежды или страх.

Нам вечность сообщит
Покой или движенье —
Законов вечных бытия
Прямое выраженье.

Смерть вовсе не уход —
На созданной судьбой
Ландкарте новых нет границ —
Останься сам собой.

* * *

Безумье Радости узнать
Имущим не дано —
Пир Воздержания пьянит
Сильнее, чем Вино.

В том, что вот-вот рука возьмет,
Желаний цель ищи —
Не ближе — чтобы Тем, что Есть —
Не отвратить души.

* * *

Ненастигаемость того —
Кто Смерть осуществил —
Величественней для меня
Величья на земле.

Начертано душой
На теле: «Дома нет» —
И легкой поступи ее
Рукой не удержать.

ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО

«ПЕСНЬ О ГАЙАВАТЕ»

Поэма «Песнь о Гайавате» («The Song of Hiawatha») была издана в США в ноябре 1855 года и сразу принята широким кругом читателей. С тех пор она многократно переиздавалась и стала классическим памятником американской литературы.

Американский исследователь ирокезского фольклора Х. Хейл, комментируя образ Гайаваты, созданный Лонгфелло, отмечает его «составляющие»: в нем слились воедино черты легендарного вождя ирокезов Хайонваты, Таронхайавагона (божество индейцев племени сенека) и мифологического героя индейцев оджибве Манабозо.

Есть суждение, что среди многочисленных «прототипов», повлиявших на создание образа Гайаваты, был и знакомый Лонгфелло, Джордж Копуэй (1818—1863) — вождь индейцев оджибве, а затем проповедник и литератор.

Документальным источником для поэмы явились индейские легенды, впервые собранные и исследованные американским этнографом Г.-Р. Скулкрафтом в книге «Algic Researches» (1839) и других трудах.

Существует несколько примечательных изданий поэмы на английском языке, в частности: H. W. L o n g f e l l o w. The Song of Hiawatha. Boston a. o., Houghton Mifflin Company, 1883. В этом издании к тексту приложены таблицы с изображением индейской одежды, утвари и прочих предметов быта. Здесь же воспроизведены иллюстрации к поэме, сделанные известным американским художником Ф. Ремингтоном.

Следует также отметить издание: O s b o r n Ch. S., O s b o r n S. Hiawatha with its Original Indian Legends. Lancaster, Penn., The Jacques Cattell Press, 1944, где текст поэмы сопоставлен с текстами индейских легенд в редакции Г.-Р. Скулкрафта; здесь же приведены фотографии, воспроизводящие природные достопримечательности района Великих озер, упоминаемых в поэме Лонгфелло.

В советском издании «Песни о Гайавате» на английском языке (М., Progress Publishers, 1967) сохранены авторские примечания, дан очерк творчества Лонгфелло и краткий анализ содержания поэмы, а также подробные комментарии, составленные В. Ермолаевой.

В России первый перевод отрывков из «Песни о Гайавате» был сделан Л. Л. Михайловским («Отечественные записки», №№ 5, 6, 10, 11 за 1868 г. и № 6 за 1869 г.). Полностью поэма Лонгфелло была переведена И. А. Буниным в 1896—1903 годах (СПб., 1903). С тех пор она переиздается по этому изданию вместе со словарем индейских слов, составленным И. А. Буниным.

А. Ващенко

СЛОВАРЬ ИНДЕЙСКИХ СЛОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ПОЭМЕ

Аджидо́мо — белка.
Амик — бобр.
Амо — пчела.

Бима́гут — виноградник.
Бэм-ва́ва — звук грома.

Вабассо́ — кролик; север.
Ва́ва — дикий гусь.
Ва-ва-тэйзи — светляк.
Ва́вбик — утес.
Вавонэйса — полуночник (птица).
Вагонбмин — крик горя.
Ва́мпум — ожерелья, пояса и различные украшения из раковин и бус.
Во-би-ва́ва — белый гусь.
Вобивайо — кожаный плащ.
Вэбино — волшебник.
Вэбино-Вэск — сурепка.
Вэ-мок-ква́на — гусеница.

Гитчи-Гюми — Верхнее озеро.

Дагинда — гигантская лягушка.
Джиби — дух.
Джосакиды — пророки.
Дэш-кво-нэ-ши — стрекоза.

Иза — стыдись!
Ина́йнивэг — пешка (в игре в кости).
Ишкуда́ — огонь, комета.

Йенадиззи — щеголь, франт.

Ка́гаги — ворон.
Ка́го — не тронь!
Кайбшк — морская чайка.
Кива́йдин — северо-западный ветер.
Кинэбик — змея.
Киню — орел.
Ко — нет.
Куку-кугу — сова.
Куо-ни-ши — стрекоза.
Кенбза, Маскеноза — щука.

Манг — нырок.
Ман-гб-тэйзи — отважный.
Маномони — дикий рис.
Месяц Земляники — июнь.
Месяц Листьев — май.
Месяц Лыж — ноябрь.
Месяц Падающих Листьев — сентябрь.
Месяц Светлых Ночей — апрель.
Миды — врачи.
Мина́га — черника.
Минджикэвон — рукавицы.
Минни-ва́ва — шорох деревьев.
Мискодит — «След Белого» (цветок).
Мише-Мбква — Великий Медведь.
Мише-Нама — Великий Осетр.
Мондамин — маис.
Мушкодаза — глухарка.
Мэдвэй-ошка — плеск воды.
Мэма — зеленый дятел.
Мэшинова — прислужник.

Нама — осетр.
Нама-Вэск — зеленая мята.
Нинимуша — милый друг.
Ноза — отец.
Нэго-Вбджу — дюны озера.

Нэпа́вин — сон, дух сна.
Нэшка — смотри!

Овейса — сивоворонка (птица).
Ода́мин — земляника.
Озавабик — медный диск (в игре в кости).
Окагавис — речная сельдь.
Омими — голубь.
Онэвэ — проснись, встань!
Опечи — красногрудка (птица).

Па-пок-кина — кузнечик.
Пибоан — зима.
Пимикан — высушенное оленье мясо.
Пишнэкэ — казарка (птица).
Поггэвбгон — палица.
Пбгок — смерть.
Пок-Уэджис — пигмеи.
Понима — загробная жизнь.

Сава — окунь.
Сибовиша — ручей.
Соббика́ши — тарантул.

Сон-джи-тэгэ — сильный.
Сэгвбн — весна.

Тэмрак — лиственница.

Уг — да.
Угодвбш — самглав, луна-рыба.

Читовэйк — зуек.

Шабомин — крыжовник.
Ша-ша — далекое прошлое.
Шингебис — нырок.
Шишэбвэг — утенок (фигурка в игре в кости).
Шовэн-нэмэшин — сжалься!
Шогаши — морской рак.
Шогода́йя — трус.
Шбшо — ласточка.
Шух-шух-га — цапля.

Энктаги — Бог Воды.
Эннэмики — гром.
Эпбква — тростник.

И. Бунин

УОЛТ УИТМЕН

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Публикуемые в данном томе стихотворения и поэмы У. Уитмена взяты из книги «Листья травы».

Впервые под общим названием «Листья травы» («Leaves of Grass») вышло двенадцать поэтических произведений без указания имени автора (Нью-Йорк, 1855). Книга, которую Уитмен стремился приурочить ко Дню Независимости, была напечатана за собственный счет автора и не пользовалась широким спросом при жизни поэта.

Среди сравнительно поздних англоязычных изданий следует отметить «Representative Selections, with Introduction, Bibliography and Notes» ed. by Floyd Stovall. American Book Company, N. Y., 1934. В примечаниях к этой книге делается попытка интерпретации некоторых стихотворений. Необходимо также упомянуть издание, подготовленное Э. Холлоуэй (E. Holloway, ed.: W. W h i t m a n. Complete Poetry and Selected Prose and Letters. Lnd., the Nonsuch Press, 1938), снабженное подробной хронологией жизни и творчества поэта и примечаниями.

В России отдельные стихотворения Уитмена с увлечением переводил И. С. Тургенев, но эти переводы не были опубликованы.

Пропагандировать Уитмена начал К. Бальмонт, который перевел ряд стихотворений из «Листьев травы» в 1905 году. По распоряжению властей издание с переводами Бальмонта было конфисковано.

Ранние переводы К. Чуковского из «Листьев травы» также были уничтожены.

Первое советское издание избранных произведений Уитмена: Чуковский К. Поэзия грядущей демократии. Пг., «Парус», 1918, с приложением статьи А. Луначарского «Уитмен и демократия». Оно неоднократно перепечатывалось с добавлением новых переводов. В ленинградском издании 1935 года следует отметить краткие примечания, сделанные К. Чуковским.

Наиболее полное издание «Листьев травы» на русском языке вошло в книгу, приуроченную к 150-летию со дня рождения поэта: У. Уитмен. Избранные произведения. Листья травы. Проза. Вступительная статья М. О. Мендельсона. М., «Художественная литература», 1970. В нее включены основные поэмы и большинство стихотворений, хотя некоторые циклы и отдельные поэмы представлены в отрывках. Эта книга положена в основу настоящего издания.

ИЗ ЦИКЛА «ПОСВЯЩЕНИЯ»

Цикл «Посвящения», открывающий «Листья травы», состоит из ряда кратких ключевых стихотворений, написанных в 1860—1881 гг., в которых определяется художественная цель поэмы.

Историку (стр. 169).— *Аллеганы* — цепь в горной системе Аппалачей в США, тянущаяся с севера на юг, параллельно побережью Атлантического океана.

«Я не доступен тревогам...» (стр. 171).— *Маннахатта* (современная форма — Манхэттен) — индейское название острова на атлантическом побережье США, на котором расположен город Нью-Йорк. Так называет Уитмен и сам Нью-Йорк, возникший на месте древнего поселения манхэттенских индейцев-алгонкинов.

Рожденный на Поманоке (стр. 173).— *Поманок* — индейское название острова Лонг-Айленд (англ. «длинный остров»), родины Уолта Уитмена. *...Вереницы людей, Американос, сотни миллионов...*— «Американос» (ср. далее «Либертад» — «свобода» (и с п.).— Включением в поэму слов из испанского, латинского, французского и других языков для обозначения особенно важных понятий Уитмен стремился подчеркнуть интернациональный, всеобщий характер своей поэзии. *...Омнес! Омнес! Пусть некоторые презирают все на свете...*» — Omnes (лат.) — «все». *...жителя Гранитного штата, и штата залива Наррагансетт...*— Имеются в виду штаты Нью-Хемпшир и Род-Айленд. *Dolce affettuoso* (ит ал.) — нежный, чувствительный. Музыкальный термин, употребляемый для обозначения мелодии лирического и нежного характера. *...там, дальше, за Ко...* Ко — город в Оклахоме.

П е с н я о с е б е (стр. 185).— Одно из самых значительных программных произведений, входящих в «Листья травы», в котором раскрывается образ лирического героя Уитмена. *...И канука, и токахо, и конгрессмена, и негра я принимаю...*— Канук — канадский житель французского происхождения. Токахо (а м е р. с л э н г)— прозвище жителей одного из районов штата Вирджиния. *Гингэм* — дешевая суконная или хлопчатобумажная ткань. *День Благодарения* — национальный праздник США, учрежденный в память о первом урожае, собранном жителями Плимутской колонии в 1621 г., после голодной и суровой зимы, пережить которую колонистам удалось с помощью индейцев. Празднуется в последний четверг ноября. *... Житель Уврайна ставит западни... у большого ручья, который помогает Гурону наполниться...*— Уврайн — городок в штате Мичиган, близ озера Гурон, одного из крупнейших в Северной Америке. *Скво* — слово, заимствованное из языка индейцев-алгонкинов и ставшее нарицательным обозначением женщины-индианки. *Смак* — небольшое рыболовное судно. *...Одно время года идет за другим, и четвертого июля на улицах несметные толпы...*— Четвертое июля, или День Независимости — национальный праздник в США, годовщина «Декларации американской Независимости», принятой Конгрессом во время американской буржуазной революции в 1776 г. *...Частые пни обступают прогалину, скваттер рубит топором...*— Скваттер — фермер-поселенец, «явочным порядком» захватывающий незаселенный участок земли. На территории США скваттерство сохранялось до конца XIX в. *...Факелы сверкают во мгле, что висит над Чаттахучи или Альтомахо...*— Чаттахучи — река, составляющая западную границу штата Джорджия. Альтомахо — река в том же штате. *...В стенах эдобе... отдыхают охотники...*— Эдобе (правильнее — «эдоби») — постройка из необожженного кирпича, которым широко пользовались индейцы юго-запада США. *Окони* — река в штате Джорджия. *Элкхорн* — река в штате Небраска. *...Я лодочник, пробираюсь по озеру... я гужер, я бэджер, я бэкай...*— На американском жаргоне «гужер» — житель штата Индиана; «бэджер» — житель штата Висконсин; «бэкай» (правильнее — «бак-ай») — уроженец штата Огайо. *Квакер* (а н г л. «трясущийся», «дрожащий») — член христианской протестантской секты, возникшей в Англии в период английской буржуазной революции. Квакеры отвергали официальную церковную организацию, внешнюю пышность и обрядность. Часть квакеров, в связи с преследованием их в Англии, переселилась в США в 60-х годах XVII в. Эта секта отличалась известной религиозной терпимостью: «каждый может по-своему проявлять в себе бога». От квакеров-предков, выходцев из Англии и Дании, выводил Уитмен собственную независимость взглядов и свободу суждений. *...И я говорю новое слово, это слово «En masse»...*— En masse (ф р а н ц.) — все вместе, в массе. *Очиток* — многолетнее растение с сочными листьями, вьющееся по стенам и скалам. *Персимон* — фруктовое дерево, растущее в южных штатах США. *...Где в вечер Седьмого месяца...*— Наименование месяцев при помощи порядковых числительных Уитмен заимствует из словаря квакеров. *...Где*

кати-дид играет свою хроматическую гамму...— Кати-дид — большой зеленый кузнечик, обитающий в США. *...Возвращаясь домой с молчаливым и смуглым бушбоем...*— Бушбой (англ. bush — куст, заросли; boy — парень) — молодой колонист, живущий в местности, еще не расчищенной от растительности. *...Нет, не о паденье Аламо...*— Имеется в виду часовня в г. Сан-Антонио, на бывшей территории Мексики (ныне штат Техас). Превращенная в крепость, она в 1836 г., в ходе войны между США и Мексикой, была захвачена мексиканским генералом Санта-Анна. Весь ее гарнизон (сто восемьдесят три американских ополченца) был уничтожен во время штурма. Падение Аламо стало для американцев трагическим событием национального значения. *...Это повесть о хладнокровном убийстве четырехсот двенадцати молодых людей...*— Уитмен имеет в виду событие, последовавшее за взятием Аламо: захват мексиканскими войсками в плен отряда американских солдат под командованием капитана Фэнина (около четырехсот человек) и его уничтожение 27 марта 1836 года. *...Хочешь послушать, как дрались в старину на морях?..*— Весь последующий эпизод посвящен повествованию о морском сражении между американским кораблем «Bon Homme Richard» («Добрый Ричард», командир Джон Поль Джонс) и превосходящим его по вооружению английским фрегатом «Serapis» (командир Ричард Пирсон), происшедшем 3 сентября 1779 г. в ходе Войны за независимость США. *...В мой портфель я сую Манито...*— Манито — обожествляемая североамериканскими индейцами сверхъестественная сила, заключенная во всех предметах. *...Вместе с Одином, с безобразным Мекситли...*— Один — верховное божество в скандинавской мифологии. Мекситли.— Точного соответствия в ацтекской мифологии не усматривается. По-видимому, Уитмен составил имя, по звучанию близкое к именам ацтекских богов мрака, войны и смерти. *Гимнософисты* — философы Древней Индии, крайние мистики. *Веды* — древние религиозные книги индийцев. *Теокалли* — храм ацтеков, где совершались человеческие жертвоприношения. *Кобу* — дикари Новой Зеландии.

ИЗ ЦИКЛА «АИР БЛАГОВОННЫЙ»

Аир — род травянистых многолетних растений семейства ароидных. Имеется в виду Air calamus, распространенный в Северной Америке, корневище которого содержит эфирное масло. Аир, обладающий стойким ароматным запахом, символизирует в «Листьях травы» постоянство и жизненную силу.

«Когда я услыхал к концу дня...» (стр. 257).— *Капитолий* — правительственное здание в Вашингтоне, в котором происходят заседания Конгресса.

«Salut au Monde!» (стр. 261).— «Привет миру!» (франц.). Поэма первоначально имела другое название: «Песнь в честь всех наций и всех рас земли». *...как друиды шли по рощам Моны, вижу омелу и вербену...*— Друиды — жрецы древних кельтов. Мона — остров Британского архипела-

га. Омела и вербена считались у кельтов священными растениями. *...Вижу посевы теффа, отливающие золотым и зеленым...*— Тефф — однолетнее кормовое растение семейства злаковых, африканского происхождения.

Песня большой дороги (стр. 270).— *Allons* (франц.) — идем. *...И чайки, покачивающие корпус... и кое-где запоздалые лихтеры...*— Лихтер — несамоходное грузовое судно, служащее для дальних перевозок на буксире.

Песня радостей (стр. 286).— *...Или ловить губанов в Чесапике...*— Чесапик — бухта в штате Мэриленд на восточном побережье США. *Шкафут* — верхний край корабельного борта. *Сент-Лоренс* — река Святого Лаврентия. *Тысяча Островов* — группа небольших островов на реке Святого Лаврентия.

Песня о топоре (стр. 292).— *...Древнейшие зданья Ассирии, Мизры...*— Мизра (правильнее — «Мизр») — арабское название Египта. *...Служил для альбийских храмов в лесах или в полях...*— Альбийцы, или альбигойцы — сектанты Южной Франции (Лангедока), приверженцы средневековой ереси катаров, особенно развившейся в XII—XIII вв. Альбигойцы находились в частичной оппозиции феодализму в связи с развитием в их среде просвещения. Истреблены инквизицией в конце XIII — начале XIV в.

Из «Песни о Выставке» (стр. 301).—*...где людоед, Пальмерин...*— Имеется в виду «Пальмерин Английский» — рыцарский роман неизвестного автора. Очевидно, речь идет об эпизоде с братьями, Пальмерином и Флориано, заточенными в замок великана, который собирался отдать их в пищу своим охотничьим львам. *...И Артур, и все рыцари сгинули, Мерлин, Ланселот, Галахад...*— Артур, Мерлин, Ланселот, Галахад — персонажи и образы английских средневековых легенд о короле бриттов Артуре и рыцарях Круглого стола. Сюжет, основанный на древних сказаниях «артуровского цикла», был разработан английским поэтом Альфредом Теннисоном (1809—1892), создавшим цикл поэм под названием «Королевские идиллии» (1842—1885). Это произведение и имеет в виду Уитмен. *...Позволь представить незнакомку тебе, Колумбия... Во имя Свободы приветствуй бессмертную!..*— Имеются в виду события Войны за независимость испанских колоний в Америке. В 1810—1826 гг. Колумбия освободилась от испанского господства; в 1819 г. Симон Боливар провозгласил создание федеративной республики Великая Колумбия. В 1863 г., согласно новой конституции, страна получила название Соединенных Штатов Колумбии.

ИЗ ЦИКЛА «ПЕРЕЛЕТНЫЕ ПТИЦЫ»

Ряд стихотворений Уитмена (а также название поэтического цикла «Перелетные птицы») возникли под влиянием Г.-У. Лонгфелло, чье творчество Уитмен очень любил.

Ф р а н ц и я (18-й г о д н а ш и х Ш т а т о в) (стр. 316).— Хронология Уитмена начинается от «Декларации американской Независимости» (1776), то есть речь идет о Франции 1794 г.;стихотворение посвящено кульминационному моменту французской буржуазной революции.

Г о д м е т е о р о в (1859—1860) (стр. 317).—*...Воспеть бы высокого седого старика...*— Имеется в виду казнь Джона Брауна (1800—1859), поднявшего на юге США восстание за освобождение негров от рабства.

ИЗ ЦИКЛА «У ДОРОГИ»

Б о с т о н с к а я б а л л а д а (стр. 331).— Написана в 1854 г., когда в США действовал закон о беглых рабах. По этому закону агенты южных плантаторов арестовали в Бостоне негра А. Бернса для передачи его «владельцу». Буржуазные круги Бостона оказали агентам поддержку. *...Дай дорогу, Джонатан...*— Джонатан — прозвище американцев, в особенности жителей Новой Англии, данное им англичанами. *...Вот это так зрелище! Мертвые поднялись из земли!..*— Призраки, поднявшиеся из гробов и с ужасом глядящие на присланные рабовладельцами войска,— это участники американской Войны за независимость XVIII в. *...глядеть на звезды и полосы...*— Имеется в виду государственный флаг США. *...оркестр, играющий «Янки Дудль»...* «Янки Дудль» — начальные слова маршевой патриотической песни.

Е в р о п а (72-й и 73-й г о д ы э т и х Ш т а т о в) (стр. 333).— Речь идет о 1848 г., когда в Италии, Австрии, Франции и Германии произошла революция, которая вскоре потерпела поражение. Стихотворение посвящено кровавому «умиротворению» Европы.

ИЗ ЦИКЛА «БАРАБАННЫЙ БОЙ»

Цикл «Барабанный бой» объединяет стихотворения, посвященные событиям Гражданской войны в США 1861—1865 гг.

1 8 6 1 (стр. 341).— *1861 год* — год начала Гражданской войны в США. *...мускулистого, в синей одежде...*— Войска Союза (северян) носили форму синего цвета.

П е с н я з н а м е н и н а у т р е н н е й з а р е (стр. 343).— *Флаг* — в оригинале вымпел (Pennant).

ИЗ ЦИКЛА «ПАМЯТИ ПРЕЗИДЕНТА ЛИНКОЛЬНА»

Цикл посвящен Аврааму Линкольну (1809—1865), который был президентом США в годы Гражданской войны. Линкольн погиб 14 апреля 1865 года от руки наемного агента плантаторов.

ИЗ ЦИКЛА «ОСЕННИЕ РУЧЬИ»

Европейскому революционеру, который потерпел поражение (стр. 375).— Стихотворение дано в его ранней редакции (1856 г.). В дальнейшем было смягчено. Во втором издании озаглавлено иначе: «Поэма Свободы для Азии, Африки, Европы, Америки, Австралии, Кубы и Морских Архипелагов».

О Франции звезда (стр. 381).— Стихотворение посвящено Парижской коммуне.

Гордая музыка бури (стр. 384).— *Tutti* (итал.) — музыкальный термин, обозначающий игру всего оркестра. *Норма* — героиня одноименной оперы итальянского композитора Винченцо Беллини (1801—1835). *Лючия* — героиня оперы «Лючия ди Ламмермур» Г. Доницетти (1797—1848), сюжет которой взят из романа В. Скотта «Ламмермурская невеста». *Эрнани* — герой одноименной оперы Дж. Верди (1813—1901). Либретто написано на основе драмы В. Гюго «Эрнани». *Фернандо.*— Вероятно, имеется в виду Фернандо, монастырский послушник, влюбленный в Леонору, героиню оперы итальянского композитора Г. Доницетти «Фаворитка». *Амина* — героиня оперы Беллини «Сомнамбула». *Альбони* Мариэтта (1823—1894) — итальянская певица, первая исполнительница контральтовых партий в операх Россини. *Кинг* — название старинного китайского ударного музыкального инструмента. *Вина* — индийский струнный щипковый инструмент. *Баядера* — храмовая танцовщица в Индии. *Stabat mater* — католическое песнопение на текст духовного стихотворения XIII в. Начальные слова «Stabat mater dolorosa...» (лат. —«Мать скорбящая стояла...»). *Agnus De* (лат.— агнец божий) — католическое песнопение, заключительная часть мессы. *Gloria in excelsis* (лат.— слава в вышних)—хвалебное песнопение, вторая часть католической мессы. «*Сотворенье*» («Сотворение мира») — оратория И. Гайдна.

ИЗ ПОЭМЫ «СПЯЩИЕ»

«Ледяной ураган, словно бритвами...» (стр. 392).— Описывается подлинный случай: в 1840 г. у берегов Лонг-Айленда затонул большой корабль «Мексика».

ИЗ ЦИКЛА «ОТ ПОЛУДНЯ ДО ЗВЕЗДНОЙ НОЧИ»

Испания, 1873—1874 (стр. 407).—Стихотворение посвящено революционным силам в Испании, потерпевшим поражение в восстании 1873 г. *Потомак* — впадающая в Чесапикский залив река на северо-востоке США, на которой расположен город Вашингтон; примечательна своей живописностью и связанными с ней событиями американской истории.

ИЗ ЦИКЛА «ДНИ СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЯ»

С м ы с а М о н т а у к (стр. 412).— *Монтаук* (правильнее — «Монток») — мыс на южной оконечности острова Лонг-Айленд.

«Й о н н о н д и о» (стр. 417).— *Йоннондио* (ононтио) — на языке ирокезских племен — «Прекрасная Гора», прозвище, данное индейцами канадскому губернатору Монманьи, имя которого было по-своему понято аборигенами. Уитмен, находящийся под впечатлением индейских имен собственных, придает этому слову свой смысл.

ИЗ ЦИКЛА «ПРОЩАЙ, МОЕ ВДОХНОВЕНИЕ»

О с ц е о л а (стр. 421).— *Осцеола* (точнее — «Асси-Яхола», ок. 1803—1838 гг.) — индейский вождь-патриот из племени семинолов. Один из основных лидеров в так называемой «Семинольской войне» 1835—1842 гг. во Флориде, во время которой США стремились покорить семинолов. Осцеола был предательски схвачен во время переговоров о мире и заточен в военную тюрьму, где вскоре умер.

А. Ващенко

ЭМИЛИ ДИКИНСОН

СТИХОТВОРЕНИЯ

Эмили Дикинсон не готовила свои стихи для печати. Сохранились беловые и черновые, иногда очень неразборчивые, записи. Многие стихотворения уцелели только в копиях, сделанных уже после смерти автора, оригиналы утрачены.

Датировка, прочтение и точная реконструкция стихов Дикинсон в их первозданном виде поставили перед текстологами и исследователями ее творчества ряд трудных задач.

Стихи не имеют заглавий, но, посылая стихотворение в письме, Эмили Дикинсон иногда ставила название, чтобы облегчить понимание: «Снег» («Он сеет — сквозь свинцовое сито...»), «Колибри» («Дорога мимолетности...»).

Эмили Дикинсон создала систему записи стиха, уникальную в американской поэзии. Очень большую роль играет знак тире. Он заменяет запятую, точку с запятой, а зачастую и точку. Тире обозначает ритмико-смысловые паузы, и Дикинсон ставит тире даже там, где, согласно правилам орфографии, никаких знаков препинания не требуется. Расчленяя стих, знак паузы — тире — содействует его большей выразительности и ритмическому разнообразию.

Нередко с этой же целью один стих делится на две строки. Ключевые слова, несущие особенно сильную смысловую и эмоциональную нагрузку, часто выделяются заглавными буквами.

Переводы для данного издания выполнены по наиболее компетентному американскому изданию: «The Poems of Emily Dickinson». Ed. by Thomas H. Johnson. Cambridge, Massachusetts, The Belknap Press of Harvard University Press, 1963. Настоящая подборка переводов публикуется впервые.

«Вот все — что я тебе принесла!..» (стр. 428).— Стихотворение, видимо, было послано вместе с цветами.

«Подруга поэтов — Осень прошла...» (стр. 434). ...*Пропали мистера Брайанта астры*...— Брайант Уильям Каллен (1794—1878) — первый общепризнанный американский поэт, а также публицист. Посвятил много стихов воспеванию природы. ...*Мистера Томсона снопы*...— Томсон Джемс (1700—1748) — английский поэт, родом шотландец. Создал знаменитую поэму «Времена года», очень популярную в Амхерсте. Слово «мистер» вносит нотку юмора в стихотворение. *Месмерические пальцы* — гипнотические пальцы.

«Как изменился каждый холм!..» (стр. 435). ...*Тирийский свет наполнил дол*...— Тир — город в древней Финикии. Тирийский пурпур — красная краска типа кармина, добывавшаяся из морских моллюсков. *Шантеклер* (франц.) — петух. ...*Конец сомненьям — Никодим!* — Согласно евангельской легенде (Евангелие от Иоанна, III, 4), Никодим, один из иудейских фарисеев, усомнившись в словах Христа, спросил: «Как может человек родиться вновь, будучи стар?» Он не понимал, что речь шла о духовном возрождении.

«Я узнаю — зачем?..» (стр. 438). ...*Он расскажет — как Петр обещанье нарушил*...— Как гласит евангельская легенда, Христос предсказал апостолу Петру, что тот трижды отречется от него, прежде чем на рассвете пропоет петух (Евангелие от Луки, XXII, 33—34).

«Я пью из жемчужных кружек...» (стр. 438). ...*Из Мансанильи идет!* — Мансанилья — род вина, типа портвейна. Эмили Дикинсон, возможно, имела в виду Мансанильо — порт на Кубе, откуда вывозился ром.

«Укрыта в Покоях из алебастра...» (стр. 439).— Одно из самых знаменитых стихотворений Эмили Дикинсон. Существует несколько вариантов. Мертвенно-белый цвет алебастра здесь имеет символическое значение. Дикинсон изображает кладбище, где похоронены люди, которые верили, что в день Страшного суда воскреснут из мертвых. Они лежат в гробах, выстланных атласом, под гранитными плитами. Во второй строфе она образно рисует огромный космос. *Полумесяц млечный* — Млечный Путь — наша галактика, которая представляется глазам в виде изогнутой арки. Все живое падает маленькими точками на *диск из снега*. Снова возникает белый цвет, на этот раз смягченный цвет снега, как символ природы.

«Милый — прочти — как другие...» (стр. 441).— Видимо, имеется в виду каноническая у пуритан «Книга мучеников», в которой рассказывается о жестоких преследованиях и казнях пуритан в царствование Марии Тюдор (1553—1558), прозванной «Кровавая».

«Он сеет — сквозь свинцовое сито...» (стр. 444).— Стихотворение написано в 1862 г. Позже, в 1864 г., Эмили Дикинсон написала второй вариант, который она послала в письме Томасу Найлсу. Вторая редакция:

Он сеет — сквозь свинцовое сито —
Припудрит лес и овраг —
Он алебастром загладит
Морщины сельских дорог.

Он — как стадо — собьется в ком —
Как птицы — рассыплется врозь —
Выгнется призрачной аркой —
Как жонглера узор.

Он бродяга — но домосед —
Он мельтешит — но глубок —
И вдруг в созвездии Козерога
Свернется — сонным клубком.

...в созвездии Козерога...— Солнце в декабре находится в зодиакальном созвездии Козерога.

«Я знаю — как оно взошло...» (стр. 445).—*...Бо́болинк запел...*— Боболинк — рисовая птица (Dolichonyx orizivorus) семейства трупиаловых.

«Замшелая радость книжной души...» (стр. 448).— *Платон* (427—347 гг. до н. э.) — древнегреческий философ, ученик Сократа. *Софокл* (ок. 497—406 гг. до н. э.) — великий драматург Древней Греции. *Сафо* (Сапфо) — древнегреческая поэтесса VII—VI вв. до н. э. *...Беатриче по улице шла//В том платье — что Данте обожествил?..*— Данте Алигьери (1265—1321), великий итальянский поэт, в своей книге «Новая жизнь» (1292) рассказал о том, как он встретил Беатриче, которая шла по улице в платье «благороднейшего алого цвета».

«Летели — как Хлопья...» (стр. 450).— Стихотворение это, написанное около 1862 г., как можно думать, является откликом на Гражданскую войну между Северными и Южными штатами (1861—1865 гг.).

«Цивилизация гонит Леопарда...» (стр. 453).— Ходячее изречение, заимствованное из Библии, гласит: «Может ли Ефиоплянин переменить кожу свою и барс — пятна свои? Так и вы можете ли делать доброе, привыкши делать злое?» (Книга пророка Иеремии, глава 13, стих 23).

«Завидую волнам — несущим тебя...» (стр. 454).— *...За все алмазы Писарро...*— Писарро Франсиско (ок. 1471—1541) — испан-

ский конкистадор, завоевавший в 30-х годах XVI в. государство инков, находившееся на территории нынешней республики Перу в Южной Америке. *...Но я на цветок наложу интердикт...*— В средние века римско-католическая церковь в виде наказания налагала на города, области и даже на целые страны интердикт, запрещавший совершать богослужение в церквах и исполнять религиозные обряды, такие, например, как свадьба, крещение, похороны. *...Архангела — и меня...*— Имеется в виду архангел Гавриил, который, согласно евангельской легенде, возвестил деве Марии, что у нее родится сын.

«Вскройте жаворонка! Там музыка скрыта...» (стр. 472).— В виде жаворонка, как можно думать, Эмили Дикинсон изобразила трагическую судьбу поэта, стихи которого станут известны только после его смерти. Другими словами, жаворонок — это она сама. *...Теперь ты веришь — Фома...*— Апостол Фома не верил, что Иисус Христос мог воскреснуть из мертвых. Он сказал: «Если не увижу на руках его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра его — не поверю».

«Расстояние не во власти лисиц...» (стр. 480).— Конная охота на лисиц — одно из любимых увеселений английских дворян.

«Боюсь мой вдохновенный сон...» (стр. 486).— *...Внезапно —Сила сходит к нам...*— Сила — бог, божественное озарение. В Библии (Книга Бытия) помещен древний миф о том, что первые люди на земле, Адам и праматерь Ева, до своего грехопадения жили в раю, еще не нося одежд. Американский философ и поэт Р.-У. Эмерсон, (1803—1882) считал, следуя древнегреческой традиции, что удивление — первая ступень познания. В стихотворении Эмерсона «Мерлин» поэт восходит ввысь «по лестнице удивления».

«Оратор покидает...» (стр. 486).— Стихотворение, написанное про лягушку, содержит момент аристофановой сатиры: политиканы того времени с их недолгой славой уподобляются квакающим лягушкам. *...Вмиг Демосфен исчезнет...*— Демосфен (384—322 гг. до н. э.) — знаменитый древнегреческий оратор.

«Колодец полон тайны!..» (стр. 487).—*...В дом — полный привидений...*— В одном из своих писем Дикинсон говорит: «Природа — это дом, полный привидений. А искусство — это дом, который хочет, чтобы в нем жили привидения».

«Он жил в кольце засад...» (стр. 489).—*...И звездочки ореол...*— Имеется в виду типографский знак звездочки, которым иногда выделяются в словарях наиболее значительные имена.

«Когда бы Осенью пришли...» (стр. 497).— *Ван-Дименова Земля.*— До 1853 г. Ван-Дименовой Землей называлась Тасмания.

В. Маркова

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Настоящий том сопровождается репродукциями произведений американского изобразительного искусства XIX века. Не являясь непосредственными иллюстрациями к тому, они характеризуют эпоху, в которую работали Уитмен, Лонгфелло, Дикинсон, передают особенности национального колорита в укладе жизни и искусстве Соединенных Штатов Америки XIX века.

«Песнь о Гайавате» Лонгфелло иллюстрирована произведениями так называемого «индейского жанра», возникшего на основе документальных зарисовок, созданных в различного рода экспедициях в глубь индейских территорий. Самый значительный художник этого жанра Джордж Кэтлин (1796—1872) в «Портрете индейского вождя» передает гордый, свободолюбивый дух западных индейцев, еще не испытавших во времена Кэтлина унижения резерваций. «Индейская деревня» представляет собой не только зарисовку документально-этнографического характера, но и передает особенности и дух окружающей природы. Акварель «Форт Ларами» А.-Д. Миллера (1810—1874) создана во время научной экспедиции на Дальний Запад. «Танец бизонов» — акватинта швейцарца по происхождению Карла Бодмера (1809—1893). В ней переданы особенности ритуального танца племени мандановв. Ч.-Б. Кинг (1785—1862) создавал свою «индейскую галерею», не выезжая из города. Но и в его «Портрете трех вождей», наряду с яркой экзотикой одежд и татуировок, переданы природное свободолюбие и сила характера индейцев.

Поэзия Уитмена и Дикинсон сопровождается в томе главным образом произведениями пейзажной и жанровой американской живописи XIX века. Картина Ч.-У. Пиля (1741—1827) «Эксгумация мастодонта» (1806—1808) характерна для американского искусства точностью манеры в изображении значительного для Америки того времени события — раскопок первого американского мастодонта, которыми, при поддержке президента Джефферсона, руководил сам Пиль, просветитель и ученый-натуралист. «Единение душ» — центральное произведение пейзажиста А.-Б. Дьюранда (1796—1886). Созданная в 1849 году в память о художнике Томасе Коуле, картина изображает двух мастеров пейзажа, в живописи и поэзии, Коуля и его друга поэта Уильяма-К. Брайанта. Пейзаж «Сезон дождей в тропиках» Ф.-Э. Чёрча (1826—1900) характерен для этого художника интересом к необыкновенным, эффектным явлениям природы не только с художественной, но и с научной точки зрения. Картина М.-Д. Хида (1819—1904) «Приближение бури. Побережье близ Ньюпорта» принадлежит к числу лучших марин в американской живописи XIX века. В гравюре У.-Д. Беннета (ок. 1787—1844 гг.) «Дорожное происшествие», выполненной в технике акватинты с картины Д. Харви (1801—1878), сцена человеческого труда придает изображению природы особое спокойствие и значительность. Полотно У.-С. Маунта (1807—1868) «Ловля угрей» принадлежит к числу лучших произведений американской жанровой живописи середины XIX века.

В том включены также произведения самодеятельного искусства, занимающего и поныне почетное место в развитии американского искусства. «Зимняя сцена в Бруклине» художника-самоучки Фрэнсиса Гая (ок. 1760—1820 гг.) отличается убедительной жизненностью отдельных жанровых сцен, составляющих картину. Картина священника Эдварда Хикса (1780—1849) «Мирное царство» иллюстрирует пророчество Исаии о мире. «Покрывало невесты» (1858—1863), созданное неизвестной мастерицей,— образец народного искусства аппликации, до сих пор широко распространенного в США.

К. Панас

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Осенева. Три классика американской поэзии 5

ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО

ПЕСНЬ О ГАЙАВАТЕ. *Перевод И. Бунина* 23

УОЛТ УИТМЕН

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Из цикла «Посвящения»

Одного я пою. *Перевод К. Чуковского* 167
Когда я размышлял в тиши. *Перевод Б. Слуцкого* 167
На кораблях в океане. *Перевод А. Старостина* 168
Историку. *Перевод Б. Слуцкого* 169
Тебе, старинное дело борьбы за свободу. *Перевод А. Старостина* 169
Читая книгу. *Перевод К. Чуковского* 170
Штатам. *Перевод И. Кашкина* 170
Некоей певице. *Перевод К. Чуковского* 171
Я не доступен тревогам. *Перевод К. Чуковского* 171
Слышу, поет Америка. *Перевод И. Кашкина* 171
Где осажденная крепость? *Перевод К. Чуковского* 172
Пусть безмятежен тот, кого я пою. *Перевод А. Сергеева* 172
Не закрывайте дверей. *Перевод К. Чуковского* 172
Поэтам, которые будут. *Перевод С. Маршака* 173
Тебе. *Перевод К. Чуковского* 173
В тебе, читатель. *Перевод А. Сергеева* 173

Рожденный на Поманоке. *Перевод Р. Сефа* 173

Песня о себе. *Перевод К. Чуковского* 185

Из цикла «Дети Адама»

Запружены реки мои. *Перевод К. Чуковского* 242
О теле электрическом я пою. *Перевод М. Зенкевича* 244

Час безумству и счастью. *Перевод К. Чуковского* 250
Из бурлящего океана толпы *Перевод К. Чуковского* 251
Мы двое, как долго мы были обмануты. *Перевод К. Чуковского* 251
Однажды, когда я проходил городом. *Перевод К. Чуковского* 252
Я слышал вас, торжественно-нежные трубы органа. *Перевод К. Чуковского* 253
Когда я, как Адам. *Перевод К. Чуковского* 253

Из цикла «Аир благовонный»

Для тебя, Демократия. *Перевод К. Чуковского* 253
Эти песни пою я весной. *Перевод Б. Слуцкого* 254
Страшное сомненье во всем. *Перевод К. Чуковского* 255
Суть всей метафизики. *Перевод А. Сергеева* 255
Летописцы будущих веков. *Перевод К. Чуковского* 256
Когда я услыхал к концу дня. *Перевод К. Чуковского* 257
Я видел дуб в Луизиане. *Перевод К. Чуковского* 257
Незнакомому. *Перевод К. Чуковского* 258
В тоске и в раздумье. *Перевод К. Чуковского* 258
Когда я читаю о горделивой славе. *Перевод Н. Банникова* . . . 259
Мы — мальчишки. *Перевод К. Чуковского* 259
Нет на моем счету. *Перевод Н. Банникова* 259
Приснился мне город. *Перевод К. Чуковского* 260
Ради чего, вы думаете, я берусь за перо? *Перевод И. Кашкина* 260
Если кого я люблю. *Перевод К. Чуковского* 260
Ты, за кем, бессловесный!.. *Перевод К. Чуковского* 261
Сейчас, полный жизни. *Перевод А. Старостина* 261

Salut au Monde! *Перевод М. Зенкевича и Н. Банникова* . 261

Песня большой дороги. *Перевод К. Чуковского* . . . 270

На Бруклинском перевозе. *Перевод В. Левика* 280

Песня радостей. *Перевод К. Чуковского* 286

Песня о топоре. *Перевод М. Зенкевича* 292

Из «Песни о выставке». *Перевод К. Чуковского* 301

Песня разных профессий. *Перевод М. Зенкевича* . . 304

Молодость, день, старость и ночь. *Перевод Н. Банникова* 311

Из цикла «Перелетные птицы»

Пионеры! О пионеры! *Перевод К. Чуковского* 311
Тебе. *Перевод К. Чуковского* 314
Франция (18-й год наших Штатов). *Перевод И. Кашкина* . . 316
Год метеоров (1859—1860). *Перевод Б. Слуцкого* 317

Из цикла «Морские течения»

Из колыбели, вечно баюкавшей. *Перевод В. Левика* 319
Когда жизнь моя убывала вместе с океанским отливом. *Перевод Б. Слуцкого* 324
Слезы. *Перевод К. Чуковского* 327
Птице фрегату. *Перевод Н. Банникова* 328
Молодой рулевой у штурвала. *Перевод А. Старостина* 328
Ночью на морском берегу. *Перевод К. Чуковского* 329
Мир под морской водой. *Перевод К. Чуковского* 330
Ночью у моря один. *Перевод А. Сергеева* 331

Из цикла «У дороги»

Бостонская баллада. *Перевод В. Левика* 331
Европа (72-й и 73-й годы этих Штатов). *Перевод К. Чуковского* . 333
Ручное зеркало. *Перевод К. Чуковского* 334
Боги. *Перевод А. Сергеева* 335
Когда я слушал ученого астронома. *Перевод К. Чуковского* . . . 336
О я! О жизнь! *Перевод А. Сергеева* 336
Одному из президентов. *Перевод С. Маршака* 337
Я сижу и смотрю. *Перевод В. Левика* 337
Щедрым даятелям. *Перевод К. Чуковского* 337
Любовная ласка орлов. *Перевод К. Чуковского* 338
Деревенская картина. *Перевод К. Чуковского* 338
Изумление ребенка. *Перевод К. Чуковского* 338
Красивые женщины. *Перевод К. Чуковского* 338
Мать и дитя. *Перевод А. Сергеева* 338
Мысль. *Перевод К. Чуковского* 339
Нашим Штатам (В их 16-е, 17-е и 18-е президенства). *Перевод И. Кашкина* 339

Из цикла «Барабанный бой»

О песни, сперва, для начала... *Перевод Б. Слуцкого* 339
1861. *Перевод М. Зенкевича* 341
Бей! Бей! Барабан! — Труби! Труба! Труби! *Перевод К. Чуковского* 342
Песня знамени на утренней заре. *Перевод К. Чуковского* 343
Поднимайтесь, о дни, из бездонных глубин. *Перевод Б. Слуцкого* 348
Иди с поля, отец. *Перевод М. Зенкевича* 350
Странную стражу я нес в поле однажды ночью. *Перевод И. Кашкина* 351
Сомкнутым строем мы шли. *Перевод М. Зенкевича* 352
Лагерь на рассвете, седом и туманном. *Перевод Б. Слуцкого* 353
Когда я скитался в Виргинских лесах. *Перевод М. Зенкевича* 354
Как штурман. *Перевод К. Чуковского* 354
Врачеватель ран. *Перевод М. Зенкевича* 355
Долго, слишком долго, Америка. *Перевод А. Сергеева* 357
Дай мне великолепное безмолвное солнце. *Перевод Н. Банникова* 357
Не молодость подобает мне. *Перевод А. Сергеева* 359
Ты, загорелый мальчишка из прерий. *Перевод К. Чуковского* 359
Одному штатскому. *Перевод К. Чуковского* 359
Прощальное слово солдату. *Перевод Б. Слуцкого* 360
Повернись к нам, о Либертад. *Перевод Б. Слуцкого* 360

Из цикла «Памяти президента Линкольна»

Когда во дворе перед домом цвела этой весною сирень. *Перевод К. Чуковского* 361
О Капитан! мой Капитан! *Перевод К. Чуковского* 369

У берегов голубого Онтарио (Из поэмы). *Перевод И. Кашкина* 370

Из цикла «Осенние ручьи»

Был ребенок, и он рос с каждым днем. *Перевод И. Кашкина* 371
Городская мертвецкая. *Перевод К. Чуковского* 372
Этот перегной. *Перевод К. Чуковского* 373

Европейскому революционеру, который потерпел поражение. *Перевод К. Чуковского* 375
Птичьим щебетом грянь. *Перевод Н. Банникова* 376
Музыкальность. *Перевод К. Чуковского* 377
Вы, преступники, судимые в судах. *Перевод К. Чуковского* . . . 378
Законы творенья. *Перевод А. Сергеева* 379
Уличной проститутке. *Перевод К. Чуковского* 380
Чудеса. *Перевод И. Кашкина* 380
Искры из-под ножа. *Перевод Н. Банникова* 381
О Франции звезда (1870—1871). *Перевод И. Кашкина* 381
Укротитель быков. *Перевод Н. Банникова* 383
Странствуя утром. *Перевод А. Старостина* 383
Гордая музыка бури. *Перевод В. Левика* 384
Моление Колумба. *Перевод Б. Слуцкого* 390

Из поэмы «Спящие»

Я вижу: голый красавец гигант. *Перевод К. Чуковского* 392
Ледяной ураган, словно бритвами *Перевод К. Чуковского* . . . 392
Скво. *Перевод К. Чуковского* 393
Мысли о времени. *Перевод Р. Сефа* 394

Из цикла «Шепот божественной смерти»

Шепот божественной смерти. *Перевод В. Левика* 400
Тому, кто скоро умрет. *Перевод К. Чуковского* 400

На Поманоке. *Перевод Н. Банникова* 401

Из цикла «От полудня до звездной ночи»

Таинственный трубач. *Перевод В. Левика* 401
Локомотив зимой. *Перевод И. Кашкина* 404
О Юг! О магнит! *Перевод Н. Банникова* 405
Бедность, страх, горечь уступок. *Перевод И. Кашкина* 406
Мысли. *Перевод И. Кашкина* 407
Испания, 1873—1874. *Перевод К. Чуковского* 407
На берегах широкого Потомака. *Перевод И. Кашкина* 408
Ясная полночь. *Перевод А. Старостина* 408

Из цикла «Песни расставаний»

Годы современности. *Перевод Б. Слуцкого* 408
Песнь на закате. *Перевод М. Алигер* 410
Мое завещание. *Перевод К. Чуковского* 411

Нет, это не книга, Камерадо (Из поэмы «Прощайте»). *Перевод К. Чуковского* 412

Из цикла «Дни семидесятилетия»

С мыса Монтаук. *Перевод И. Кашкина* 412
Тем, кто потерпел поражение. *Перевод А. Старостина* 413
Дряхлый, больной, я сижу и пишу. *Перевод К. Чуковского* . . . 413
Первый одуванчик. *Перевод К. Чуковского* 413
Когда кончается ослепительность дня. *Перевод К. Чуковского* 413
Из майских зрелищ. *Перевод А. Старостина* 414

Благостные дни в мирном раздумье. *Перевод И. Кашкина* . . . 414
Если бы мог я (Из стихотворения «Мысли на морском берегу») *Перевод С. Маршака* 414
Отлив; дневной свет меркнет (Из стихотворения «Мысли на морском берегу»). *Перевод А. Старостина* 415
О глухой, грубый голос мятежного моря! *Перевод И. Кашкина* 415
Твою звонкогорлую песнь. *Перевод Н. Банникова* 416
Йоннондио. *Перевод М. Алигер* 417
Истинные победители. *Перевод Н. Банникова* 417
Стариковское спасибо. *Перевод К. Чуковского* 418
Скоро будет побеждена зима. *Перевод А. Старостина* 418
Лучшие уроки. *Перевод К. Чуковского* 419
Сумерки. *Перевод А. Старостина* 419
Не только сухие сучья с невидимой жизнью. *Перевод А. Старостина* 419
Без мачт и парусов. *Перевод Н. Банникова* 419
После ужина и беседы. *Перевод Н. Банникова* 420

Из цикла «Прощай, мое Вдохновенье!»

Много, много времени спустя. *Перевод А. Старостина* . . . 420
Когда появился поэт в расцвете сил. *Перевод А. Старостина* 421
Осцеола. *Перевод К. Чуковского* 421
Смысл «Листьев травы». *Перевод А. Сергеева* 422
Прощай, мое Вдохновенье! *Перевод Н. Банникова* 422

Из цикла «Эхо минувших лет»

Нет, не говори мне сегодня о печатном позоре (Зима 1873 г., во время сессии конгресса). *Перевод И. Кашкина* 423

ЭМИЛИ ДИКИНСОН

СТИХОТВОРЕНИЯ

В переводах В. Марковой:

«Утром мягче холодок...» 427
«Запоздалого утра Солнце взошло...» 427
«Предчувствие — длинная Тень — косая...» 428
«Вот все — что я тебе принесла!..» 428
«Как странно — быть Столетьем!..» 428
«Конечен проигрыш — дерзанье бесконечно...» 428
«День! Здравствуй — День очередной!..» 429
«Сердце! Забудем оба...» 429
«Я все потеряла дважды...» 429
«На него возложите лавры...» 429
«Пусть я умру...» 430
«Чтоб свято чтить обычные дни...» 430
«Успех всего заманчивей...» 430
«Когда я слышу про побег...» 431
«Ликование Свободы...» 431
«Наша жизнь — Швейцария...» 431
«Сердце — полегче моего...» 432
«Полет их неудержим...» 432
«Новые ноги топчут мой сад...» 433

«Склонить — подчеркнуто — голову...» 433
«Победа приходит поздно...» 433
«В краю — где я не была никогда...» 434
«Подруга поэтов — Осень прошла...» 434
«Воде учит ссохшийся рот...» 434
«Как изменился каждый холм!..» 435
«Она терпела. Только жилы...» 435
«Дарят мне песни пчел...» 436
«Какой восторг!..» 436
«Если меня не застанет...» 437
«Вера — прекрасное изобретение...» 437
«Небеса не умеют хранить секрет...» 437
«Я узна́ю — зачем?..» 438
«Под легким флёром...» 438
«Мой — всегда!..» 438
«Я пью из жемчужных кружек...» 438
«Укрыта в Покоях из алебастра...» 439
«Она метет многоцветной метлой...» 439
«Вспыхнет золотом...» 440
«Держа в руке бесценный камень...» 440
«У света есть один наклон...» 440
«Милый — прочти — как другие...» 441
«Это Желтого моря заводи...» 441
«Друзей тенистых в знойный день...» 442
«Я — Никто...» 442
«Это — как Свет...» 442
«Одной мне не быть ни на миг...» 443
«Допустим — Земля коротка...» 443
«Душа изберет сама...» 444
«Он сеет — сквозь свинцовое сито...» 444
«Я знаю — как оно взошло...» 445
«Нас пленяет Стеклярус...» 445
«Ведь я просила хоть грош...» 446
«Я на пуантах танцевать...» 446
«После сильной боли ты словно в гостях...» 446
«Скажи идущим ко дну...» 447
«Бьет в меня каждый день...» 448
«Замшелая радость книжной души...» 448
«Я была на небе...» 448
«Дыба не сломит меня...» 449
«Так серафически нежны...» 449
«Летели — как Хлопья...» 450
«Сколько очарованья...» 450
«Ветер ко мне постучал...» 450
«Это — письмо мое Миру...» 451
«Он был Поэт...» 451
«Я принял смерть — чтоб жила Красота...» 452
«Триумфы бывают разных родов...» 452
«Дома́ — лоска и блеска...» 453
«Цивилизация гонит Леопарда...» 453
«Так жалости чужд...» 454
«Завидую во́лнам — несущим тебя...» 454
«Наш Мир — не завершенье...» 455
«Мне — написать картину?..» 456
«Я вызвала целый мир на бой...» 456

«Немногословных я страшусь...» 457
«Сочтем по порядку — во-первых — Поэт...» 457
«Радость радужней всего...» 457
«Я голодала — столько лет... 458
«Я для каждой мысли нашла слова...» 458
«Все будет прежним вкруг тебя...» 459
«Другого я не прошу...» 459
«Наш Мозг — пространнее Небес...» 459
«Я не могу быть с тобой...» 460
«Боль зияет пустотами...» 461
«Имя твое — Осень...» 462
«Мой дом зовется — Возможность...» 462
«Из всех рожденных в мире душ...» 462
«Природа — тебя мы видим...» 463
«Эссенцию выжимает пресс...» 463
«Я возделала мертвый грунт...» 464
«Говорят — Время смягчает...» 464
«Жизнь — и Смерть — и Гиганты...» 464
«Публикация постыдна...» 465
«Измениться! Сначала — Холмы...» 465
«О — Гусеницы мягкий шаг!...» 465
«Правдивейшая из Трагедий...» 466
«Оно упало в моих глазах...» 466
«Стояла Жизнь моя в углу...» 467
«Я Счастье получила в дар...» 467
«Горы растут неприметно...» 468
«Он бросался в бой — не щадя головы...» 468
«Истина — неколебима!..» 469
«Бог каждой птице дал ломоть...» 469
«Гигант в кругу пигмеев...» 470
«Этот тихий прах — джентльмены — леди...» 470
«Мы шлем Волну...» 470
«С налету стал трепать траву...» 471
«Малиновка моя...» 471
«Невозможность — словно вино...» 472
«Сомнение — «Я ли это»?..» 472
«Вскройте Жаворонка! Там Музыка скрыта...» 472
«Я ступала с доски на доску...» 473
«Вездесущее серебро...» 473
«Испытали наш горизонт...» 473
«Я слышу — шепчутся листы...» 473
«Шлем из чистого золота...» 474
«Если сердцу — хоть одному...» 474
«Это благородная Мысль...» 474
«Пурпур дважды бывает в моде...» 474
«Листья — словно сплетницы...» 475
«Видишь — белое время пришло...» 475
«Что предпочесть?..» 475
«Умирали *такие* люди...» 476
«Судьба сразила его — он стоит...» 476
«Природа скупа на Желтое...» 476
«Я не видела Вересковых полян...» 476
«Вчитался — чуть не упал...» 477
«Отомкни затворы — о Смерть...» 477
«Новый эксперимент...» 477

«Небо низменно — Туча жадна...» 478
«Революция — это стручок...» 478
«И кокон жмет — и дразнит цвет...» 478
«Запел сверчок...» 479
«Всю правду скажи — но скажи ее — вкось...» 479
«Всю ночь вязал Паук...» 479
«Кто — после сотни лет...» 480
«Расстояние не во власти лисиц...» 480
«Тучи уперлись — спина к спине...» 480
«Оранжевая вилка...» 481
«Мы любим отчаянный Рпск...» 481
«Мы не знаем — как высоки...» 481
«Надежда была — я робел...» 482
«У памяти есть Фасад...» 482
«Прошлое — нет существа странней...» 482
«Потеха в балагане...» 482
«Поучал: «Будь широк!»— Стало ясно...» 483
«Сердце толпы — это пушечный гром...» 483
«На страницу небрежно упали Слова...» 483
«Нет лучше Фрегата — чем Книга...» 484
«Паук — великий мастер...» 484
«Стоячая Радость — это пруд...» 484
«Не палица разбивает Сердце...» 484
«Что лучше — Луна или Полумесяц?..» 485
«В морщинках крылья...» 485
«Хмелеть весной — развеселясь...» 486
«Боюсь мой вдохновенный сон...» 486
«Оратор покидает...» 486
«Послышалось — будто бегут улицы...» 487
«Колодец полон тайны!..» 487
Колибри 488
«Друг с другом — друг о друге...» 488
«Мысль находит слова только раз...» 488
«Небо увидеть летом...» 489
«Дряхлеет понемногу враг...» 489
«Одуванчика бледная трубка...» 489
«Он жил в кольце засад...» 489
«Из всех темниц — как стая птиц...» 490
«Если неба не сыщем внизу...» 490
«Модель для Солнца одна...» 490
«Он пил и ел золотые слова...» 490
«Раздался Ветра трубный зык...» 491
«Птица прыгнула в седло...» 491
«Прости нас!» — молим мы...» 491
«Даже не вздрогнул счастливый Цветок...» 492
«Слава! Гибельный блеск!..» 492
«Западня — но сверху небо огня...» 492
«Дважды жизнь моя кончилась — раньше конца...» 493
«Сердцем моим горда — оно разбито тобою...» 493
«Главнейшие народы мира...» 493
«Как сдержанно таит в себе...» 494
«Из чего можно сделать прерию?..» 494
«Здесь лето замерло мое...» 494
«Печальнейший — сладчайший хор...» 494
«Голосов природы не счесть...» 495

В переводах Ивана Лихачева:

«Сражаться громко — славный путь...» 495
«Сколько лет она с ног сбивалась...» 496
«Входила в Дом Напротив Смерть...» 496
«Жужжала Муха надо мной...» 497
«Когда б вы Осенью пришли...» 497
«Что Сердцу? — Радость дай...» 498
«Я дома не была...» 498
«Спускался ниже — ниже — День...» 499
«Раз к Смерти я не шла — она...» 500
«Мы — вырастая из любви...» 500
«Вся Суета в дому...» 500
«В три тридцать одинокий свист...» 501
«По блеску его впалых глаз...» 501
«Две меры суткам есть...» 501
«Безумье Радости узнать...» 502
«Ненастигаемость того...» 502

Примечания *И. Бунина, А. Ващенко, В. Марковой* . . . 503

Иллюстрациям 506

На суперобложке:

Фрэнсис Гай. «Зимняя сцена в Бруклине» (фрагмент).
Джордж Кэтлин. «Индейская деревня».

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ВТОРАЯ
Том 119

Генри Лонгфелло
ПЕСНЬ О ГАЙАВАТЕ

Уолт Уитмен
СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Эмили Дикинсон
СТИХОТВОРЕНИЯ

*

Редактор А. Парин
Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технические редакторы
В. Кулагина
и Л. Титова
Корректоры
Д. Эткина
и Н. Шкарбанова

*

Сдано в набор 28/IV 1975 г. Подписано к печати 7/X 1975 г. Бумага типогр. № 1. Формат 60×84¹/₁₆. 33 печ. л. 30,78 усл. печ. л. 23,982 + 6 нак. = 24,593 уч.-изд. л. Тираж 303 000. Заказ 2850. Цена 1 р. 49 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28

Джордж Кэтлин. Индейский вождь Ма-та-то-па (Четыре-Медведя).

Чарльз Берд Кинг. Три индейских вождя.

Карл Бодмер. Танец бизонов в индейском племени.

Райские птицы. Покрывало для невесты (народная вышивка, 1858—1863). Штат Нью-Йорк.

Чарльз Уилсон Пил. Эксгумация мастодонта.

Уильям Сидни Маунт. Ловля угрей.

Джон Беннетт. Дорожное происшествие (акватинта с картины Джорджа Харви).

Эшер Браун Дьюранд. Единение душ.

Мартин Джонсон Хид. Приближение бури. Побережье близ Ньюпорта (фрагмент).

Фредерик Эдвин Черч. Сезон дождей в тропиках.

Эдвард Хикс. Мирное царство.